

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОЛОККИЕ ЗОРН

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1

2023

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ПЕЧАТНЫЙ ОРГАН ТУЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ВЫХОДИТ
ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД
ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЖУРНАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2023 — 1(68)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА

Свой путь, или не все идут в ногу? (К вопросу об истоках русофобии)..... 3

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ОЧЕРК, ПЬЕСА

Олеся Янгол. Архитектура рая (главы из романа)..... 20

Борис Григорьев. Шпицберген, блин! (Арктическая фантазмагория)..... 34

Владимир Шалимов. Карибский кризис (очерк)..... 52

Рагим Мусаев. Мосин: трехлинейный роман (сцены из жизни тульского оружейника по мотивам реальных событий)..... 67

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Евгений Асташкин. Смешной..... 82

Михаил Смирнов. Последняя осень..... 97

Игорь Карлов. Арабески (главы из повести)..... 105

Николай Макаров. Томск (из цикла «Воспоминания батальонного врача»)..... 112

Александр Мальцев. Яства детства..... 127

Алексей Яшин. Из цикла новелл «Болдинское межсезонье»..... 135

Светлана Чернышева. Так мы с Вовкой решили..... 153

Лидия Довыденко. Август 2022-го (рассказ)..... 158

Валерий Неудахин. Радуга над Чуйским трактом..... 163

Инна Часевич. Как Серега побывал огнеборцем..... 169

Вячеслав Лямкин. Степа-перекуп..... 174

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Владимир Шугля. Звезд колдовство..... 180

Анатолий Ливри. Нобелевская премия..... 183

Валерий Демидов. Февраль..... 185

Владимир Хохлев. Когда встречаются вселенные..... 191

Сергей Миронов. «Когда над бумагой кружится постель...»..... 196

Федор Тогузов. Я уйду снова в желтую осень..... 198

Яков Шафран. Цикл стихов «ZOV»..... 203

Владислав Бусов. Сонет о первом снеге..... 214

Олег Пантюхин. Северная столица..... 216

Надежда Григорьева. Невстреченные..... 217

Лариса Дегтярева. Пыль дорог.....	219
Наталья Шмелева. Путь.....	221
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Валерий Румянцев. Главный враг современной русской литературы.....	223
Евгений Трещев. «А настоящее — не с нами: свеча над вечностью горит» (к выходу книги Валерия Кулешова «Зов ветра»).....	227
Людмила Воробьева. Сага вне времени и пространства: по страницам книги Алексея Яшина «Жизнь как сон».....	231
Юрий Сычевский. «Пусть от удачи вам будет больше сдачи! (Эксклюзивное интервью с интересным человеком)».....	239
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ».....	252
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	257

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Ответственность за опубликованные материалы несут авторы. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — astashkin_55@mail.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 922; e-mail и телефон: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Литературный шеф-редактор Алексей ЯШИН, член Правления АРЛ
Ответственный редактор-секретарь Яков ШАФРАН
Ответственный оргредактор Николай ЖУКОВ, председатель ТО СПР
Руководитель творческого совета журнала Геннадий МАРКИН

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
Евгений АСТАШКИН (Омск) — зав. отделом прозы
Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
Людмила ВОРОБЬЕВА (Минск, Белоруссия)
Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) — председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
Игорь КАРЛОВ (Стамбул, Турция) — зав. отделом международных связей
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
Николай МАКАРОВ (Тула)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
Валерий САВОСТЬЯНОВ (Тула)
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Сергей СЕНИН (Тула)
Евгений СКОБЛОВ (Москва) — первый зам. председателя Правления АРЛ
Валентин СОРОКИН (Москва)
Николай ТИМОХИН (Семипалатинск, Казахстан) — зав. отделом поэзии
Вадимир ТРУСОВ (Мончегорск) — зав. отделом критики и литературоведения
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — Почетный президент АРЛ

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

— журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)
— журнал «Истоки» (Красноярский край)
— журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
— журнал «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия)
— журнал «Западная Двина» (Минск, Белоруссия)
— альманах «Московский Парнас»
— газета «День литературы» (Москва)
— поэтическое издательство «Образ» (Москва)

Журнал издается Тульским отделением Союза писателей России при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы (АРЛ) и Тульского государственного университета.

Полные тексты журнала и его альманаха «Ковчег» публикуются на сайтах Интернета (в PDF-формате):
<http://www.pz.tula.ru>
<http://www.tro-spr.ru>
Портал «Журнальный зал»:
<https://magazines.gorky.media/page/portal-zhz>

Согласно постановлению Правления СПР, публикации в «Приокских зорях» засчитываются при приеме в СПР.

КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА

СВОЙ ПУТЬ, ИЛИ НЕ ВСЕ ИДУТ В НОГУ? К вопросу об истоках русофобии

... Можно позволить себе сказать про Россию странную вещь, что она есть нация из всех славянских наций самая не славянская и в то же время самая славянская (выд. К. Н. Леонтьевым.— А.Я.). Она самая не славянская, потому что по истории своей, по составу (быть может, и по крови), по психическому и умственному строю она от всех других славян очень отлична. Она же, с другой стороны, самая славянская из всех... потому, что только у нее и существует уже, и зарождается, и может, утверждаясь, развиваться дальше — многое такое, что не свойственно было до сих пор ни европейцам, ни азиатам, ни Западу, ни Востоку.

Константин Леонтьев. «Письма о восточных делах»

◆ Мы намеренно заменили в эпиграфе многоточием, то есть пропустили, слова Леонтьева *«Не потому только, что она призвана стать политически во главе (выд. К. Н. Леонтьевым.— А.Я.) славян»*. Ибо это было неверным как во времена Леонтьева (1831—1891, даты его жизни), так тем более сейчас. Даже в советскую эпоху, когда все славянские народы мира в рамках их государственности, даже кашубы и лужичане на территории ГДР, входили в созданный и возглавляемый СССР социалистический блок стран. Ибо сложность отношений с Югославией, прямые антисоветские выступления в Чехословакии и Польше, а тем более мгновенный распад этого блока на рубеже 80—90-х годов, наглядно показывают определенную искусственность, основанную на праве победителя в Третьей мировой войне, но никак не историческую органичность такого «политического главенства»... Безусловно прав был Д. С. Мережковский: *«Леонтьев — глубокий мыслитель и никуда не годный политик»* (в очерке «Страшное дитя»).

Таким образом, в определении таким провидцем, каким был Константин Леонтьев — страшным дитем по Д. С. Мережковскому, самым «неудобным» (для всех!) русским мыслителем, и себя называвшим «реакционным консерватором», — пресловутой русскости, своего пути и пр. остается эта самая загадочная «неславянская славянскость», с ходу не прочитываемая, требующая напряжения мысли для осознания. Это ведь не сугубая конкретность Фридриха Энгельса (или Маркса?.. нет, вроде как Энгельса), определившего с немецкой понятийной дотошностью сущность современного ему чешского этноса: славянские немцы. И даже столь же осознанно понимаемая религиозная причина разобщенности славянских народов, навроде разделения единого южнославянского этноса на православных сербов, католиков-хорватов и принявших мусульманство боснийцев. Во всем остальном, кроме верований, это единый по крови и языку* народ. Но как же это религиозное разъединение изменило их характеры,

языку* народ. Но как же это религиозное разъединение изменило их характеры, душу, социальную специфику? — Трагическая история распада, вернее — разрушения Югославии, превращения некогда сильной, самодостаточной страны СФРЮ (одна из восьми стран мира, строившая подводные лодки!) в лимитрофные удельные княжества, еще не потускнела в памяти нынешних среднестарших поколений, не говоря уже о старших. То есть можно дать прямой ответ на стихотворный вопрос Ф. И. Тютчева:

*Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море.
И роищет мыслящий тростник?*

Мыслящий тростник — этот образ взят Тютчевым у Паскаля (слаб как тростник, но мыслит!). В этой строфе Федор Иванович подразумевает разлад и противоречие человеческого сознания и стихийности бессознательной природы. Но ведь и социальная эволюция, при всей ее априорности диалектике Гегеля и движению Истории по Фейербаху, для мышления конкретного человека и в период его разумной жизни воспринимается неожиданной-негаданной стихийностью? Завтрашний ответ на сегодняшний вопрос для него не предугадан.

Другое дело, когда рассуждаем, условно повернув стрелу времени (И. Пригожина) вспять, о делах прошедших, пробуя отыскать корни и движущую силу того же своего пути России, расшифровать эвфемизм *русскости* и леонтьевской *неславянской славянскости*. Размышляя о прошлом в Истории, непременно отыскиваем своего рода «временные реперы», то есть характерные отметины прошедшего. Так и в ретроспективном взгляде на русское прошлое, прошедшее тысячелетие с гаком, где гак можно и в ограниченное число лет оценить, исходя от фактологии памятника в Новгороде Великом, но и лишку поболее прихватить.

Для нашей истории русскости и своего пути эти временные реперы следующие: «щит на вратах Цареграда»; растянувшийся на сто лет, от Куликовской битвы до Стояния на Угре (войск хана Ахмета и Ивана III), знаковый период создания государства Московской Руси; создание Московского царства Иваном IV; «Москва есть Третий Рим, а четвертому не бывать» — апофеоз царствования Алексея Михайловича (Тишайшего); Отечественная война 1812-го года с его «народной дубиной» («Война и мир»); тост Сталина на приеме советских военачальников в 1945 году о русском народе. Повторимся: отмечены именно реперы русскости, а не социально-политические, военные и пр. даты. Тем более, что некоторые из последних прямо подпадают под определение Н. С. Лескова из «Запечатленного ангела», а именно: «— Ну, а у нас,— говорю,— верно, другое образование, и с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы все казалось обновленное, как будто и весь род русский только вчера наседка под крапивою вывела».

Итак, завершая внешне несколько сумбурное (что, собственно, также является художественным приемом, поскольку здесь пишется литературно-публицистический очерк...) введение, оговоримся: это не *summa summarum* воззрений «на русскость» того же Леонтьева, Д. С. Мережковского, В. В. Розанова, Г. П. Данилевского, даже столь близких нам Н. С. Лескова и Ф. М. Достоевского. При всем почтении к славянофилам, особенно А. С. Хомякову, Ю. Ф. Самарину, братьям Киреевским и братьям же Аксаковым (Хомяков и Киреевские вовсе тульские земляки), в наше время их акценты на существо вопроса существенно смещены...

Конечно, человеку свойственно стремление если не всю Америку, то хоть часть

* Тот факт, что во времена Югославии Иосипа Броз Тито (кстати, хорвата) находились в Сербии сербско-хорватский, а в Хорватии хорватско-сербский языки, отличавшиеся лишь алфавитами, кириллицей и латиницей, соответственно, есть сугубо политический момент...

ее, например, какой-нибудь крошечный штат на атлантическом побережье «открыть». Но всегда следует держать под контролем девятый вал исторического фантазирования, особенно, если пишешь на столь неоднозначно определенную тему. Все же не удержимся и приведем еще два базовых определения Константина Леонтьева (*op.cit*):

<а> «Назначение России еще и потому не может быть односторонне славянским, что сама Россия давно уже не чисто славянская держава. Азиатские, подвластные Короне русской, провинции, обширны, многозначительны по местоположению и весьма характерны по идеям своим, и при каждом политическом движении своем Россия должна неизбежно брать в расчет настроение и выгоды этих драгоценных своих окраин» (увы, окраин этих мы лишились...).

<б> «В самом характере русского народа есть очень сильные и важные черты, которые гораздо больше напоминают турок, татар и др. азиатцев или даже в *о* в *с*е *н* *и* *к* *о* *г* *о* (выд. нами.— А.Я.), чем южных и западных славян. В нас больше лени, больше фатализма, гораздо больше покорности властям, больше распущенности, добродушия, безумной отваги, непостоянства, несравненно больше (выд. К. Н. Леонтьевым.— А.Я.) склонности к религиозному мистицизму (даже к творчеству религиозному, к разным еретическим выдумкам), чем у сербов, болгар, чехов и хорватов».

Итак, к неславянской славянскости...

♦ Русофобия — это не антитеза русскости. Акцент на таком утверждении ставим по той причине, что именно сейчас, в связи с известными событиями, наблюдаем крупнейшее в истории России ее противостояние с Западом, то есть всей Европой (кроме Европейской части России) плюс Соединенные Штаты с их сателлитами в остальных частях света. Крупнейшее — ибо и ранее противостояние России с Западом имели место быть неоднократно.

Самое раннее, но и наиболее длительное, в несколько веков, перманентно меняющееся идеологические, политические и военные фазы, противостояние — это натиск католицизма на Русь — Россию, как оплот православия: «Первый Рим против Третьего», говоря образно, иносказательно. Именно это противостояние с религиозным базисом, с одной стороны, выявило понятие русскости в ее ассоциации с ортодоксальным (в западных языках православие именуется как *ortodox*), византийского корня православием. Но собственно понятие русофобии тогда не существовало, ибо в религиозном натиске Запада борьба шла не за «тело», то есть национальность, а за «душу» - вероисповедание. Во всяком случае такой девиз осенял хоругви крестоносцев и других легатов папства — объединенного католического (до Лютера и Кальвина) Запада.

После превращения Улуса Джучиева, как именовалась Древняя Русь в составе Золотой Орды, в Великое княжество московское, далее в Русское царство, сколь-либо выраженного противостояния объединенного Запада и России не было. Да и сам Запад в эти столетия вошел в эпоху внутренних раздоров. А если и шла бесконечная война с поляками, то это, говоря словами Пушкина, был «старый спор славян между собою»: верного росса и кичливого ляха («Клеветникам России»). Того же рода и источника ливонские войны — за обретение древних своих балтийских земель. Наконец, при втором Романове с его концепцией Третьего Рима Россия и вовсе отъединилась от Запада, замкнувшись в своих пределах, благо там было чем заняться. Самодостаточность, автаркия — вот великий антиглобалистский, как бы сейчас сказали, пример существования России без Запада, что оставил нам в назидательную память царь Алексей Михайлович. Соответственно православная русскость возобладали как понятие государственное, неотъемлемое от социумного устройства России. Именно тогда само понятие национальности, то есть русскости, проассоциировалось с религиозной принадлежностью: русский ≡ православный. Все иные в царстве име-

новались, впрочем уважительно, *инославными*, без какого-либо акцента на национальную принадлежность. То же самое объединяющее: на Западе — все немцы, за Волгой все наши подданные — татары, а «на Москве» крещеные татары.

Понятия же русофобии в период XV—XVIII веков *не существовало* по определению (см. выше). Когда у каждого народа свой бог (религия с ее моралью и нравственностью), то он также если и не уважает, но понимает необходимость самостности любого народа — со своим богом. Это прекрасно выразил Ф. М. Достоевский словами «антиглобалиста» Шатова из «Бесов»: *«Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особливее его бог. Никогда не было еще народа без религии, то есть без понятия о зле и добре»*.

...Обычные упрёки в адрес Петра Первого: провозвестник интернационализма-глобализма для России, разрушитель благолепного «Третьего Рима» своего отца, обезглавил Русскую православную церковь заменой патриарха синодальной канцелярией и пр. и пр.— малосостоятельны в плане историческом, социально-эволюционном. Если его современник, французский король Людовик XIV утверждал, что «государство — это я», а последующий Людовик «под номером XV» и вовсе заявил, что *apres moi le déluge* (после меня хоть потоп), то все действия Петра Первого сугубо по своему содержанию и целям национальны. Хотя бы сам он носил голландский кафтан, дворянам велел сбрить бороды, на ассамблеях пить немерено водку и курить табак. Какая там русофобия?

И весь последующий восемнадцатый «век императриц» как-то без особых противостояний прошел. Конечно, войны постоянно имели место быть, но так, почти «домашние» (по определению Достоевского; см. далее): извечные с турками, победоносная — при Елизавете — с Пруссией. Однако в последней трети XVIII века прозвучали два тревожных звоночка — в дальнем предвидении явления европейской русофобии. Первый — отзвук активного участия России в разделе Польши. Тем самым, от многовекового, давнего «спора славян между собою», то есть противостояния *без ненависти*, Екатериной, царицей по-немецки осмотрительной и дальновидной, был совершен опрометчивый переход к локальной предрусофобии, то есть к зарождению генотипической *ненависти* поляков к России: именно к России, но пока еще не к русским... Последнюю ввел в «обиход» поляков Юзеф Пилсудский.

Более тревожным явился другой «звонок»: втягивание России, в таком масштабе впервые в ее истории, во *всеевропейское* военно-политическое противостояние, то есть в активное участие в наполеоновских войнах, начиная с кампании 1799 (блестящий анализ ее военной части дан Клаузевицем, офицером попеременно прусской и русской службы, в работе «1799 год»). В отличии от предыдущих «домашних» войн, отныне Россия становится пушечным мясом Европы, на которую «цивилизованные» европейцы возлагают бранные тяготы и ответную ненависть — источник грядущей русофобии — народов, которые Европа руками России решила усмерять.

Как говорится, «классика жанра» — решения такой двуединой задачи была апробована в оконечных наполеоновских войнах 1812—1815 годов, продолжена в разгроме европейских революций и восстаний 1848 года, а апофеоз — Первая мировая (империалистическая) война. В 1813 году, после полного изгнания Наполеона из России (армия частью полегла в землю, остальные были разобраны провинциальными помещиками в повара, учителя и скоморохи), мудрейший Михайло Илларионович советовал Александру Первому остановиться: более корсиканец к нам не полезет, а будет до скончания (своего) веку биться с англичанами и австрияками. Но очень уж захотелось «властителю слабому и лукавому» въехать на белом коне в Париж, как Цезарь въезжал в этот же город, только с другим названием: Лютеция.

Прямое (одно из многих, пагубных для России) следствие такого триумфа на ко-

не — официальное закрепление на Венском конгрессе, *праобразе* (именно *пра!*) некоей *ЕвроООН*, за Россией обязанности *жандарма Европы*. И если вхождение русской армии в Париж не то что не вызвало ненависти к русским, но в чем-то даже восхитило французов, то вот разгром в 1848 году по наущению Австрии восставшей Венгрии — это обретение если не вечного, как Польша, но все же многолетнего врага (обе мировые войны XX века — отголосок такой враждебности). Вспомните, как старуха Изергиль у молодого еще (1895 год) Горького упрекает русского собеседника, зачем вы мадьяров-то жестоко так побили? То есть, спустя полвека, даже цыганка таборная помнит о несправедливости русских, то как же это в памяти венгров отложилось!

В Первую мировую войну Россию уже просто заставили выступить пушечным мясом Антанты, заплатив французскими займами банкира Ротшильда. Однако сам сценарий втягивания был разработан до мелочей ситуаций: русско-японская война, революция 1905-го года, финансовые вливания в русскую военную промышленность, либерализация (конституирование? — термин с намеком...) самодержавия и пр. и пр.— все было просчитано, учтено, санкционировано и спровоцировано. А кем все было так тщательно подготовлено?

♦ Уже с конца XVIII века выступает и главная организующая антироссийская сила: *англичанка подгадила* — обязательно остановится взгляд на этих словах при чтении русской классики второй половины XIX века. Как и другие устойчивые (смысловые) словосочетания, например, «бостонское чаепитие», «буря в викторианской чашке чая» (пожалуй, чай — единственное, что объединяет Россию с Англией...), они во многом определяли политику Британии в отношении России, временами агрессивно активную. Во всяком случае, смерть трех русских императоров, Павла Первого и обоих Николаев,— прямое дело рук, в смысле указаний, *англичанки*. Кратко напомним общеизвестное. Павел принял наивыгоднейшее для России решение вместе с Наполеоном изолировать Англию от европейской политики, экономики и пр., демонстративно направив в сторону Индии экспедиционный корпус из двадцати казачьих полков. Приговор *англичанки* не заставил себя ждать. Более того, убийство Павла I было обставлено с косвенным участием его сына Александра Павловича, что дало возможность английской политике «держатъ кукиш за пазухой» в отношении Александра Первого: отцеубийство — смертный грех, тем самым влияя на курс политики России...

Свержение последнего русского царя, за которым последовал и расстрел императорской семьи, что, конечно, само собой подразумевалось (*англичанка* все делает чужими руками!), имело основанием удержать союзника на фронтах предотвращением в России революции... вышло все наоборот: один из немногих в истории Англии крупных политических провалов. Что ж, и на старуху (здесь не королевы Виктория и Елизавета Вторая имеются в виду...) бывает проруха.

А вот явно преждевременная кончина Николая I, «рыцаря самодержавия», как следствие ответственности за позор Крымской войны, знаковый момент: впервые Англия в столь явной форме, неприкрыто и с целеуказанием на будущее выступила в качестве организатора *праНАТО* с обозначением главного врага Европы: России. Тогдашняя объединенная Европа в лице Англии, Франции, Турции и Сардинского королевства* образцово-показательно наказала Россию за ее попытку ущемить британские интересы: русский флот на Черном море правильно понимался европейцами как оперативно действующий в Средиземном море. Разумеется и Турция здесь имела

* Замечено, что народ посмеивается, когда узнает, что Сардинское королевство участвовало в Крымской войне; дескать, моська к европейским слонам пристала... Но ведь это только название? Остров Сардиния всего лишь составная часть Сардинского королевства — другое название Пьемонт, то есть это область на северо-западе Италии с центром Турином — основа будущей объединенной Италии. Резюме: Италия де-факто против России тогда воевала.

вроде как даже больший интерес... но в XIX веке, во второй его половине, с этими интересами «большого человека Европы» особенно никто не считался. Главное — *англичанку* обидела Российская империя. Отсюда, «в поддержку» южного фронта войны с Россией, и демонстративные обстрелы с угрозами высадки десантов с кораблей английских эскадр на остальных трех «румбах»: Кронштадт на западе, беломорские Соловецкие острова и мурманская Кола (полностью разрушена и сожжена; в том числе уникальный деревянный 19-главый Воскресенский собор XVII века) на севере и дальневосточный Петропавловск Камчатский. Почти глобально *англичанка* подошла к наказанию России!

Что уж здесь говорить о двадцатом веке и вплоть до нынешних дней? — Все ясно, разобрано по деталям, а сейчас и вовсе на глазах наших; но об этом дальше будет сказано.

Теперь от исторических иллюстраций перейдем к обоснованию выдвинутого выше определения: *руссофобия* — это не антитеза русскости, предпослав ему два главных вывода в части агрессивной устремленности Европы в отношении России (при великих князьях, царях, императорах, генсеках и президентах — все едино), сделанных... величайшим провидцем Ф. М. Достоевским. Не в бровь, но в глаз!

<в> «И вообще мы так поставлены нашей европейской судьбой, что нам никак нельзя побеждать в Европе, если б даже мы и могли победить: в высшей степени невыгодно и опасно. Так, разве какие-нибудь частные, так сказать, домашние победы нам они еще могут «простить», — завоевание Кавказа например» («Дневник писателя» за 1876 год).

<г> «Не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!» («Дневник писателя» за 1877 год).

И еще уточним семантику слова «руссофобия». Собственно *фобия* (от греч. *phobos* — страх, боязнь) суть вторая часть сложных слов, имеющих значения нетерпимости или боязни. В части семантики использование слова «руссофобия» следует различать в зависимости от стороны использования:

— на Западе это сочетание: нетерпимость + боязнь, причем нетерпимость в смысле неприятия;

— в России полагается, что термин «руссофобия» используется на Западе в контексте: боязнь + равнодушие к России, а собственно равнодушие Запада это есть несколько гуманизованная форма понятия *untermensch* (от Ницше до Геббельса).

...Так полагают *они* и так думаем *мы*. Среди знаковых персонажей произведений Ф. М. Достоевского значится и такой, что сродни нашей нынешней пятой (лучше сказать — шестой) идеологической колонне. Федор Михайлович так его определил («Подросток»): «Он, вследствие весьма обыкновенного факта, пришел к весьма необыкновенному заключению, которым всех удивил. Он вывел, что русский народ есть народ второстепенный... которому предназначено послужить лишь материалом для более благородного племени, а не иметь своей самостоятельной роли в судьбах человечества».

Таковы три трактовки руссофобии: западная, наша в рефлексии воспринимаемого нами Запада и, так сказать, отечественная ренегатская — идеологической пятой-шестой колонны. То есть понятие руссофобии является эвфемизмом в широком, неоднозначном трактовании. В то же время это не субъективность, но объективный подход с позиций противостоящих сторон.

С позиции эволюционной эпистемологии (*επιστήμη* — знание, то есть теории познания), то есть философского учения, наиболее адекватно описывающего сущность социальной эволюции (К. Р. Поппер и др. — с опорой на диалектику метафизики И. Канта...), источник руссофобии, трактуемой в контексте противостояния Россия —

Запад (Европа + внеевропейский англосаксонский, правильнее — англоязычный, мир), объясняется разделением ветвей социальной эволюции. Это как в биоэволюции живой мир Земли, пройдя начальный путь предживых вирусов, на этапе одноклеточных разделился на две ветви: фауну и флору. Поскольку же природа экономна в части используемых ходов (принцип эволюционной экономии), то, аналогично общей биоэволюции, и ее составляющая — эволюция <человека> претерпела такое же разделение: западная и евразийско-русская цивилизации. Первым такое разделение обозначил выдающийся социальный философ современности А. А. Зиновьев.

♦ Обобщенно западную ветвь социальной эволюции можно характеризовать как индивидуалистическую частнособственническую, а евразийско-русскую как общинно-социалистическую. Как любой другой эволюционный процесс, такое разделение имеет отправной точкой само начало социальной эволюции, относимое к возникновению цивилизации и культуры, каковая эпоха насчитывает порядка десяти тысяч лет. Возрастная по замедленному эволюционному закону, эволюционный процесс в апофеозе переходит в резко возрастающую гиперболу: эффект мгновенного сжатия исторического времени. Таким апофеозом в разделении путей социальной эволюции явился XX век с образованием СССР, а далее мировой системы социализма. Тот факт, что СССР потерпел поражение в Третьей («холодной», информационной и пр.) мировой войне говорит только о том, что это был пробный, опережающий ход социальной эволюции. Ведь и европейский капитализм не сразу одолел феодализм? — метод возвратно-поступательных ходов.

В более распространенной терминологии западная ветвь суть «золотой миллиард», а евразийско-русская ветвь есть форпост всего остального мира: хотя бы (сейчас) и в форме ориентира в *протесте* против западной капиталократии.

Опять же исходим из фундаментального принципа эволюционной экономии <номенклатуры ходов>*: если разделение живого мира имело <эволюционной> целью создание в рамках его ареала пищевой пирамиды: фауна кормится флорой, а последняя субстанциями неживой природы, да еще создает и поддерживает окислительную атмосферу, то разделение ветвей в социальной эволюции лучше Ф. М. Достоевского еще никто не определил: *«Он предлагает, в виде конечного разрешения вопроса — разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятими. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя впрочем, и будут работать»* (изложение в «Бесах» сути трактата Шигалева; отсюда и термин «шигалевщина» в русской социально-политической публицистике).

Итак: по вполне обусловленной аналогии с разделением в биоэволюции живого мира на пищевую пирамиду: «фауна питается флорой», в социальной эволюции <человека> разделение на «золотой миллиард» и весь остальной мир («девять десятых») также подразумевает существование первого трудами второго. Это азы современной политэкономии, идущие от «Капитала».

Во главе «золотого миллиарда» — по мере его вычленения — стояла Англия, а ныне порожденная ею Америка, а в совокупности — англоязычный мир. Такое главенство есть не случайный выбор Истории (кому масть выпадет...), но обусловлен островным положением Британии и удаленностью от Старого Света Америки, США. — Отсюда и атлантическая цивилизация ≡ «золотой миллиард» вкупе с Западной Европой. То есть, с одной стороны, выбор Истории не случаен; с другой — ведь в эпоху великого переселения народов на Британские острова могли попасть не обязательно кельтские племена уэльшей, скоттов, предков ирландцев? А в средние века

* Это как Резерфорд предположил планетарную модель атома, исходя из строения Вселенной...

дополнить их могли не германские саксы, а, допустим, латинизированные франки и вестготы?

Вывод: главенство в «золотом миллиарде» атлантической англоязычной цивилизации есть в большей степени историческое влияние геополитического и экономического факторов, а в меньшей — этнического, национального. Хотя именно сочетание этих факторов создало атлантическую цивилизацию с перерождением в нынешний «золотой миллиард».

Точно также можно ответить, объясняя нашу посылку: *руссофобия* — это не *антитеза русскости*. Континентальное, евразийское положение России (к середине XIX века 1/6 (+ Польша, Финляндия, Аляска) часть земной суши!) в ее тесном географическом, геополитическом, отчасти экономическом соседстве с Европой, традиционная общинность, внутреннее неприятие либерализма и демократии европейского образца, а главное — опережающий (пробный) ход социальной эволюции в форме создания строя советского социализма и организации ею мировой социалистической системы — все это в совокупности и сделало Россию в ее исторической преемственности идеологическим, этическим (не этническим!) и пр. форпостом противостояния «золотому миллиарду» мира: явно, как во времена СССР; неявно-подспудно, как в исторические времена; особая ситуация суть нынешняя, в эпоху решительного натиска глобализма, но — об этом ниже отдельно скажем.

Вывод: руссофобия в ее «взглядах с различных сторон» в меньшей степени обусловлена неким «особым путем» России, спецификой «загадочного русского характера» и пр. стереотипы, но в большей — сочетанием геополитических, сугубо географических, отчасти экономических факторов, поставивших «игрой Истории» Россию, опять же историческую, форпостом натиску «золотого миллиарда». То есть, не особенности «своего пути», но скорее: не все идут по команде социальной эволюции в ногу. Итак, руссофобия — это эвфемизм, замещающий многофакторный анализ истинного *status quo*.

А если бы русское племя не вытеснило (и не ассимилировало) мордву с ее исторической территории — Восточно-Европейской равнины, а Россия возникла бы на этнической базе этой угро-финской ветви? Благо, что и название столицы изменять бы не пришлось: Москва — болото на мокшанском языке (мордва разделена на два племени: мокша и эрзя). Что бы изменилось в мировой геополитике? Да и адмирал Федор Федорович Ушаков вроде как мордвинком был... Громил бы так же турецкий флот!

Итак, дадим определение русского и русскости.

♦ *Русский и русскость* никак нельзя однозначно ассоциировать с понятиями *национальности* и чем-то выраженной *этносоциальности*. Как уже указывалось выше, эвфемизм русскости близок по смыслу леонтьевской неславянской славянскости. Но сначала определимся с «национальным вопросом». В цитате <a> читаем: «сама Россия давно уже не чисто славянская держава». Но это в отношении многонациональности; вспомним недавние привычные определения: сто народов, сто языков, объединенных исторически, государственно, этнокультурно; скреплены русским языком, как средством межнационального общения и так далее... что дает право и основание считать советский народ новой формой единой общности — нации. Правда, в «оригинале» использовалась идеологически выверенная лексика, но по сути — вернейшее определение сложившегося русского этноса, широко понимаемого. Именно поэтому современный западный империализм-глобализм активно разрушает главную связку русского этноса — русский язык; но об этом опять же ниже и отдельно будет сказано.

Что же касается собственно русской национальности, то это момент скорее риторический, в лучшем случае — исторический, актуальный в отнесении ко времени становления Великой России, то есть формирования Московской Руси в XIII—XVI вв., ибо чисто национальный источник здесь не является определяющим; да не прогнев-

лются славянофилы и демонстративные русские патриоты! Сам автор этого очерка условно чистокровный русак; как говорится, «анкета чиста» более чем в семи поколениях вспять. Мать из потомственных архангельских поморов рода онежских Третьяковых, а туда даже вездесущие татары с начальниками-монголами не заходили... Отец же из калужских староверов-поповцев (Белокриницкого толка; см. у Мельникова-Печерского в «Очерках поповщины»), а это наиболее сохранившийся русский этнотип: жену брать из соседней деревни и только «веры древлего благочестия»...

Такая «чистокровность» и позволяет, не почесывая в сомнении затылок, давать объективную ретроспекцию в анализе русской национальности.

...Вроде как маркизу де Кюстину, попутешествовавшему по России и написавшему злбно-русофобскую книгу о ней, принадлежат слова: «*Grattez le russe et vous verrez le tartare*» — «Поскребите русского, и вы увидите татарина» (фр.). Но такое отождествление не выдерживает никакой критики и антиисторично. ... Сейчас в этнографии пик моды на выявление этногенов, так называемых *гаплогрупп*. Согласно подобным исследованиям (верить им? — дело на любителя...), современное русское население России характеризуется сочетанием гаплогрупп *R1a1* (48 %) и *I* (22 %), то есть общей исходной индоевропейской и славянской — частной. Оставшиеся проценты (30 %) могут быть с определенной уверенностью отнесены к вариациям *N*-гаплогруппы, то есть монголоидной.

Так вот они *наши* татары! — воскликнет любознательный неофит, но тут же и поостынет, узнав: в *N*-группу входят и финно-угорские народы (от 58 до 77 % *N*-признаков). А у татар тоже далеко не 100 % монголоидных признаков, равно как и у всех тюркско-алтайских народов.

Так от кого русские переняли эти 30 % *N*-признаков? — от ордынских набегов XII—XV веков, либо же от финно-угорцев (с акцентом на первом слове, ибо угорская ветвь, то есть коми-пермяки, ханты, манси и ушедшие в Европу мадьяры-венгры далековаты...), от той же мордвы, на территории которой и возникла Московская Русь? Кто даст ответ... А он очевиден безо всяких изысканий в пыльных архивах.

Этнос, то есть народ, племя, род и пр., приобретает устойчивые этногены другого этноса иной гаплогруппы *только* при длительном, более трех-четырёх поколений, как минимум, совместном проживании, то есть в результате одного из видов ассимиляции: привносимой, отдаваемой, равнозначной (полагаем, термины понятны). Но у русского населения XII—XV веков той части Среднерусской равнины, которая считалась территорией Улуса Джучиева, на которую распространялась ордынская юрисдикция: налоговая (дань) и военно-политическая, как, например, участие в битвах Александра Невского с Тевтонским орденом и шведами союзной монголо-татарской конницы. То есть фактора совместного проживания не было, что *исключает ассимиляцию*.

Локальные же факторы крайне ограниченной привносимой (см. выше) ассимиляции никакой роли не играют. Приведем пару примеров для очевидности такого утверждения.

(1) Когда известный советский антрополог М. М. Герасимов, используя свой метод реконструкции мягких частей лица по черепу (в современных компьютерных программах это занимает секунды времени), воссоздал облик Ивана Грозного, то в нем увидели явно проступающие монголоидные, тюркские черты. И это не удивительно: не народ, но высшие сословия Московской Руси взаимоассимилировались с таким же ордынским сословием. Во-первых, это династические браки внутри единого государственного устройства Золотой Орды, в которую на правах автономии входил <русский> Улус Джучиев; во-вторых и в главных, начиная со второй половины XIV века и захирения Орды, а также хитромудрой политики московских государей, дальновидные по-азиатски татарские знатные люди все активнее стали переходить под руку московских великих князей. Согласно своим ордынским званиям, они на

Москве получали равнозначные боярские. Опять же Москва охотно раздавала им земельные владения — в основном за счет извечно недружелюбной Рязани... Нынешние города Касимов и Кадом тому напоминание.

Чего далеко ходить в мыслях? — возьмите любую книгу в части русской истории, а впрочем достаточно и романа из классики XIX века, приглядитесь к фамилиям родовитых дворянских персонажей: если не половина, то уж треть точно имеют ордынские корни... Юсуповы, Ардашевы, Курбские, Карамзины и пр. Даже два царя на Руси были татарского происхождения: настоящий — Борис Годунов, и ВРИО Ивана Грозного — царевич Симеон Бекбулатович. Но — и опять же! — такая локальная ассимиляция «погоды» не делала.

(2) ...Когда в конце 60-х годов наша семья переехала из Заполярья в Тулу, то славный этот город еще в полной мере сохранял тот же вид, что в предшествующих веках: за исключением каменных домов постройки XVIII—XX вв. вдоль главного проспекта Ленина и главной же улицы Заречья — Октябрьской, весь остальной полумиллионный город по утрам торопился на многочисленные оборонные предприятия, пристукнув калиткой своих деревянных домишек — тех же лет постройки... Проходя же в вечерней темноте по улицам такого доисторического города, почему-то постоянно держишь в голове слова персонажа из «Грабежа» Н. С. Лескова: «Егда люди потрапезуют и, помоляся, уснут, в тот час восстают татие и исходя грабят».

Столь лирическое вступление к тому, что в то время обитатели города поколениями проживали в исторически сложившихся слободах: то же Заречье, Оружейная слобода, Лентяевка, Чулково, Площадка, Попово болото с его литературно-знаменитой «Растеряевой улицей»... То есть в жителях этих основных районов (не в административном толковании) города сохраняли *in summa* сложившийся генофенотип. Опять же полудеревенские нравы и обычаи этих исторических анклавов и брачные отношения локализовали: живут на соседних улицах, работают на *своем* близлежащем заводе; опять же особо не приударись за девками *чужой* слободы: в ходу исторически сложившиеся «стенки на стенку». И хотя герои-космонавты уже полдесяток лет стартуют с Байконура, но вот такую архаику застал в славном городе Туле, которую еще полностью не перестроил и не выхлопотал ей звание Города-героя благодетель города — первый секретарь обкома Иван Харитонович Юнак...

А теперь резюмируем к сказанному. С самого начала проживания в деревянной Туле отметил: если идешь по историческому району (см. выше их названия), то все встречные девушки удивительно красивы... как-то с восточным «оттенком», а пожилые женщины и вовсе словно нездешних мест. Короче говоря, все они похожи на татарок. Причем не казанских и касимовских (тамошних красавиц зовут *алтын-чач*, то есть *золотая коса*), но темноволосых и смуглых крымских. Далее и пояснять нечего: почти три века крымчаки набегали на Москву, а Тула на их пути являлась «аэродромом подскока», выражаясь военно-летным языком, где они от пары месяцев до полугода обитались, готовя бросок на столицу. Отсюда и повторяющаяся в течении веков *привносимая* (см. выше) ассимиляция. Нравы были простые: «Башни с зубцами нам покоритесь, гордые девы нам отдадитесь»*.

...Но как только зайдешь в относительно новые (впрочем, тоже почти все деревянные) районы города, как-то: Криволучье, Серебровку, Лихвинку, Новую Тулу, Глушанки (сюда в 40-е годы переселяли жителей Западной Украины; как и в другие города Центральной России), — то уже не увидишь потомков по крови крымских татар.

Таким образом, факты имевших место быть в русской истории локальных привносимых ассимиляцией вида (1) и (2) исключают татарское происхождение *N-*

* Хор (марш) солдат из оперы Шарля Гуно «Фауст»; сочинители советских маршей в 1920-е годы тоже были людьми простыми: именно этот хор они и взяли музыкальной основой гимна советской пионерии; понятно, заменив текстовку: «Взвейтесь кострами, синие ночи. Мы, пионеры, дети рабочих...».

признаков в сумме гаплогрупп ($R1a1 + I + N$), характеризующих русский этнос. Остается один, уже и не требующий особого обсуждения ответ: N -признаки в русский этнос привнесены в результате равнозначной (см. выше) ассимиляции восточных славян, вошедших впоследствии в Московскую Русь (вятичи, радимичи, отчасти дреговичи и древляне, кривичи, словене ильменские, весь и меря) и финно-угорских племен: еми, чуди заволочской, черемисов (мари), мордвы, что составляют сейчас народности, населяющие северо-восток и восток (по Волге) европейской части России. Здесь особый вклад принадлежит, как было указано, мордве — мокше. Здесь и «высокоученых» доказательств не следует искать; раскройте географический атлас на Европейской России и далее листайте по областям, отмечая характерные названия городов, поселков, деревень. В той же Тульской области найдете: Мордвесы, Мордвиново, Мордовцево и пр. То же самое по соседним областям, например, достаточно заметный город Моршанск — от мордовского «морша». О названии Москвы сказано выше.

Резюме: отыскивать именно в национальной специфике (пресловутая «загадочная русская душа») русского этноса источник западной русофобии есть дело неблагодарное и почти что несерьезное, поскольку сочетание гаплогрупп (см. выше) в представителях условно обозначаемой национальности «русский» является обычным для всех европейских ветвей индоевропейской этногруппы.

...Не там ищите, господа-товарищи, не там! С тем же успехом можно говорить о «загадочной фламандской душе».

♦ Несколько ближе к источнику-побудителю западной русофобии качество *русскости*. Здесь тоже можно долго растекаться мыслью по древу, пока не закончится десть писчей бумаги. Однако исчерпывающее, хотя и неявное, определение русскости дал в XIX веке граф Уваров (помните проклятия ему в советских школьных учебниках?): *самодержавие, православие, народность*. *In summa* это и дает русскость, понимаемую как качество самоидентификации русского человека — причем обязательно в своем социуме! Православие в этой триаде, само собой разумеется, понимается не сугубо в смысле воцерковленности или начетничества, о чем язвительно пишет Н. С. Лесков в «Однодуме»: *«На Руси все православные знают, что кто Библию прочитал и «до Христа дочитался»*, с того резонных поступков строго спрашивать нельзя; но зато такие люди что юродивые, — они чудесят, а никому не вредны, и их не боятся»*.

Как всегда, «и ныне и присно...» истинное содержание православия, имманентного определению русскости, объяснил Ф. М. Достоевский в «Идиоте» словами князя Мышкина, обращенными к Парфену Рогожину: *«Сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения, ни под какие проступки и преступления и ни под какие атеизмы не подходит; тут что-то не то, и вечно будет не то; тут что-то такое, обо что вечно будут скользить атеизмы и вечно будут не про то говорить. Но главное то, что всего яснее и скорее на русском сердце это заметишь, и вот мое заключение! Это одно из самых первых моих убеждений, которые я из нашей России выношу»* (выд. Ф. М. Достоевским. — А.Я.).

...По летописной легенде князь Владимир, выбирая на замену язычеству одну из существующих монотеистических религий, отвергнув, как неприемлемые для русского человека и государственности Киевской Руси католичество, иудаизм и ислам (обоснование см. в летописях о крещении Руси), был поражен и восхищен — со слов греческих священников — великолепием и благостью, величием и основательностью церковного устройства Византии. При этом немаловажным являлось и точное следование православия — восточного христианства духу учения Христа, его евангельской морали и этическим канонам: заповедям блаженств Нового Завета (Нагорной проповеди).

* То есть прочитал весь Ветхий Завет и подошел к Новому Завету (в порядке их следования в Библии).

Действительно, диковатому еще лесостепному народу восточно-славянских племен (см. выше), только-только насильно, «мечом и огнем», как сохранилось в древних народных преданиях, отлученному от язычества с его сонмом почти что «домашних» богов под водительством Перуна-защитника, с детски наивной душой неопита пришлось по сердцу великолепие строящихся храмов с основательной претензией на византийский стиль. А когда первых греческих священников в них заменили хорошо говорящими по-русски, то эти души и вовсе затрепетали, преисполняясь восторгом открываемой — каждым для себя — истины первоизданного в православии Христова учения: высшего этического и морально-нравственного учения, когда-либо заповеданного человечеству. Причем учения совершенно отдаленного от религиозной нетерпимости, в котором все другие религии уважительно именовались *инославными* — тоже славными, но — иными.

Такое содержание и сущность русского православия и позволили, в основном без «меча и огня», создать государство «ста языков» — некоторую укрупненную нацию, которая и подразумевается в уваровской *народности*, а в советское время — новая советская общность. См. <а> и <б> в определении Константина Леонтьева. Добавим из Ф. М. Достоевского: «*Одна Россия живет не для себя, а для мысли*». И здесь же в «Подростке» Федор Михайлович отвергает <западную> логику мышления, негодную для определения русскости, как симбиоза православия и народности: «*Тут опять их логика; но ведь в логике и всегда тоска*».

А самодержавие, как замыкающее триаду определение русскости, также следует понимать не в смысле тирании, сугубого единовластия, пресловутого деспотизма, тоталитаризма — конька в терминологии нынешнего евролиберализма (точнее — *либерастии головного мозга*, как кто-то недавно метко определил это *status quo*...).

Сразу отметим, что все известные в истории попытки Запада объяснить сущность русского самодержавия подпадают под саркастические строки Н. С. Лескова: «...*Он сам почти миф, а история его легенда. Чтобы повествовать о нем — надо быть французом, потому что одним людям этой нации удастся объяснить другим то, чего они сами не понимают*» («Несмертельный Голован»). Упомянутый выше французский (по Н. С. Лескову...) маркиз с его русофобским трактатом далеко не первым «пробовал объяснить» существо русского самодержавия. Еще в XVI веке, когда Иван Грозный только вводил в обиход слово *самодержец*, австрийский дипломат Сигизмунд фон Герберштейн высказал свои впечатления о пребывании в России в книге «Записки о Москве» (вроде бы так она называется?), которую принято считать первым письменным источником западной русофобии.

♦ Как и все другие фобии, отрицательное отношение Запада к русскому самодержавию имеет два корня: бытовой и — условно так назовем — авторитарный. Проще всего объяснить на примере взаимных национальных фобий, далее разветвляющихся в сторону ксенофобии и шовинизма. На бытовом уровне — кухонные пересуды и соседские перепалки — такие фобии суть обычное дело. Даже пояснять не требуется. Но вот высказывание в той или иной степени авторитетных персон — это уже прямой путь к межнациональной розни. Примеров в истории тьма, но почему-то принято относить это на счет философствующих писателей. Потому наверное, что это люди-то в общем безобидные — см. выше окончание цитаты из «Однодума» Н. С. Лескова.

Допустим, сказал человек сложной национальности* Стендаль: «Все итальянцы певцы и предатели», — так не бросились же сицилийские мафиози тех лет «на разборку» с оскорбителем? — Благо он недалеко находился по должности французского консула в итальянских (тогда разрозненных) землях... Но вот кто все нации обидел и

* Стендаль родом из Эльзас-Лотарингии, население которой веками взаимоассимилировалось немцами и французами; начиная с XVIII века, после каждой войны немцев с французами эта провинция переходила к победителю. Сейчас у Франции, хотя бы ее вклад в победу над Германией во Второй мировой войне весьма условный...

оболгал, так это Фридрих Ницше; о французах: «В других частях света есть обезьяны, а в Европе французы». Всем от него досталось — от англичан до русских и поляков, но более всего своим соплеменникам, немцам. Так Ницше и бить-то грех великий: больной человек, клинический шизофреник... Но в наше время полной утраты моральных норм самое милое дело для акцентации глобалистских фобий и больных детей выставлять — та же Грета Тумберг... Однако возвратимся к русскому самодержавию.

Непонимание влечет за собой отрицание — это одна из формул римского права. И Запад как раз не понимает, точнее, не хочет понять сущность русского самодержавия, то есть условного единовластия, исторически имманентного организации власти в России — как бы эта власть и сама Россия в текущие моменты ее истории не именовались. Этот Запад вдолбил в головы всех и всея (авторитарные + бытовые корни) разделение всех властей на два вида, данное Никколо Макиавелли в его «Государе» на примере абсолютной власти турецкого султана и власти французского короля, опирающейся на высшую аристократию с ее средневековым определением короля как первого среди равных и девизом: вассал моего вассала не мой вассал. Как ни покажется странным, но следование таким утверждениям и породило нынешнюю европейскую (вообще западную) демократию-либерализм; она же скоренько сворачиваемая в фашизм-нацизм, как в 30—40-е года прошлого века и, пожалуй, сейчас повторится...

Но вот на Руси эту всеобщую средневековую иерархию власти позволила *напрочь изъять* из обихода все та же Золотая Орда: одновременно примером единоличной ханской власти и захватом Руси с последующим трехвековым владением ею, как следствие именно «феодальной демократии» в крайней форме княжеской раздробленности... Потому уже первые правители Московской Руси начали ограничивать, с одной стороны, *лествичное* право наследования (передача высшей власти братьям по нисходящему старшинству), с другой — боярское местничество. В короткий срок, «между двумя Иванами Васильевичами», то есть Иваном III и Иваном Грозным, то и другое было ликвидировано законодательно и «усмирительно».

Великая смута начала XVII века лишней раз утвердила власть и народ в мысли, что только самодержавие, опирающееся на народность и православие, является наиболее приемлемым устроением русского государства.

В новой династии Романовых царь Алексей Михайлович своей концепцией Третьего Рима (а Четвертому не бывать...) укрепил русское самодержавие православием, его морально-этическими канонами, преодолев раскол, минимизировав его последствия. А его сын Петр Первый, окончательно — даже демонстративно-показательно! — ликвидировав остатки феодального местничества, «сделал ставку» на народ, то есть укрепил связку самодержавие — народ. Опять-таки как бы странно это не звучало... В той или иной степени триединость русскости непременно присутствовала в государственном устройстве России XVIII—XIX веков, а в иной форме, скорее просто внешней, достигла апогея в XX веке в Советской России. Далее следует глобализация, к которой обратимся ниже (извиняемся за повтор...).

Сущность же западного непонимания и потому неприятия русского самодержавия в том состоит, что им, западникам, никогда не был ведом общинный строй русского народа и государства. И относительная историческая молодость России (тысячелетие против ~ 2500 лет западной истории цивилизации и культуры) еще доселе позволяет русскому народу в сумме сохранять морально-этические первохристианские нормы. Общинность же, скрепляемая этикой православия, требует государственного устройства с прямым, «недемократическим» по западным меркам, управлением, единоначалие (внешнее) которого есть обратная связь, отражение мироощущения народа. Да и сама этимология слова «самодержавие» вовсе не есть «государство это я» европейских монархий (Людовик IV; см. выше), но утверждение, что держава Россия есть самостность в единении народа-общины и власти государства. Таково

принципиальное различие и... очередной повод возникновения западной русофобии: им это не дано понять генофенотипически, а значит возникает подспудно чувство опасения, отсюда и враждебность. Идем далее...

♦ *Россия как «догоняющая» Европу: причины, негативные и позитивные моменты.* «...Здесь нет Отечества и отчеств тоже нет», — распевали в парижском ресторане «Корнилов» белогвардейские офицеры первой волны эмиграции. Хоть крохотный, сапожный, но все же гвоздик в здании русофобии: на Западе отчеств нет, что символично: уже во втором поколении корней своих не поминают, а в России за одно только право «по отчеству» именоваться купцы кредитовали Петра Первого на войну со Швецией. И таких гвоздиков, гвоздей и скрепляющих углы стальных скоб множество использовано Западом в строительстве Храма русофобии: отличное от них → не понимаемое → враждебное. И здание это все прирастает этажами усилиями объединяющей Запад подспудной, но все более явной идеи: от *Comite permanent universeb* — Союзного совета, или всемирной управы (лат.) средневековых франкмасонов до нынешнего глобализма, проявившегося Тайного мирового правительства на высшей стадии империализма (это как у В. И. Ленина — высшей стадии капитализма) — финансово-олигархической капиталократии.

В дополнение к сказанному выше обсудим такую мощную, собственно *фундаментальную* деталь здания русофобии, как различие культурно-цивилизационного времени формирования Европы и России. Оптимисты назовут это молодостью нашего Отечества; скептики, они же либералы-демократы, поименуют «вечным отставанием России». Объективисты, к числу которых мы себя относим, выразятся более строго: Россия, как «догоняющая» Европу. Здесь для нас нет ничего обидного — не зря же определяющее слово взято в кавычках.

Федор Михайлович Достоевский не был ни скептиком, ни <социальным> пессимистом, но сугубым объективистом, правда, воспринимающим настоящее ему и будущее в подлинной реалистичности... что человеку в его неизбывном ожидании хотя бы условного «рая земного» («Если к правде святой мир дорогу найти не умеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой» — Горький «На дне») крайне неприятно; неуютно ему, зябко и тревожно. Вот и черт говорит Ивану Карамазову в его горячем бреду, правильно говорит: «То-то вот реформы-то на неприготовленную почву, да еще списанные с чужих учреждений — один только вред!»

Лев Давидович Троцкий (Бронштейн), конечно, не черт, а яростный движитель всемирной социалистической революции (по Карлу Марксу). Еще он выдающийся публицист, говорит схожее («Литература и революция», 1923): «Мы пришли слишком поздно и потому осуждены проходить историю по сокращенному европейскому учебнику».

То есть и Троцкий явный объективист, но, как пламенный оратор для масс, выражает ту же мысль менее огорчительно для ушей жаждущих «сна золотого»... А итогом можно считать философский афоризм Освальда Шпенглера (из «Заката Европы»): «Быть для чужих историей, а не претерпевать чужую историю...»

Итак, объективно рассуждая, «добру и злу внимая равнодушно, в соотношении с Европой Россия молода. За ней нет в цивилизационном плане культуры, искусства во всех ипостасях ее Муз, науки, образования и пр. и пр. античности, первохристианских веков, эпохи Возрождения, Реформации, Просвещения, феодально-буржуазного преломления с его культурным и научным взлетом, Великих творческих эпох (по Ромену Роллану). То есть не пресловутое школьно-оправдательное, что-де ордынцы нас на триста лет затормозили; тем более именно в XIII—XV веках закладываются основы Московской Руси со всеми атрибутами новой цивилизации и культуры, а русский Север, Новгород со Псковым, восточная часть Великого княжества Литовского — будущие составные части Руси — России — и вовсе в Золотую Орду не входили... Но именно исторически-временное отставание на полторы тысячи лет от

европейской цивилизации поставили нас в положение вечно «догоняющего»: во всем, исключая воспринятую русскими первохристианскую мораль и нравственность (см. выше).

Ученики оказались достойными своих учителей, чему много характерных примеров. Возникшая почти на пустом — по сравнению с европейской — месте, с его салонно-любительскими «упражнениями в изящной словесности», русская литература XIX века в краткий исторический период стала вровень с ней, в чем-то явно и превзойдя. Советская литература, как преемница и продолжательница русской традиции, также достойно держала себя, позиционируя Западу.

Все то же самое можно небезосновательно отнести на счет русской XIX-го века и советской науки, техники, философии, пластических и иных искусств. Опять же в советское время неизменной оставалась первохристианская этика и мораль — в иных терминах переписанные в «Моральный кодекс строителя коммунизма» Христовы заповеди...

Но все же уложиться в два века по сравнению с двадцатью пятью европейской цивилизации и культуры — это и есть хотя бы похвальное и достойное уважение, но все же использование «сокращенного европейского учебника». Законы социальной эволюции столь подспудны и фундаментальны, что фанатизм натиска и рукотворный волюнтаризм (это как в 1964 году снятого с поста Н. С. Хрущева поименовали; правда, добавив еще малопонятный термин пробелелист...), даже для благих целей и намерений, не в силах преодолеть таковые.

Итак, «догоняющая» Европу Россия (Америка — это доминион Европы, хотя бы и превзошедший свою метрополию) — есть фактор объективно-социальный, эволюционный, в целом для нас необходимый. Перечитайте «Отцов и детей» нашего классика... Причины такого «догонянья» ясны, а вот следствием имеем как негатив, так и позитив; первый — со стороны Европы, глядящей на нас; второй — позитив именно для нас... если либерально не отдавать честь по артикулу с равнением на Запад. О чем говорит Евгений Павлович в «Идиоте» Ф. М. Достоевского: *«Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть всего целого, которое без него распадется или замертвеет; либерализм имеет такое же право существовать, как и самый благонравный консерватизм; но я на русский либерализм нападаю, и опять-таки повторяю, что за то, собственно и нападаю на него, что русский либерал не есть русск и й (здесь и далее выд. Ф. М. Достоевским.— А.Я.) либерал, а есть н е русск и й либерал. Дайте мне русского либерала, и я его сейчас же при вас поцелую».*

...Это к слову, но существенно по нашей теме.

<α> Негативный эффект — с позиции западников — от «догона» Европы, как существенный вклад в европейскую русофобию,— это, во-первых, некое чванство, почти презрение (см. выше об *Untermensch'e*); во-вторых, такая составляющая любой фобии, как страх и опасение. Это сугубо биологической природы инстинкт. Как, например, могучий тигр трусовато убегает от беззащитного человека, обнаружив его у себя за (за спиной — не скажешь) хвостом. У человека же инстинкт + знание дают интуицию, которая суть составляющая фобии; в данном случае — русофобии.

<β> Позитивный эффект (нет худа без добра) состоит в презумпции молодости перед породившей ее зрелостью, переходящей в почтенную старость. Такое биологическое обоснование справедливо и для социальной эволюции. Другое дело, дано ли на нынешнем этапе этой эволюции, замыкающейся на глобализацию, это право презумпции? Ниже этим и завершим наш очерк.

♦ *Русофобия как инструмент глобализации.* Мы анализируем не собственно русофобию в действии, но ее истоки. Поэтому, полагая ее одним из рабочих инструментов современной глобализации, опять же акцент ставим «на призвании варягов на Русь», то есть на подготовке категории русофобии в недрах развивающегося и крепчающего глобализма. Как-то так, не совсем гладко выразимся.

...Минуло всего-то (по историческим меркам «всего-то»!) полвека с небольшим, как ВОЗ (Всемирная Организация Здравоохранения) в 1969 году изъяло из Международной классификации болезней (МКБ) пункт, определявший гомосексуализм как психическое заболевание класса шизофрении, а госчиновники от медицины понесли какую-то чушь о перепутанных хромосомах и еще чего-то, что на ум придет. И вот теперь в части торжествующей на Западе половой либерастии-толерастии сбылись слова, тож провидца как и Достоевский, Н. С. Лескова: *«Нет, кажется, и вправду уже грядет час, и ныне есть (выд. нами.— А.Я.), когда здравый разум будет не в состоянии усматривать во всем совершающемся хотя малейшую странность»* («Соборяне»).

Таковая либеротолерастия (извиняемся за вводимое в великий и могучий нового слова. С Федора Михайловича пример берем с его «штушевался...») суть мощный инструмент глобализма не только в части — основное назначение! — «гуманного» сокращения численности народонаселения мира, кстати, западного в том числе (корытников много, а ложек мало...), и расчеловечивание этого же населения, освобождения его от излишних в светлом глобобудущем норм поведения: от чисто биологических до морально-этических. Здесь уже Бальзаку дадим слово: *«Там где все горбатые, стройность становится уродством»*.

Роль человека в этом «светлом будущем» опять же Достоевским определена, как сургучной печатью припечатана: *«Мало того: тотчас же обратится он из человека в органичный штифтик или вроде того; потому, что же такое человек без желаний, без воли и без хотений, как не штифтик в органичном вале? Как вы думаете? Сосчитаем вероятность,— может это случиться или нет?»* («Записки из подполья»). И добавляет определение нынешнего *homo globalicum* (человека глобализованного) следующими словами: *«Приняв этот третий совет могучего духа, ты восполнил бы все, чего ищет человек на земле, то есть: пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и солидарный муравейник (выд. нами.— А.Я.), ибо потребность всемирного соединения есть третье и последнее мучение людей»* («Братья Карамазовы»; обращенные к Христу слова Великого инквизитора о трех его евангельских искушениях: чудом, тайной и авторитетом).

...Напомним словами классиков литературно-философской мысли существо глобализации, которая уже сейчас не то что «близ есмь при дверех», но уже в дверь человечества уверенно вошла и расставляет «органичные штифтики» по их местам и ролям в рабочем механизме глобальной мегамашины всеобщего человеиника (термин А. А. Зиновьева — на смену муравейнику Ф. М. Достоевского), перейдем к определению русофобии — важного рабочего инструмента на нынешнем этапе глобализации-расчеловечивания.

И это будет у нас хотя и не *третье*, как в словах Великого инквизитора, намного большее по числу следования, но *последнее* утверждение в определении истоков западной русофобии.

♦ Как ни крути <головой>, как не морщись и не плюй через левое плечо «чур меня, нечистая, чур», но с позиции диалектического объективизма глобализация есть <очередной> качественный скачок в социальной эволюции. Увы! И на начальном (нынешнем) этапе этого скачка — перехода к глобальному планетарному биотехническому (человек биологический + автоматизированная техническая мегамашина) вновь резко проявляется «отставание» молодой русской цивилизации от Европы (Запада вообще), уже отрешившейся от всех категорий <христианской> морали и вбивающей последние гвозди в крышку гроба с человеком индивидуальным, биологическим, творчески аналогово мыслящим. Сам же он, *homo globalicum europeus* современный, продуцент аморальной либеротолерастии и деградирующей творческое мышление цифрофрении, переводящей его в утилитарное, и есть тот органичный штифтик

Ф. М. Достоевского. В плане социальной эволюции человек эпохи глобализации суть *равный среди равных* винтик-штифтик биотехнической мегамашины, имитирующей на техническом, информационном уровне свершившуюся биоэволюцию. Зачем нужна такая имитация? — на это человеку всеобщая, вселенская эволюция ответа никогда не даст...

А раз мы в очередной раз в истории «отстали» от Европы, еще сохраняем, хотя бы в усеченном виде, «облико мораль» (к месту скажем, хотя бы не до смеха...), а от творческого аналогового мышления не перешли еще полностью к утилитарному цифровому, то у последней (Европы) срабатывает в очередной же раз условный социальный рефлекс русофобии: раз ты не в ногу с нами идешь, то тем ты подозрителен нам, словом, Карфаген должен быть уничтожен. С каждым таким взрывом русофобии морально-этическая «цена» действий Запада в сторону России, конечно, ослабевает... как бы Карл Маркс сказал, правда, по другому поводу: *«Удешевление это товара (выд. нами.— А.Я.) уменьшает только затраты рабочего на рубашки»* («Капитал», Т. I, Кн. 1). Эпоха глобализации предельно обостряет социальные коллизии, ту же действенность русофобии. Тот же Троцкий пишет: *«Арена исторических действий становится необозримо великой, а земной шар — обидно малым. Чугунные полосы рельс и проволоки телеграфа одели весь земной шар в искусственную сеть (выд. нами.— А.Я.), точно школьный глобус»* («Литература и революция», 1923).

Нынешняя искусственная сеть суть интернет...

Главное, что следует понять, анализируя истоки западной, европейской русофобии, так это ее сложившийся за века социально-инстинктивный характер, облеченный в одежды геополитики, просто текущей политики и экономических интересов жадного до чужого Запада. Европейца тож. И если до недавних (исторически) времен агрессивность русофобии еще как-то сдерживалась остатками христианской этики и морали, то теперь и эта преграда снесена... И не дано им, тыквоголовым, торжествующими под знаменами цветов радуги, понять моральную первооснову русского человека с его неславянской славянскостью (по К. Леонтьеву) и своим путем в этом меняющемся мире, который: *«Да ведь весь мир познания не стоит тогда этих слезок к «боженьке»... А потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только замученного ребенка, который бил себя кулачками в грудь и молился в зловонной конуре своей неисккупленными слезами своими к «боженьке!»* (Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы»).

...Bonitas problematica! — ответит на моральный реквием Достоевского несовершенному миру благоразумно мыслящий европеец, — *проблематичная доброта!* Но на том пока и стоим...

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ОЧЕРК, ПЬЕСА

Олеся Янгол
(г. Юрмала, Латвия)

АРХИТЕКТУРА РАЯ
Главы из романа

Наш постоянный автор.

*Все мы уж умерли где-то давно...
Все мы еще не родились.*

Максимилиан Волошин

11. ВЕРШНИК

Каждое утро мы с Маду расставались у платформы и ехали каждый в свою сторону. Я быстро привык к толчее. Заранее продвигался к краю платформы и сходил у самой арки на рынок.

Уже на третий день Фадо заплатил мне за работу.

— Деньги небольшие, но верные, — сказал он. — Когда я решил заняться гончарным делом, знал точно, что богачом не стану, но маленькие деньги буду иметь всегда.

— На что хватит моих денег? — спросил я.

— О, ты можешь закупить вкусной еды. Или купи вина, и мы поедем в мастерские. Верное дело — познакомиться с художниками. Ведь ты хотел.

— Очень!

— Решено! После работы двигаемся в том направлении.

И вот настал вечер. Мы закрыли гончарную. По пути Фадо завел меня в винный магазинчик. Толстый весельчак продавец встретил нас радушно и принялся описывать достоинства вин. Из его слов я узнал, что вино производят из плодов, растущих в Диких местах, а некоторые Верхние плато полностью отданы под виноградники. Меня удивило, что все растет на открытых местах, не защищенных куполом. Наше вино производят из специальных экстрактов в винодельнях под прозрачными куполами. Здесь же какое-то дикое производство.

— Сначала виноград должен пролежать в обдуваемых ветром сараях. И чем больше мух сядет на него, тем лучше будет брожение.

Эта новость ввергла меня в тихий ужас. Но в то же время внутри родился какой-то хулиганский протест. Я решил купить лучшего местного вина. Продавец выбрал две покрытые пылью бутылки.

— Вот, десять лет выдержки,— похлопал он по бутылке,— не пожалеете. И, уверен, придете еще не раз.

До квартала художников мы добирались довольно долго. Стоя на платформе, Фадо рассказывал историю возникновения квартала.

— Лет пятьдесят назад там завод был по производству движков для платформы. Люди в то время гораздо лучше жили. Была гарантированная работа. Мой дед всю жизнь проработал. Хорошо зарабатывал. И отец туда же устроился. Но ему уже не повезло. Завод неожиданно закрыли. И практически весь каскад остался без работы. Я родился уже в смутные времена. Отец перебивался случайными заработками. Платили гроши. Мы голодали. Я чувство голода через все детство пронес. Потом художники стали виноградники насаждать. Рабочая сила вновь понадобилась. Я с отцом с десяти лет там работал.

— А как же учеба? — удивился я.

— Да какая там учеба! Читать-писать выучили — и то хорошо. У моей матери нас девять детей было. Все младше меня. Кормить надо.

Все, что рассказывал Фадо, никак не укладывалось в моей голове. Разве возможно такое на Четвертом ярусе? А как же наша хваленая стабильность? Как же мало, оказывается, я знал о жизни нашего яруса.

— Ну, а цеха когда опустели, там художники селиться стали. Их поначалу гоняли, в тюрьму сажали. А те упрямые, бесшабашные. Посидят в тюрьме, бесплатно покормятся и снова в цеха. Ну, власть в конце концов плюнула и оставила их в покое. С тех пор там квартал художников. Живут, кто семьями, кто как. Короче — полная свобода.

На платформе почти никого не осталось. Лишь в нескольких метрах от нас стоял высокий и очень худой человек. Фадо махнул ему рукой и шепнул мне:

— Кох'от. Наш классик. Его картины даже на Четвертом ярусе есть.

В этот миг человек подошел к нам, и у меня не оказалось возможности поправить Фадо. Ведь мы и так на Четвертом ярусе. А из его слов выходило, будто мы... Мне пришлось прервать свои размышления. Я уже привычно протянул раскрытую ладонь и пожал худую, с длинными пальцами руку Кох'ота.

— Я вас узнал по одеянию. Ивея уже рассказала о вас,— сказал Кох'от.

— Узнали по одеянию?

— Да, мне доводилось делать несколько портретов для Четвертого яруса. Я прекрасно изучил вашу моду. И по типуажу вы вершник. Высокий, стройный. Классический типаж.

— Он южник,— поправил Кох'ота Фадо.

— Он вершник,— не переставая изучать меня, спокойно произнес Кох'от.

— Почему вершник? — спросил я, тревожась все больше от вспыхнувших в моем мозгу догадок.

— Такие жаки с термовставками из силика только у вас производят.

Кажется, я сильно побледнел. Бутылки, зажатые горлышками между пальцев, звякнули, и Фадо предусмотрительно взял их у меня. Захотелось присесть. Но на платформе нет сидений и прислониться не к чему. Я медленно отошел, почувствовав слабость в ногах, и присел на корточки.

Выходит, я на Третьем ярусе. Все это время я был уверен, что нахожусь лишь на другом каскаде. А оказалось, что меня каким-то образом спустили вниз. Те самые охранники, усыпив меня, спустили на Третий ярус. Но как это возможно?

Я почувствовал руку на плече. Фадо участливо взглянул на меня.

— Не переживай, друг. Ты здесь не один.

Я наконец нашел силы подняться. Платформа въехала в узкий туннель. Редкие световые панели освещали разрисованные стены. Я понял, что начинается квартал художников.

12. ОБИТЕЛЬ СЧАСТЬЯ

Выехав из темного туннеля, мы оказались в прямом смысле слова в живописной местности. Стены пестрели в предзакатном солнце узорами, изображениями людей, животных, птиц, растений. Рисунки огромных размеров заполняли каждый сантиметр, по-хулигански «выплескивались» на тротуары и «затекали» в переулки. Слышалась музыка из огромных арок, голоса и смех. Кругом бегали дети. Завидев нас, подбежала целая стайка босоногих, чумазных малышек. Кто-то забрался на Кох'ота и обнял за шею. Фадо, присев на корточки, достал из карманов сладости и раздал детям. Те весело болтали и с интересом поглядывали на меня.

Впереди, у одной из арок, я заметил Ивею. Она махнула рукой.

— Моя богиня! — воскликнул Фадо и спрыгнул с платформы вместе с кучей детишек. Ивея звонко смеялась. Фадо встал перед ней на колени и, кажется, начал читать стихи. Кох'от вежливо-наигранным жестом пригласил меня сойти.

— Прошу, мой друг, в обитель счастья, свободы и безумия. Читайте наш пестрый мир своим домом!

Мне показалось, что я окунулся в праздник. Я с интересом разглядывал новый, открывшийся для меня мир. Как он отличался от того, прежнего, рафинированного, стерильного и мертвого! Здесь все дышало жизнью и свободой. Не об этом ли пел в свое время Ригас?

Жизнь — это боль.

Жизнь — это грязь.

Холод и голод

Клинком точат чувства.

Время любви

Вылечит нас...

Пройдя высокую арку, я очутился на открытой площади. Повсюду были люди. Но здесь не было напряженной суеты, как на рыночной площади. Жизнь здесь кипела, но как-то по-особенному.

Много рисующих художников. Кто-то рисовал сидя, кто-то стоял за высоким приспособлением, на котором крепилось полотно. Много обнаженных женщин, мужчин, детей. Их неподвижные позы удивляли меня. Женщины в основном возлежали, едва прикрытые яркими тканями. Мужчины стояли, держа в руках длинные палки. Дети покоились на руках женщин. Теперь я понял, о чем говорил Фадо, назвав Ивею «нашей моделью». Все эти обнаженные люди были моделями для художников.

Фадо коснулся моего плеча:

— Дружище, держи вино, а мы с Ивеей скроемся ненадолго.

Он улыбался. Глаза его сияли счастьем. Я вновь посмотрел на Ивею. Она не была женщиной яркой, броской. Небольшого роста, с маленькой, едва очерченной грудью. Она не вписывалась в наши непререкаемые стандарты красоты. Из года в год эти стандарты колебались в зависимости от моды. Женщина не должна быть ниже метра восьмидесяти сантиметров. Талия от сорока до сорока трех, не больше. А вот грудь и бедра около ста в объеме. В каждом каскаде были клиники Стандарта и Красоты. Едва девочка приближалась к тринадцатилетнему возрасту, родители отводили ее в клинику. Специалисты после многочисленных исследований решали, какие операции по улучшению фигуры надо сделать. Моей Лили повезло. Она была высокой. В пятнадцать лет ей увеличили грудь и бедра. С тех пор она тщательно следила за своей талией. И, надо сказать, прекрасно справлялась с этой задачей. Ее повседневной пищей были только энопродукты, произведенные из высокотехнологичных т-кислот.

Здесь же мой взор блуждал по иным женским формам. И какие разные были эти

формы! Шарообразные и вытянутые, стоящие торчком и похожие на запятые. Но больше всего меня поразили волосы, растущие там, где их быть вообще не должно! Здесь же я увидел множество островков, которые странным образом подействовали на меня. Насмотревшись на женщин, я почувствовал напряжение, которое затмило все мысли.

Я бродил по площади среди толпы и чувствовал непреодолимое желание. Мне хотелось коснуться тела, обнаженного и теплого. Видимо, я так задумался, что споткнулся о кого-то и едва не разбил бутылки с вином. Чьи-то руки их подхватили, кто-то засмеялся. Я стряхнул наваждение, пришел в себя. На широких каменных ступенях, освещенных вечерним солнцем, сидели мужчины и женщины. На яркой ткани, расстеленной на камне, стояли блюда с фруктами и другими яствами, кувшины и бутылки с вином.

— Друг, присоединяйся к нам!

Кох'от, сидевший в обнимку с двумя женщинами, позвал меня к себе. Кто-то потянул меня вниз, чья-то рука протянула бокал с вином, кто-то дал гроздь винограда.

— Выпей. Ты очень напряжен,— послышался у моего уха женский голос.

Я пригубил, но женщина не дала опустить бокал.

— До дна,— улыбаясь, произнесла она.

Я выпил все до капли, почувствовал тепло внутри и невольно улыбнулся. Вдруг лицо женщины приблизилось, и ее мягкие губы прижались к моим. Потом мы пили еще. Кто-то рассказывал веселую историю, слышалось пение под звуки ситры. Люди подходили, присоединялись к нам, обнимали друг друга. Та, что сидела рядом, обнимала меня. Моя голова кружилась, и я, словно сквозь сон, чувствовал ее губы, ее податливое тело.

— Адан,— крикнул мне сквозь шум Кох'от,— жизнь продолжается! Выпей еще вина и почувствуешь правду этих слов. Обнимай женщин, люби, пей вино! Адан, жизнь коротка. Лови свое счастье, друг.

Женщина повлекла меня вверх по ступеням. Мы вбежали в темный коридор, поднимались по лестнице все выше и выше. Оказались в комнате, озаренной светом заката из большого арочного проема. На полу лежали пестрые одеяла и подушки. Мы упали на них, срывая друг с друга одежды. Я впился губами в ее мягкий живот. Он был так роскошен и так безумно манил меня! Я целовал ее твердые соски. Я жадно впивался в них, я делал ей больно, я вошел в нее и долго, долго, бесконечно долго мучил ее полное жизни тело...

Это было со мной впервые. Потом я лежал на спине с открытыми глазами, обнимая ее горячее, потное тело. Я не думал ни о чем и думал обо всем. Я видел сквозь проем окна голубые пики недостижимых гор. Сейчас мне казалось, что возможно все, даже добраться до этих гор. Внутри едва шевелилась смутная мысль: я чувствовал раздвоение, словно внутри меня жило теперь два Адана. Один подчиняющийся разуму, другой живущий чувствами, телом, инстинктами. Разум мучительно пытался осознать все то, что произошло со мной. И, едва я позволял этим мыслям звучать громче, мне становилось плохо. Тогда я крепче обнимал лежащую рядом женщину, вдыхал ее запах и словно трезвел. А может, наоборот, пьянел?.. Но сейчас я предпочитал быть пьяным.

13. ВЫСТАВКА ФАДО

Настал новый день. И я вновь ласкал лежащую рядом. Нам было хорошо. Потом, одевшись, мы спустились вниз. Площадь, залитая утренним солнцем, постепенно заполнялась людьми. Я услышал, как кто-то кричит мне сверху. Эхо звонко разносило голос по площади.

— Адан, я закончил! Закончил! Моя богиня! Теперь она будет жить в вечности!

Счастливым Фадо махал мне рукой из проема под самой крышей. Он едва ли не весь высунулся наружу. Мне стало страшно за него.

— Спускайся вниз! — крикнул я. — Не стоит висеть над «вечностью».

Я не заметил, как женщина, имени которой я так и не узнал, покинула меня. Вскоре Фадо сбежал по широким ступеням, и мы обнялись.

— Друг мой! Как я ее люблю! Как она чиста! Моя богиня! Я всю ночь работал. Она позировала мне. Теперь спит бедняжка. Я так ее замучил. Но видел бы ты, какую красоту я создал!

Фадо сорвался с места и побежал в центр площади. Вчера в толпе народа я не все здесь разглядел. Теперь же увидел нечто вроде круглого бассейна, выложенного большими округлыми камнями. Из воды выступало что-то странное. Вглядевшись, я понял, что это точная копия нашего Эвкаифа, перевернутого верхушкой вниз. И, уже стоя у края бассейна, различил фигурки людей. Они цеплялись руками за края ярусов, пытаясь не сорваться вниз. Кто-то держался, но многие падали. А кто-то, упав, уже плавал в воде. Все это было мастерски выточено из камня. Каждая фигурка размером с палец. Я различил ужас на каменных лицах, невольно содрогнулся от раскрывшегося мне смысла. Три верхних яруса оказались погруженными в воду. Моему ярусу, Четвертому, повезло и здесь. Люди не падали, они сидели, свесив ноги, или ползали на четвереньках по краю. Что-то смутило меня в их лицах. Приглядевшись, я понял: все они были безумны. Пустые глаза, безвольно раскрытые рты.

Из задумчивости меня вывел раздавшийся рядом звук. Фадо, стоя на краю бассейна, дул в длинную, расширяющуюся к концу трубу. Труба, украшенная золотыми узорами, величественно пела. Она издавала глубокий звук, проникающий в самое нутро, словно грудная клетка расширялась, заставляя сердце биться чаще.

Из проемов высовывались заспанные люди, кто-то кинул сверху в Фадо подушку. Та, не задев его, плюхнулась в воду.

— Моя первая выставка! — крикнул Фадо, дождавшись, когда народу выглянет больше. — Сегодня. Когда солнце рождает косые тени.

Вскоре на площадь высыпала детвора, наполнив пространство смехом и веселыми голосами. Фадо потянул меня куда-то.

— Хочу есть. Безумно. Безумно голоден, — возбужденно и радостно говорил он.

— Что значит «когда солнце рождает косые тени»? — спросил я.

— Десять утра. Лучшее время для художника. Солнце еще не в зените, и тени так восхитительно обнимают все кругом. Мою богиню увидят во всей красе.

Мы поднялись на открытую площадку с колоннадой. Тут стояли круглые столики, накрытые белыми скатертями. Я сел и принялся наблюдать за жизнью площади. Женщины трясли одеяла, вывешивали белье. Мужчины что-то мастерили, работая примитивными ручными инструментами; о таких мне доводилось читать, но видел я их впервые. Насколько было бы проще воспользоваться светостилами. А еще проще заказать нужную вещь в фирме по производству любых форм. Но здесь все делали сами. В основном рамы различных размеров. Подошел Фадо, нагруженный тарелками с едой. Я помог ему расставить все на столе, и мы принялись за завтрак. Фадо жадно вгрызся в кусок хорошо прожаренного мяса.

— Всякий раз после работы над скульптурой хочу есть. У тебя такое бывало? — спросил он.

Я мысленно окинул взглядом свою прошлую жизнь и отрицательно повертел головой. Потом вдруг вспомнил:

— Тогда, помнишь, когда расписал свою первую тарель? Я очень был голоден.

— Значит, выкладываешься по полной. Но при этом свободен. Это важно — работать свободным.

Солнце играло тенями на посуде и скатерти, легкий ветерок обдувал лицо. Мне было сейчас хорошо и покойно. «Наверное, я счастлив», — подумалось мне. Как

странно. Я лишился всего, я оказался на нижнем ярусе, у меня нет ни дома, ни гарантированных баллов, но я счастлив. Среди этих простых людей, которые приютили меня и не дали умереть с голоду. Которые вовсе не богаты, но поделились всем, чем могли. Сейчас меня не бросало в холод от мысли, что я попал в чужой мир. Сейчас этот мир мне казался своим.

Фадо, довольный и сытый, откинулся на спинку стула. Подставил смуглое лицо лучам солнца и блаженно улыбнулся.

— Как ты думаешь, она сможет полюбить меня?

— Кто?

— Ивея. Я влюблен, друг. Влюблен! В ее чистоту и невинность, в ее задумчивость. Я так мало знаю о ней. Она не очень-то рассказывает о себе. Говорят, она из южников. А может?..

Фадо выпрямился и внимательно взглянул на меня.

— Адап, я вдруг подумал. Раз ты оказался с Четвертого яруса, может, и она оттуда.

— Исключено,— произнес я.

— Но почему ты так уверен?

— Она очень отличается от наших женщин. Она, скорее, из ваших. Маленькая, миниатюрная. В нашем мире все другое.

— Какое? — без всякого интереса спросил Фадо.

— Какое-то... неживое...

Кажется, Фадо не расслышал меня. Он думал о чем-то своем. На его губах играла счастливая улыбка. Он весь был в предвкушении выставки, а может быть еще чего-то.

Я встал и решил пройтись по площади. Меня тянуло к мужчинам, мастеровившим рамы. Под навесами, подпиравшимися мощными балками, были устроены мастерские. На грубых длинных столах лежали доски, инструменты. Крепкий мужчина, держа в руках какой-то инструмент, обрабатывал дерево.

— Что вы делаете? — спросил я.

Он посмотрел исподлобья недовольным взглядом, вдруг повеселел.

— А, вершник! Я уж думал, местные дурачки шуткуют. Шатаются без дела, только под ногами путаются.

Он перестал работать, смахнул широкой грубой ладонью пот со лба, ухмыльнулся.

— Хочешь попробовать? — спросил с хитрецей.

— Да,— я ответил с готовностью. Меня тянуло коснуться инструментов, стружки, причудливыми кудрями валявшейся повсюду.

— Иди-ка на мое место. Говорят, у вас там, наверху, все силой мысли производят,— то ли шутя, то ли всерьез произнес он.

Увесистый продолговатый инструмент с острым лезвием снизу приятно оттянул руки.

— Это рубанок. Видишь, дерево еще не обработано. Щепка повсюду торчит, мелкие ветки. Вот им, рубанком этим, снимаешь все лишнее. Дерево гладким станет. А уж когда отшлифуешь, то и мягче бабьего зада.

Он расхохотался.

— Все как в жизни,— продолжил он,— встретил женщину, живешь. Она поначалу ершистая. Там уколает, здесь поцарапает, вот и стругаешь ее, чтоб помягчала. Ух, и ругань! Щепка во все стороны летит. Но та, кто выдержит, потом мягкой и ласковой станет. Тут уж шлифовать не забывай.

Он вновь расхохотался.

— Бери-ка крепче, не бойсь. И двигай с силой вперед.

Я взялся, но первый же сучок выбил из рук инструмент. Я сильно поранил руку.

— Рами, подмастерье нашел? — послышался женский голос.— Уж больно нежен.

Раздался звонкий смех. Подбежали сразу несколько женщин. Кто-то схватил мою пораненную руку. Я заметил кровь, и мне стало дурно, замутило. Меня усадили на скамью, перевязали рану. Женщина, сидя передо мной на коленях, нежно смотрела снизу вверх и улыбалась.

— Такой милый. Я бы с удовольствием разделила с тобой одеяло.

— Эй, Мали, не смей с ним там заигрывать! Так нечестно! Он должен сам выбрать,— сквозь смех кричали женщины.

— А может, он уже выбрал,— с хитрецей кинула она в ответ.

— Он выбрал Рыжую Дану. Я видела вчера их вместе,— сказал кто-то.

— Дана старуха,— тихо произнесла Мали, опустив голову,— ей уже двадцать семь.

— Ну-ка, птички, разлетайтесь. Нам работать надо.

Рами шлепнул девушку, она вскочила и, звонко смеясь, побежала к подругам.

— Ссадина пустяки,— спокойно произнес Рами,— давай-ка научу молотком стучать. А рубанок после освоишь.

Через час я научился сбивать рамы. Рами объяснил, что это подрамники, на которые натягивают холсты. А уж потом на них пишут картины.

— Ты, Вершник, малый толковый. Приходи завтра. С неделю поработаешь со мной, дело знать будешь. В жизни все пригодится.

Я обещал прийти.

В центре площади уже собралось немало народу. Я вспомнил о выставке Фадо и побежал туда. Слышалась мелодия, нежные звуки которой разлетались кругом. Протиснувшись сквозь толпу, я увидел Фадо. Он стоял перед деревянным столиком на очень длинных ножках. На нем виднелась небольшая фигурка. Люди подходили, рассматривали, давали посмотреть другим. На краю бассейна сидела худенькая девушка и выдувала нежную мелодию из длинной и очень узкой трубы с расширением на конце. Той самой, которой Фадо сзывал всех на выставку. Но теперь звук был нежнее и глубже. Сердце учащенно забилося, и к глазам подступили слезы. Отчего? Неужели от этой мелодии? Подобного я еще не испытывал.

Я увидел Кох'ота. Его высокая худая фигура возвышалась среди толпы. Он что-то говорил, обращаясь к зрителям.

— Как определить, настоящее или нет? — говорил он.— А очень просто, друзья. Когда здесь,— он коснулся кулаком груди,— отзывается, тогда и настоящее. Мы все с вами знаем, что Третья арка продалась. Они нащупали жилу и гребут деньги с дураков, не знающих настоящего искусства. Они богаты и могут позволить себе жить как южники. Мы бедны, но мы честны. Мы — настоящие! Мы рвем свои сердца ради правды и ради настоящей красоты. Среди нас родился еще один гений. И я рад объявить это во всеуслышание. Фадо — скульптор с большим будущим! Поверьте старому Кох'оту. Давайте выпьем вина за это. Давайте наслаждаться настоящей красотой!

Толпа оживилась. Кто-то протянул мне глиняную кружку, до краев наполненную вином. Я выпил, приблизился к столику и наконец смог разглядеть то, что создал Фадо. Маленькая женская фигурка, похожая на тростинку, сидела на высоком стуле. Изысканными тонкими пальцами она держала длинную трубу, похожую на ту, которая сейчас звучала на площади. Пальцы ног едва касались пола. Тонкие золотые кружева не скрывали обнаженное тело, но подчеркивали его хрупкость. Копна волос, удерживаемая золотыми нитями, взлетала вверх, к небу. Да и вся ее фигура, изящная и легкая, словно стремилась взлететь, обрести крылья. Сквозь опущенные веки едва виднелись зрачки. Я не мог понять, из какого материала сделана скульптура. Полупрозрачный, местами матовый камень менял оттенки цвета, стоило посмотреть на него под другим углом. От этого казалось, что фигурка живая, что она дышит, что длинная изящная труба, прогибаясь, подрагивает под ее пальцами и слышится мелодия.

— Помните, у древних были подобные образы? — обратился ко мне какой-то че-

ловек.— Был такой художник, Ц'энан. Мне довелось увидеть однажды визон с фрагментами его картины. Очень схоже. Фадо гений!

Я вспомнил то, что видел сам в Альфа-визоре, и согласился.

Подошел Фадо, обнял меня, улыбаясь.

— Я пьян и я счастлив. И я признался своей богине в любви. Адан, она еще не ответила. Тут суета, шум. Я нашел неподходящее место. Но она слышала. Мне кажется... Ты поранил руку!

— Пустяки, я решил заделаться столяром.

— А как же наше дело? Впрочем, я тоже переезжаю сюда окончательно. Я продам мастерскую на рынке. Я буду жить только искусством. А Ивса... Я думаю, она будет рядом со мной. Здесь, среди друзей, мы сможем выжить.

— Я рад. Мне тоже здесь по душе. Никогда не чувствовал себя счастливее.

— Вот видишь! — Фадо обрадовался.— Переберемся вместе. Ты начнешь столярничать. Верные деньги, друг. А я... я свободный художник. Я буду работать для Вечности.

14. РЫЖАЯ ДАНА

Весь день я то бродил по площади, наблюдая, как работают художники, то заглядывал в огромные мастерские. Рассматривал готовые картины. Мне мало что нравилось. Часто я видел просто цветные пятна, ломаные линии, хаос цвета. Все это оставляло меня равнодушным. Мне больше нравились изображения людей или природы. Здесь я все понимал и мог подолгу стоять и рассматривать.

В одной из мастерских внезапно увидел Дану. Она обнимала девушку, кажется, они целовались. Я поспешил выйти, но она, заметив, окликнула меня.

— Не уходи, я рада, что ты заглянул.

Девушка была голый, на Дана накинуто что-то свободное, распахивающееся, обнажающее большую грудь. Она встала с тахты, стремительно подошла, взяла за руку и потянула за собой.

— Моя мастерская. Хочу показать тебе свои работы.

Каменные стены были уставлены большими холстами, порой выше человеческого роста.

— С мелочью я не работаю,— поворачивая одну из работ, несколько презрительно произнесла Дана.

Передо мной предстал Эвкаиф. Здесь было много красного цвета. Словно всполохи пламени. Казалось, что весь Эвкаиф пылает в огне.

— «Закат»,— произнесла она и повернула другой холст.

Снова Эвкаиф. Много синего, фиолетового, лунного. Огромный Конус скован льдом.

— «Зима»...

Дана повернула еще несколько холстов. Везде Эвкаиф. То зеленый, заросший дикими растениями, то желтый, почти до середины засыпанный подступающим со всех сторон песком, то черный, с глубокими трещинами, без единой былинки, одиноко возвышающийся на фоне яркого, ослепляющего неба.

— Ну, что скажешь? — энергично спросила она.

— Страшно,— единственное, что я смог произнести, подавленный увиденным.

— Прекрасно! — воскликнула Дана.— Ты первый, кто видит эти работы. Год писала. Ты уловил то, что я вложила в них. Значит, не зря все это.

Она вновь взяла меня за руку, подвела к тахте и усадила за низенький столик. На нем стояли вино и фрукты.

Девушка, даже не прикрывшись одеждой, нисколько не смущаясь, налила вино в бокалы.

— Давай выпьем за мой успех! — воскликнула Дана, устроившись полулежа на широкой тахте.

Ее грудь колыхалась от глубокого голоса, мягкий живот подрагивал от смеха. Хотелось коснуться его. Дана, чуть прикрыв веки, посматривала на меня сквозь ресницы. На губах играла легкая полуулыбка. Я выпил вино. Девушка вновь наполнила бокал, протянула мне и положила руку на мое колено. Ее бедро касалось моего. Я судорожно осушил второй бокал и почувствовал ее поцелуй на своей груди. Губы Даны дрогнули, она улыбнулась еще больше, откинула голову на подушки. Длинные огненные волосы рассыпались по тахте. Ее нога коснулась моего бедра. Больше я ни о чем не хотел думать. Руки двух женщин снимали с меня одежду, губы ласкали тело. Это не могло сравниться с сексом, которым мы занимались с Лили по составленному ею плану...

— Почему ты изображаешь Вавилон таким... страшным? — спросил я Дану, когда, уставшие, мы лежали, откинувшись на подушки.

— Я вижу его таким. Это наше будущее, которое стремительно приближается,— несколько задумчиво произнесла она.

— Что приближается?

— Гибель. Смерть.

— Почему?

Дана долго молчала. Она взяла со столика какую-то длинную тонкую трубочку, поднесла к концу блестящую золотую коробочку, из которой выстрелило маленькое пламя, и вставила трубочку в рот. Тонкая струя дыма вырвалась из блаженно раскрытого рта. Этот фокус меня поразил. Видимо, мое выражение лица рассмешило ее. Она засмеялась и сунула трубочку мне в рот.

— Какой ты... невинный. Вы, вершники, странные. Словно дети неразумные. Вдохни.

Я смело вдохнул, сильно закашлялся, слезы брызнули из глаз.

— Что это? — пытаюсь справиться с кашлем, спросил я.

— Жизнь,— низким голосом произнесла она и вновь втянула из трубочки дым.

— Почему приближается смерть? — вновь спросил я.

— Потому что мы слишком стары. Мы добрались до самой вершины греха. Мы испробовали все извращения. Мы — потерянное человечество. Пора нам на свалку Вечности.

— Ты хочешь сказать, что все мы умрем?

От ее слов я действительно сейчас чувствовал себя неразумным юнцом. Подобные мысли никогда не приходили мне в голову.

— И очень скоро,— спокойно ответила она.

— Но что будет потом?

— Потом?.. Потом зародится новое человечество. Чистое и невинное. И все повторится. Новые открытия, и новые ошибки, и новые трагедии. Только это **они** будут думать, что все новое. На самом деле песня жизни стара, как и сама жизнь.

Дана заснула. Я прикрыл ее легким одеялом. Девушка, бесшумно одевшись, ушла. Я еще долго лежал без сна, размышляя над услышанным. За сегодняшний день мне довелось поговорить со многими художниками. Все они были странными. Они не были сумасшедшими, и они были сумасшедшими. Каким-то непостижимым образом в них сочетались и здравый смысл, и безумие.

15. ОБЛАВА. ПРЕЗРЕНЦЫ

Дана предложила жить в ее мастерской, не чувствовать по отношению к ней никаких обязательств и уж ни в коем случае не влюбляться. Произнеся последнюю фразу, она долго хохотала, что привело меня в растерянность. Мне казалось, что я нашел

свою женщину, что теперь я по-настоящему могу понять, что такое семейное счастье. Но, увы, эта рыжая быстро отрезвила меня.

— Не доверяй своему бойкому маленькому другу, — она коснулась моего паха, — у него своя жизнь. Слушай свое сердце. Тогда в старости вспомнишь с благодарностью Рыжую Дану.

Каждое утро я ходил к Рами. Мы крепко сдружились. Он обучал меня столярному мастерству. Вскоре я освоил и рубанок и уже мог уверенно строгать.

Фадо действительно перебрался в мастерские. Я помог ему перевезти вещи с рынка. По пути мы заглянули к Маду. Тайра с Тамилей тут же принялись накрывать на стол. Ами, счастливый, не сходил с моих коленей.

— Ты похорошел, Адан, — заметила Тайра, глядя меня по руке. — Какой ты был худенький и бледный, когда я увидела тебя в первый раз! А сейчас и в глазах свет, и в теле жизнь.

— Он теперь у нас столяр, — весело сказал Фадо, — любую мебель сделает.

— Я научился всего лишь простейшим вещам. Вот на следующей неделе Рами обещал показать, как мастерить стол и стулья.

— Какой молодец! — Тайра радовалась мне как сыну, и это грело мое сердце.

— Послушайте, давно я у вас не был! — сказал Маду. — Ты до сих пор не показал мне свою скульптуру.

— Едем прямо сейчас, — предложил Фадо.

— Слухи о твоей гениальности достигли и наших ученых ушей. А ты, скромник, ни словом не обмолвился.

— Ерунда все это, брат мой, — полушутя сказал Фадо, — на меня просто навесили ярлык с легкой руки Кохо'та. Ты же знаешь, как все прислушиваются к его словам. Он авторитет среди непризнанных художников.

— Я знаю Кохо'та. Он впустую никогда не говорит. Сколько раз я слышал, как его пытались переманить к себе Третья арка. Уговаривали стать их Первым Мастером. Если бы он согласился, путь на верхние ярусы им был бы обеспечен.

— Вот интересно, почему нас-то не тянет туда? Вроде и Кохо'т под боком.

— Вы живете чистым искусством. Ваш путь благороден. Вы стараетесь наполнить мир правдой и красотой. А их цель — нажива.

— Маду, ты из нас прямо святых делаешь, — поморщившись, проговорил Фадо.

— Я говорю как есть.

Воцарилась тишина. Тамиле подкладывала нам в тарелки еду. Тайра подливала вина.

Я решил воспользоваться моментом:

— Давно пытаюсь узнать, кто такие святые?

Маду и Фадо одновременно расхохотались. Меня это несколько задело. Я не понял причины веселья.

Фадо обнял меня:

— Адан, перед тобой гениальный историк. Все, что касается древней истории, узнать можно только у Маду.

— Не преувеличивай, — перебил его тот, — в университете и без меня полно историков.

— Знаю я их историю, — буркнул Фадо. — Эвкаи́ф был образован в первом веке нашей эры. В доэвкаи́фские времена территорию населяли дикие племена арданов, даже не знавших, что такое огонь, — нудным голосом, видимо подражая кому-то, прогнусавил Фадо.

Ами засмеялся, очень уж забавно говорил Фадо.

— Адан, Фадо мне уже рассказал, что ты вершник. У вас изучают историю Эвкаи́фа? — спросил Маду.

— В школе преподавали. Очень уж похоже на то, что Фадо сейчас говорил. Но,

помню, я еще в школе удивлялся, спрашивал: раз племена арданов были дикими, как они смогли выстроить Эвкаиф?

— И?..— улыбнулся Фадо, — получил подзатыльник?

— Что есть подзатыльник? — спросил я.

— Один из способов воспитания нерадивых учеников в наших школах, — со смехом ответил Маду.

Я все еще не понимал.

— Тебя шлепают, чтобы ты отстал с ненужными вопросами. И это в лучшем случае, — сказал Фадо.

— А в худшем?

— Ну, если подзатыльники уже не действуют, дают пинка для скорости, и ты вылетаешь из школы уже навсегда, — объяснил он.

— Ну, не преувеличивай, — возразил Маду.

— Я? Преувеличиваю?! — Фадо приложил ладонь к груди, — ты что, не помнишь, как меня чуть не выперли? Просто мать моя ходила, ныла, виноград ящиками учителю таскала. Только все равно я в конце концов сам ушел. Я уже тогда понял, что нас дурят.

Тамила, смеясь, обняла Фадо и налила ему сока:

— Охладишься немножко, поборник правды.

— Наш Фадо, хоть и ростом мал, а храбрец, — сказал Маду, — он и в детстве во всех драках со мной участвовал. Как ты узнавал, что меня бить будут?

— Зов брата, — почти серьезно произнес Фадо.

— Ох, — вздохнула Тайра, — Маду с малых лет с синяками из школы приходил. А частенько Фадо приводил. Обоим ссадины промывала, одежду порванную чинила.

— За что вас били? — удивляясь, спросил я.

— За правду, — ответил Фадо.

Перед уходом Тайра протянула мне сверток.

— Возьми, сынок, для тебя сшила.

Развернув, я увидел белую рубашу с цветным поясом. Сняв свой запыленный жак, с благодарностью надел чистую, новую одежду. Обвязался поясом.

— Теперь ты совсем нам родной, — она обняла меня, — не забывай. Приезжай чаще.

На темной лестнице Фадо пошел наверх по ступеням:

— Я поднимусь к Ивее. Потом догоню вас.

— Фадо всерьез ею увлекся, — спускаясь, произнес Маду.

— Он влюблен.

— Боюсь, его ждет разочарование.

— Отчего?

Мы вышли на воздух, я невольно вздохнул глубже.

— Ивее необычная девушка. Даже очень. Однажды она доверилась мне, рассказала свою историю. Но ты прости, друг, я должен хранить ее тайну.

В это время вышел Фадо. Не замечая, прошел мимо, задумчиво опустив голову. Потом обернулся.

— А, вы здесь. Идемте...

Я заметил, как погрустнели его глаза. Видимо, Маду прав.

Когда мы добрались до квартала художников, день уже клонился к вечеру. Маду знали все. Со многими он обнимался, жал руку. Работа Фадо до сих пор стояла у фонтана. Многие делали с нее копии. Фадо молчал всю дорогу и не прощаясь покинул нас у входа в мастерские.

— Жаль его. Но чем быстрее он поймет, тем будет легче потом, — произнес Маду, рассматривая миниатюрную скульптуру.

— Мне казалось, они вместе, — сказал я.

— Скорее всего, он себе это вообразил.

Маду слегка коснулся фигурки, задумчиво погладил.

— Вот что делает любовь, когда она только зарождается в сердце. Она делает из обычного гончара поэта. Смотри, как здесь едва заметно скошена одна скула. На самом деле у Ивеи такого нет. Но именно эта линия раскрыла всю суть этой девушки.

Я смотрел, пытаюсь понять, о чем говорит Маду, но, видимо, мне еще не были подвластны тайны настоящего искусства.

— Посидим за столиком у колонн,— предложил он.— Постараюсь рассказать тебе, что знаю о доэвкаифской истории.

В этот миг мальчуган, вбежавший в Арку, громко крикнул:

— Презренцы!

Тут же началась суматоха. Большая часть площади опустела. Люди спрятались в верхних мастерских.

Подбежал Фадо, схватил меня за руку.

— Что вы тут сидите! Быстро вверх! Надеюсь, они не будут рыскать повсюду.

Мы побежали за Фадо. По темным коридорам добрались до самого верхнего уровня.

— Я спрячу вас в груды холстов.

— Фадо, охолопись. Вряд ли они заглянут сюда,— сказал Маду.

— Тебя здесь видеть вообще не должны. Узнают в университете, что ты якшаешься с Первой аркой, выкинут с работы. Да и Адану, думаю, не стоит попадаться на глаза презренцам. Неизвестно, что им придет в голову, когда узнают, что он с Четвертого яруса.

Мы осторожно выглянули в оконный проем. Площадь затихла. Дети перестали бегать, мужчины и женщины стояли молча.

Презренцев я увидел сразу. Их светокостюмы были такими яркими, что невольно заставляли опускать глаза.

— Хотел бы я узнать, что им нужно,— тихо произнес Фадо.— Сидите здесь, пойду узнаю. Мне-то они ничего не сделают.

— У вас такое часто происходит? — спросил я Маду.

— Периодически наведываются. Студенты и художники вечная головная боль любой власти. А наверху разве не так?

— Наше общество законопослушно. Все держатся за работу. Лишних движений не делают.

— А ты?

— Видимо, со мной что-то не так. Задавал не те вопросы.

Прибежал запыхавшийся Фадо, присел рядом.

— Дана Третьей арке задала перцу! Успела обляпать краской чуть ли не все картины в Воздушной галерее. При этом кричала: «Я покажу вам настоящее искусство! Я волью жизнь в ваши мертвые полотна!» К тому же она была совершенно голой. Эти придурки не могли поймать ее. Она ускользала в прямом смысле. Все тело обмазала маслом.

Раздался эхоголос. Спокойный и холодный.

— Если Рыжая Дана не выйдет добровольно, мы начнем рейд.

— Плохо дело,— прошептал Фадо.

— Даем тебе пять минут,— снова прозвучал эхоголос.

Я увидел ее, спускающуюся с широких ступеней, одетую в полупрозрачную ярко расписанную тунику. С копной собранных высоко на затылке золотой лентой рыжих волос. В тишине было слышно, как позвякивают многочисленные украшения на ее теле.

Дана шла медленно, с поднятой головой, с вызывающе-гордой улыбкой. Я невольно восхитился ею. Она была прекрасна и излучала силу.

Главный презренец невольно потупился. То ли его смутила ее полуобнаженная шикарная фигура, то ли взгляд.

Только глубокой ночью Маду смог вернуться домой. Площадь опустела. Мы с Фадо спустились, взяли вина и сели за столик. Я до сих пор не до конца осознал случившееся.

— Ее отпустят?

Фадо пил вино, думая о чем-то своем.

— Кого?

— Дану.

— А... ты про это. Да, отпустят. Это обычное дело. Дана известная возмутительница спокойствия. Третья арка давно на нее зуб точит. Но они тоже всего лишь художники. Хоть и с деньгами, но, в сущности, ни на что не способны. Так что Дана вернется. И вновь придумает что-нибудь... веселое.

Фадо надолго замолчал, потом тихо произнес:

— Она не любит меня...

Я вдруг только сейчас понял, что творилось в его душе все это время. Он думал об Ивее.

— Почему ты так думаешь?

— Сама сказала.

Я не знал, что ему ответить. Да и смогли бы мои слова помочь?

Я подлил вина в его кружку.

— Больше не хочется пить. Завтра я вернусь на рынок. Там мое место, друг. Никакой я не скульптор и никакой я не свободный художник...

16. «РАЗБУДИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО»

Весь следующий месяц я усердно работал с Рами. Научился мастерить столы и стулья. В мастерской у Даны повесил пару длинных полок. Расставил все ее художественные инструменты. Переставил картины лицом к зрителю и подолгу в сумерках рассматривал. На закате, когда солнце вот-вот собиралось скрыться, золотые лучи будто бы оживляли изображения. Тогда мне казалось, что я словно со стороны вижу наш Эвкаиф. Всякий раз это был мертвый Эвкаиф, но его мертвенность жила по своим законам. В этом был странный парадокс, который мне сложно было объяснить. Ведь мертвое не должно быть живым. Но в лучах закатного солнца оно им было. Тогда я ощущал тоску и холод. И одиночество наваливалось на меня. Хотелось, чтобы кто-то, какая-нибудь живая душа была рядом. Я знал, что теперь у меня есть друзья. Но это было особое одиночество. Могла ли Дана избавить меня от него? Она вовремя расставила нас на места. Вернее — поставила меня на место. Как дальше изменится моя жизнь? Останусь ли я здесь навсегда, или судьба распорядится иначе? Я не знал. Я засыпал. А проснувшись, забывал все эти мысли. Окунался в жизнь, в рабочую суету и, казалось, был счастлив...

Работая у Рами, вдруг понял, что люблю то, чем сейчас занимаюсь. Я стал чувствовать дерево. Мог на ощупь сказать, что за порода. Рами радовался:

— Вот погоди, научу тебя без гвоздей работать. Хитромудрое дело, но стоит того. В нашей жизни надо уметь обходиться малым. А тебе главное что? Чтобы топор был поострее. Дерево есть под рукой, глядишь, и не пропадешь. Вон, говорят, на нижних уровнях не все в каскадах живут. Сами строятся. Поди, неплохо! Сам дом срубил — и ни от кого не зависишь. Живи себе, поплеывай.

Вскоре он начал платить мне. У нас постоянно заказывали подрамники и всякое такое, что нужно художнику. Денег я тратил мало, большую часть складывал в мастерской у Даны.

Рами любил пофилософствовать. По-своему, со свойственной ему непосредственностью и простотой. И за работой часто говорил.

— Как оно вот в природе все устроено? — налегая на рубанок, говорил он.— Мудро. Все в свое время. Солнце светит столько, сколько надо. Когда было такое, чтобы оно спешило или опаздывало? А? Было?

— Нет.

— То-то и оно. А у людей?

Рами замолчал и, казалось, забыл уже о разговоре, принялся пилить доски. Я в это время сколачивал стул.

— Рами, а что у людей? — напомнил я.

— А! — он махнул рукой, вытер со лба пот и присел на край стола,— одна суета. Разве б вот твоя Дана вела себя так, будь у людей все разумно? Устраивала бы свои номера? А она ж все это не просто так. Она ж разбудить пытается.

— Кого разбудить? — размышления Рами меня веселили, но я старался слушать серьезно. Мне не хотелось обижать этого добряка.

— Человечество, тютя!

Он подошел ко мне и большим пальцем ткнул в лоб, да так сильно, что я невольно потер его, опасаясь, что будет синяк.

— Ее уже больше месяца нет,— произнес я, словно только сейчас осознав.

Мне сделалось не по себе от этого покоя и даже равнодушия. Все это время я жил в ее мастерской, спокойно работал у Рами и не испытывал по отношению к Дане ни беспокойства, ни тоски. Отчего я так безразличен? Или же я просто дурак? Мне сказали, что ее отпустят, вот я и жду смиренно. Мне хорошо и комфортно, я занимаюсь любимым делом и плевать хотел на остальных. Я даже с Фадо и Маду за это время не связался! Не поинтересовался, как здоровье Тайры. Расхаживаю в подаренной ею рубахе и чувствую себя счастливым.

— Она вот зачем к южникам подалась и весь этот концерт устроила? — вновь начал Рами.— Чтобы пробудить их. Они ж совсем как неживые стали. Юнцы моды взяли. Аморфниками себя кличут. Слышал, что учудили?

Я перестал понимать Рами.

— К южникам подалась? Когда?

— Так ты в визор-то заглядываешь? — Рами вновь взялся за рубанок.

Визора у меня, вернее у Даны, не было. Я решил после работы съездить к Фадо и навестить Маду.

Борис Григорьев

(г. Москва — с. Курапово Лебедянского р-на
Липецкой обл.)

ШПИЦБЕРГЕН, БЛИН! Арктическая фантазмагория

*Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Автор просит читателей не сомневаться в достоверности приведенных в романе фактов из жизни Баренцбурга: они на 99 % соответствуют действительности. Очевидец и даже участник многих событий, он оставил за собой лишь право на «изобретение» сюжета и на изменение фамилий и имен действующих лиц, за исключением отмеченных особо. Автор никогда не подозревал в себе пророческого дара, но нынешняя действительность с лихвой подтвердила его наблюдения, изложенные в романе, написанном около 20 лет тому назад.

В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

*Ubi nec aquila**

Снежный заряд, родившийся в беспредельных просторах Ледовитого океана, со скоростью тридцати метров в секунду ворвался в Исфьорден, навалился всей своей мощью на его мерзлое покрывало, вцепился мертвой хваткой в каждую неровность вздыбившейся вокруг земной поверхности и трое суток обрабатывал эту часть архипелага.

Снег забил доверху все каньоны, покрыл толстым слоем ступенчатые террасы горных кражей и ледников, промерзшие почти до самого дна озера и уничтожил все или почти все признаки человеческого присутствия. Русские и норвежские постройки, дома, бараки, причалы, зимовья звероловов — жалкие потуги людей внести свои порядки в этот дикий край, — все скрылось под толстым белым саваном, из-под которого лишь кое-где пробивался то ли пар, то ли дымок, высывались мачты радиоантенн и стрелы автокранов, торчали несуразные на их фоне трубы теплоцентралей. Редкие фонари электрического освещения придавали пейзажу еще более необжитый вид. Было очевидно, что «царь природы», стремясь расширить среду своего обитания, в своей неумной гордыне явно переоценил свои силы, но признаваться в своем поражении не хотел, продолжая свой многовековой спор со стихией. Вот и теперь снежная шрапнель безжалостно подавила всякую человеческую активность, в буквальном и переносном смысле слова перехватила людям дыханье, не давая им возможности даже носа высунуть наружу.

Но все в природе имеет свое начало и конец.

* Куда и орел не залетал (лат.).

Буря к концу третьих суток начал слабеть, а небо стало понемногу расчищаться и приобретать подобие светло-голубого купола гигантского планетария, подсвеченного мириадами ярких звезд, напоминавших о единстве Вселенной. Высоко над землей холодными кисейно-рваными языками автотена побежали, то исчезая, то проявляясь вновь, сполохи северного сияния. Полярная ночь достигла своего апогея и на третьем месяце погребального шествия безраздельно царствовала в загадочной тишине.

До полярного дня нужно было еще дожить.

...Старый шатун появился у поселка сразу после того, как улеглась метель. Приблизиться к подозрительному нагромождению кирпичи и бетона его заставил голод. До этого он бродил в безуспешных поисках пищи по ледовым торосам фьорда Ван-Майен, потом перебрался через перевал Земли Норденшельда и очутился в долине Грен-фьорда. Он долго стоял на гребне горы, возвышавшейся над бывшей голландской факторией, где когда-то вытапливался и отправлялся в Амстердам китовый жир, а теперь жалким напоминанием об этом времени торчали полуразрушенные железобетонные опоры. Медведь вытягивал на шейных шарнирах морду вниз, приносясь к запаху человеческого жилья, переминался с ноги на ногу, пока, наконец, не решился медленно и осторожно спуститься вниз, оставляя за собой четкий разлапистый след.

Медведь был мудр и многоопытен, вся его сознательная жизнь прошла в окружении двуногих — непрошенных гостей в его заповедных когда-то угодьях. Ему не раз приходилось защищать от них свое исконное право на безраздельную власть. На его счету числилась не одна разодранная в клочья меховая шапка, а то и собака, эта презренная раба двуногого и хитрого существа, а бревенчатые зимовья, неизвестно кем и когда построенные, беспорядочно разбросанные по укромным местам шпицбергенского плоскогорья, помнили не один его опустошительный набег.

Поселок справа от медведя спал, не проявляя никаких признаков жизни. Тихо и безмятежно было и около аккуратного бревенчатого домика и небольшого деревянного помоста, с которого поднимались или на который садились — он видел это несколько раз сам — шумные железные птицы. Находившийся прямо по курсу домик привлек его особое внимание, потому что оттуда доносились приторные запахи съестного, оставленного двуногими.

Он перелез через проходящие по поверхности коммуникации, обитые сверху и сбоку толстыми досками, и подошел к домику — запахи резко усилились. Позабыв о всякой природной и благоприобретенной осторожности, он напрямик направился к двери. Несколько раз толкнул дверь передними лапами, но обитая железом дверь не подавалась. Тогда он встал во весь свой громадный рост, левой лапой навалился на косяк, а правой, словно заправски забивающий гвозди плотник, начал методично стучать по полотну. Дверь задрожала, зашаталась под его ударами и соскочила с петель.

Взломщик на мгновение остановился, прислушиваясь к возможным шорохам изнутри, а потом опустился на четвереньки и решительно шагнул в проем. Пробыл он там не долго. Порушив на пути пару стульев, своротив стол, он устремился к белому шкафу в углу комнаты, ловко приоткрыл дверцу и замер в недоумении: запахи и яркий свет резкошибанули ему в морду, но полки были пусты. Странно... Он заворчал, обманутый своим слишком развитым обонянием, резким движением повалил шкаф наземь и кубарем бросился на выход.

Разочарованный неудачей, он бросился к замерзшему заливу, проворной трусцой пробежался мимо вмерзших в лед портовых буксиров, покосился на длинную деревянную лестницу, зигзагом спускающуюся от поселка к причалу, оставил позади освещенные тусклым светом склады и бараки и резко остановился. Хотя ветер дул ему в спину, он все равно почуял впереди близость животных. Их было много, очень

много — почти как в стаде моржей или тюленей, которых ему приходилось видеть на подтаявших льдинах. От них несло знакомым запахом молока и свежего мяса, напоминавшего слегка оленину, только еще более вкусного.

Издали он услышал какие-то шорохи и возню, неясные звуки существ: кто-то мычал спросонья, а может хрюкал или кудахтал. Это разожгло его воображение, и он полез по крутому склону навстречу этим желанным звукам и запахам, к большим строениям под железной крышей, огороженным деревянной изгородью. Рядом, за стеной опять слышались голоса встревоженных животных, напомнившие ему рев моржей. Но он точно знал, что моржей здесь быть не может.

Беспокойство крупных животных усилилось после того, как он подошел к воротам и толкнул их лапой. Ворота со скрипом распахнулись, ударились об забор и отскочили. Внутри началась форменная паника. Оторопевший от поднятого гвалта, медведь остановился и замер. За его спиной раздался характерный топот, возня с запором и противный скрип отворяемой двери. На снег упал сноп яркого света, заслоняемый тенью двуногого с металлической палкой в руках. Медведь знал коварные свойства этих палок и принял решение не рисковать.

В этот момент раздался страшный треск, из палки на секунду высунулось пламя и резко запахло какой-то гадостью. Шатун, сминая на бегу изгородь, опрометью кинулся к обрыву, комом скатился на лед и наметистой рысью стал исчезать в темноте.

— Лови белого! Ату его, ату! — надрывался ему вслед голос двуногого, но шатун был уверен, что опасность миновала, и что двуногий даже с железной палкой не осмелится его преследовать. Вообще-то это большая удача, что огненная палка не причинила ему никакого вреда, и чем глуше становились крики двуногого, тем безопаснее чувствовал себя медведь.

Справа за мысом показалось стойбище железных птиц, которые имели обыкновение иногда спускаться над ним совсем низко-низко и пугать шумом своих вращающихся крыльев. Но сейчас они мирно спали в своих ангарах, и он их мог не опасаться. Срезав большой участок пути, он с трудом преодолел несколько каньонов, забитых до самых краев снегом, и скоро вышел на большую и просторную долину, которая должна была вывести его в другой поселок двуногих. Там тоже можно было попытаться чем-нибудь поживиться, особенно в двух-трех известных ему местах, где двуногие хранили свои съестные припасы. Конечно, и в этом месте его подстерегала опасность. Здесь у людей тоже были огненные палки, какие-то вонючие железные коробки на колесах и лыжах и две железные птицы, отнюдь не отличавшиеся мирным нравом. На равнине у самого моря каждый день садились и поднимались птицы побольше этих, но они не имели обыкновения бестолково и назойливо махать крыльями и преследовать его в горах или на льду — они просто плюхались брюхом о ровную поверхность и, прокатившись, замирали на месте.

Цель оправдывала риск. Особенно заманчивой виделась ему мороженая камбала, брикет которой он подобрал однажды в снегу у склада. Вкусна до безобразия! От одной только мысли об этом лакомстве у медведя потекла слюна.

В этих размышлениях он не заметил, как очутился на освещенной улице. Неожиданно из темноты на него вывалился целый выводок маленьких и крикливых двуногих детенышей, сопровождаемых двумя взрослыми особями. Как он подпустил их так близко, он и сам понять не мог. В темноте раздались встревоженные голоса, громкие хлопки огненных палок — к счастью, вверх, и медведь совсем оторопел от испуга. Боже мой! Какой же он идиот, что так глупо наткнулся на людей! Надо давать деру! Опять неудача!

Через минуту он бежал уже по окраине поселка и держал путь на северо-запад. Там находились еще два селенья людей, да по пути можно будет заглянуть еще к звероловам. В памяти опять всплыли живые и приятные воспоминания о задранной два или три года тому назад в бухте Мимер молодой коровке. Не менее радужные надеж-

ды он возлагал и на маленький поселок в Королевском фьорде: двуногие были там менее бдительные — вероятно потому, что жили на значительном от главаря своей стаи расстоянии. Люди — ведь стадные, в отличие от медведей, животные и живут по строгим иерархическим законам. А он, медведь, свободен и никому не подчиняется. Он — сам себе хозяин, и ему не приходится лицемерить для того, чтобы скрывать от кого бы то ни было свои желанья. Поэтому он не церемонясь, запросто захаживает в гости то к одним двуногим, то к другим, соблюдая своеобразный паритет.

Хрупкий паритет установился и между обеими стаями двуногих. То, что они разные, медведь понял давно. Одни одеты в шкуры темного цвета, кричат, редко улыбаются, ходят почти все пешком, а другие носят яркие и ладно скроенные шкуры, похоже на пингвинов, спокойны и сдержанны, часто улыбаются, передвигаются в красивых железных коробках или на вояющих полозьях. И что характерно: обе стаи питают друг к другу недоверие. Но какими бы разными они не были, все мазаны одним миром. Впрочем, сами двуногие придерживались на этот счет другого мнения.

В МИРЕ ЛЮДЕЙ

«Я — царь — я раб — я червь — я бог»

Г. Р. Державин

Генеральный директор треста «Арктикуголь» Гнилозубов Гаврила Филиппович, осанистый, уверенный в себе мужчина лет семидесяти с хвостиком, по образованию ветеринар, а по опыту работы — слуга народа, выдавший виды и прошедший через горнила великих битв за построение в отдельно взятой стране светлого будущего, громко разговаривал. Нет, пожалуй, кричал, по телефону.

Трудно сказать, откуда появилась в России эта дурацкая манера орать в трубку: то ли еще на заре телефонной цивилизации туда была завезена партия бракованных телефонных аппаратов (известно, что западники всегда стараются сбыть нам негодный товар), то ли плотность расселения нашего народа всегда отставала от тех стран, в которых был изобретен телефон, но только привычка эта прочно укоренилась в нашей телефонной культуре. Давно уже изобрели (и даже завезли в магазины) приличные аппараты, и народ наш стал жить кучнее, а мы по-прежнему напрягаем свои голосовые связки и кричим: «Алло, это кто? Вася, ты? Говори громче — не слышу». Да что там говорить про телефон — теперь и до собеседника с глазу на глаз трудно докричаться.

Но это замечание сделано, так сказать, исключительно для красного словца и в данном конкретном случае к Гнилозубову не относилось, потому что Гаврила Филиппович сидел в своем уютном кабинете, что на улице Трифонова, в двух шагах от станции метро «Новослободская», а собеседник находился в двух шагах от северного полюса, а точнее — в поселке Баренцбург на Шпицбергене. Ретрансляционная станция в Мурманске из последних сил напрягалась, чтобы через тысячи верст донести голос Уполномоченного треста из Баренцбурга до сиятельных ушей Гендиректора.

— Ну, а что норвеги? — от зычного баса Гаврилы Филипповича в окнах задрожали стекла, а заснувший было в приемной посетитель из Луганска подпрыгнул от испуга на стуле и уронил на пол съехавшую на ухо шапку. — Да что вы там с ними нюни разводите? Вы что — не знаете, как это делается? Чего? Какие «другие времена»? Времена у нас те же, советские... Слушай, Степан Никифорович, я послал тебя туда не за тем, чтобы спину гнуть перед губернатором, а... Кто? Зачем? Постой, постой... Ну, то-то! А то заладил мне «суверенитет, губернатор, экология»...

Далее беседа вошла в более спокойное русло, что позволило Гавриле Филипповичу, не отнимая трубки от левого заросшего волосами уха, протянуть правую руку под стол и достать оттуда наполовину опорожненную бутылку «дагестанского». За ней на стол последовал стограммовый бокал с золотой общепитовской каемкой.

— Степан Никифорович, я как-то не пойму: ты там главный наш представитель или директор рудника? Ну и что? Ну и сам во всем виноват, развесил уши... Ладно, я с Коршуновым поговорю, а ты тоже... не давай повода, понял?

Гендиректор налил из бутылки в бокал, поставил его перед собой на стол, пригладил свободной рукой редкие цвета гнилой соломы волосы на голове, как бы для храбрости дунул перед собой в пространство и одним махом бросил коньяк в раскрытый рот.

— Ну, хорошо, Степан Никифорович, мне все ясно,— сказал Гаврила Филиппович в трубку вместо закуски.— Пригласи-ка мне Сергея Павловича. Пока. Будь здоров.

В кабинете воцарилась тишина. «Жалобы турка», то бишь, Уполномоченного треста «Арктиуголь» на Шпицбергене Трегубенко Эс Эн, прекратились, и теперь волосатое ухо Гориллы Филипповича (так Гнилозубова любовно называли между собой сотрудники треста) приятно щекотали заполярные шорохи и трески, прорывающиеся откуда-то обрывки грубой ругани, любовных воркований, настоятельных требований, угроз и просьб. Для старого полярного волка все это звучало сладостной и убаюкивающей музыкой.

«Да, Трегубенко надо убирать к черту. Что за слюнтяй эдакий — дал подмять себя какому-то желторотому Коршунову из Донецка! И вечно наша власть не может найти язык с капитанами производства»,— подумал про себя Гнилозубов, но тут на том конце провода объявился главный геолог треста Назаров Эс Пэ. Блаженно-снисходительная улыбка на лице гендиректора пропала, он снова надел на себя маску суровой деловитости, которая миллионами экземпляров тиражировалась по всем городам и весям на портретах вождей.

— Алло, это ты Сергей Павлович? Привет тебе, дорогой. Ну, чем порадуешь старика? Алло! Алло! Ты куда пропал? Сергей Павлович, ты где? Девушка, в чем дело? Какие помехи? Что за моду взяли прерывать на полуслове! Алло! Сергей Павлович, ну наконец-то... Да, да... Ну чего ты там мямлишь? Выкладывай.

В голосе гендиректора появились нотки настороженности. Слишком часто из Баренцбурга приходили шифровки с известиями об авариях в забоях, о несчастных случаях на море или в горах. Но вот морщины на суровом челе Гнилозубова раздвинулись, в глубине мутных глаз сверкнул огонек радостного возбуждения. Пугливо озираясь по сторонам, словно он находился не в изолированном со всех сторон кабинете, а в телефонной будке с выбитым стеклом где-нибудь на Павелецком вокзале, и нервно перебирая лежавшие в беспорядке бумаги, гендиректор сменил свой начальственный бас на робкий шепот:

— Не может быть! Вот обрадовал — так обрадовал! Ты это... того... не разыгрываешь меня? Дорогой ты мой, дай я тебя расце... Тссс! Молчи, никому ни слова! Ну и дела... Ты вот что, Сергей Павлович, больше ничего не говори, а доложи сегодня же мне шифровкой «поверху». Понял? Ну-ну. А ты не ошибся? Действительно нашли или там на вас магнитные бури подействовали? Нет? Верю, верю. Ну, Сергей Павлович, ну я не знаю... Крути дырки на пиджаке! Хорошо, хорошо, само собой... Ладно, кончай. Все. Будь здоров. Жду.

Гаврила Филиппович бережно опустил трубку в гнездо и нервными шагами стал мерить кабинет.

— Вот те привалило! Сколько лет ждали, и вот... Ну, слава Богу. Теперь я всем... Ну, держитесь, теперь я вам всем покажу!

Кому и что собирался показать Гаврила Филиппович, он не пояснил, зато тут же нажал кнопку селектора и бросил секретарше:

— Ко мне никого не пускать. Я занят.

— Гаврила Филиппыч, так вы же собирались принять директора «Первомайской» из Луганска,— напомнила ему секретарша.

— Гмм... Пусть подождет.

— Но вы же сами ему сказали...

— Мало ли что я говорил вчера, а сегодня... сегодня изменились обстоятельства.

Уволенная на пенсию старенькая секретарша Варвара Алексеевна, прослужившая в тресте верой и правдой с самого первого дня его основания, настояла бы на своем и заставила бы шефа придерживаться данных обещаний. Но последнее время шеф стал стыдиться своей старушки и дал указание подобрать на ее место «более презентабельную сотрудницу». Лучше не раздражать шефа.

Он нажал другую кнопку и вызвал к себе молоденькую стенографистку, которая не застала себя долго ждать и впорхнула в кабинет, демонстрируя служебное рвение и стройные ножки из максимально подрезанной мини-юбки.

— Садись,— приказал ей безразличным голосом Гнилозубов, указывая на место за приставным столиком. Одобрительно хмыкнув при виде задравшейся чуть ли не до пупка юбки, он изобразил на челе напряженный пульс государственной мысли.

— Пиши. Значит, так... Эээ...— Он сделал небольшую паузу и голосом Левитана, возвестившим народу о взятии рейхстага, начал диктовать:

— Во-первых, строго секретно. Первый экземпляр — экономический отдел ЦК, второй — Председателю Совмина, третий — Госплан, четвертый — Минуглепром, пятый — Миннефть. Готова? Пойдем дальше. Он откашлялся и продолжил:

— В результате проведенных на Шпицбергене изыскательских работ на арендованном у норвежской администрации участке в квадрате — сделай прочерк, я потом поставлю сам от руки — 13 января сего года были обнаружены крупные запасы нефти.— Последние слова Гаврила Филиппович произнес совсем тихо.— Крупные запасы нефти, оцениваемые в... — тут тоже надо помороковать отдельно, сделай прочерк — тонн. Точка. Изыскательская партия инженера-геолога Назарова Эс Пэ предполагает, что обнаруженное месторождение выходит за границы арендованного «Арктикуглем» участка, в связи с чем представляется целесообразным ... целесообразным в срочном порядке — кавычки — застолбить — кавычки — прилегающие к нему ареалы. В этих целях тресту понадобится целевая сумма... сумма примерно в два — нет, в три — миллиона долларов США. Абзац.

Ликующий голос гендиректора еще долго отдавался глухариным токованием в уголках огромного кабинета, лился соловьиной трелью по лепнине высокого потолка, растекался серебряным ручейком по бельгийскому ковру, заполнял лебединой песней всю кубатуру помещения. Отпустил он стенографистку уже после того, как сотрудники аппарата разошлись по домам, а в окна стала заглядывать незаметно подкрававшаяся морозная ночь. Ушел он домой в приподнятом настроении, какого не испытывал аж с самого 1930 года. Тогда ему, молоденькому уполномоченному в деревне Романовка, что на Тамбовщине, у нежелавшего вступать в колхоз середняка Денщикова удалось отыскать и конфисковать припрятанное в риге посевное зерно. С чувством исполненного долга он отрапортовал тогда о своей первой победе районному начальству в городе Козлове.

Вот и теперь у него есть что доложить «наверх». Непрестанные упреки в министерстве и Госплане об иждивенческом положении треста, клянчившего у государства дотации на содержание шахт и социально-бытового комплекса, неудачные попытки диверсифицировать экономический уклад жизни советских поселков на Шпицбергене, похоже, скоро канут в Лету. Открытие нефти — это вам не маниловские проекты, с которыми трест носился по инстанциям последние годы, пытаясь доказать свою нужность стране.

Какие только заманчивые прожекты не закрадывались в головы экспертов «Арктикугля» под шорох северного сияния и завывание снежных буранов! И о постройке в Баренцбурге линии по розливу минеральной воды (из ледниковых источников); и о строительстве фармацевтической фабрики (на базе добычи водорослей в заливах Ба-

ренцева моря); и о создании альпийского горнолыжного центра и научной базы Академии наук (на базе пустующей гостиницы в поселке Пирамида); и о строительстве филиала глазной клиники Федорова, о селекционной работе по выведению мясных пород крупного рогатого скота и кур и прочая, и прочая. Все эти проекты героически кончали свою жизнь на бумаге, так и не сумев преодолеть стен кабинетов, в которых они возникли. Все упиралось в деньги, которых у общенародного государства развитого социализма все время не хватало — особенно последние годы.

Но масса отрицательного опыта — это большой плюс.

То, о чем Гнилозубов узнал от Назарова, стало венцом всех предыдущих неудач и явно отличалось от плодов предыдущего административного зуда. Это — уже солидная заявка на продвижение честолюбивых проектов, от которых никому уже просто так отмахнуться не удастся. Нефть — это... это вам не фунт изюма и даже не уголь — основной конек треста, а показатель прогресса! Прорыв, едрена мать!

По случаю неожиданного праздника, посетившего измученную душу носителя прогресса, был отпущен личный шофер, и впервые за кои годы Гнилозубову захотелось добраться домой на общественном транспорте. Он почувствовал потребность поближе соприкоснуться с трудящимся населением, ради блага которого он не щадил ни сил, ни здоровья и оттягивал уход на пенсию.

Гнилозубов стоял в вагоне метро, ухватившись обеими ручищами за верхний поручень, с благодушной снисходительностью прислушивался к беседе двух молодящихся дамочек, позволяя им щекотать себя кокетливыми накрашенными глазками, и ему грезилось, что поезд увозит его не в сторону станции «Проспект Вернадского», а значительно дальше, в страну сокровенной, можно сказать, голубой мечты, зажженной в его груди еще в эпоху сплошной коллективизации и социалистической индустриализации.

Вера в чудеса примиряет с их несбыточной перспективой.

Рано, слишком рано некоторые современные администраторы со Старой площади решили списать в отход Гаврюшку Гнилозубова. Он еще покажет им, на что способен старый и испытанный партийный кадр в эпоху застоя! И вообще, где, скажите, этот застой? Не хотят работать сукины дети, вот и ссылаются на какой-то застой! Как правильно говорил профессор Преображенский в булгаковском «Собачьем сердце», застой возникает у людей в голове. А если у человека голова буквально пухнет от идей и замыслов, то, значит, он соответствует своей должности и идет вперед, не задерживаясь на месте.

* * *

Освещенный ярким электрическим светом, разбросанный по широкой долине поселок Лонгйербюен — детище неумемного американского миллионера Лонгйера, выглядел в полярной темноте как россыпь драгоценных камней из-под копыт бажовского сказочного олененка. Перенесенный норвежцами со своего старого места, на котором рейдеры гроссадмирала Деница в 1944 году оставили лишь груды мусора, благоустроенный по последнему слову техники малого градостроения, норвежский шахтерский таун за полярным кругом с населением, слегка превышающим тысячу человек, с гимназией и детским садом, церковью, бассейном, больницей и аптекой, почтой и телеграфом, рестораном и кафе, телевидением и радио, своей газетой, центральным отоплением, магазинами и практически всем, чем норвежское население пользуется на материке, плюс полярные льготы, превратился в образцовую норвежскую коммуну.

Времена, когда норвежцы в буквальном и переносном смысле прозябали в своих арктических поселках и за каждой мелочью обращались к русским, прошли бесследно. Когда-то в распоряжении советских полярников находились ледоколы и буксиры,

самолеты и вертолеты, радиостанция и прочая солидная материальная база для обеспечения достойного образа жизни в полярных широтах, а у норвежцев были одни лыжи. Но последние годы экономику Союза постоянно лихорадило, средств на все не хватало, и одними из первых почувствовали это полярники.

Потом началась перестройка. Москва сокращала финансирование, в то время как Норвегия, скандинавский Кувейт, с умом используя свои нефтедоллары, вкладывала в шпицбергенскую инфраструктуру все больше средств и постепенно предстала перед своим великим и строптивым соседом в своей изначальной роли — роли хозяина этой островной страны. До этого, на протяжении почти шести десятилетий, советские полярники, признавая эту роль чисто теоретически, на практике старались во всем обходиться без норвежской администрации, игнорируя ее указания и распоряжения, либо вообще открыто их нарушая. Правда, и норвежцы тоже не оставались в долгу и часто в своем административном усердии выходили за рамки предоставленных им Парижским клубом в 1920 году полномочий на управление архипелагом.

Отказавшись от предложения норвежцев участвовать в совместном строительстве и эксплуатации аэродрома, советские поселки лишились льгот на пользование им, а все это потом стало влетать в «копеечку» и наносить непоправимые удары по трещавшему по всем швам бюджету треста «Арктикуголь». Одна лишь посадка вертолета на аэродроме Лонгйербюена стоила тысячу крон, не говоря уж о приеме на нем самолетов «Аэрофлота». Не «потянули» наши шахтеры и подключение к телесети Норвегии, отказались от телефонизации и почты — кишка оказалась тонка. Идеологическое противостояние на материке, перенесенное на промерзшую почву архипелага, как и на Большой Земле, закончилось поражением. И это, как ни странно, внесло элемент стабильности и успокоенности в жизнь людей. Они перестали «держаться» и ломать голову над тем, как доказать свое главенство на Шпицбергене, а просто стали мирно сосуществовать и заниматься более насущными проблемами своего бытия.

* * *

...Контора сюзсельмана — губернатора, выступавшего на Шпицбергене в четырех ипостасях — главного администратора, полицейского начальника, судьи и дипломатического представителя Норвегии, занимала в Лонгйербюене стратегическое положение, возвышаясь над обрывом в несколько десятков метров над остальными домами и строениями. В распоряжении сюзсельмана находилось около полутора десятков чиновников, в том числе переводчик с русским языком и дюжина полицейских, включая представителей контрразведки, а также снегоходы, вездеходы, просто автомобили, вертолет, катера, судно ледокольного типа и многое другое.

К девяти часам к одноэтажному зданию конторы начали съезжаться ее сотрудники. Захлопала входная дверь, послышался топот ног, обивавших с обуви снег, в приемной зазвучали голоса. Рабочий день начался.

Как обычно, сюзсельман начинал свою трудовую неделю с короткого совещания старших сотрудников, возглавлявших тот или иной участок, чтобы наметить план работы на текущую семидневку. За полярным кругом выходные дни, естественно, полагались каждому, но все знали, что Шпицберген не любит праздности и мог призвать любого из них и в субботу, и в воскресенье.

В камине уютно потрескивал мелкий уголь — своих дров на архипелаге не водилось. Заходившие в кабинет сотрудники здоровались с шефом и занимали свои места за длинным столом. Губернатор Юнглинг восседал во главе стола и дымил сигарой, роняя пепел на мягкий ковер. Его огромный, картофелеобразный, красный мясистый нос победоносно светился на изрезанном морщинами крупном волевом лице, а из-под прищуренных век то и дело вспыхивали живые огоньки острых внимательных

глаз, что в сочетании с безмятежным видом создавало впечатление уснувшего, но готового в любое время извергнуться вулкана.

Первым вопросом в повестке дня была экология — любимый конек сюзсельмана. Слава богу, никаких поползновений к нарушению растительного и животного мира бдительными полицейскими во главе с Андерсом Андерсеном за неделю отмечено не было.

— Что пишут газеты о планах охотников поразвлечься в наших краях? — Юнглинг положил сгоревшую сигару в пепельницу и прихлебнул остывший кофе.

— Полагаю, они крепко задумались над тем, что было заявлено вами на прошлой неделе в «Дагбладет», — скромно доложил обстоятельный Андерсен. Ходили слухи, что под полицейской униформой Андерсена билось неутомимое сердце контрразведчика из Службы наблюдения. Может, оно так и было, но внешний облик Андерсена ничем этой тайны не выдавал. — Во всяком случае, турфирма, специализирующаяся на всякого рода сафари, якобы отложила планы отправления первой группы охотников на Свальбард на неопределенное будущее.

— Пусть только сунутся сюда — мы их встретим по всем правилам северного гостеприимства! Не так ли, Андерс? Хе-хе-хе...

Скупой на эмоции и слова старший полицейский только улыбнулся уголками рта. Всем было известно, как ревниво относился к сохранению природы архипелага его начальник. Недаром он украсил свой губернаторский герб лозунгом «Берегите Свальбард!». Предметом особой заботы губернатора были белые медведи. При его активном содействии на архипелаге был объявлен бессрочный — во всяком случае, пока жив был сам Юнглинг — мораторий на отстрел белых медведей. Редких нарушителей запрета губернатор карал по всей строгости закона и своего непреклонного характера, так что белые медведи могли спокойно размножаться под спасительной десницей губернатора, а браконьеры и охотники могли охотиться на них только во сне.

Вице-губернатор Эйдар Тун рассказал о подготовке к приему делегации стуртинга*, которая ожидалась в Лонгйербюене в ближайшие дни. Члены парламента от нескольких партий пожелали ознакомиться на месте с выполнением инвестиционной программы на архипелаге, за которую они проголосовали год тому назад. Парламентарии сомневались, правильно ли используются на Шпицбергене деньги налогоплательщиков. Государственной компании «Стуре Ношке», хозяйничавшей на архипелаге, предстояли нелицеприятные беседы с избранниками народа, и контора губернатора напрямую была заинтересована в том, чтобы члены делегации вернулись домой вполне довольные.

— Кто из народной партии приедет сюда? — поинтересовался Юнглинг.

— Марта Букстедт, господин сюзсельман. — Обрамленное рыжими бакенбардами полное лицо вице-губернатора слегка покраснело, но в темноватой комнате никто этого не заметил, потому что румянец никогда не сходил с лица пышущего здоровьем Туна. А покраснел он в связи с весьма романтической причиной: в студенческие годы Марта Букстедт была его возлюбленной. Пылкий роман чуть было не закончился женитьбой, если бы на последнем курсе на горизонте не появилась черноокая Аннике, перед которой любвеобильный Эйдар устоять не мог. Но он нет-нет, да вспоминал о своей Марточке, хотя уж и давно не видел ее. И вот она собственной персоной прибывает в Лонгйербюен! При одном упоминании ее имени у него по всему телу пробегала дрожь.

— Это не она намедни делала запрос в правительство о нашем бюджете?

— Да, вместе с представителем партии недовольства.

— Эйдар, предупреди всех в «Стуре Ношке», чтобы были в полной готовности, а

* Парламент Норвегии.

то они иногда имеют обыкновение пасовать перед нахалами из Осло. Эта штучка Букстедт непременно сунет свой длинный нос в финансы компании. А я прослежу, чтобы и наш бухгалтер навел порядок в своей отчетности. Что еще?

— Делегация выразила пожелание заглянуть в один из русских поселков.

— Понятно. Договорись на ближайшей четверговой встрече с Баренцбургом. Пусть только консул Еремкин не включает в программу посещения их столовую. Андерс, как ты думаешь, чем у них так здорово...гмм...пахнет?

— Украинским салом, господин губернатор. И чесноком.

— Прошлый раз я там чуть не задохнулся.

— Русские считают, что чеснок — сильный антисептик, — вставил Тун.

— Да? Никогда не слышал. Надо как-то попробовать.

При этих словах по рядам сотрудников пробежала легкая волна шепота. Месяца два-три тому назад русские угостили Юнглинга своей горчицей. Не подозревая о ее коварных свойствах, губернатор бросил на кусок мяса такую солидную порцию, что у русского консула, сидевшего рядом, из глаз брызнули слезы. Результат не замедлил сказаться также и на лице губернатора, но реакция была неадекватной:

— Прекрасная вещь! — заявил сюзсельман, вытирая платком слезы. — Никогда в жизни не пробовал ничего подобного! Господин консул, был бы весьма признателен вам, если бы вы подарили баночку вашей горчицы.

После визита к русским Юнглинг заехал в ресторан и попросил его владельца Роара Кьерульфа изготовить что-либо подобное по русскому образцу. Хитрый Роар, желая угодить начальнику, не мудрствуя лукаво, сгонял в ближайшее воскресенье на снегоходе в Баренцбург и за бутылку виски купил там литровую банку этого зелья. Теперь он раз в неделю вручает губернатору баночку «изготовленной им по рецепту» русской горчицы с фирменной этикеткой своего ресторана. Юнглинг однажды расхвастался своим достижением перед русским гендиректором «Арктикугля» и подарил ему на память одну баночку совместного норвежско-русского продукта.

А что если губернатор увлечется теперь и чесноком? В поселке явно будет трудно дышать.

— Эйдар, дабы уважаемые члены парламента на практике прочувствовали плоды своего государственного подхода к экономике бюджетных средств, организуй им соответствующее питание, скажем... ну... в пределах того, во что Андерсену обходится содержание одного арестованного. Ха-ха-ха!

— У них будут свои командировочные.

— Командировочные? Не смейся, Эйдар, я знаю, куда пойдут их командировочные. Я сам был однажды членом парламента и в командировках всегда рассчитывал на угощение. Хе-хе-хе... Ну, да ладно... У кого есть еще что доложить? Все? Хорошо, все свободны, кроме Арне Якобсена.

Якобсен, будучи Горным мастером, чиновником с международным статусом, наблюдавшим за правильной эксплуатацией полезных ископаемых на Шпицбергене, формально не подчинялся Юнглингу и должен был быть независимым экспертом, но на практике, конечно же, больше радел за норвежскую сторону.

Губернатор опять задымил сигарой и плеснул еще кофе для себя и горного мастера.

— Ну что, Арне: как ты прокомментируешь активность русских в долине Рейндален?

— Я беседовал с господином Трегубенко. Он, что называется, хлопает пустым мешком по кустам*, но ничего конкретного не говорит.

— То есть?

— Утверждает, что первоначальная оценка обнаруженных запасов была завыше-

* Наводит тень на плетень.

на и что после того, как они сделали замеры с применением новых приборов, полученных из Москвы, оптимизм их в значительной степени угас.

— А что говорит директор Коршунов?

— Коршунов, наоборот, говорит массу вещей, но ни слова о буровых работах. Ссылается на то, что его не посвящают в детали.

Норвежцы знали, что между директором шахты донбасцем Коршуновым и представителями треста «Арктикуголь» шла постоянная подспудная борьба. Борьба шла с переменным успехом: у Коршунова были ресурсы, включая продукты и алкоголь, а у представителей — власть.

— Все это выглядит довольно подозрительно,— задумчиво произнес Юнглинг, заволакивая комнату густым едким дымом.— Ты пролетал на вертолете над местом?

— Да, конечно, но разглядеть что-либо интересное не удалось.

— Ага. Что ты предлагаешь?

— Могу, в конце концов, как горный мастер посетить месторождение официально, но тогда мы насторожим русских и...

— Они и так насторожены до предела,— перебил губернатор Якобсена.— Хорошо, прежде чем двигать на русских тяжелую артиллерию, попробуем сделать разведку боем. Мне тут пришла в голову одна мысль. А что если к русским на буровую случайно попадут туристы?

— Не понимаю, как...

— А очень просто: туристы приехали сюда из Осло, пошли в поход на снегоходах, заблудились...

— Как-то неудобно...

— Дорогой Арне, ты старый и неисправимый идеалист. Ладно, не бери в голову, мы с Андерсеном все это сами подготовим. Тебе только останется их проинструктировать по своему предмету. Э-хе-хе-хе-хе... В наше время, Арне, такие методы вполне оправданы, тем более что русские тоже не гнушаются никакими средствами, когда их заставляет необходимость. А необходимость, как ты учил в английской школе, мать изобретательства. Вот так-то! Согласен?

— Ммда...

— Что ты все мычишь, Арне? Проснись! Речь идет о жизни и смерти. Если русским удастся опередить нас с нефтью, я не берусь предсказывать последствия. Ладно, иди, занимайся своим делом. О нашем разговоре никому ни слова. Ясно?

— Ммда...

Юнглинг проводил горного мастера взглядом, которым отец отпускает от себя свое юродивое чадо. У сюзельмана не было никакой уверенности в том, что до Арне Якобсена дошел смысл их беседы. Как можно было ожидать этого от человека, полностью погруженного в мир геологии, срезов, пластов, всяких мезозойских эр и прочей чепухи, которой напичкали его голову в немецком горном институте? Можно было бы попытаться продвинуть на это место другого горного инженера, но кто знает, будет ли он лучше Якобсена? Этот хоть не мешает и хорошо знает свое дело.

Пять минут спустя джип Юнглинга отъехал от конторы и направился в аэропорт. Там его должен был ждать старший полицейский Андерсен. Им предстояло наведаться в бухту Энгельса, где жил норвежский зверолов. Вот уже целую неделю он не выходил на связь, и нужно было проверить, все ли у него в порядке. Потом они запланировали заглянуть на мыс Линнея, на котором располагалось все норвежское радиохозяйство, в том числе и глубоко законспирированная станция радиоперехвата министерства обороны. По статусу Шпицбергена присутствие военных было запрещено. Но не только норвежцы нарушали этот статус — русский вертолетный отряд представлял собой подразделение Мурбанской базы ВМФ.

Когда Юнглинг подъехал к вертолетной площадке, старший полицейский, уже протоптавший в снегу тропку рядом с вертолетом, поспешил ему навстречу.

— Господин губернатор, я только что получил по радио сообщение от Туна. Похоже, нам придется внести коррективы в наш сегодняшний маршрут.

— Почему?

— Один из служащих «Стуре Ношке» ходил на снегоходе в долину Грендаль и обнаружил там брошенный русскими тягач и грязные масляные пятна вокруг. Думаю, надо было бы проверить по свежим следам и заставить русских...

— Ах, черт их побери! Опять Иваны наследили в тундре! Ну, погодите, допрыгаются они у меня! Давай сначала аккуратненько облетим место происшествия, а после визита на радиостанцию нагреем туда официально, все запротоколируем и представим русским счет за все безобразия. Пошли!

Они втиснулись в кабину вертолета, поздоровались с пилотом и надели шлемофоны. С помощью вмонтированных в них микрофонов и наушников они постоянно переговаривались с сидевшим за перегородкой пилотом и с внешним миром. Сначала медленно, потом все быстрее завращались длинные, слегка провисшие лопасти винта, вокруг вертолета штопором закрутился снег. Набрав обороты, машина чуть-чуть дернулась и оторвалась с деревянного помоста. Подсвеченные прожекторами ангары, склады и здание аэропорта закачались, съехали набок и канули в тартарары.

Машина, словно засидевшаяся в клетке птица, резко рванула в звездную темноту, заворачивая на восток. Справа еле угадывались контуры маячившей на фоне неба двурогой вершины Эльйхорна, слева проплыли присыпанные снегом кручи Груманта, обрывавшиеся в свинцовые воды Ис-фиорда — Ледяного залива. Даже в полярную ночь можно было разглядеть величественный каменный массив, превращенный ветром, морозом и водой в причудливый средневековый замок в стиле барокко. Было тихо и безветренно; скалистый берег, как в зеркале, отражался в жутко-вязкой морской пучине, и было почти невозможно определить, где был берег, а где — его отражение. Отторженность от внешнего мира была абсолютной. Казалось, вертолет оторвался от земли и мягко поплыл в безграничном космическом пространстве.

— Держись севернее, чтобы пройти подальше от Баренцбурга,— приказал Юнглинг пилоту через внутреннее переговорное устройство, возвращаясь в сферу земного притяжения.

— Будет сделано.

— Проскользнуть незаметно все равно не удастся,— вмешался Андерсен.— Звук мотора слышен далеко.

— Не важно. Направление полета из-за гор определить будет трудно.

Обойдя советский поселок с севера на большой высоте, вертолет заложил правый вираж и стал постепенно терять высоту.

— Мы спускаемся в Грендальскую долину,— прокричал пилот в микрофон, и сюзсельман со старшим полицейским согласно закивали головами, всматриваясь в иллюминатор. Чистое без единого пятнышка снежное покрывало не давало возможности зацепиться глазу. Губернатор и его верный помощник стали было уже сомневаться в достоверности полученной информации — еще немного и долина, в которой берет начало небольшой ручей, скоро закончится, и вертолет вторгнется в восточную оконечность Грендальского фиорда, от которого до Баренцбурга подать рукой.

Но тут пилот повернулся к ним лицом и правой рукой указал перед собой:

— Это здесь. Садитесь будем?

— Зависни над местом,— приказал Юнглинг, пытаясь через стекло разглядеть черные пятна.

Вертолет включил специально установленные прожектора для подсветки местности и стал медленно снижаться, зависнув в воздухе. Глазам норвежцев представилась неприглядная картина: обгоревший остов грузовика с неуклюже торчащей стрелой крана и проглядывающие из сугробов черные пятна разлитой солянки. Вероятно, голловотяпы из Баренцбурга пытались проехать по снегу к месту расположения своей

вышки, но не рассчитали свои силы, застряли и стали греться на морозе. В результате неосторожности мог случиться пожар. Все это предстояло выяснить, поэтому надо было все-таки делать посадку и ближе знакомиться с аварией.

— Мы садимся,— крикнул Юнглинг в микрофон и стал расстегивать ремни.

На минуту все пропало в вихре снега, но когда винт перестал вращаться и видимость возобновилась, в метрах пятнадцати от себя они увидели силуэт крана. Юнглинг пошел впереди, за ним, с трудом вынимая ноги из сугроба, плелся старший полицейский.

— Да, наворочено порядочно,— хмыкнул сюзсельман, ковыряя кончиком сапога разлившееся по снегу жирное пятно.

— Солярка,— многозначительно произнес Андерсен, после того как он тоже ковырнул пальцем слой снежного пирога и попробовал его на запах.

— Как ты думаешь: на сколько все это потянет? — поинтересовался сюзсельман, прикидывая в уме сумму штрафа, который он предъявит Трегубенко.

— Тысяч на сорок, а может быть и на все пятьдесят.

— Вместе с очистными работами?

— Да.

— Ладно, по дороге все запишешь, нам надо двигаться дальше,— заторопился Юнглинг и повернул к вертолету.

— Подождите, шеф. Я тут кое-что проверю.

Старший полицейский нырнул в темноту, а Юнглинг стал его ждать, нетерпеливо переминаясь под струей холодного воздуха, нагнетаемой винтами вертолета. Андерсен вернулся минут через десять, держа в руках какое-то странное приспособление, в котором запутался полярный песец.

— Что это? — поинтересовался Юнглинг.— Капкан?

— Силок, господин сюзсельман. Русский силок на песка.

— Напомни мне о нем, когда в следующий четверг будем у консула Еремкина в гостях.— Губернатор запалил сигару и, сопя носом, направился к трапу.— И для чего только им нужна эта дохлая кошка? — поинтересовался он у Андерсена.

— Для шкурки, шеф.

— Да там и мехом-то не пахнет.

— Тем не менее, русские выделывают их и пытаются сбить нашим туристам.

— Нация браконьеров! — сердито буркнул Юнглинг и замолчал. Песцы не стояли на первом месте в перечне забот сюзсельмана. Они шли за оленями, а олени — за медведями, так что он довольно скоро успокоился и настроился на свой обычный благодушный лад.

Через десять минут они опять вернулись в исходную точку своего маршрута. Заложив вираж над Адвент-фьордом, вертолет взял курс на северо-запад. В величественной темноте можно было с трудом различить дрейфующие по незамерзшему Ледовому заливу глыбы айсбергов, постоянно сползающие с многочисленных ледников. Вертолет поднялся еще на сотню метров, потому что впереди их ждал ледник Боре. На юге слева у самого горизонта заалела светло-оранжевая полоска света — отражение далеких солнечных лучей, которые пока не доходили до Шпицбергена. Мелкий залив святого Йона и пролив Форланд замерзли и сливались с Землями Оскара II и принца Карла, составляя единое снежно-ледяное пространство. Космическая темнота обволакивала все вокруг, и люди чувствовали себя микроскопичными, жалкими амебами перед лицом спящей вечности.

Визит к одинокому зверолову на западную оконечность острова Шпицберген в отроги ледника Аватсмарк не предвещал официальным чинам из Лонгйербюена большого удовольствия. Год тому назад Юнглинг с большой неохотой дал норвежцу Стену Квисму патент на промысел. Полное одиночество и удаленность заимки от поселков в условиях заполярного Севера требовали от претендента известных воле-

вых качеств и навыков. Предыдущий отшельник на этом месте кончил плохо: он перевернулся в лодке, пытаясь втащить на борт убитого морского зайца, и тело его так и не было найдено. В звероловы на Свальбарде мог пойти только отчаявшийся в жизни человек, хотя, конечно, при умелой организации работы и усердии на шкурах добытых морских и сухопутных зверей можно было сколотить кое-какое состояние.

А Стен Квисму сразу не понравился сюзсельману. Во-первых, вызывали подозрение сами мотивы, которые привели его сюда. Приезду на архипелаг предшествовал распад семьи и развод, и Стен Квисму, по профессии страховой агент, охотник-любитель, рассчитывал обрести здесь желанный покой и жизненные соки на будущее. Для такого человека следовало бы подобрать более слабое лекарство, чем жизнь в одиночку в двух шагах от северного полюса. Во-вторых, Квисму заявился на прием к губернатору навеселе, и как только он открыл рот, в нос Юнглингу ударил перегорелый запах сивушных масел. Юнглинг сам был большой аматер по части выпивки, но чтобы идти в поддатом состоянии на официальный прием...

Разведенец представил рекомендательное письмо губернатора Верхнего Тренделага, и Юнглинг не мог отказать просьбе старого приятеля. Он дал указание Ту ну не спускать с Квисму глаз и регулярно докладывать ему о поведении зверолова. На удивление всем Квисму быстро акклиматизировался, приступил к добыче зверя, регулярно выходил на связь по радио, а иногда даже появлялся в поселке, чтобы пополнить запасы продовольствия и амуниции.

...Уже на подлете сюзсельман почуял недоброе.

Его предчувствие подтвердилось, когда после приземления вертолета в пятидесяти метрах от домика зверолова их никто не вышел встретить. Собаки под навесом заливались злобным лаем, но Стен Квисму не подавал признаков жизни. Вряд ли в это время года он мог отлучиться куда-нибудь по делам. Тогда куда же он подевался? Уж не стал ли охотник жертвой белого медведя? Но мысль эту пришлось отвергнуть, потому что на снегу никаких признаков посещения заимки белым медведем гости не обнаружили.

Опытный Андерсен продолжил осмотр участка вокруг заимки, чтобы не затоптать на всякий случай возможные следы событий или оброненные предметы.

— Здесь кто-то побывал посторонний,— уверенно доложил он шефу, поднимая указательный палец вверх.— Вон там и там видны следы чужого снегохода.

— То есть?

— То есть русского, разумеется. Ширина полозьев указывает на то, что тут недавно отметился «Буран».

— Ты уверен в этом?

— Абсолютно. Я точно знаю, что из наших тут никого не было.

— Какой давности, по-твоему, след?

— Достаточно свежий. Где-то около двух-трех дней.

— Ммда... Ну что ж, пошли?

На стук в дверь никто не отозвался, только собаки так задергались на привязи, что сама хижина заходила ходуном. Андерсен прислушался, приложив ухо к двери. Сзади нетерпеливо переминался с ноги на ногу губернатор. Полицейский толкнул дверь и она со скрипом отворилась. Андерсен достал из кармана электрический фонарик и включил свет. Откуда-то из угла послышалось тихое посапыванье и легкие стоны. Луч фонаря пробежался по деревянным, почерневшим от времени стенам и остановился на широких нарах, на которых громоздилась куча одеял и верхней одежды. Куча ритмично поднималась и опускалась в такт мирному храпу.

— Слава богу, кажется, жив,— констатировал сюзсельман, вытирая пот со лба, хотя в доме было почти так же холодно, как и снаружи.

Полицейский осветил фонарем убогую обстановку, потухший очаг, связку песцовых шкурок под потолком, огарки свечей, ружья и силки на стенах, вскрытые кон-

сервзные банки и разбросанные на полу пустые бутылки из-под джина, виски, аквавита и прочей алкогольной дряни.

— Недурное времяпровождение,— с плохо скрываемой завистью произнес губернатор.

— Смотрите, что я нашел.— Андерсен нагнулся и подобрал с пола бутылку с красной этикеткой, на которой было изображено сусально-каменное высотное здание с красной звездой на шпиле.

— Русская водка!

— Так точно, господин сюзсельман. И такая в нашем «Бутикене» не продается и вряд ли когда продавалась вообще.

— Да, это верно. Такая стоит у меня дома в буфете — подарок консула Еремкина. Андерс, ты был прав: здесь пахнет русским духом.

— Йес, сэр,— по-военному откликнулся норвежский Холмс.

— А ну-ка зажги лампу и разбуди этого жалкого подражателя героям Фенимора Купера.

В керосиновой лампе было пусто, и старшему полицейскому понадобилось время для того, чтобы нащупать в запаснике бутылку с пахучей жидкостью. Лампа еще раз осветила последствия бурной гулянки и недовольно-недоуменные физиономии чиновников.

— Стен, просыпайся, хватит дрыхнуть!

Андерсен осторожно потрогал ворох тряпья, под которым скрывался предполагаемый следопыт. Когда на призыв никто не откликнулся, Андерсен стал стаскивать с кровати поочередно одну вещь за другой, пока не добрался до самого низа. Но что это? Из-под грязного засаленного ватного одеяла выглядывала не одна голова, а целых две! Рядом с белокурыми длинными волосами викинга лежал черный, жесткий, растрепанный веник какого-то скифа. Храпела голова степняка, а на бледном исхудавшем лице норвежца отобразилась печать умиления.

Некоторое время блюстители заполярного порядка застыли в немом изумлении. Первым в себя пришел все-таки контрразведчик. Он слегка потрепал своего соплеменника по щекам, и его реакция не заставила себя долго ждать.

— А? Что? Кто тут?

— Тут господин сюзсельман и старший инспектор Андерсен.— Андерсен постарался придать своему голосу максимум злорадной язвительности, делая ударение на словах «старший» и «сюзсельман».— А с кем мы имеем честь?

Проснувшийся зверолов все еще не мог понять, где и с кем он находится, и затравленным взглядом обвел свое убогое жилище. На его физиономии мелькнула тень узнавания.

— Ну что — узнал? — поинтересовался Юнглинг.

— Ах, это ты, Юнглинг,— развязно произнес Квисму, закрывая опять глаза, не желая, видимо, лицезреть губернатора. Но глаза вновь открылись, в них зажегся огонек решимости и злости:

— Ба-ба-ба! Да тут сам великий норвежский сыщик Андерсен собственной персоной! Чему обязан столь высоким и почтенным обществом?

Квисму сделал попытку встать с кровати и изобразить руками и верхней половиной туловища изысканный реверанс, но запутавшееся одеяло крепко держало остальную часть его тела, он потерял равновесие и упал на голову своего сопостельника.

— Какого хрена толкаешься! — раздался недовольный рев на русском языке. Мощной рукой зверолов был отодвинут в сторону, и из-под одеяла вылезла фигура в темном полушубке, ватных штанах и валенках. Как и Квисму, фигура не сразу могла понять, что происходит, и только мычала, мотала головой из стороны в сторону и водила языком по высохшим губам. Наконец фигура собралась с силами и с претензией на хорошее знание английского языка кокетливо спросила:

— Ху ю?

— Ху ар ю? — в свою очередь вежливо поинтересовался старший инспектор полиции.

— Ху я? Я... Ай эм... эм Федя. Федор Севастьянович... Ик! Вот так, блин. А ю? Стенчик, скажи, плиз, кто... то есть, ху ар зей? Ик! Стенчи-и-ик! Где ты, мой разлюбезный? Пардон, господа, айн момент, я сейчас тут...ик! сейчас, блин, разберусь... Ик!

Федор Севастьянович сполз с кровати и шатающейся неуверенной походкой пошел на Андерсена и Юнглинга с протянутой ручкой:

— Гуд морнинг, мистер... как там тебя... Дай я тебя расцелую.— Он схватился за протянутую инспектором руку и держался за нее, как тонущий в море, не отпуская ни на секунду. Наконец он отпустил бедного полицейского и вцепился в губернаторскую куртку, потому что в противном случае упал бы на пол.

— Спокойна-а! Тиха-а-а, зорька, стоять! Вот так. Стенчик, принимай гостей, в натуре! У нас там кое-что еще осталось. Стенуля, где ты? Разливай! По Дону гуляет, по Дону гуляет, по До-о-ону гуляет казак молодо-о-ой...

Юнглинг с помощью Андерсена довел русского до кровати и с трудом отряхнулся от него. Севастьяныч сразу упал на постель и захрапел.

— Херр Квисму, как это все понимать?

— Как понимать? А как хотите, так и понимайте,— нагло отозвался зверолов и тоже полез под одеяло.— В гости надо ходить по приглашению. Так принято в приличном обществе.

— Хватит паясничать, Квисму. Ты целую неделю не выходил на связь, и мы за тебя же, дурака, беспокоились,— возмутился Андерсен.

— И напрасно беспокоились, господин старший полицейский. У меня все в порядке.

— А это кто? Откуда он появился? — старший полицейский укоризненно ткнул пальцем в русского.

— Ах, это? Это — Теодор, мой гость и русский друг.

— Как он здесь появился?

— Очень просто — на скутере.

— А где же скутер?

— Скутер? А действительно, где же скутер? — забеспокоился вдруг норвежец и стал тормошить своего друга:

— Теодор, будь любезен, куда девался скутер и Базиль?

— Василий уехал... это, блин, нах... нах хаузе. Гоу хоум. Ферштеен? — отозвался тот, не поворачивая головы.— У него смена... арбайтен...

— Понятно, спасибо, Теодор. Слышали? Скутер с Базилем уехал домой,— перевел Квисму.

— И когда это было?

— Что — это?

— Когда был здесь скутер и когда уехал отсюда этот ваш Базиль?

— Минуточку. Какой сегодня день?

— Понедельник.

— Ага, значит, это... сдается мне, было в субботу.

— Что же было в пятницу?

— Как что? Я же объясняю,— терпеливо, как малым ребятам, продолжал зверолов.— В четверг на скутере приехали Теодор и Базиль. Они привезли с собой русские сувениры.— Квисму сделал широкий жест рукой, обращенный к валявшимся на полу бутылкам из-под водки.— Мы вступили в дружеские отношения. Называется народной дипломатией. Может, слышали об этом, господа? Сейчас о-о-чень важно заниматься народной дипломатией, то есть контактами на уровне рядовых граждан. О-

очень важно. Не все же вам, господам чиновникам, отдавать на откуп,— закончил на заносчивой ноте свое не совсем трезвое, но назидательное выступление народный дипломат.

— Так когда же все-таки убрался отсюда Базиль?

— В пятницу... Нет, кажется, в субботу. Я что-то запамятовал.

— И не мудрено, что запамятовал. Погляди, сколько вы вылакали дряни всякой.

— Нет, напитки были, что надо. Водка — это питательная влага для цветов международной дружбы.

— Постыдитесь, Квисму, когда хоть собак кормили последний раз? А я еще внял просьбе Буркхардта, который просил за тебя,— вступил Юнглинг.

— А мне плевать на вашего Бурк...хардта! Я сам по себе.

— Ну, ладно, хватит. Приводите себя в порядок, а завтра за твоим русским прилетит вертолет. Надеюсь, пить вам больше нечего? А с голода не умрете,— подвел итоги губернатор и пошел к выходу. Андерсен на прощание укоризненно постучал пальцем по голове зверолова и прокричал на ухо русскому гостю:

— Туморроу,— он показал на свои часы,— туморроу камз э вертолет. Ю андерстэнд? — Он показал, как вращается винт вертолета и для пущей доходчивости загудел:

— У-у-у-у!

— А, вертолет! — закричал догадливый Севастьяныч и запел гнусавым голосом: — Прилетит к нам волшебник в голубом вертолете и бесплатно покажет кино-о-о...

Андерсен, слегка понимавший русский язык, но никогда не обнаруживавший свои знания, плюнул и поспешил за боссом. Всю дорогу до радиостанции они не разговаривали — каждый думал о своем: сюзсельман — о накладных расходах, связанных с транспортировкой этого чертова русского в Баренцбург, а Андерсен — о том, не завербовал ли Федор Стена на разведку КГБ или ГРУ. Губернатора сморил сон, и во сне ему снилась рюмка бренди с дымящимся кофе и пылающий камин в кают-компании радиостанции.

Приятные ожидания на вечер испортил доклад начальника радиостанции Ингве Трюггвельда, с которым он сразу подошел к сюзсельману, как только тот сошел с вертолета. Трюггвельд был встревожен недавним и неожиданным посещением станции группой русских из Баренцбурга во главе с известным на Шпицбергене и за его пределами советским гляциологом и начальником научной экспедиции профессором Ойгеном Зингером*. «Гости» нагрянули вчера утром и провели на станции четыре часа. Трюггвельду пришлось выступить в роли радушного хозяина и показать русским некоторые помещения. Нет-нет, губернатор может быть спокоен, он не водил их в те заветные отсеки. Но черт знает этих русских, что они успели пронюхать и с кем смогли поговорить. Ему удалось держать под контролем профессора Зингера. Кстати, не пробовал ли господин сюзсельман напиток, который профессор возит с собой? О, это отменный напиток, называется «зингеровка», делается из чистого спирта и настаивается на апельсиновых корках. Херр Зингер прошел на кухню и забрал у нас все корки из-под апельсинов. Остальные гости распозлись, то есть, разошлись по станции и знакомились с сотрудниками самостоятельно. Нет-нет, господин губернатор, я не думаю, что кто-либо из моих ребят проболтался, но поручиться, сами понимаете, за каждого не могу. Пили ли и они «зингеровку»? А как же, господин сюзсельман, отказываться было не совсем удобно. Знаете, все-таки это международные контакты, народная дипломатия, как выразился господин Зингер. Что вы говорите? Куда вы меня посылаете? Ах, туда... Конечно, конечно, господин Юнглинг, имееете право.

— Тьфу! Черт бы побрал этих русских! — прорычал Юнглинг, хлопая дверью

* Фамилию и имя известного советского гляциолога автор решил не менять.

кают-компани. И как только эти русские народные дипломаты успевают везде опередить его и к тому же наследить в самых неожиданных, самых укромных уголках его хозяйства?

Когда губернатор, отдохнув, собрался в путь, Андерс Андерсен подошел к нему с заговорщицким видом и прошептал что-то невнятное на ухо.

— Что-что? Повтори! — всполошился Юнглинг.

— Из Осло пришла информация о том, что вертолетный отряд русских на мысе Хеер есть не что иное как воинское подразделение Северного флота.

— Не может быть! Это скандал! Грубое нарушение статуса архипелага.

— Так точно, господин сюзсельман. Явная угроза нашей безопасности. В случае чего русские могут моментально оккупировать Свальбард и контролировать всю северную Атлантику.

— Бог милостивый! Час от часу не легче!

О том, что Радио Исфьорда использовалось американскими подлодками в Баренцевом море, ни сюзсельман, ни старший полицейский предпочли не упоминать. Конечно, гляциолог Зингер неспроста появился здесь, но вряд ли ему удалось что-нибудь пронюхать. Если, конечно, эта размазня Трюгтвельд не развязал язык под «зингеровку».

— Информация верная? — уточнил на всякий случай Юнглинг.

— Куда вернее, — ответил Андерсен. — Прямо из штаб-квартиры ЦРУ.

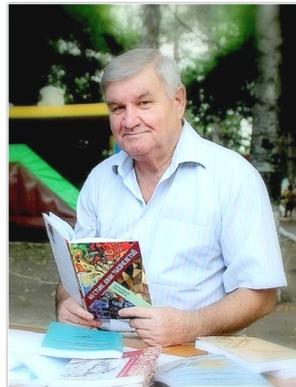
— Ну, это еще надо проверить, — задумчиво произнес Юнглинг. Он был опытным политиком, к тому же отец его был рыбаком, а мать — простой крестьянкой, так что он привык полагаться только на свой ум и интуицию.

Интуиция ему на сей раз ничего не подсказывала.

Владимир Шалимов
(г. Волгодонск)

КАРИБСКИЙ КРИЗИС (очерк)

Шалимов Владимир Николаевич — наш новый автор, кандидат технических наук, доцент. Член Российского союза профессиональных литераторов, литературный псевдоним Калистрат Буравец. Главный редактор литературно-художественного альманаха «Донская сотня» (г. Ростов-на-Дону). Автор книг и многих публикаций в литературной периодике.

Вот и не верь умникам-философам, что все в этом мире развивается непременно по спирали! Сегодня, в третьем десятилетии XXI века, наш мир вновь оказался на грани смертоносной для всей цивилизации термоядерной войны. Все средства массовой информации нашей разгоряченной планеты обрушивают на психику современных землян одну и ту же устрашающую информацию: полномасштабная 3-я мировая война уже полыхает. Местом смертельно опасной схватки вынужденно оказалась территория некогда процветавшей бывшей Советской Украины, на которой к неожиданному изумлению всего славянского мира вновь, как до конца не выкошенный чертополох, возродился нацизм в форме махровой бандеровщины. Вооруженный конфликт, какого мир (по суммарной военной мощи и количеству вовлеченных в него стран) не знал за всю свою историю после Второй мировой войны, пока, слава богу, удерживается в неядерном варианте. Но час от часу землянам легче не становится: главные конфликтующие державы — США и Россия — как великие шахматные гроссмейстеры упорно селятся двинуть свои тяжелые ядерные «фигуры» как можно ближе к границам друг друга. Америка серьезно намерена разместить свои ракеты средней дальности с ядерными боеголовками в образовавшихся при распаде СССР и ставших теперь членами НАТО мелких Прибалтийских странах, находящихся на «полном пансионе» Запада. Усиливающимися темпами идет обживание силами быстрого реагирования США территорий наших бывших союзников по ныне канувшему в Лету Варшавскому договору — Польши и Румынии. Тогда любой город или стратегический объект в Европейской части нашей страны окажется досягаемым в считанные минуты. Наши военно-политические стратеги в ответ вынашивают планы размещения своих ракет средней дальности с ядерными боеголовками в Западном полушарии — на территориях симпатизирующих России в ее противостоянии с Соединенными Штатами Венесуэлы и Кубы. Сейчас, в последнюю неделю октября, как будто бы повторяется накал Карибских ядерных страстей шестидесятилетней давности, только тысячекратно усиленный военной мощью противоборствующих сторон. Радио, телевидение, печатные издания и интернет обильно выплескивают устрашающую весь мир информацию: НАТО в эти дни проводит учения по ядерному сдерживанию под кодовым названием «Стойкий полдень» — в воздушном пространстве Бельгии и Британии, в которых задействовано до 60 военных самолетов, способ-

ных нести ядерное оружие на борту. Наши тоже в ответ показали свою «Кузькину мать» — затеяли «тренировку» Стратегических ядерных сил России по нанесению ответного массированного ядерного удара, в которой были задействованы наземные ракетные комплексы «Ярс», подводная лодка «Тула» и стратегические ракетоносцы Ту-95МС. Американцы, в дополнение к учениям на Европейском театре военных действий, в двухстах километрах от Вашингтона провели второй испытательный пуск гиперзвуковой ракеты.

Словом, с обеих сторон идет открытая демонстрация своих ядерных «мускулов». В довершение ко всему, две ракеты С-300 еще советского производства ударили по территории Польши, страны-члена блока НАТО. Во всех уголках планеты люди с нескрываемым ужасом задают один и тот же вопрос: «Что, ”Карибский кризис” повторяется?»

Давние события вокруг маленькой островной страны в Карибском море, окрещенные «Карибским кризисом», как будто бы вышли на новый виток неотвратимой философской спирали.

О, «Куба — любовь моя, остров зари багровой!» — и память невольно перенесла меня на 60 лет назад — в далекое детство.

I

К началу учебного года нам, второклашкам, прислали новую молоденькую учительницу. Кто-то из наших родителей, тут же выведав факты ее небогатой биографии, разнес их по всей станице: мол, жизнь у нашей Валентины Васильевны течет как в том цветном калейдоскопе — со скоростью часто меняющихся красочных узоров. В конце весны она, с непорочным девичьим достоинством дождавшись из армии своего парня Сашу, отслужившего в 72-й инженерной бригаде РВГК* — в новых, только-только созданных ракетных войсках, тут же сыграла с ним скромную студенческую свадьбу. А уже в начале лета, с отличием окончив педагогическое училище, она, как с давних пор заведено на Руси, посоветовавшись с молодым мужем, уверенно выбрала распределение в маленькую, удаленную от центров цивилизации станичку, хотя красный диплом даровал ей железную возможность остаться в большом городе. Для молодоженов решающее влияние на этот выбор имел несказанно щедрый по тем временам подарок местного колхоза — небольшой уютный домик с приусадебным участком на тихой окраинной улице, прозванной в народе станичными Черемушками. Вся эта улица была застроена типовыми домиками-близнецами, предназначенными для привлечения молодых специалистов в сельскую глубинку.

Первого сентября 1962 года красивая, счастливая, веселая и нарядная Валентина Васильевна как на крыльях впорхнула в наш класс. Свой первый в жизни урок она начала с удивительно непривычного для нас приветствия:

— Здравствуйте, мои маленькие, умные птенчики!

В общении с нами, «птенчиками», она употребляла исключительно ласкательные имена: Алешенька, Танечка, Коленька, Ванечка, Галочка, Вовочка... А в конце первого урока, озорно сбросив с ног босоножки, она встала на свой учительский стул и над доской кнопками закрепила плакат собственного изготовления: «Учимся без второгодников!» Ну как мы могли с нею стать второгодниками, если у Валентины Васильевны даже Ванечка и Коленька — беспробудные троечники в первом классе — превратились в твердых хорошистов?!

Целый месяц наша школьная жизнь протекала как в сказке: на уроках мы с легкостью и удовольствием выполняли все, даже самые сложные, задания Валентины

* Боевое соединение Ракетных войск Резерва главного командования Вооруженных сил СССР, дислоцировавшееся в г. Фюрстенберг (ГДР).

Васильевны, а на переменах она превращалась то в массовика-затейника, то в заботливую кормилицу в школьной столовой, а то и... нашим вратарем во время футбольных баталий на школьном дворе. Да-да, после уроков она делила нас на две команды, поровну перемешивая мальчишек и девчонок в составе каждой из них. А поскольку во втором классе нашей сельской начальной школы было всего лишь девять учеников, то десятым игроком вынужденно становилась Валентина Васильевна. Выигрывала всегда та команда, ворота которой защищала наша учительница. Дело в том, что мы, мальчишки, намного мастеровитее девчонок обращавшиеся с мячом, всегда старались не обидеть ее как вратаря — упорно «мазали» мимо ворот. Казалось, наша райская школьная жизнь будет вечной...

Второй урок близился к концу, и мы с нетерпением ждали веселой трели школьного звонка. За окнами в прозрачном воздухе на фоне лазурного неба грациозно кружилась множество белоснежных паутинок — природа исполняла вальс бабьего лета. За наше дружное прилежание нам был обещан очень трудный футбольный матч — Валентина Васильевна грозилась выйти на него... нападающим и назабивать рекордную кучу голов. Вдруг дверь в класс резко отворилась и в проеме показалась фигура ее мужа. Вид у него был явно подавленный. Пальцем он поманил Валентину Васильевну в коридор. Почуввав неладное, она на ватных ногах вышла к нему, забыв прикрыть дверь. И мы стали невольными свидетелями их короткого разговора. Первым с отчетливыми нотками тревоги заговорил Александр:

— Валюшенька, меня срочно вызвали с работы в правление колхоза, и кадровик тут же вручил повестку в военкомат. Сегодня уже к 14 часам я должен быть там.

— Сашенька, а к чему такая спешка, будто война началась? — упавшим голосом спросила она.

— Родная, ты же знаешь, что сейчас на Кубе творится. А я — ракетчик, у меня мобилизационное предписание в военный билет вклеено. Через два часа от правления машина идет в район.

— Милый, я мигом, только деток отпущу да завуча Прасковью Степановну предупрежу.

— Я на улице тебя буду ждать, солнышко мое.

С потерянными лицами наша учительница вернулась в класс:

— Деточки мои славные, мне срочно надо проводить мужа в командировку. Идите, пожалуйста, по домам. Задания на дом не будет.— Едва сдерживая слезы, она выскочила из класса. Впервые в ее обращении к нам мы не услышали ласкающего детского слова: «птенчики». Потом, покидая школьное здание, мы увидели их под бледно-медовой кроной старого ясеня, с незапамятных времен нашедшего себе пристанище в углу школьного двора. Наша милая, добрая учительница, по сути — еще девчонка, уткнула свое красивое личико в широкую грудь молодого, высокого, статного мужчины. Ее худенькие плечи часто вздрагивали, а руки безвольно обвисли вдоль стройного тела. Мы впервые в своей детской жизни видели плачущего учителя.

Вернувшийся из района водитель, зайдя к Валентине во двор, сообщил ей, что в военкомате, спешно оформив сопроводительные документы, ее мужа тут же усадили в автобус с двумя десятками таких же мобилизованных парней и отправили на призывной пункт. Лицо молодой женщины смертельно побелело: ее любящее женское сердечко предчувствовало близкий конец их едва состоявшемуся семейному счастью.

«Слышишь чеканный шаг — это идут барбудос...»* — громко неслось из репродуктора через открытую форточку и улетало далеко за пределы двора.

* «Бородачи», кубинские партизаны, революционеры, под предводительством Фиделя Кастро и Че Гевары организовавшие свержение диктатора Батисты.

II

Последние две недели той первой четверти мы учились во вторую смену. Занятия вела Прасковья Степановна. Нам она сообщила, что Валентина Васильевна серьезно заболела и пока не может вести уроки. С физкультуры, вынужденно поставленной последним уроком, она каждый раз отпускала нас по домам. Словом, накрылся наш футбол.

Прохладным пасмурным октябрьским днем я медленно брел из школы по притихшей станичной улочке. На полпути меня обогнал долговязый Петюня — запущенного вида подросток, которого в станице называли кто блаженным, кто чокнутым. Он бежал трусцой и визгливым голосом орал на всю улицу:

— Дядьки-мужики, прячьтесь в подвалы, милиция едет всех на войну забирать!

Поравнявшись с бабой Полей, женщиной лет шестидесяти, стоявшей у покосившейся калитки, Петюня вкрадчиво затараторил:

— Баба Поля, баба Поля, прячь сыночка. Новый милиционер на большом мацакле-те едет, про вашего дядьку Ваську у Дуньки-колдуньки спрашивал! Сказал, повестку привез. Я услышал и к вам сразу побег. Прячь дядьку, а то на Кубу заберут, как училкиного мужика! — посчитав, что свершил великое дело, юродивый парнишка решил из этого поиметь свой шкурный интерес:

— Баба Поля, баба Поля, можно я у тебя в саду груш натрясу? Я же дядьку Ваську спас!

— Удумал же, чокнутый, как бабку на гостинцы расколоть! Сам байку про милиционера с повесткой сочинил, или дружки подсказали? Мужик у учительши — парень не простой: тот, кто самолеты на войне сбивает, а мой Васька всю армию каптерщиком прослужил, солдатам кальсоны да портянки выдавал. Какая нужда кладовщика на Кубу тащить? Передай мамке мой совет: пусть тебя еще раз в психушку свозит да подлечит.

Не успела бабка Полина отшить настырного Петюню, как к подворью на тяжелом мотоцикле с коляской подкатил недавно назначенный станичный участковый оперуполномоченный лейтенант Слухаенко:

— Здравия желаю! Коноплев Василий Андреевич здесь проживает?

— Ну да, тут. Где ж ему еще жизнь коротать-то, бобылю моему? Только сейчас он в бригаде, трудовни колхозникам начисляет. А что такого мой сын набедокурил? Уж не трудодней ли лишку кому накинул?

— Да вы не волнуйтесь, гражданочка, повестку в военкомат надлежит мне ему вручить. По всем правилам — лично. Вы кем ему доводитеесь?

— Матушка я его родная! Сама Ваську с сорок второго воспитываю. С тех пор, как на Андрея моего похоронка пришла. Давайте уж вашу повестку, вернется с работы, отдам.

— Извините, не положено! Только под личную подпись. Где тут у вас бригада? — пытаясь завести мотоцикл, уточнил оперуполномоченный.

— Что-то он у вас плоховато заводится? Видать, старый драндулет выдали, — сердито съязвила на прощание Полина.

В разговор со своей нехитрой лестью мигом встрял Петюня:

— Нет, он у дяди милиционера легко заводится. Только... долго.

— Что б ты понимал в технике, малец? Садись-ка, дорогу покажешь к вашей бригаде.

Возрадовавшись неслыханному счастью — на глазах у станичников с ветерком прокатиться на редком для сельской местности транспортном средстве — блаженный Петюня запрыгнул в коляску, по шею прикрыл себя кожаным пологом и воодушевленно скомандовал:

— Вперед, дядя милиционер!

Вечером того же дня Василий Коноплев с поллитровкой самогона заявился к моим родителям — приглашать их, своих кумовьев, на собственные проводы в армию. Мать усадила их в передней за переносной столик у окна, на подоконнике которого всегда громоздилась стопка перечитанных газет, а в соседней комнате я делал уроки и оказался свидетелем их тревожного разговора.

— Кумашок, ты вот человек политически подкованный, важные газеты каждый день читаешь, скажи, что в мире сейчас затевается? Это правда, что новая война вот-вот начнется? — слегка посоловелым, с плаксивыми нотками голосом допытывался дядя Вася.

— Не просто, кум, новая, а третья мировая война, похоже, разгорается,— потухшим голосом ответил отец.— Вот сегодняшний номер газеты «Известия», в нем, слушай, что пишут: «Президент Кеннеди подписал текст официального провозглашения военной блокады Кубы, вступившей в силу в 14 часов по гринвичскому времени 24 октября». А вот что напечатано во вчерашнем номере: «Представители США постоянно хвастаются тем, что американские самолеты в любое время могут напасть на Советский Союз, сбросить американские бомбы на мирные города и села и нанести тяжелые удары. Не проходит и дня, чтобы государственные и военные деятели, а также печать США не угрожали тем, что американские подводные лодки, которые с ракетами "Поларис" на борту рыщут по многим морям и океанам, могут обрушить атомный удар на Советский Союз и другие миролюбивые государства». А наши власти на той же странице отвечают: «Советское правительство принимает все необходимые меры к тому, чтобы наша страна не оказалась застигнутой врасплох и была в состоянии дать достойный ответ агрессору». Понял, кум, к чему привязана нынешняя мобилизация?

— Они что, каптерщиков на Кубе не найдут?

— Во время войны всех гребут. А жить захочешь, и ракеты запускать научишься. По всему видно, пока что забирают только бездетных мужиков.

— Да, кумашок, тебя-то не загребут — тридцати еще нет, а уже троих детей «настрогал».

— А тебе кто мешал? Взял видную девку Раиску в жены и на третий же день выгнал. Чудак ты, кум!

— Я ее на огороде с Ленькой Кривчиком в кукурузе застал ... А, ладно, кумашок, коль с возка чего упало, то и конячке легче стало. Эх, и бутылка нам что-то быстро дно показала — пора и честь знать. Пришли бы завтра с кумой пораньше, нам с тобой — кур ловить, а кума мамке подмогла бы готовить — я всю бригаду на проводы позвал, чем-то угощать же надо?

С самого утра Коноплево подворье заполнилось громким кудахтаньем: по нему, как оглашенные, метались перепуганные куры-несушки и их женихи-петухи. За ними с рыболовными подсачками гонялись двое запыхавшихся молодых мужиков. Баба Поля растерянно стояла посреди двора и плаксиво гундосила:

— Хлопцы, хоть бы парочку курочек оставили на развод, да петушка! Васька, уйдешь в свою армию, там тебя государство кормить будет, а я чем жить стану? Оставьте штуки три, Богом молю!

Не оставили. Все куриное поголовье переловили, головы поотрубали, тушки на кухню снесли — справились!

Провожать учетчика на Кубу явилось столько желающих, что все они едва разместились в двух комнатных тесной хатенки Коноплевых. Виновника события его родная тетушка Марфа требовала посадить в Красный угол — под божницу. Мол, под покровительство Пресвятой Девы Божьей Матери. Василий ретиво сопротивлялся:

— Тетя Марфа, меня, коммуниста — под иконы?! Вдруг до парторга дойдет, из партии в шею вытолкают.

Его решительно поддержал бывший пулеметчик, ветеран Великой Отечественной войны, полный кавалер ордена Славы Иван Степанович:

— Вася, не дело коммунистам прятаться от врагов за церковной утварью. Коммуниста в бою только Красное знамя от смерти бережет. Садись, Вася, рядом со мной. Я — бывший боец, ты — будущий. Фрицев не спужались, и Джонам хвоста накрутим.— Пафосная речь ветерана всеми собравшимися была принята за первый тост. Станичники дружно плеснули в стаканы мутноватой жидкости и разом — как по команде — отправили ее в жадно раскрытые рты. Потом слово взял бригадир. Он, по привычке, долго мямлил. Все бессвязно и невпопад: то о видах на урожай в этом году; то о трудностях уборки сахарной свеклы с наступлением сезона осенних дождей; то сколько килограммов зерна и новых, хрущевских рублей ожидается на один трудодень. В конце своей нудной речи он посетовал на то, что кузнец Гришка зря и не вовремя утонул в речке по пьяному делу и теперь, мол, бригадный гужевой транспорт остался в зиму неподкованным. Его никто не слушал: знай, каждый подливал себе самогоночки и, крикнув, опустошал стакан, а потом тянулся к тарелке за куриной ножкой или пупком. Причем, рука каждого пропустившего стопку станичника привычно тянулась не к своей, а непременно к соседской тарелке.

Дождавшись, пока сидевший рядом с Василием ветеринар-осеменитель Егорка освободил место, выйдя вслед за знатной дояркой Варварой (якобы малость перекурить), к нему с до краев наполненным стаканом подсел сосед Гордей Кузьмич, уже успевший не раз заложить за воротник — щупленький, пучеглазый, неухоженный дедок лет восьмидесяти, прошлой осенью успевший схоронить уже вторую старуху — бабу Груню. Чокнувшись о пустой стакан провожаемого на Кубу соседа и жадно — с «гидроударами» — осушив свой, он, заплетающимся языком, затеял сперва непонятно куда клонящийся разговор:

— Васек, сосед мой дорогой, я же тебя знаю аж с тех годков, когда ты еще без трусов лазил в мой сад яблоки красть. Что сказать, ты всегда был храбрым малым, крапивы не боялся, когда я тебя на дереве прихватывал. Да неужто ты, наш brave учетчик, нынче каких-то американцев спужаешься? Давай-ка пропустим по стопарю за доблесть на войне. Только так, Васька, чтоб у них там, на Кубе, ты непременно стал героем. Понял? А нас, земляков, чтоб гордость за тебя — ух, как одолела! Я вот как смысло, дорогой сосед: у нас в станице один-то герой уже имеется,— дед Гордей легонько ткнул сухоньким кулачком в плечо Ивана Степановича, сидящего от Василия по другую сторону,— так он, стервец, живой с войны явился, смекаешь?! Ни тебе памятника герою в станице... А надо — чтоб как у людей: в соседней станице, прикинь, идет мужик в магазин за поллитровкой, а по пути памятник герою красуется. Купит казеночки, назад идет, присядет у памятника, помянет геройски погибшего земляка. Красота! Кабы, вот, ты в заморских краях от ихней американской пули геройски погиб... Смекаешь? Памятник — и посмертно! — победно взметнул вверх свой скрюченный указательный палец изрядно захмелевший дед Гордей. Тут уж не выдержал сам «живой герой». Сердитым тоном Иван Степанович принялся разжевывать Василию истинный смысл «забот» старого Гордея о заблаговременном увековечении его памяти:

— Ты думаешь, Вася, какого черта он подбивает тебя на посмертный подвиг? Недокумекал? Так я тебе при нем глаза раскрою: не успел этот старый хрыч Груньку схоронить, уже на твою маманю глаз положил. Уразумел? У этого трутня хага скоро завалится. Так ты если куда денешься, он тут как тут — в тепле, накормлен, обстиран. Да еще и на шею Польке сядет — кто ее защитит, бедную, если ты на той Кубе сгинешь? Так что, защитник кубинской революции, возвращайся-ка домой живым, как я — с Великой Отечественной. А станица и без твоего посмертного памятника до скончания веку простоит, никуда не денется.

Уже стемнело, когда дверь в переднюю тихонько отворилась и в нее несмело вошла... Валентина Васильевна — исхудавшая, с резко выделявшимися заостренными чертами бледного личика, что явно указывало на нездоровое состояние молодой женщины. Ее тусклый взгляд медленно скользил по захмелевшим лицам не желавших расходиться станичников. В руках она держала небольшую матерчатую хозяйственную сумочку. Первой на нее обратила внимание хозяйка дома:

— Проходи, дочка. Садись рядом со мной, погорюем. Теперь мы с тобой солдатки — ты жена, я мать солдата.

— Бабушка Поля, мне бы к Василию Андреевичу — очень надо.

— Тогда проходи в светелку, он там с мужиками дорожку себе гладит.

Она протиснулась между спинами гостей и стеной тесноватой горенки, вошла в смежную комнату, огляделась. Ее очам открылась странная картина, совсем уж неприглядная для проводов в армию, да еще на войну с лютым американским империализмом: шестеро пьяных мужиков, раздав засаленные карты, резались в подкидного дурака; четверо пытались прикончить недопитую четверть, беспрестанно наполняя из нее свои граненые стаканы; трое сидящих меж ними, не выдержав столь скоростного темпа, уже мирно посапывали, уткнув свои раскрасневшиеся шнобели в тарелки с куриными косточками. Едва заметная тень осуждения легла на ставшее мраморным лицо молодой солдатки. Немного отлегло на душе, когда она увидела почти трезвого призывника — значит должен понять ее просьбу:

— Василий Андреевич, просьба у меня к вам большая, вот,— Валентина протянула ему серую холщевую сумочку,— я тут Сашеньке передачку собрала. Может встретитесь где, может, на Кубе... Передайте, пожалуйста, здесь нет скоропортящегося. Так, немножко груш да кусочек сала — соседка одолжила. Мой Сашенька сальцо очень любит. И там, в конвертике, я ему денежек немного хочу передать, может, понадобятся...

Василий, конечно, понимал, что они вряд ли где-нибудь встретятся с мужем этой молодой женщины: того ведь призвали, считай, две недели назад, уже, наверное, и на Кубу отправить успели. Но его до глубины души тронула жертвенность этой девчонки: у самой же во дворе — голь перекатная: не успели пока эти молодята обзавестись живностью, посадить огород, а она вон как убивается — последнее готова оторвать от себя. А как надеется, что ее гостинцы дойдут, доедут, доплывут — хоть в самый дальний закуток Земли.

— Не печалься, девонька, чуёт мое сердце, где-то да встречу твоего Сашу,— ей в утешение нафантазировал Василий.— Хоть на Кубу довезу твою передачку. А с салом это ты здорово придумала — наше лакомство, станичное! Где его на Кубе отыщешь, сальца-то — нашего, домашнего?! Подошла баба Поля. Обняла Валентину за плечи, потом легонько подтолкнула к столу:

— Ты, дочка, совсем в тоске по муженьку исхудала, садись-ка, скушай что-нибудь. А то и по рюмочке с тобой потянем, песню солдату на дорожку споем.

— Ой, бабушка Поля, я последние недели на еду смотреть не могу: все время тошнит, на рвоту тянет. Пойду домой, прилягу.

Все поняла старая женщина, но виду старалась не подавать:

— Тогда я тебе курочку жареную в рушничок заверну, отлежишься — покушаешь. А сумочку твою я сейчас же в рюкзак Ваське затолкаю.

Наутро у двора Коноплевых резко затормозила грузовая машина с деревянными лавками в кузове. В ней уже сидели пятеро таких же резервистов, как и Василий. Двое из них схватили его за руки и лихо потянули вверх, весело скандируя тут же переиначенную поговорку:

— Назвали резервистом — полезай кузов!

Чихнув пару раз из выхлопной трубы, грузовик с новобранцами, покачиваясь на сельских ухабинах, скрылся за поворотом. Баба Поля, запоздало выскочив со двора с

иконой Пресвятой Девы Божьей Матери в руках, с растерянным видом осеняла его лишь густой пыльный шлейф, поднятый автомобилем, увозившим на войну с Америкой ее сына...

Советские пресса и радио давали очень скудные сводки с «Кубинского фронта», ограничиваясь распространением официальных правительственных заявлений «об агрессивных планах американского империализма задушить кубинскую революцию». Поэтому отец поздними вечерами до самой полуночи засиживался в гараже, где стоял выдавший виды мотоцикл ИЖ-49. Там он припадал ухом к приемнику «Спидола», купленному его младшим братом Иваном в Венгрии, когда механизированная дивизия, в которой он проходил воинскую службу, была брошена туда на подавление антикоммунистического мятежа. Преодолевая неистовый шум, подавляющий западную пропаганду, «Голос Америки» отправлял в эфир более щепетильные подробности военного противостояния СССР и США. Так от отца вся станица узнала, что 27 октября в Соединенных Штатах окрещено «черной субботой» — в этот день наши ракетчики сбили американский самолет-разведчик над Островом Свободы. Погиб летчик — 35-летний майор ВВС США Рудольф Андерсон. От этой тревожной новости многие стали всерьез готовиться к ядерному удару по Советскому Союзу, ну и, конечно же, по их станице. «Веским» доводом послужило умозаключение конюха Тараса, напомнившего станичникам, что всего лишь в двух десятках километров от станицы находится продуваемый всеми ветрами степной железнодорожный полустанок, по которому враг «непрерывно врежет атомной ракетой». Подвалы стали спешно приспособлять под убежища: стаскивать кадушки с соленьями в один угол, овощи, заложенные на зиму, поднимать наверх, высвобождая пространство под топчаны и раскладушки. Увы, воспользоваться подвалами по военному назначению станичникам не довелось: в начале следующей недели отец, сидя за двором на лавочке, зачитывал из газеты собравшимся вокруг него мужикам взаимные послания руководителя СССР Никиты Сергеевича Хрущева и президента США Джона Фицджеральда Кеннеди. Из этой политинформации мужики в момент сделали нужный для себя вывод. Мол, конфликт между самыми сильными странами, грозивший ядерной мировой войной, окончательно разрешен. А посему на радостях приняли единодушное решение: хорошенько «обмыть» победу советского и кубинского народов над не в меру распоясавшимся американским империализмом. Тут же из соседнего двора к лавочке притащили тяжелый дубовый стол, а от нас — все имеющиеся в доме табуретки. Из кирзовых сумок, этих непременных атрибутов хозяйственных станичных мужиков, на стол перекочевали с полдюжины поллитровок, горлышки которых традиционно увенчаны плотно притертыми кукурузными кочерыжками. В граненые стаканы многообещающе забулькали «фронтовые» сто граммов — один раз, второй, третий... А из «Спидолы», подвешенной на сучке старой тютюны, будто бы вместо тоста звучало ставшее до боли родным советским людям: *«Песня летит, над планетой звеня, Куба — любовь моя!»*

Василий Коноплев «вернулся с войны» ровно через десять дней — накануне 45-й годовщины Великого Октября. Домой от центра станицы он шел пешком, а впереди него вприпрыжку шелудивым петушком поспешал юродивый Петюня, при этом не забывая беспрестанно горланить:

— Ура-а, дядька Васька с Кубы идет! Он американский самолет сбил: ту-ду-дуф! А медаль не дали! Деда Гордея прогонит от бабы Поли!

На Петюнины скоморошьи выкрики со двора вышла Валентина; скорым шагом она устремилась навстречу Коноплеву. На ходу Василий снял с плеча рюкзак и вытащил из него ее серую сумочку:

— Не довелось мне побывать на Кубе, Валюша. Свезли нас на сборный пункт и все эти дни там продержали. А потом дали отбой и отпустили по домам. Саши твоего

на сборном пункте не видел. И спросить было не у кого. Возьми свою сумочку, там все в сохранности.

Валентина дрожащей рукой взяла сумку, повернулась и медленно побрела во двор. По ее осунувшемуся бледному личику катились горькие слезы отчаяния.

Вот и хатенка Василия. На завалинке, прямо перед собой уткнувшись задумчивым взглядом в землю, старая Полина грелась на еще теплом осеннем солнце.

— Здравия желаю, мамочка,— по-военному бодро отрапортовал Василий. Мать явно не ожидавшая быстрого возвращения сына, невольно вздрогнула и громко запричитала на деревенский лад:

— Что за война такая! И ни одна душа не погибла, и всех кур моих под нож пустили! Как теперь жизнь доживать — ни куренка, ни яичка?!

— Чую, маманя, старый Гордей тебе уже успел мозги вправить. Чтоб духу его в нашем доме не было!

Вечером у Коноплевых снова собрались станичники — встречать земляка «с фронта». Но теперь они вынуждены были прийти со своей выпивкой и закуской — нечего было Полине выставить на стол. И за общим столом подвели окончательные итоги Карибского кризиса. По их подсчетам безвозвратные потери «на кубинском фронте» составили: а) — один погибший американский летчик; б) — все куриное поголовье матери и сына Коноплевых. «Вполне приемлемые для Советской Армии потери», — рассудили станичники, уже затемно расходясь по домам. Откуда им было знать, что Карибский кризис еще не все жертвы собрал в свою копилку: через год в техасском городе Далласе был убит президент США Джон Кеннеди — американская военщина ему не простила антиядерный компромисс с Советским Союзом; через два года был снят с высших партийно-правительственных постов и до конца своей жизни заперт на специальной даче под зорким присмотром КГБ Никита Хрущев — ему не простили авантюры с размещением наших ракет средней дальности на Острове Свободы. Ведь в тот период СССР отставал от США по количеству ядерных зарядов в 7 раз, а по средствам их доставки на территорию противника — в 4 раза.

«Родина или смерть! — это бесстрашных клятва. Солнцу свободы над Кубой гореть! Родина или смерть!»

III

Валентина Васильевна так и не оправилась от шока неожиданной разлуки с любимым Сашей. На наших занятиях она, тихим голосом объяснив нам задание, в молчаливом забытьи устремляла свой рассеянный взгляд на дверь. Как будто ждала, что дверь вдруг резко отворится и в проеме появится рослая, крепкая, статная фигура в военной форме — живой и невредимый ее самый дорогой человек на свете. Но дверь в наш класс так больше никогда и не открылась среди урока. Прасковья Степановна, по-матерински жалея молодую коллегу, частенько отпускала ее домой, а сама, уже немолодая, постоянно курсировала между нашим и своим классами. Каждую неделю Валентина Васильевна отпрашивалась на весь день — ездила в райцентр, в военкомат. Все силилась хоть что-то узнать о судьбе мужа. Уже все станичные мужики, призванные в те тревожные октябрьские дни, вернулись к своим семьям, занялись привычным сельским трудом, а о Саше — ни слуху, ни духу. На каждом приеме военный комиссар твердил одно и то же: «Ваш муж исполняет важное государственное задание Родины. Больше ничего сказать не имею права». И каждый раз убитая горем молодая женщина с заплаканными глазами возвращалась в пустой, ставший чужим холодный дом. Не было у нее ни сил, ни желания даже растопить печь. На следующий после визита в военкомат день Валентина Васильевна не появлялась и в школе. Так продолжалось всю вторую четверть. А в самом конце четверти холодным снеж-

ным декабрьским утром, запыхавшись, в школу прибежала соседка нашей учительницы и поведала Прасковье Степановне, что Валентина Васильевна очень просила срочно вызвать телеграммой ее старшую сестру:

— Вот записка от Вали, там текст и адрес,— женщина протянула сложенный четверо тетрадный лист,— сказала, что ближе сестры у нее никого нет: отец не вернулся с войны, мать в прошлом году умерла от страшной неизлечимой болезни. Да, чуть не забыла, денежку возьмите,— она положила в ладонь Прасковьи Степановны смятый желтоватый бумажный комочек — «хрущевскую» рублевую купюру. Стрельнув глазами по записке, она подошла к моей парте и протянула ее мне вместе со смятым рубликом:

— Вовочка, беги домой, скажи папе, что я просила его помочь. Пусть сядет на мотоцикл и быстренько съездит на почту, отобьет телеграмму. Дело срочное: отправить надо далеко — на Украину.

Пока я бежал домой, мальчишеское любопытство взяло верх — развернул листок, прочитал: «Прошу срочно приезжай мне плохо». В адресе был указан неведомый мне город Днепропетровск.

К вечеру третьего дня у дома Валентины Васильевны остановилась бригадирова двуколка, с которой сошла солидная женщина лет 35-ти. В канун Нового года та же двуколка увозила ее вместе с нашей Валентиной Васильевной на тот самый железнодорожный полустанок, по которому (по «стратегическому» расчету конюха Тараса) американские агрессоры не успели-таки долбануть баллистической ракетой. Несмотря на каникулы, мы всем классом пришли проститься с нашей любимой учительницей. По очереди обнимая каждого из нас, она слабеньким голосочком все повторяла: «Птенчики вы мои, первые!» Мы тогда не хотели верить, что прощаемся с Валентиной Васильевной навсегда...

А дядька Васька Коноплев, возвратившись «с войны», в тот же день выгнал из своей хаты успевшего перебраться к матери деда Гордея. Через неделю он срочно женился: из соседней станицы привез тихую, приятной внешности молодую вдовушку с двумя малолетними дочурками. Своему куму (моему отцу) он во время скромного празднования этого события так объяснил причину спешного расставания с холостяцкой жизнью:

— Сам подумай, кумашок, а вдруг опять объявят войну с Америкой. И меня, холостяка, снова загребут. А так через годик третьим дитем с Катериной обзаведемся, ее девочек удочерю. Вот тогда — накось, выкуси! — резко вздернув правую руку, сжатую в кулак, дядька Васька рубанул по ее изгибу ребром левой ладони.— С тремя малолетками хрен возьмут!

План свой он выполнил досрочно: ровно через девять месяцев у четы Коноплевых родился сын. По настоянию бабы Поли его нарекли Андреем — в честь деда, погибшего в Великую Отечественную войну. На радостях счастливый отец целую неделю обмывал со станичными мужиками рождение наследника. И опять съели, было расплодившихся, кур и петухов бабушки Полины...

IV

Уже давно перестало биться сердце великой страны Советов. Могучей страны, которая в том Карибском кризисе смогла поставить на место главного мирового жандарма — Соединенные Штаты. Через каких-то три десятка лет после тех тревожных событий она в одночасье вдруг распалась на пятнадцать осколков-республик, каждая из которых поспешила объявить собственный государственный суверенитет. Огромное число людей, составлявших единый советский народ, вмиг стали друг для друга иностранцами. Однако, в тот момент никому и в диком сне не могло привидеться, чем все это обернется в недалеком будущем.

Однажды на дисплее моего мобильного телефона высветился незнакомый номер, в котором после плюса вместо привычной семерки стояла цифра 3. Немало подивившись этому, я все же коснулся пальцем кнопки ответа. Бодрый, хрипловатый мужской голос начал диалог с легкой интриги:

— Привет! Не узнаешь?

В ответ я лишь невнятно пробормотал:

— Да, вроде как, ну, в общем... не догадываюсь.

— Ну, ты даешь, одноклассника не признал!

— Ванька, ты? — неуверенно вставил я первый пришедший в голову вопрос.

— Ты, парень, видно, постарел — память стала никудышной: Ванька Цезарь в Молдавии живет. Неделю назад я ему звонил в Бендеры.

— Он не в Молдавии живет, а в Приднестровской Молдавской Республике, — перебил я пока еще неразгаданного собеседника.

— У нас в Украине самопровозглашенные сепаратистские территории государствами не признаются, — довольно жестко перебил меня таинственный собеседник, и, как ни в чем не бывало, продолжил. — В прошлом году он побывал в нашей станице, летал на похороны отца. Зашел к твоей матери, взял номер, по которому я сейчас звоню.

— Раз не Иван, то вообще не догадываюсь, кто ты, — выдохнул я в трубку с легким разочарованием.

— А не с тобой ли на пару после выпускного вечера вместе махнули поступать в политехнический? Ты — на химфак, я — на механический. А потом тебя оставили в аспирантуре, а я распределился в Днепропетровск, на «Южмаш»*.

— Лешка, ты?! Какими судьбами?

— Какими? Тебя порадовать. Привет кое от кого передать.

— От кого? Кроме тебя, я на берегах Днепра никого и не знаю.

— Здорово живешь! А Валентину Васильевну не помнишь? Она всем своим «первым птенчиком» просила меня приветы передать. Кстати, мы у нее оказались и первыми, и последними «птенчиками» — в школу она больше не возвратилась. Подхватывай эстафету — перезвони нашим, чьи номера знаешь.

— Теперь понял, Валентина Васильевна тоже в Днепропетровск от нас уехала. Ты часто ее видишь? Как ты ее нашел?

— Совсем недавно. Свою старую квартиру в Индустриальном районе после рождения внука оставили сыну с невесткой, а сами с Галкой купили двушку в центре города. Переселились на правый берег Днепра. И оказались на одной лестничной площадке с дочерью Валентины Васильевны — Ириной. Ну, теперь-то она Ирина Александровна — важная персона, владелица сети крутых ресторанов, муж у нее — начальник СБУ** нашего миллионного города. А их сын — военный, в 30 лет он уже подполковник ракетных войск, каково, а? Валентина Васильевна частенько навещается к ним в гости, она тут рядом, на улице Пушкина одна живет. Можешь с ней пообщаться. Найди Ирину в «Одноклассниках». У нее фамилия по мужу известная — Кучма. Попроси ее, чтоб видеозвонок организовала, когда Валентина Васильевна у них будет. Она всегда рада весточкам «из прошлого», часто наш класс сгадывает, слезу пускает.

— Вот это да! Наша Валентина Васильевна, оказывается, сваха вашему бывшему президенту?

* «Южный машиностроительный завод» — крупнейшее в СССР предприятие по производству ракетно-космической техники, расположенное в Днепропетровске.

** Служба безопасности Украины — правоохранительный орган специального назначения, обеспечивающий безопасность Украины. Аналог российского ФСБ.

— Малость не угадал, она — теща его родного племянника. Ну, бывай! Звони! А то у меня все гривны улетели за 5 минут звонка в Россию.

В тот же день я зашел на страницу Ирины Кучмы. С главного фото куда-то мимо меня устремила свой лучезарный взгляд очень молодо выглядевшая красивая женщина.

Уверенная в своей неотразимости, она, вразрез с укоренившейся традицией, не скрывала даты своего рождения: 26 июня 1963 года. В скобках указана девичья фамилия — Космачева, та же, что у Валентины Васильевны. Пролистал размещенные на странице фотографии. На одной из них увидел Ирину в обнимку с хорошо сохранившейся, заметно поседевшей приятной женщиной, лицо которой тронуто едва заметной реденькой сеткой морщинок. Силой воображения я начал «разглаживать» ее морщинки и «перекрашивать» ей волосы в темно-русый цвет. И в моей памяти всплыл образ... той нашей молоденькой учительницы из далеких 60-х годов прошлого века. «Все сходится», — мысленно подвел я итог своего поиска. Набрался решимости и написал пространное сообщение Ирине, к которому прикрепил отсканированную копию единственной, наполовину выцветшей фотографии нашего 2-го класса: в переднем ряду на лавке по обе стороны от Валентины Васильевны сидят наши девочки, а мы, мальчишки, как истинные джентльмены, стоим в заднем ряду. И попросил показать это фото маме. В тот же день я получил ответное сообщение: «Добрый вечер, Владимир! Обязательно покажу. Она конечно расплачется... Как быстро прошло время!!! Благодарю Вас за внимание».

А вечером следующего дня, через полсотни лет, я снова увидел живой облик нашей незабываемой учительницы. С минуту мы, рассеянно улыбаясь, молча, сквозь экраны компьютеров глядели друг дружке в глаза. Первой заговорила Валентина Васильевна:

— Я тебя не таким представляла, птенчик мой Вовочка, ты же у меня был самый маленький в классе!

Я растерялся — заранее заготовленный мною сценарий нашей виртуальной встречи был напрочь порушен таким началом диалога. И я стал оправдываться тоном нашкодившего школяра:

— Извините, дорогая Валентина Васильевна, не удалось сохранить себя тем восьмилетним мальчишкой, через год мне уж вылет в «лигу пенсионеров» светит.

Как ни странно, переход нашего разговора в такое «стариковское» русло Валентине Васильевне пришелся по душе, волнительное напряжение первых минут «свидания с прошлым» мгновенно улетучилось и она начала подробный рассказ о своей жизни после отъезда из станицы. Из него я узнал, что муж старшей сестры, первый секретарь Днепропетровского горкома комсомола, сразу же после переезда по большой протекции устроил Валентину Васильевну секретарем начальника одного из ключевых отделов секретного ОКБ № 586 — «Южное». Это позволило новой работнице ровно через три месяца уйти в оплачиваемый декретный отпуск. А когда она вернулась на свое рабочее место, навстречу ей из раскрытой двери своего кабинета шагнул новый начальник — худощавый, выше среднего роста, лет до тридцати возрастом, рыжеволосый, с невыдающейся внешностью мужчина. Приветливо улыбнувшись, он протянул руку своей подчиненной:

— Давайте знакомиться, руководитель отдела испытаний ракетной техники Кучма, — после паузы добавил, — Леонид Данилович.

Вскоре она подружилась с женой своего начальника Людмилой, почти ей ровесницей. Та работала в соседнем отделе ОКБ № 586. Полтора десятка лет спустя Людмила познакомит ее дочь Ирину с племянником своего мужа Владимиром, который через три года после знакомства станет законным зятем Валентины Васильевны. Уже будучи президентом Украины, Кучма поспособствует ей с обращением к президенту России Ельцину с целью прояснения судьбы мужа Саши. Из Центрального архива

Министерства обороны Российской Федерации она дождалась-таки ответа, которого никак не могла получить более трети века: «По документам учета безвозвратных потерь сержантского и рядового состава Советской Армии установлено, что старший сержант Космачев Александр Павлович, 1941 года рождения, исполняя интернациональный служебный долг, погиб 27 октября 1962 года. Похоронен в г. Сантьяго-де-Куба. Перезахоронен в 1978 году в братской могиле на территории мемориального комплекса Эль-Чико на юго-западной окраине г. Гаваны». В начале нулевых лет президент Кучма организовал Валентине Васильевне вместе с Ириной посещение ставшего для них священного места вечного упокоения их мужа и отца.

В итоге я понял, какую решающую роль в дальнейшей судьбе нашей учительницы сыграл именно этот человек — создатель стратегической ракетной техники Советского Союза и второй президент Украины.

Через год идиллия наших общений была неожиданно нарушена — пришло время Крымской весны. Крым, наконец, возвратился в родную гавань — снова стал российским регионом. Его примеру вознамерились последовать другие украинские территории, некогда обжитые русскими и до Октябрьской революции 1917 года входившие в состав Российской империи — от Харькова до Одессы. Через три месяца на Донбассе вспыхнула война за его независимость от Украины. Россия поддержала Донбасс. С тех пор в глазах семьи Валентины Васильевны я стал гражданином страны-агрессора. Резко оборвались все контакты — переписка, звонки, видеосвязь. Звонить продолжал только Алексей. Однажды он сообщил, что Валентина Васильевна просила извинить ее за молчание и сообщить мне, что зять Владимир — высокопоставленный СБУшник — жестко потребовал от нее и Ирины срочно прекратить любые контакты с россиянами, кем бы те им ни были. Иначе, мол, у него самого могут быть большие неприятности по работе.

Более семи лет у меня оставался лишь один канал, по которому мне прилетали редкие весточки о Валентине Васильевне, — одноклассник Алексей. А с началом военной операции по защите Донбасса и уничтожению возродившегося на украинской земле нацизма в бандеровской «обертке» и он захлопнулся. Ранним дождливым февральским утром, едва в окнах забрезжил рассвет, из моего мобильного громко зазвучала со школьных лет знакомая песня: «Ой, Днипро, Днипро, ты течешь вдаль, и волна твоя, как слеза». Не знаю, почему на Лешкин звонок я поставил именно эту песню военных лет? Вроде бы, когда закачивал ее в телефон, никакого дурного предчувствия моя душа не улавливала. Не возникло оно и в то утро. Ткнув пальцем в значок ответа, я недовольно пробурчал:

— Привет, Леша! А что не спиться в ночь глухую?

— А ты что, до сих пор спишь и не знаешь, что случилось? — вместо ответного приветствия донеслось из трубки.

— А что случилось? С Валентиной Васильевной что-то?

— Ты что, правда, ничего не знаешь? Война началась! — во всю глотку кричал в ответ мой одноклассник.

— Тебе это приснилось? Или ты уже с утра «на грудь принял»? Какая война? Кто кому ее объявил? Лешка, с такими новостями не шутят.

— Включи телевизор, поймешь, кто — кому! Вы что, своего Путина остановить не можете? Твоя Россия на нашу страну напала! Что мы вам сделали, чтобы нас так ненавидеть?

Я резко выскочил из-под одеяла, схватил пульт, включил первый попавшийся канал. Шла трансляция обращения президента России. Ровным, уверенным голосом, почти не глядя в заготовленный текст, он чеканил каждое слово: «Народные республики Донбасса обратились к России с просьбой о помощи. В связи с этим в соответствии со статьей 51 части 7 Устава ООН, с санкции Совета Федерации России и во исполнение ратифицированных Федеральным Собранием 22 февраля сего года дого-

воров о дружбе и взаимопомощи с Донецкой народной республикой и Луганской народной республикой мною принято решение о проведении специальной военной операции. Ее цель — защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. И для этого мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации». Заметно убавив звук, я тоже почти кричал в трубку:

— Леша, выслушай меня внимательно, а чего же вы от нас ожидали? Думали, до бесконечности будем в бессилии вытирать ваши плевки на своих щеках? Доскакались вы на своем майдане, доблеялись по-козлиному: «Москаляку — нагыляку!»? Мы что, должны были безучастно наблюдать, как вы пустили на свою территорию заокеанскую военную чуму, причем, пустили намеренно, понимая, что США — наш главный враг, желающий разместить свои ядерные ракеты на территории Украины. Фактически, у нас под носом — как тогда, 60 лет назад они сделали в Турции? Забыл, в какой тревоге в те годы жили наши родители, все станичники? Неужели выветрилось из твоей головы, что наша молоденькая Валентина Васильевна из-за этой авантюры ваших нынешних американских покровителей своего мужа потеряла и на всю жизнь осталась вдовой? Или мы должны были предать жителей ДНР и ЛНР, оставить их на растерзание вооруженных шакалов из боевых отрядов ваших укронациков? Не будет этого, Леша! Хватит, мы долго терпели выходки вашего бандерофашистского режима и его западных хозяев. Настал момент нанести всей этой «собачьей стае» мощный, зубодробительный удар. А вы, гражданское население, здесь причем? Вас никто не тронет, разве что — ваши же собственные головорезы.

— Ты это Валентине Васильевне скажи, у нее внук под Донецком освобождает Украину от сепаратистов и российских агрессоров. Я, наконец, понял, что с русней зомбированной нам, патриотам Украины, говорить не о чем. Прощай, я тебя больше знать не знаю! — резко прервал наш последний разговор мой одноклассник.

* * *

Смогли-таки американские ястребы вновь поставить мир на грань ядерного уничтожения всей цивилизации. Если быть объективным, они никогда и не позволяли отодвинуть человечество от этой роковой черты. Для главного жандарма планеты противостояние с СССР-Россией сродни тому футбольному матчу, что мы не доиграли в детстве с Валентиной Васильевной. Матч, ведь, состоит из двух таймов. Так и наше противостояние с «командой» США — первый тайм с ними состоялся на Кубе в далеком 1962-м. Тогда «первый тайм» закончился вничью. Договорились взять тайм-аут, длившийся долгих 60 лет. Теперь нам навязали «второй тайм» Карибского кризиса, причем, в одностороннем порядке перенесли его на «поле» бывшей советской территории — ныне «незалежной» Украины. Недавно к нам подоспели давние верные «болельщики»: в Москву на открытие памятника вождю кубинской революции Фиделю Кастро с Острова Свободы прилетел президент этого Карибского государства Мигель Диас-Канель. Во время этих торжеств по площади, теперь носящей имя пламенного кубинского революционера, разлетались уже порядком поистертые в памяти лозунги: «Viva Cuba! Viva la libertad! Viva Fidel!»*.

* * *

А тем временем... Подполковник Вооруженных сил Украины Кучма Александр Владимирович, внук Валентины Васильевны, американскими ракетами «Хаймерс»

* «Да здравствует Куба! Да здравствует свобода! Да здравствует Фидель!» (исп.)

продолжает обстреливать российский Белгород — родной город подполковника Вооруженных сил России Коноплева Василия Андреевича, дед которого — круглый тезка — чуть было не отправился воевать за кубинскую свободу. Тот в ответ крылатыми ракетами «Искандер» прицельно бьет по критической инфраструктуре украинского Днепропетровска, родного города Александра Кучмы. Их семьи все чаще вынуждены укрываться в убежищах. Ракеты Коноплева намного чаще достигают намеченных целей, нежели дорогие и уязвимые для ПВО кучмавские «Хаймерсы». Поэтому дорогие мне люди, волей судьбы пустившие свои родовые корни на берегах Днепра, теперь ютятся в холодных квартирах, зачастую — без воды и связи с внешним миром. Мне их очень-очень жаль, но они сами для себя, вольно или невольно, выбрали эту судьбину. А нам теперь тоже отступить некуда. Карибский кризис продолжается. Как закончится его «второй тайм»?

«Родина или смерть! — это бесстрашных клятва».

Рагим Мусаев
(г. Тула)

МОСИН: ТРЕХЛИНЕЙНЫЙ РОМАН
(сцены из жизни тульского оружейника
по мотивам реальных событий)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Действующие лица:

Сергей Иванович Мосин,
тульский оружейник, капитан

Варвара Николаевна Арсеньева,
тульская помещица

Николай Владимирович Арсеньев,
ее муж

Агриппина Матвеевна Шелавина,
ее подруга

Василий Николаевич Бестужев-Рюмин,
начальник Императорского Тульского оружейного завода, генерал-лейтенант

Леон Наган,
бельгийский конструктор

Тула, 1880-е годы.

С. И. Мосин и В. Н. Арсеньева познакомились в 1875 году.
События пьесы начинаются с 1883 года, когда С.И. Мосину исполнилось 34 года,
В. Н. Арсеньевой — 29 лет, ее мужу — Н. В. Арсеньеву — 36 лет,
начальнику ТОЗа В. Н. Бестужеву-Рюмину — 48 лет, а Л. Нагану — 50 лет.
Свадьба героев состоялась в 1891 году.

Явление 1.

*Передняя тульского дворянского собрания.
Входят Варя с мужем.*

Арсеньев. И будьте добры, Варвара Николаевна, улыбайтесь. Мы вышли в общество. Не хватало еще, чтобы ваш скорбный вид стал поводом для новых сплетен. Почему в глазах не искрится счастье?

Варя. Так?

Арсеньев. Хотя бы так. И при виде меня это счастье должно загораться с особой силой.

Варя. Николай, зачем все это? Не мучайте меня.

Арсеньев. Кто еще кого мучает, Варвара Николаевна! Или тот офицерик природно объяснился в любви мне?

Варя. Николай, меня там даже не было... Не знаю, что за разговор случился между вами. Я не давала Сергею Ивановичу ни малейшего повода!

Арсеньев. А что тут знать? Какой-то капитан вызвал меня на дуэль из-за моей же жены! Неслыханно! Вся губерния только об этом и судачит! Поэтому будьте любезны, Варвара Николаевна, изображать сегодня в собрании образцовую супругу, влюбленную в своего мужа.

Варя. Николай...

Явление 2.

Открываются двери зала.

Вбегает Грушенька.

Грушенька (*в зал*). Я только на минуточку! (*Арсеньеву*) Николай Владимирович! Как я рада вас видеть!

Арсеньев. Агриппина Матвеевна, вы как всегда очаровательны! (*жене*) Варенька, я жду тебя в зале. (*в двери*) Петр Максимович! Какая радость!

Арсеньев уходит в зал. Двери закрываются.

Грушенька. Варенька, душа моя! Я так рада! Ты здесь с Николаем!? Драматично! Как вы? Ну, я скажу, ты штучка!

Варя. Грушенька, умоляю тебя, не нужно...

Грушенька. Конечно-конечно! Я сразу не поверила. И Лиза не поверила, и Софья Николаевна, Катя и Зиночка Лодыженские тоже... Я сама всех объездила и лично расспросила.

Варя. Стыдно-то как...

Грушенька. Так, все-таки, да?

Варя. Что «да»?

Грушенька. Полно скромницу изображать. Дуэль! Из-за тебя! И где, в нашей Туле! И правильно. Столько лет затворницей просидеть, пока Николай в столицах на широкую ногу... Я понимаю, он красавец-мужчина, но...

Варя. Груша, мне неприятен этот...

Грушенька. Я вообще удивляюсь, как ты терпела все его похождения.

Варя. Ничего не было...

Грушенька. Только не говори, будто ты одна ничего не знала. Говорят, его даже видели в Кашинском* переулке! Возле того дома!

Варя. Какого дома?

Грушенька. Святая простота! Для свиданий. С девицами. Теми самыми.

Варя. Сергея Ивановича?

Грушенька. Какого Сергея Ивановича? Николая! Твоего мужа! Николая Владимировича. А Сергей Иванович это тот самый Моськин?

Варя. Его фамилия Мосин.

Грушенька. Откуда же мне знать. В дворянском собрании он не бывает, вечера не устраивает. Но как ты на меня взглянула! Драматично!

Варя. Что мне делать?

* Ныне Центральный переулок г. Тулы.

Явление 3.

Входит Мосин.

Мосин. Добрый вечер! Варвара Николаевна, можно вас на минуточку.

Варя. Сергей Иванович! Вы? Здесь? Оставьте меня!

Грушенька. Сергей Иванович!? Конечно-конечно! Варвара Николаевна, я жду вас в зале.

Грушенька уходит.

Мосин. Варвара Николаевна, прошу, выслушайте меня.

Варя. Что вы наделали? Зачем наговорили мужу? В Туле обо мне теперь судачат Бог знает что. Мое доброе отношение к вам вы расценили как... как... Неужели я такая?

Мосин. Вы совсем не такая. Именно это в вас и подкупает. Вы все еще верны мужу, хоть он вас давно бросил.

Варя. Впервые за семь лет жизни в Туле вы явились в дворянское собрание, чтобы говорить гадости?

Мосин. Вы готовы любить даже его, потому что нуждаетесь в любви.

Варя. Как вы смеете? Я не давала вам повода, даже намека...

Мосин. Да, мне пришлось найти повод самому.

Варя. Вы негодяй!

Мосин. Я люблю вас, Варвара Николаевна.

Варя. Как вы смеете!? Я вас ненавижу... Ненавижу...

Мосин. Будьте моей женой.

Варя. Сумасшедший... Вы же сумасшедший! Это невозможно! Для этого вам нужно сначала убить моего мужа.

Мосин. Я готов.

Варя. Нет! Не вздумайте! Обещайте мне здесь и сейчас!

Мосин. Обещать что?

Явление 4.

Входит Арсеньев.

Арсеньев. Я вам не помешаю? Смотрю, сударыня, у вас уже до обещаний дошло. А вам, господин капитан, трех суток ареста за прошлые художества не хватило, чтобы подумать?

Мосин. Хватило, Николай Владимирович. Должен сознаться, что раскаиваюсь. В прошлый раз я позволил себе непозволительную мягкость. Вы, сударь, подлец по отношению к своей жене и трус по отношению ко мне.

Арсеньев. Да как вы смеете...

Мосин. Прошлого вызова вы испугались и пожаловались на меня начальству. Поэтому я повторяю вызов.

Арсеньев. Какой вызов?

Мосин. Господин Арсеньев, вы подлец и трус. Я вызываю вас на дуэль. Извольте выбрать оружие для поединка.

Арсеньев. Вы рехнулись. Что за детские игры? Какая дуэль? Пытаетесь произвести на дамочку впечатление романтическими кульбитами?

Варя. Николай!

Арсеньев. Дуэль! Это же средневековье. Да он начитался романов вашего кузена господина Тургенева!

Варя. Не трогай хотя бы Ивана Сергеевича, он вообще в Баден-Бадене.

Арсеньев. Конечно, в Баден-Бадене! В Туле благородному человеку делать нечего!

Мосин. А что благородные люди делают в Петербурге, пока их жены растят их детей в Туле? Вы не назвали оружие.

Арсеньев. Какое оружие?

Появляется Грушенька.

Мосин. Обычное — пистолеты, шпаги или сабли. И соблаговолите сообщить, когда вы пришлете своих секундантов.

Арсеньев. Секун... Я... Я буду... жаловаться! Я этого так не оставлю! Вы еще не знаете, какие у меня связи!

Арсеньев спешно уходит.

Варя. Что вы натворили!

Грушенька. Драматично!

Явление 5.

*Кабинет начальника Императорского Тульского оружейного завода.
Бестужев-Рюмин, Мосин.*

Бестужев-Рюмин. А ты, батенька, оказывается хулиган? Надо же было столько лет сухарем прикидываться! А тут нате! В Дворянское собрание пришел. Молодец. Давно тебе говорил, негоже в одиночку вечера просиживать. Да ты там шуметь вздумал! Голос почто повышал? Или ты ломовой извозчик?

Мосин. Василий Николаевич, я...

Бестужев-Рюмин. Ты начальник инструментальной мастерской Императорского Тульского оружейного завода. Ты хоть понимаешь, что ты за фрукт? Это, батенька мой, самое сердце оружейного производства. Без него мы так, деревенские кузнецы. Назови другой завод в России, способный создавать свой инструментарий для большого оружейного производства?

Мосин. Нет такого, Василий Николаевич.

Бестужев-Рюмин. А в Европе или Америке?

Мосин. Да и там поискать нужно...

Бестужев-Рюмин. Поискать? Хорош гусь! Ну иди, поищи! А я посмотрю. Черта лысого найдешь и только! Все одно, сегодня наша мастерская по точности и сложности работ первая в мире.

Мосин. Ну уж и в мире...

Бестужев-Рюмин. Назови! Ты назови, где еще? Или я чего про оружейное дело не знаю?

Мосин. На сегодня, может, и первая в мире.

Бестужев-Рюмин. Может? Ты хоть представляешь, сколько миллионов в оборудовании нашего завода Государь Император вложил?

Мосин. Представляю.

Бестужев-Рюмин. Очень плохо, что представляешь. Точно знать надо. Перед тобой какая задача стоит? А ты как мальчишка голоштаный куражишься. За нарушение тишины в Дворянском собрании лично от себя объявляю тебе выговор. Не позорь завод и меня.

Мосин. Так точно, ваше превосходительство! Василий Николаевич, там не совсем так было...

Бестужев-Рюмин. А про это я вообще слушать не хочу. Голова у тебя, батенька, светлая. А мысли, ой, глупые! Что влюбился наконец — это молодец. Я за тебя, бы-

ло, уже и переживать начал. А то, что в чужую жену... Они пред Богом венчаны. И не думай возражать! Негоже так. Понял?

Мосин. Василий Николаевич...

Бестужев-Рюмин. А раз понял, работать надобно. Оно и от дурных мыслей врачует, и для отечества пользительно. Россия ждет твой проект новой винтовки. И времени осталось мало...

Мосин. Вы про тот конкурс? Василий Николаевич, вы всерьез верите, будто из ста пятидесяти винтовок выиграет наш тульский образец?

Бестужев-Рюмин. Верю, Сережа. Верю. Тула больше ста пятидесяти лет — первое оружейное производство России. Кто, как не мы?

Мосин. После провала Крымской компании нашу армию уже перевооружили лучшей в мире однозарядной винтовкой системы Бердана. Про Тулу никто не вспомнил.

Бестужев-Рюмин. Перевооружили. А сколько доработок в ее конструкцию было внесено? А сколько из них нами? Все одно, берданка — это прошлогодний снег. Европа и Америка уже многозарядное скорострельное оружие осваивает. Нашей однозарядной берданкой только кур смешить.

Мосин. Пуля — дура, штык — молодец.

Бестужев-Рюмин. Да! И Суворов прав. Прав! Был сто лет назад, в свое время. С тех пор наука оружейная куда шагнула? И ружья кирпичом не чистят, и стволы у винтовок больше не разрывает, и точность стрельбы такая, что нашим дедам не мечталось. Что пять лет назад в последнюю войну с турком творилось, помнишь? Какими бы храбрецами наши в рукопашный ни шли, только наш солдатик с винтовкой, бьющей на триста шагов, — против турка с английской винтовкой, бьющей на тысячу, это заведомый покойник.

Мосин. Английские и американские винтовки тоже несовершенны.

Бестужев-Рюмин. Пока да. Много задержек, поломок и отказов по вине магазинов. Скорострельность опять же слабовата. Но у них они уже есть! А у нас еще нет. И без них теперь никуда. Сережа, будущее за многозарядным оружием. Новые войны не солдат штыком на поле выигрывать будет, а оружейник в своей мастерской. Ты же понимаешь, сколько новая винтовка жизнью нашим солдатикам спасти может?

Мосин. Может. Только никогда еще русская винтовка на вооружение российской армии не принималась. Наши столичные чиновники так привыкли находить все российское отсталым и преклоняться перед всем иностранным...

Бестужев-Рюмин. Чую, куда клонишь. Это ты про Нагана?

Мосин. Про него. Или слабый противник?

Бестужев-Рюмин. Напротив. Самый что ни наесть сильный.

Мосин. Воля ваша, Василий Николаевич, только русской винтовке хода все равно не дадут. Все наши усилия прахом пойдут.

Бестужев-Рюмин. Каждый солдат должен носить в своем ранце маршальский жезл! Значит, нужна такая винтовка, перед которой любая западная детской игрушкой покажется. И уже русскому победителю слава достанется мировая.

Мосин. Не о славе мне сейчас думается.

Бестужев-Рюмин. Кстати, не о славе. Граф Арсеньев в прошлый раз жаловался на тебя мне, а теперь написал начальнику артиллерии Московского военного округа. Оттуда пришел приказ: «Рассмотрев дело об оскорблении, нанесенном капитаном Мосиным в публичном месте тульскому землевладельцу Арсеньеву, распорядился подвергнуть капитана Мосина за учиненный им в публичном месте поступок домашнему аресту в течение двух недель с исправлением служебных обязанностей».

Мосин. Так точно, ваше превосходительство!

Бестужев-Рюмин. Вот во время ареста и думай. О ней. О винтовке! Не о чужой же жене!

Мосин. Хоть они и пред Богом венчаны, только он ее не любит.
Бестужев-Рюмин. А кто любит? Ты что ли?
Мосин. Я. Зачем он пред Богом в любви клялся? Это бесчестно.
Бестужев-Рюмин. Кто ж тебя таким честным воспитал...
Мосин. Я ее люблю...
Бестужев-Рюмин. Только кроме меня это не говори никому.
Мосин. Почему? Это правда.
Бестужев-Рюмин. Когда Бог хитрость раздавал, ты где пропадал?
Мосин. В оружейной мастерской. Как обычно.
Бестужев-Рюмин. Ну так туда через две недели и явишься. С идеями для новой винтовки. А пока домой, шагом марш! (*Мосин уходит.*) Наивная голова. И светлая. И слишком наивная...

Явление 6.

Усадьба Арсеньевых в Судаково.

Варя и Агриппина.

Варя. И теперь он уехал в свой Петербург.
Грушенька. А ты с детьми снова в имении одна? Драматично! То есть теперь он нашел вескую причину для своих отлучек в столицу!? Мерзавец!
Варя. Сказал, я его опозорила, и больше он не вернется.
Грушенька. Да он все время только в Петербурге и пропадает. Приедет, доход с имения заберет, и обратно.
Варя. Ты не права!
Грушенька. Да, забыла! Приедет, деньги заберет, удивится, как сыновья за год выросли, и в столицу, дальше жизнь прожигать. А сейчас он еще и испугался, что твой капитан его на дуэли пристрелит.
Варя. Никакой он не мой.
Грушенька. И почему так жизнь скроена: если жена добродетельна, муж обязательно забубенный попадетя. Коли муж хорош, так всю землю обойдет и в жены непременно стерву отыщет. Если дети кому не нужны, так не ходи к бабке — косою десяток народится. А кому нужны...
Варя. Ну что ты, Груша... Грушенька... Будут и у вас с Петром Максимовичем детки...
Грушенька. Будут... Мне в этом году уже двадцать шесть будет... Я старуха...
Варя. Не говори глупости: и в двадцать шесть прекрасно рожают, и в двадцать девять...
Грушенька. В двадцать девять? И кто у нас в двадцать девять рожать собрался? Варя...
Варя. Что?
Грушенька. Что «что»?
Варя. Я не понимаю...
Грушенька. Живота пока не видно, говорю.
Варя. Откуда ты узнала?
Грушенька. Тула — город маленький. Если чей-то экипаж больше часа стоит у дома женского доктора, то выводы сами напрашиваются.
Варя. И кто еще знает?
Грушенька. Тула — город маленький: все один пряник грызут, с одного самовара хлебают.
Варя. И что говорят?
Грушенька. Об отце гадают.
Варя. Как это...

Грушенька. Ну, говорят, мужа твоего на дуэль не просто так вызвали. В свою очередь он оскорбился и уехал... Тоже не просто так...

Варя. Ты намекаешь... Агриппина, как ты можешь!? Как не стыдно такие гадости обо мне...

Грушенька. Ты, Варвара, дома монашкой сидишь, никуда не выезжаешь. Извини, но сказать тебе я была должна. Знаю, ты не такая. Вот только наши кумушки скорее в гадости поверят.

Варя. Но почему?

Грушенька. В доброе неинтересно. Драматизма нет. Да... Погубил Мосин твою репутацию. Да и над ребеночком нагульным посмеиваться долго будут.

Варя. Ненавижу его... Ненавижу...

Грушенька. Я, между прочим, интересовалась. Твой Мосин совсем не Моськин. На оружейном он какой-то туз, и на него большие надежды возлагают.

Варя. За что мне все это? Что теперь? Что делать?

Грушенька. А выход один только — Мосин должен на тебе жениться.

Варя. С ума сошла? Невозможно. Я замужем. У меня двое сыновей.

Грушенька. Уже почти трое. А вообще по животу смотреть надо. Если круглый будет — девочка, ну а если огурцом тарашится — мальчик.

Варя. Ты откуда знаешь?

Грушенька. Оттуда, что бодливой корове Бог рогов не дал. Знаешь, если старухе в двадцать девять родить можно, то уж замуж пойти — проще пареной репы.

Варя. Это невозможно... Невозможно...

Явление 7.

*Кабинет начальника Императорского Тульского оружейного завода.
Бестужев-Рюмин, Мосин.*

Бестужев-Рюмин. И это крайне остроумно! Пружина в таком магазине будет постоянно подталкивать рейку вперед, подавая тем самым очередной патрон, а специальный рычаг — возвращать ее в исходное положение. Ай да Сергей Иванович!

Мосин. По чести сказать, идея принадлежит австрийцу Шульгофу. Я только до ума ее довел.

Бестужев-Рюмин. По чести сказать, на Земле семь нот всего и есть. Только одни их умеют в песни складывать, а другие нет. Да и песня песне рознь. Одна душу веселит, сама собой поется. А другую раз услышишь и больше вспоминать охоты нет. Так и в оружейном деле. Ты помнишь, кто и когда изобрел у ружья ствол, мушку или, к примеру, ложе? И никто не вспомнит. Только каждый певец их на свой манер перепевает. И тут порой форма одного единственного винтика судьбу целой винтовки решить может. Идея серединного магазина Нагана тоже не им рождена, он ее заимствовал у Манлихера.

Мосин. Только вот что я подумал, Василий Николаевич. Магазин новой системы — это хорошо, но мало. Пора не просто винтовку образца 1870 года усовершенствовать. Если уж дело делать, нужен проект новой винтовки. Принципиально новой. Старые сани сколько не поновляй, все одно новые шибче едут.

Бестужев-Рюмин. И что же в старой берданке не по тебе?

Мосин. Для начала нужен новый затвор с выделенной боевой личинкой, ударно-спусковой механизм...

Бестужев-Рюмин. Так это вообще другая песня! Молодец! Вижу, ты все же решил побороться за первое место в конкурсе.

Мосин. Ничего такого я, кажется, не говорил. Конкурсом пусть занимаются те, кому нужно. Я лишь внес предложение по усовершенствованию.

Явление 8.

Входит Арсеньев.

Арсеньев. Позвольте, ваше превосходительство?

Бестужев-Рюмин. С кем имею честь...

Арсеньев. Николай Владимирович Арсеньев, землевладелец. Я имел честь письменно обращаться к вам по поводу поведения вашего подчиненного.

Бестужев-Рюмин. Да, действительно. Капитан Мосин понес назначенное наказание. В свою очередь заверяю вас, что подобный инцидент...

Арсеньев. Я ценю ваше участие, ваше превосходительство. Однако оно меня мало занимает.

Бестужев-Рюмин. Для чего же вы здесь?

Арсеньев. Ответить на вызов господина Мосина. Он был так красноречив в Дворянском собрании. Это произвело такое впечатление на дам!

Мосин. Так каков же ваш ответ?

Арсеньев. Если не ошибаюсь, он в руках у его превосходительства. Приказ начальника артиллерии Московского военного округа. Я же вас предупреждал о связях. Или вы наивно полагали, что я стану с вами стреляться? Смешной вы.

Мосин. Но отвергнуть дуэль — это бесчестие.

Арсеньев. Вы где красивых книжек читались? Опомнитесь, на дворе конец девятнадцатого века. Миром правят деньги и связи. У кого они есть — тот и в почете.

Мосин. Вы ничтожество!

Арсеньев. Я реалист. Поэтому я предлагаю вам сделку.

Мосин. Что вы предлагаете?

Арсеньев. Сделку. Вы выплачиваете мне пятьдесят тысяч рублей. Я развожусь с женой и всецело отдаю ее в ваши честные руки.

Мосин. А дети?

Арсеньев. Какие дети? Ах, дети! Да, их уже трое. Впрочем, последний непонятно на кого похож. Я разрешаю вам воспитать их достойными гражданами нашей великой страны.

Бестужев-Рюмин. Вы себе представляете процедуру развода?

Арсеньев. Вполне. В юности я окончил училище правоведения. Суду нужно представить не менее двух свидетелей, кои смогут удостоверить факт присутствия при процессе прелюбодеяния супруга или супруги.

Мосин. Мерзавец! Вы не посмеете!

Арсеньев. Тише! Я не захочу. Ибо два лжесвидетеля — это расходы. Поверьте, немалые. Так что я просто объявлю себя перед судом несостоятельным по мужской линии.

Бестужев-Рюмин. Вы готовы на это?

Арсеньев. За пятьдесят тысяч.

Мосин. Вы... вы...

Арсеньев. Да, я — подлец. Зато богатый и счастливый. Я живу как хочу и получаю от этого огромное удовольствие. А ты — сама честность и благородство, только что в жизни кроме своих железок да портянок видел? И что ты Варю предложить можешь? А за Варю? У тебя же денег даже на свадьбу нет. С хлеба на воду перебиваешься, последний хрен без соли доедаешь. А туда же... Счастливо оставаться, господа! Бог даст — свидимся! В Санкт-Петербурге!

Арсеньев уходит.

Явление 9.

Бестужев-Рюмин и Мосин.

Бестужев-Рюмин. Связи... Деньги... Вот мне интересно. Откуда он узнал. Информация не то чтобы секретная, но и широкой огласке не подвергалась.

Мосин. Что узнал?

Бестужев-Рюмин. Ты призом для победителя конкурса интересовался?

Мосин. А смысл? Все равно победитель назначен заранее.

Бестужев-Рюмин. Пятьдесят тысяч рублей.

Мосин. Где ж их взять... Это же цена среднего завода. Или табуна породистых скакунов. Или мое жалование почти за сто лет...

Бестужев-Рюмин. Автор лучшей винтовки получит пятьдесят тысяч.

Мосин. Рублей?

Бестужев-Рюмин. Слизняк он, конечно, редкостный. Но сейчас, сам того не понимая, сделал доброе дело. Сережа, боюсь, у тебя просто нет выбора. Это все же дуэль. И теперь твой выстрел. Или ты оставишь этого павлина без ответа?

Явление 10.

Где-то в Туле.

Мосин и Варя.

Мосин. Варвара Николаевна, ваша записка... Я так рад видеть вас...

Варя. Прошу вас, тише, Сергей Иванович. О нашей встрече не должны знать. И так уже много чего говорят...

Мосин. Извините, я совсем не подумал о вас... Я вас скомпрометировал.

Варя. Скомпрометировали... Это так приятно, что меня еще можно скомпрометировать. Мать троих детей, на которую муж давно не обращает внимания.

Мосин. Вы прекрасны. Ваш муж просто слеп.

Варя. Добрая жена не должна слушать такие речи о муже.

Мосин. Вы будете моей женой.

Варя. Это невозможно.

Мосин. Верьте мне, я обещаю.

Варя. Вы грезите. Этому не сбыться.

Мосин. А если вы ошибаетесь?

Варя. Тогда я стану самой счастливой женщиной в мире! Что я говорю... Сергей Иванович, я просила о встрече с тем, чтобы молить вас меня забыть.

Мосин. Но вы любите меня?

Варя. Почему вы выбрали именно меня?

Мосин. Я вас не выбирал. Вы всегда были моей. Просто встретились мы не сразу. Так давайте будем счастливы здесь и сейчас.

Варя. Этот разговор не имеет смысла. Здесь и сейчас.

Мосин. Что же имеет смысл, если не любовь?

Варя. Прощайте...

Мосин. Оставайтесь! Мы поговорим о другом.

Варя. О чем?

Мосин. Все равно, только не уходите.

Варя. Чем вы заняты на службе?

Мосин. Сочиняю новую винтовку.

Варя. А чем плоха старая?

Мосин. Со старой не выиграть конкурса, чтобы заплатить вашему мужу.

Варя. Так это правда? Он меня продает. За сколько?

Мосин. Пятьдесят тысяч.

Варя. По крайней мере, дорого...

Мосин. Только не плачьте. Старая винтовка Бердана образца 1870 года однозарядная, 4,2 линии, кроме того...

Варя. Что значит 4,2 линии?

Мосин. Точнее 4,23 линии. Линия — это... Это калибр, диаметр ствола. Проще говоря, 4,23 линии — это почти 11 миллиметров. Только у оружейников принято измерять линиями. Это английская система измерений. В одном дюйме десять линий. Так понятнее?

Варя. Нет. Зачем английская система, есть же русская?

Мосин. Не знаю. Так принято. Просто все известные образцы оружия разработаны иностранцами.

Варя. Значит, ваши шансы получить выигрыш минимальны? Неужели вы не понимаете, он просто смеется над нами. Нам никогда с нашими тремя линиями не разобратся. А вы говорите, четыре с чем-то...

Мосин. Что? Как вы сказали?

Варя. Забудьте меня. Прошу вас...

Мосин. Не то... Три линии? Варя! Это же все меняет! Конечно, три! Трехлинейка! Это улучшит дальность и убойную силу. Кроме того, уменьшит вес патронов, что крайне важно в бою. Варя, я люблю вас! Люблю!

Варя. Сумасшедший! Сумасшедший!

Явление 11.

Петербург. Конкурсные испытания.

Мосин возится с чертежами.

Входит Наган.

Наган. Сергей, я хочу лично поздравить вас с выходом в финал и сказать, что для меня огромная честь встретиться с таким достойным соперником.

Мосин. Благодарю вас, Леон. Это взаимная честь.

Наган. Никогда еще не приходилось общаться с русскими оружейниками. Ваша отсечка удивительна проста, но при том эффективна. Впрочем, простота и эффективность и составляют вашу отличительную черту. Только я никак не пойму, как вы решили отражатель?

Мосин. Его нет.

Наган. Вы шутите?

Мосин. Нет.

Наган. Но этого не может быть!

Мосин. Вы правы. Его функции выполняет как раз отсечка.

Наган. Нет!

Мосин. Да. Да вы поглядите сюда.

Мосин показывает Нагану чертежи.

Наган. Фантастика! А это магазин?

Мосин. Верно.

Наган. Оригинально. А это что?

Мосин. Смотрите, здесь все подписано.

Наган. Действительно. Подписано. Сергей, скажите, в России есть инквизиция?

Мосин. В России много других чудес, инквизиция — это европейское изобретение.

Наган. Тогда вам ничего не угрожает. Признайтесь, вы ведь продали душу дьяволу?

Мосин. Моя фамилия Мосин, а не Фауст. Просто в этом чертеже вся моя жизнь.

Наган. Восхитительно! У вас талант, молодой человек! Несомненный талант конструктора!

Мосин. Вы преувеличиваете.

Наган. Я констатирую. Из полутора сотен систем выбрали именно вашу трехлинейную винтовку.

Мосин. Точнее, наши винтовки. Кстати, я с интересом изучил бы ваши чертежи.

Наган. Конечно! Обязательно. Но сначала я должен в них кое-что пересмотреть. А потом нужно готовиться к последнему этапу конкурса. И вообще, меня волнует проверка на загрязненность.

Мосин. Чего волноваться, дело военное. Извалиют наши винтовки в грязи, потрясут в ударно-спусковой механизм земли и устроят очередные стрельбы.

Наган. А проверка на ржавчину?

Мосин. Перед стрельбой трое суток выдержат винтовки в чанах с водой.

Наган. Не знаю как вам, а мне жалко свои образцы. В них столько вложено денег. Если испортят, я же не смогу их перепродать.

Явление 12.

*Кабинет начальника Императорского Тульского оружейного завода.
Бестужев-Рюмин и Мосин.*

Бестужев-Рюмин. Я же говорил, что каждый солдат должен носить в своем ранце маршальский жезл! Поздравляю, Сережа!

Мосин. Спасибо, Василий Николаевич! Вы с самого начала верили в меня.

Бестужев-Рюмин (*читает*). «Испытания опытных образцов винтовок Нагана и Мосина показали близкие результаты, однако в силу простоты устройства и неприхотливости в бою победа присуждена винтовке Мосина. Ко всему прочему, в производстве одна винтовка Мосина против винтовки Нагана дешевле на два — три рубля, что в масштабах Российской Империи обернется для казны миллионами рублей экономии». А вот и обещанная награда. Получи и распишись.

Мосин. Василий Николаевич, но здесь только тридцать тысяч. Говорили же пятьдесят...

Бестужев-Рюмин. Ты только не кипятись.

Мосин. Я спокоен. Просто мне интересно, когда я смогу получить остальные двадцать.

Бестужев-Рюмин. Комиссия решила их удержать.

Мосин. Как удержать? Почему?

Бестужев-Рюмин. При разработке своей трехлинейки ты пользовался заводским оборудованием, получал бесплатное сырье. Вычеты на брак, опять же...

Мосин. Ваше превосходительство, вы...

Бестужев-Рюмин. Сережа, я сделал, что смог. Это не все. По решению комиссии, ты должен заменить в своей винтовке магазин.

Мосин. Зачем? Он же...

Бестужев-Рюмин. На магазин системы Нагана.

Мосин. Что? Вы... Они... Но зачем? Ведь выиграла моя винтовка. Или я выжил из ума? Я ничего не понимаю. Ваше превосходительство ... Василий Николаевич... Как же так?

Бестужев-Рюмин. И это не все. Наган получит за участие в конкурсе двести тысяч рублей.

Мосин. Вы уверены, что проиграл Наган? Абсурд. Заменить магазин нетрудно, но в этом же нет смысла...

Бестужев-Рюмин. Есть. Министерские умники уверены были в победе Нагана. И он их веру щедро умаслил. С ним еще до конкурса контракт на двести тысяч заклю-

чили, независимо от результатов. Теперь, чтобы как-то объяснить Государю эту огромную выплату проигравшему, магазин в твоей винтовке должен быть заменен на магазин системы Нагана.

Мосин. Наган... Это же оскорбительно для него. Он разве не...

Бестужев-Рюмин. Наган вопреки обещаниям оказался в роли проигравшего, поэтому теперь строчит министру гневные письма, доказывая, что все детали твоей винтовки украдены у него. Вот, полюбопытствуй (*дает Мосину бумагу*).

Мосин. Это не честно. Скосы на упорах, отсечка, отражатель... Это мои идеи. Он же сам говорил о том, как это хорошо придумано.

Бестужев-Рюмин. Наивная ты душа, Сережа. А теперь Наган утверждает, что придумал все он, даже способ наполнения магазина путем выталкивания патронов из пачки при помощи пальца.

Мосин. А чем, кроме пальца? Еще до нас так было. Это же само собой разумеется...

Бестужев-Рюмин. Это на третьей странице внизу. Мне вот интересно только, палец все же придумал Господь, или тоже Наган?

Мосин. Василий Николаевич, как же это? Да я... Я поеду в Петербург, я дойду до Государя, я объясню ему...

Бестужев-Рюмин. Что тебе не хватает двадцать тысяч?

Мосин. Я скажу правду.

Бестужев-Рюмин. Думаешь, он не знает, что его чиновники берут?

Мосин. Говорил я вам, никогда еще русский мастер не побеждал иностранных.

Бестужев-Рюмин. Никогда. Пока не появился ты.

Мосин. Разве это победа?

Бестужев-Рюмин. Победа! Еще какая!

Мосин. Смеетесь? Василий Николаевич, это же все равно обман и издевательство.

Бестужев-Рюмин. Да. Но на твоей стороне кое-что посерьезнее денег.

Мосин. Что же?

Бестужев-Рюмин. Правда.

Мосин. Кому она нужна. Я больше в нее не верю.

Бестужев-Рюмин. А вот это правильно. Давно пора. А то все «это нечестно, нечестно». Оглянись! Где ты свою правду видел? Есть только выгода. И у каждого она своя. Дети лгут родителям, жены — мужьям, мужья — женам, продавцы — покупателям, начальники — подчиненным... Все продается и все покупается. Человек человеку — волк.

Мосин. А любовь?

Бестужев-Рюмин. А любовь, как говорят в Кашинском переулке, придумали, дабы не платить денег.

Мосин. Василий Николаевич, вы ... шутите?

Бестужев-Рюмин. Я иногда шучу, а ты сейчас врешь.

Мосин. Я вру? Кому?

Бестужев-Рюмин. Себе самому прежде всего. Ежели ты не веришь в правду, ежели она никому не нужна, так иди и застрелись из своей же винтовки. Не верить в правду — проще простого. Только если человек в нее не верит, он очень скоро забудет, какой она вообще бывает. А коли нет эталона, то и ложь от правды отличить невозможно. Соврал себе раз, соврал два, соврал три. И вроде удобно устроился. А на душе кошки скребут, и жить не хочется. Потому как душу не обмануть. Она к правде стремится и на дешевые заменители не согласна.

Мосин. Прошу вас, не нужно философии.

Бестужев-Рюмин. Не нравится? Это не философия, это жизнь. Твоя первая правда в том, что ты влюбился. Так? Так. Вторая правда — девку опозорил.

Мосин. Я...

Бестужев-Рюмин. Вот, подтверждаешь. А третья правда в том, что стоило тебе с трудностью столкнулся, как ты лапки вверх поднял и бабой дурной заголосил: «Пожалейте меня!»

Мосин. Так больно же...

Бестужев-Рюмин. Хорошо, раз больно. К выздоровлению. Ты Нагана на лопатки уложил и себя Богом возомнил? Решил, больше в жизни бед не будет? Так я вот что тебе скажу: они у тебя только начинаются. Талант без препятствий не дается. И без правды. Потому как без маяка правды ты в этих препятствиях увязнешь и потеряешься. И только зная правду, ты найдешь дорогу к победе. Главное не ври себе. Никогда. Как бы ни хотелось.

Мосин. Что мне теперь делать?

Бестужев-Рюмин. Не дурить. Плетью обуха не перешибешь. Замени магазин и принимай заслуженные почести и поздравления. Завтра будет объявлен приказ о производстве тебя из капитана сразу в полковники и награждении орденом Владимира третьей степени. Поздравляю.

Мосин. Да... Да.

Бестужев-Рюмин. Сережа, а она красивая. Очень.

Явление 13.

Где-то в Туле.

Мосин и Наган.

Наган. Сергей! Я рад вас видеть.

Мосин. Чем обязан?

Наган. Для начала хочу лично поздравить вас с победой. Ваша трехлинейная винтовка запущена в производство и поставлена на вооружение одной из крупнейших армий мира. Вы заработаете хорошие деньги.

Мосин. Вы тоже неплохо заработали.

Наган. Да, но пришлось делиться с хорошими людьми. Вы меня понимаете. И у нас с вами есть возможность заработать еще. Причем очень хорошо заработать.

Мосин. Мне неприятно вас видеть.

Наган. Сергей, вы не ребенок. Бросьте ваши детские обиды. Что было, то было. В следующий раз будете умнее. Ничего личного, только коммерция.

Мосин. Коммерция?

Наган. Хорошая коммерция. Для вас и для меня. Вы же умный парень! Я уполномочен сделать вам предложение от имени парижской фирмы «Рихтер». Фирма предлагает вам продать ей право на производство и использование вашего магазина в их винтовке Гра.

Мосин. Почему бы им не воспользоваться вашим магазином, который нынче вставляют в мои винтовки?

Наган. Сергей, моя винтовка отвергнута не только Россией, но и моей родной Бельгией. Там я проиграл Маузеру.

Мосин. Не знал.

Наган. Теперь вам легче? Тогда вернемся к делу. «Рихтер» предлагает вам шестьсот тысяч франков.

Мосин. Магазин разработан на Императорском Тульском оружейном заводе.

Наган. Он разработан вами. Французам будет вполне достаточно вашей подписи в контракте.

Мосин. Нет.

Наган. Разумно. Я уполномочен увеличить сумму гонорара до одного миллиона франков.

Мосин. Уходите.

Наган. Вы не любите французов?

Мосин. Я не люблю непорядочных людей.

Наган. Как это «порядочный»? Сергей, меня не интересуют странности русского языка.

Мосин. Вас интересуют деньги.

Наган. Кажется, мы начинаем понимать друг друга. Я также уполномочен передать вам предложение о покупке патента на вашу винтовку от военного атташе США Генри Аллена...

Мосин. Убирайтесь!

Наган. Я не понял...

Мосин. Убирайтесь. Ничего личного, только коммерция.

Наган. Сергей! Давайте поговорим! Куда же вы! Сергей! Сколько? Назовите вашу цену...

Явление 14.

Усадьба Арсеньевых Судаково.

Грушенька и Варя.

Грушенька. Варя, ты опять меня не слушаешь? Сколько можно изображать из себя мумию?

Варя. Для мумии я слишком молода.

Грушенька. Если будешь хоронить себя заживо, очень скоро станешь соответствовать.

Варя. Мне все равно.

Грушенька. Тебе что? Во-первых, у тебя дети. Во-вторых, уныние — тяжкий грех. А в-третьих, вот! Самое главное! «Тульские губернские ведомости».

Варя. Я не хочу новостей.

Грушенька. Эта новость вернет тебя к жизни.

Варя. Прошу, не нужно...

Грушенька. Где же... Вот! Я должна тебе это прочесть: «Сим уведомляем, что 25 ноября 1891 года Большая Михайловская премия в сумме тридцати тысяч рублей присуждена начальнику инструментальной мастерской Императорского Тульского оружейного завода капитану Мосину С.И.».

Варя. Присуждена кому?

Грушенька. Твоему Мосину, который не Моськин. Слушай же: «Премия сия учреждена в 1845 году профессиональным сообществом российских оружейников и присуждается каждые пять лет за лучшее изобретение в оружейном деле». Вот. Тридцать тысяч!

Варя. А вдруг это неправда?

Грушенька. Это же газета! В газетах никогда не врут. Ты хоть понимаешь, что это значит?

Варя. Не очень.

Грушенька. Варя, не разыгрывай меня!

Варя. Это еще ничего не значит. Прошло столько времени. Он мог меня разлюбить.

Грушенька. Глупости! Он не такой.

Варя. Ты его не знаешь.

Грушенька. Зато я знаю тебя. Ну, улыбнись же!

Варя. Кажется, ворота скрипнули.

Грушенька. Показалось. Кто к тебе кроме меня ходит? Тем более в такой час. Да и ты уже сонная. Видно с тобой сегодня каши уже не сварить. Газету я все же оставлю. Мне пора.

Варя. Заезжай, Грушенька. Мне с тобой не так одиноко.

Входит Мосин.

Явление 15.

Те же и Мосин.

Грушенька. Сергей Иванович! Поздравляю вас с победой в конкурсе. Мне, наверное, пора... Драматично!

Груша пятится и уходит.

Мосин. Варвара Николаевна... Я так рад видеть вас... Вы будете моей женой?

Варя. Это невозможно. Нет. Нет...

Мосин. Варя, у меня теперь есть деньги. Я заработал!

Варя. Вы никогда не полюбите меня. Разве можно любить за деньги? И чем я лучше буду тех девушек, в Кашинском переулке, зарабатывающих своим телом? Вы богаты, молоды, талантливы. Вы дворянин, теперь полковник, Государь пожаловал вам Владимира третьей степени. Вы мировая знаменитость. А я? Что могу предложить вам я? Мою увядшую красоту? Трех сыновей, носящих фамилию своего отца? Я скромная деревенская насадка, вхохчущая над своим выводком. Младшему вытереть нос, среднему залечить ссадину на коленке, старшему справиться новую курточку. Накормить, приласкать, обогреть. Поставить на крыло. Я больше не смогу родить. Мой мир — мое гнездо. Ничего больше. Вы достойны большего. За вас теперь любая пойдет с радостью. А я... Меня забудьте. И простите. Здесь и сейчас.

Мосин. Мать моя умерла, когда мне и трех лет не было. Я ее почти не помню. Точнее, мне хочется думать, что я ее помню. Ни лица, ни голоса... Осталось лишь ощущение ее рук. Теплых, мягких. Это все, что я помню о своем гнезде. Больше его у меня не было. Никогда. Один кадетский корпус, другой... Отец делал что мог, лишь бы вывести нас с братом в люди. Один Бог знает, что он провернул ради бумаги, подтверждающей наше несуществующее дворянство. Без этого меня не приняли бы на учебу. И я учился. Мальчишкой, лежа под колючим одеялом в общей кадетской спальне, мне до слез хотелось хоть на мгновение прижаться к маме. Военное училище, михайловская академия. Казенная квартира при заводе. Я никогда не любил ни одну женщину. Мне было и некогда, и не на что. Если бы вы знали, как я устал от всего этого казенного. Когда я увидел вас с детьми, я понял: если любовь и существует, то это вы. Да я и винтовку эту придумал, лишь бы получить шанс на место в том самом гнезде, где кому-то все время нужно вытирать носы и лечить сбитые колени. Поверьте мировой знаменитости: вдвоем это делать сподручнее. Не гоните меня. Вы не меньше меня одиноки и нуждаетесь в любви. Я люблю вас. Люблю! Здесь и сейчас.

Варя. Сумасшедший! Сумасшедший...

Мосин. Это значит — да?

Поцелуй.

Влюбленные кружат в вальсе.

Занавес.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Евгений Асташкин
(г. Омск)

СМЕШНОЙ

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. Лескова.

Незнамо, что и думать об иных превратностях милосердия...

Завелся у Вадима новый друг — из поздних. В таком возрасте, когда тебе за полтинник, новые прочные знакомства — почти ископаемая редкость. Ближе всего на свете для тебя дружки детства и юности, пусть они всегда пребывали в ранге «оторви да выброси». Они-то знали тебя первоклашкой или безусым юнцом, вместе тусили на танцульках. И хоть всех расшвыряло по свету, да и ты ради мегаполиса покинул свой не видимый на карте закуток, а все равно рад выудить что-то из интернета про давних знакомцев. Изредка появляются на ленте разные фотографии, где ты узнаешь тех оболтусов. Это так ласково. У большинства если и сложилась судьба, то в кукиш. Молодость прогуляна беззастенчиво, словно она неисчерпаема.

Новый друг обрелся случайно. По выходным Вадим частенько забредал на местный блошинный рынок. Понадобится хорошее советское сверло Р-18, только там еще можно найти. Любой инструмент подыскать за копейки. И попутно высмотреть какой-нибудь раритет у старушки — мельхиоровый подстаканник с изображением первого спутника и даже механический перекидной календарь, на котором меняются цифры на металлических вкладышах. Изделие ленинградского монетного двора. Видал такой еще в детстве у кого-то в гостях, а тут вот он, перед глазами, да еще почти задаром! Как не прихватить? Это все-таки частичка твоего пролетевшего прошлого.

По рынку, где люд со своим хламом располагался на огромном пустыре, этот парень изрядного возраста ходил с многоскоростным велосипедом. Тоже что-то высматривал, любопытствовал. Однажды от безденежья и Вадим вынес на продажу пятитомник Киплинга маленького формата. Уже давно проглочено, перечитывать вряд ли будет. Велосипедист, как всегда в своих очках с почти черными линзами-хамелеонами, пробирался между торгашей и наткнулся взглядом на ношу Вадима.

— Купил? Или продаешь?..

— Второе ближе к истине,— замысловато ответил Вадим. Здесь все так выражались. Спросят, сколько стоит вещь, ответят: рубль. А это означает тысячу.

— Можно посмотреть? — велосипедист прислонил к себе двухколесного неразлучного спутника и стал поочередно раскрывать томики.

— Я как раз искал в суперобложке. Сохранились. Сразу виден аккуратист.

— Я к своим книгам всегда отношусь по-человечески.

— Сколько просит душа? — без предисловий выпалил очкарик.

— Три сотни.

— Я думал, будет дороже, — велосипедист резво полез в карман куртки и вынул ассигнации. — Хватит или добавить?

Никто так не вел себя на базарчике — себе в убыток. Этим незнакомец сразу расположил к себе Вадима. Его потянуло на расспросы.

— Собираешь библиотеку?

— Да, кое-что набралось. В основном подписки.

— Я тоже давно этим болею. Дома уже некуда ставить книги.

Так сразу и подружились. Артем оказался на диво эрудированным. Постоянно носил в своем рюкзаке разные гаджеты: компактный ноутбук, кнопочный телефон, айфон и зарядные устройства к ним. Все это, в том числе и средство передвижения, он купил по объявлениям, чтобы сэкономить.

Пересекались они теперь на этом рынке. Артем вел себя своеобразно. Если ему кто-то звонил, он ронял велосипед у ног Вадима и принимался расхаживать взад-вперед по сложившимся тропинкам среди торгашей, разговаривая через микрофон, что висел у него на шее; издали казалось, что он говорит в пустоту. Разговор всегда длился сверх всяких лимитов, словно это было таким важным делом — растрчивать себя на болтологию. Еще у него была привычка — при общении он не переставал шариться в интернете на своем айфоне, водя по экрану пальцем, — словно боялся что-то упустить.

В очередную телефонную отлучку Вадиму подмигнул знакомый торговец, указывая глазами на расхаживающего Артема:

— Интересный у тебя друг. Он...

Вадим насторожился, ожидая либо приговора, либо ироничного словечка. Если брякнут что-то обидное, это по касательной заденет и его: скажи, кто твой друг. Но торговец оказался добродушным, он переступил через заминку, завершив:

— ... твой друг — смешной.

И действительно — похоже, что не совсем от мира сего по нынешним меркам.

Вадим вникал в образ мышления нового друга постепенно, не пытаясь влезать в чужую душу. Артем официально никуда не устраивался. Подрабатывал на овощном рынке. Утром развозил товар по лоткам, а вечером забирал остатки на склад. Выходило больше средней зарплаты, это его устраивало. Только тяжело было тащить на телеге ящики общим весом под четыреста кило. Поначалу даже не мог сдвинуть с места телегу на низких колесах, потом приноровился. Только жаловался:

— Уже пять лет так. Не знаю, сколько еще выдержу. Уже позвоночник пошаливает...

Многое оставалось непонятным. Почему Артем на съемной квартире? За нее надо выкладывать ползарплаты. Правда, на сей раз ему повезло: хозяин квартиры скрывается от алиментов и потому пустил квартирантов. Берет всего по три тысячи, лишь бы следили за квартирой и оплачивали все квитанции. Раз в полгода объявляется, чтобы забрать деньги с троицы.

Родители Артема остались в Кемеровской области. Уже пенсионеры. Есть еще младший брат, который работает в военизированной охране. Сразу после школы Артем сменил среду обитания.

— Я как поступил в Омский политех, так больше и не вернулся домой, — объяснял Артем в разговорах. — Уже двадцать лет торчу здесь. Рано женился, дочка уже закончила школу.

Вадим особо не допытывался до сугубо личного, хотя недоумевал: почему его знакомый скитается по чужим углам? Ясное дело, что личная жизнь не задалась. Собрать по несчастью.

Постепенно при общении в пунктирных чертах стало примерно так выглядеть нынешнее положение друга на координатах сиюминутности, то есть на данную секунду времени. Брак сокрушился после пятнадцати лет. «Не пойму, зачем меня угораздило жениться так рано?» Развелся по какой-то важной причине. При его всеобъемлющей терпимости и всепрощенчестве супружница, по-видимому, действительно вытворила что-то из ряда вон. «Я знал, что она мне изменяет, но чтобы до такого дошло...» На свою долю в оставленной однушке он махнул рукой. Ее купили сообща, теща тоже вложилась. После развода жена перебралась к матери, а квартиру стала сдавать. Теперь вот надумала ее продавать, чтобы помочь дочке с ипотекой. Одношка в аварийном доме, много за нее не выручишь. А на долю Артема приходится четвертинка. К тому же дочка поступила в тот же политех на платное отделение. Каждый семестр обходится в двадцать тысяч.

Жена так больше никого и не нашла, зато Артем женился вторично — на молодой в пятнадцать лет разницы. Он продемонстрировал Вадиму ее фотографии на айфоне: — Посмотри. Вот какая!..

И даже прикрикнул от удовольствия.

Вадим сквозь отпечатки пальцев на экране увидел метисочку с превалированием татарских черточек. Элегантная раскосость, чернь прядей, сочность губ. Сама смазливость. Владелица этих черт осознавала свою привлекательность — взгляд вызывающе торжествующий. С примесью кровей Вадим угадал, ее папаша-пропойца родом из казанского улуса. Он пропилил все, что мог, жена сбежала в неизвестном направлении. А сам он тоже потерялся в какой-то сибирской глуши, может, уже и нет его.

— Пятый год живу с Венерой, — не скрывал своей удачи новый друг. — Поначалу даже спокойно пройти с ней по улице было затруднительно. Тут же начинали клеиться к ней какие-то хлыщи. Видят, что не одна, а все равно лезут, словно я пустое место. Конечно, — очкарик, ботаник. Можно и отодвинуть в сторону. Один даже кинулся в драку, когда стал прогонять его. Смотри, какой орел — бухнулся вплотную к моей, когда мы присели на скамейку в парке. Не ожидал, что ему хорошенько прилетит. Опешил даже. Я ведь в институте занимался боксом.

Когда Вадим стал интересоваться, кем работает его новая пассия, Артем заметно стушевался. Вообще нигде! Тридцать лет, а трудовую книжку так и не завела. «Ее всегда снабжали кавалеры. Я ее отбил у одной кампании. Венера и не боится за себя, желающих на нее хоть отбавляй».

— Да, — почесал затылок озадаченный Вадим.

— Венера чуть что повторяет мне: какой ты старый! Меня это, конечно, задевает, хотя ее можно понять. Представляю, если бы моя половинка была старше на пятнадцать лет!..

— Она так и собирается беспечно порхать? — не удержался от сарказма Вадим, поняв, что у друга гораздо больше проблем, чем он ожидал. — Минимальную пенсию таким стрекозам назначают к семидесятилетию. Представляешь? Тогда тебе стукнет уже восемьдесят пять.

— Я ее пробовал пристроить на овощном базаре. Пару недель поторгует у кого-то на подхвате, и все, на большее не хватает духа. Хорошо, что один жилец ушел с квартиры, хозяин разрешил вселить в ту комнату Венеру.

Артем купил контейнер и поставил его рядом с той пятиэтажкой, на отшибе, где начинается сквер. Там сейчас хранится бортовой мотороллер, тоже купленный по случаю. Надо только перебрать мотор.

— А где ты будешь искать на него запчасти? Такую технику уже давно не выпускают. И зачем это тебе?

— Когда-нибудь обзаведусь дачей, пригодится. А запчасти буду высматривать по газетным объявлениям. И на этом базаре посматриваю среди железяк, постоянно спрашиваю у торгашей, но пока удача не на моей стороне...

Артем обещал прийти к Вадиму в гости — посмотреть библиотеку. Свои книги он перетаскивал с одной квартиры на другую, поэтому они у него хранились в коробках. Это было его главным богатством. Что и роднило, ведь большинство сейчас избавляется от всего печатного.

В осеннюю распутицу вдруг раздался звонок на домашний телефон Вадима, узнаваемый голос Артема:

— Выручай! Внезапно вернулся хозяин и всех нас попросил с квартиры. Больше он не боится алиментов, дети стали совершеннолетними. Дал неделю на сборы. Прямо как снег на голову! Можно мне перевезти к тебе свои вещи? Как найду новое жилье, все заберу.

Вадим как раз достроил в саду времянку, где намеревался хранить инструмент и все, мешающее в доме. Он думал, у Артема не так уж много имущества, и дал согласие. Но когда подъехала к его дому автолавка, оказалось, что она почти до потолка забита магазинными картонками. Им было несть числа.

Стали заносить все это во времянку и заставлять ее до самого потолка. Постепенно она полностью заполнилась, остался лишь узенький проход. Видно было, что Артем рад до смерти, что удалось пристроить вещички, хотя и сильно потеснил кого-то.

Постепенно у Вадима сложилось понятие о шахтерском городке Польшаево, где родился Артем. Там кроме угольных шахт ничего больше нет. Население в основном занято на подземных работах. Отец Артема заработал силикоз и уже еле передвигает ноги. Теперь понятно, почему Артем не стал возвращаться на родину. Лишь изредка навещает родных.

Но вот он засобирался туда, получив телеграмму,— отец в реанимации. Поездом Артем больше не пользовался, нашел в интернете ресурс, где дальнбойщики подбирали попутчиков. Так выходит дешевле.

По возвращении Артем позвонил Вадиму, чтобы поболтать. Оказалось, что он уже успел влезть в кредит, чтобы оплатить похороны.

— Как так? — не понял Вадим.— У тебя же брат там живет. Почему ты все взял на себя?

— Брат сказал, что у него нет денег.

— Такого не может быть! Работает не абы где, там приличная зарплата, у него же и звание имеется.

— Говорит, что все жена выгребает...

— Это какое-то кощунство. И сколько ты взял в банке?

— Сто тысяч. В «Тинькове».

— А сколько придется отдавать? Я могу выделить тебе штуку. Сам знаешь, сижу на копейках. Добираю стаж на заводе, а он дышит на ладан. Половину сотрудников собираются сократить в три приема...

Теперь друг стал заложником ежемесячных выплат банку. Опоздает на день — сразу штрафные санкции. Денег стало не хватать, он взял потребительский микрокредит, чтобы картой оплачивать покупки. «Подумаешь, всего один процент в день!..» Такая беспечность удивляла. Еще и хорохорится. Но через несколько месяцев до него дошло, наконец, сколь коварен этот «процент». Сумма займа удвоилась и стала расти в геометрической прогрессии.

Беда не приходит одна. У Артема пропал тот контейнер, что стоял возле пятиэтажки. Среди бела дня неизвестные погрузили его краном на машину и увезли в неизвестном направлении.

Но это не особо выбило Артема из колеи. «У меня есть еще один контейнер, возле гаражей». В нем он собирал макулатуру. Некоторое время подрабатывал разноской рекламных газет, остатки складывал на балконе съемной квартиры. Когда тот переполнился, купил контейнер и все перенес туда.

Сначала макулатуру принимали по рублю за кило. Теперь цена поднялась до де-

сяти рублей. Вадим подсказал Артему, что пора сдавать макулатуру, хоть какие деньги выручит, чтобы побыстрее избавиться от коварного микро-кредита. Даже пообещал помочь с погрузкой.

В назначенный воскресный день Вадим прибыл к этому гаражному району, где его поджидал у ворот Артем, на сей раз в непривычном виде обыкновенного пешехода. Но при своем рюкзаке. Стали углубляться внутрь мимо проходов с многочисленными воротами на дверях. Вот проскользнули в небольшую лазейку промеж кирпичных стен и оказались на небольшой площадке. Артем беспомощно оглядывался. Перед ним на асфальте красовалось квадратное пятно.

— А-а! — растянул обескураженный поводырь.— Куда делся контейнер?

Он даже пробежался по площадке до ее конца, пришлось и Вадиму нарастить скорость — за ним следом. Стало ясно, что и этот контейнер исчез, только хозяину неловко признаваться в этом.

— Все ясно,— проронил Вадим.

— Да вот тут он стоял,— Артем уткнулся сквозь темные очки на квадратное пятно.— Надо спросить у дежурного, может, что видел...

Обескуражено побрели к выходу. Дежурный, схоронившийся в высотной будочке у ворот, отрицательно мотнул головой в свое окошко. Ничего обнадеживающего он, конечно, не озвучит, ну может еще пожать плечами...

Так и ушли отсюда не солоно хлебавши. Заявлять в органы о краже бесполезно, это понял Вадим по сокрушенному помалкиванию обычно говорливого спутника. И здесь невезуха и ущерб.

Омскую прописку Артем утратил при разводе, а без нее официально не устроиться на работу. Первая жена вдруг стала снова обихаживать его, без экивоков предлагала вернуться к ней. В подтверждение своих намерений нашла бывшему подходящую работу на котельной, где с недавних пор была уборщицей. Освободилось место дежурного при газовом котле, оклад довольно приличный. Надо поспешать, желающих найдется немало. Бывшая срочно прописала у себя потерянного благоверного, и его охотно приняли на работу посменно,— у него все-таки высшее образование, пить, как некоторые прямо на смене, вряд ли будет.

Только далековато придется ездить — на самый конец левобережья. Даже автобусы не доходят до той околицы, рабочих подвозит ведомственный транспорт, собирая их в определенных местах.

Вадим, прохаживаясь по своему двору, заметил, что у него прогорела сверху асбестовая труба,— потянулась вниз глубокая трещина, зачерненная сажей. Приближается ноябрь с обычным всплеском холодов. Пришлось на строительном рынке срочно купить двухметровую железную трубу, она оказалась не столь тяжелой. На плече донес ее до дома. Но одному с заменой не справиться, кто-то должен придерживать, пока будешь обкладывать ее кирпичом понизу.

Обзвонил несколько своих знакомых, но, к его удивлению, все они под благовидными предложениями уклонились от почетной роли побыть на подхвате. Одна надежда на Артема. Тот сразу после ночной смены приехал — безотказный и обязательный. Тут же полез по приставной лесенке на крышу, где Вадим уже начал отбивать старую трубу. Кладка оказалась удивительно прочной, отскакивали мелкие куски, показалось армирование.

Почти до вечера Артем дрог на ветру, пока не отбили старый кирпич. Иной раз крошки летели ему в лицо, но он не роптал. Потом приладили к отверстию дымохода железную трубу. Вадим обложил ее снизу на полметра. Чтобы не рухнула от ветра, пришлось сделать трехстороннюю проволочную растяжку. И все это время друг придерживал трубу.

Уже в сумерках сели на кухне ужинать. Вадим запасся хорошим винцом. Его мать дотянула до девяноста, но и она не вечная. Теперь в одиночестве хозяйничает во

всем просторном доме. Разговорились, хотя Артем по обыкновению поглядывал одним глазом на светящийся экран айфона. От этого его слух притупился, и он порой переспрашивал, о чем шла речь.

К первой жене возвращаться он не намерен. «Располнела до неузнаваемости, а я по натуре перфекционист». От второй тоже радости мало. Он снял комнату в общежитии близ котельной, отсюда до работы пешком минут пятнадцать. Венере показалось в общежитии скучно. Ушла жить к какому-то бездельнику, на десять лет моложе самой. Ушла не просто так, а прихватив всю наличность, которую Артем по оплошности оставил на столе. «Ну и пусть! Может, избавлюсь от нее...»

Он даже как-то встретил их вместе. Губошлеп был на целую голову выше Венеры. Она не стала уклоняться от встречи, разглядев опытным глазом всепрощенчество в глазах законного суженого. Даже разговорились. Артем по-хозяйски спросил у здоровья:

— Ты не обижаешь Венеру?

Тот совсем по-мальчишечьи замотал головой и стал как ни в чем не бывало балагурить. Даже указал на ближнюю «хрущевку»:

— Вон там мы живем в пятой квартире. Можешь заходить в гости.

— А ты где работаешь? — поинтересовался Артем.

— Нигде, — по-простецки выдал парень.

Ничего себе парочка — двое безработных. Может, родители снабжают парня, чем-то же надо кормить великовозрастную пассию. Она вовсе не выглядит недоедающей.

— А ты все там же, в общаге? — напоследок спросила Венера.

— Я знаю эту общагу, — тут же подхватил парень. — И мы к тебе будем заскакивать в гости. Ты в какой комнате?

После этого Артем еще раз встретил того парня на улице. Тот опять без всяких церемоний первым подошел к нему и стал балакать. Даже пожаловался:

— Представляешь, Андрюха, твоя Венера заставила меня взять микро-кредит, в той будочке. Двадцать кусков.

— И как ты согласился?

— Сам не знаю. Был подвыпивши. А ты, вижу, нормальный мужик...

До Артема дошло, что у парня, по-народному, явно «не все дома». Поэтому и не берут на работу. Ну да черт с ними. Пусть живут, как знают. С Венерой он собирался разойтись. А парня ждут веселые времена, хотя он об этом пока не знает. Скоро тоже узнает на своей шкуре, что такое «всего один процент в день».

Долги Артема действительно одолели. Он пространно размышлял:

— Я могу перекредитоваться, чтобы срочно погасить этот мини-займ, а то уже скоро до ста тысяч дойдет...

— Как это?

— Возьму в Сбербанке льготный кредит, сейчас там как раз акция.

— Да ты так совсем увязнешь!..

— Сейчас главное — закрыть микро-кредит. Жулики оказались...

Вадим хотел дать приятелю пару тысяч за подмогу с трубой, но тот категорически отказался:

— Я не люблю так считаться. Я же по дружбе помогаю. Может, и ты мне в чем можешь...

— Ты же еще прикормил котельную дворнягу.

— Она уже привыкла, что я ей всегда что-то даю. Покупаю по дешевке на том овощном рынке разные обрезки свинины у одной знакомой.

— Специально туда едешь?

— Набираю целый пакет — на неделю. На работе пса запретили поважать, раньше он прямо в цехе ночевал. А теперь караулит меня за проходной. Как увидит — сразу несется ко мне...

* * *

У Вадима давно атрофировалось чувство одиночества. Уныние считал слабостью. У него общения хватает, знакомые имеются, да и старшая сестра стала приезжать на все лето. Там дымятся в округе торфяники, дышать нечем, в Омске летом значительно комфортней. Сестра старше на семь лет и до сих пор у нее прорывается что-то из той почти забытой старозаветной поры, когда она называла его, несмышлениша, тетешными словечками. Скажет что-то такое и сама засмеется.

Теперь она словно шефствует над ним. Как заводная, день-деньской ходит с тяпкой и лейкой по огороду, пока он на работе. Не дает ему тратиться, сама оплачивает магазинные покупки.

— Наконсервирую тебе на всю зиму, чтобы ни в чем не нуждался...

Обратила внимание, что шифер на четырехскатной крыше покололся от старости, подернулся лишайниковой зеленью. У всех в округе крыши уже из полосатого профиля, лишь он как бедный родственник. Заставила его сделать обмеры крыши и съездить на фирму, занимающуюся раскроем крашенных оцинкованных листов. Он выбрал вишневый цвет, прямо при нем на компьютере рассчитали, сколько каких отрезков железа потребуется для крыши. Через неделю его заказ доставили на дом вместе с декоративными уголками и саморезами, у которых большая шляпка. Сестра опять не дала ему рассчитаться с менеджером и сама оплатила немалую сумму. «В Москве у всех пенсии побольше, нежели на периферии...»

Вадим опять вспомнил Артема. Только на него надежда, одному с перекрытием кровли не справиться. Кому-то надо подавать наверх листы, придерживать их, пока ввинчиваются саморезы. За один день не получится, надо ждать, когда у Артема выпадут два выходных дня и чтоб была хорошая погода.

Артем опять не подкачал, явился в назначенный день прямо с работы. Пришлось искать ему робу. Сначала надо избавить крышу от шифера. Вадим заранее подумал, как его утилизировать. В первый день разобрали лишь половину крыши,— хоть и следили за прогнозом, вдруг пойдет дождь. Намокнет потолок, и тогда дом станет непригодным для жилья. Крыша истлеет и провалится.

Вадим подавал куски отодранного шифера, Артем выносил его на улицу за ворота и укладывал до дороги. Потом его можно мелко раскрошить, будет хороший подъезд, без грязи, да и трава там не будет расти, а то приходится ее за лето скашивать два-три раза. Обнажились стропила, Вадим боязливо косился на облака, когда Артем подавал ему наверх листы профиля согласно приложенного плана. На углах Вадим наискосок отрезал лишнее. До вечера успели прикрыть эти зияющие пустоты, последний лист прикручивали уже в потемках, на ощупь.

Сестра заранее протопила баньку, потому что оба труженика безбожно пропылились, измазались. Стол на кухне тоже был готов, изобиловал тефтелями, куриными ножками, салатами, грибным супом. Вадим давно такого не едал, все больше заваривал роллтон из брикетиков. Артем и заночевал в гостях.

На следующий день работать стало полегче, так как подавали листы уже со стороны веранды, их не надо было особо придерживать. Однако не обошлось без казуса. Под ногами на опилках крыши валялась от старого хозяина совковая лопата без черенка. Она была из толстого железа. Пригодится. Артем взял эту железяку и полез по стропилам наверх, чтобы скинуть ее у сарая, который был в огороде рядом с забором. Осмотрелся — никого внизу нет, лишь сестра на огороде. Только бросил железяку, как вдруг из-за угла выскочил Артем. Вадим шестым чувством уловил, что маршруты друга и вертящейся в воздухе увесистой железяки непременно пересекутся. От неожиданности у него отнялась речь, он только тупо смотрел, как произойдет неизбежное: лопата спланировала на голову друга и скользнула по макушке, отскочив в сторону.

— Е-мое!..

Артем присел на землю, обхватив голову руками. Вадим мигом слетел вниз по лестнице и подбежал к другу. Нет, ран на голове не видно. Обошлось...

— Черт! Как ты? Я не ожидал, что ты появишься из-за того угла.

— Да терпимо,— проронил сквозь зубы Артем.— Только побаливает голова...

Хорошо, что железяка планировала плашмя, если бы ребром угодила в голову, пробила бы точно. И зачем он пошел вокруг дома, где никто не ожидал?..

Кое-как доделали третью сторону, наживив листы, а на четвертой было слуховое окно с дверцей. Эту сторону Вадим сам доделает, тут придется повозиться, подгоняя листы и делая вырезы. Сестра будет придерживать снизу палкой листы.

Намедни Вадим занял Артему три тысячи и теперь вспомнил об этом.

— Можешь не отдавать долг. Пусть это будет штрафом за твое увечье.

Артем пытался отнекиваться:

— Да я отдам, когда смогу.

— Все, эта тема закрыта! — отчеканил Вадим.— Мне бы дороже обошлось нанять кого-то в помощь.

Отпустили Артема пораньше, с утра ему на работу. Голова у него перестала болеть, лишь на макушке вскочила шишка. Надо было напоследок налить другу хороший стакан вина, но спиртное, даже самое легкое, сестра не праздновала — от слова категорически...

Потом сестра смеялась, любуясь обновленной нарядной крышей:

— Чуть не убили твоего друга. И зачем он пошел с той стороны через крапиву?..

После отъезда сестры на кухне и в сарае образовались целые заторы из разнокалиберных банок с соленьями. Чего только не наготовила она по разным рецептам. Последние дни он даже ругался, видя, как та доводит себя до изнеможения у газплиты, стерилизуя банки. Ведь она перенесла тяжелую операцию и долго находилась в искусственной коме. Ее вывели из нее только после третьей попытки. И после этого так истязает себя работой...

* * *

В семье Артема снова случилось несчастье — внезапно умер младший брат. Никогда не болел — и вот тебе. Опять надо ехать в Польшаево.

— Можно я у тебя оставлю на недельку свой велосипед? Меня опять довезет дальнобойщик до Кемерово, а там сяду на маршрутку.

Артем приехал в девять часов вечера со следами снега на капюшоне и плечах. Уже заноябрило, не сезон для таких колес.

— Не понимаю, как ты зимой мотаешься из края в край на велике? — сокрушался Вадим.— Выйдет боком такая экономия...

Артем уже простужался, ложился на обследование. Подозревали начальную стадию туберкулеза при таком кашле, но все обошлось. Оказалась застарелая пневмония.

Время еще оставалось для чая. Это друг любил, останавливался лишь на пятой-шестой кружке. Идти на загородную трассу придется пешком к одиннадцати часам. Автобусов уже не будет. Часть пути можно срезать через лесок, а потом еще пересечь Южный поселок — до троллейбусного кольца.

Артем подтвердил по айфону, что к полуночи будет ждать машину на трассе за кольцом.

— И не боишься таким макаром добираться? Разное случается в пути...

— Почему? С попутчиков требуют паспортные данные, подстраховываются.

— Тогда другое дело...

Вадим с замиранием сердца смотрел, как фигурка с рюкзаком удаляется в конец темного переулка. Сейчас будет поворот налево и в лесок. Жуть. Кругом ни души, фонарей в этом месте нет. Минут сорок топтать снег.

Спустя неделю Артем вернулся и сразу позвонил Вадиму. Оказалось, что его брат застраховал свою жизнь на два миллиона, и это наследство перейдет не жене с детьми, а его матери. Через полгода ей надо будет хлопотать, обращаться к нотариусу. «Но там уже я подключусь...»

— Представляю, как она расстроилась...

— А она так ничего и не поняла,— тут же пояснил Артем.— Не захотели ее расстраивать. Да она уже все на ходу забывает. Ей сказали, что сын уехал на заработки, она и поверила. Проблема теперь с ней. Еле ходит, не может платить по счетам, покупать продукты. Я попросил соседей по квартире, чтобы помогли ей. Им за это с каждой материнской пенсии две тысячи идет. Но я одного не могу понять. Холодильник у нее всегда пустой. Пенсию принесли неделю назад, а у нее уже ни гроша. Говорит, ничего не помню, куда уходят деньги...

— Да что тут непонятного? Ее эти соседи и обворовывают.

— Хотел обратиться в социальную службу, чтобы прикрепили за ней специалиста, но не успел — надо на работу.

— Вот ты через полгода и попроси у матери денег, чтобы помогла оплатить твои кредиты. Ты взял третий кредит и зачем-то назвал в Сбербанке мою фамилию. Мне уже звонили, спрашивали, где тебя найти.

— Да это не опасно. Ты же не поручитель. Зато я закрыл микро-кредит.

— Но все равно мог бы хоть предупредить заранее...

— Я немного задержал с выплатой, вот они и суетятся.

— Теперь на это наследство ты можешь погасить другие долги и купить квартиру. Заберешь к себе матушку, а то ты очень редко с ней видишься...

— Я уже говорил ей об этом. Она не хочет никуда переезжать.

— А ты и не спрашивай, раз она уже плохо соображает. Будет при тебе. А то так и продолжают грабить ее. Пользуются ее беспомощностью.

— Наверно, так и придется сделать.

Вадим даже порадовался за друга: наконец он выберется из безвыходного положения. Зря братец увильнул от расходов на похороны отца, вот бог и наказал его за это. Хотя вслух такое лучше не произносить...

Но судьба продолжила отпускать по адресу Артема злые шутки. Через полгода Вадим напомнил ему, что пора ехать к матери и решать наследственные дела. Тот долго собирался, что-то прикидывал. Пока телился, произошел форс-мажор. В своем Польшасево Артем узнал, что матери уже кто-то перечислил деньги на карту. Он взял у нее эту карту и дошел до ближнего банкомата. Код у матери был записан на бумажке. Оказалось, что на счету вместо двух миллионов всего девятьсот тысяч.

Он бегом домой.

— Мам, ты кому давала эту карту?

— А у меня Шурка-внучок просил немного денег.

— Ничего себе немного! Он снял больше половины...

Сын младшего брата успел подсуетиться. Недаром он учится на юриста. Хорошо хоть что-то оставил, мог бы и все заграбастать...

На оставшиеся деньги Артем решил купить дачу с жилым домиком, на квартиру этого не хватит, даже в коммуналке. Он даже переслал Вадиму по скайпу фото нескольких дач. Вадим посоветовал искать вариант поближе к работе, это самое главное.

Но чужих советом друг не слушал. Зачем-то купил дачу в противоположной от работы стороне — в пяти километрах от города.

— Но как же ты будешь добираться оттуда на работу? Об этом ты не подумал хорошенько?..

— Летом до конца двадцатого октября из этого дачного поселка ходит автобус. Еще есть электричка, но она ходит лишь раз в день.

— А что ты будешь делать зимой? На велике не проедешь тридцать километров до работы.

— Буду оставлять его у тебя и добираться с твоей остановки. Оттуда ходит прямая маршрутка.

* * *

В один из воскресных дней Артем уговорил Вадима приехать к нему на дачу — пусть оценит его приобретение.

— Садись на свой советский велик и выезжай за город. На переезде перейдешь железнодорожную линию. Там тянется загородная трасса до нашего дачного поселка. Проедешь по прямой три километра, а на повороте я тебя буду поджидать. Не заблудишься. На всякий случай прихвати с собой сотовый.

Вадим так и сделал. Попутешествует. За переездом он нашел заглушенное с обеих сторон тополиной порослью асфальтовое полотно и устремился по нему вдаль. Лишь изредка мимо него проносились легковушки. Когда показались домишки, дорога под прямым углом завернула вправо. На обочине маячила фигура велосипедиста.

Дальше поехали вместе по сузившейся прямой дороге, на которой не было ни души.

— До меня еще пара километров, я замерял на спидометре.

Здесь не было улиц, только названия аллей: Первая, Вторая. Минут через двадцать езды по ухабам мимо игрушечных халабуд сбоку показалась трубчатая арка. Завернули в нее и очень скоро оказались перед аккуратным домиком с мансардой за штакетником полтора метра высотой.

— Ничего так домишко? Я всегда мечтал о собственном участке...

За калиткой к ним метнулись два лохматых малорослых собачета никакой масти, разве что серо-буро-малиновой. Рыкнули на незнакомца, насторожились, но Артем прицкнул на добросовестных охранников. Они присмирели, но все-таки исподтишка по пути обнюхали штанины Вадима и совсем успокоились. Домишко был довольно аккуратным, но отдавало чем-то игрушечным. Металлическая входная дверь из китайской жестянки, прихорошенная орнаментом. Узкий коридор с пластиковыми окнами от самого пола — того и гляди вышагнешь наружу.

Кухонька тоже опрятная, со всеми удобствами. Конфорки газплиты загораются автоматически при повороте тумблера. Мойка, настенные шкафчики. Водопровод из личной скважины. Отопление котлом в отдельной камере с черным выходом в сад, может работать и от электричества. В другой камере душ, совмещенный с санузлом.

— Все удобства! — постоянно оглядывался друг на Вадима, ожидая, что тот скажет дельного, как более опытный: всю жизнь частный дом, а не квартира, где ничего нельзя перестраивать.

Вадим наметанным глазом сразу определил первый подвох — пол с веселым линолеумом ощутимо пружинит под ногами.

— Наверно, ДСП укладывали прямо на лаги, а надо сначала их покрыть досками, пусть хоть горбылем. Боюсь, со временем кое-где продавится, а как потом заделывать брешь? На линолеум столько всего наставлено, а перенести или приподнять нельзя, все подключено к коммуникациям.

Прошли в небольшой холл с аркой вместо двери. Там стоял диван, а по углам глыбились два кресла. На паласе расположились кошки. Сколько же их? Аж пять. И все такие страшненькие, караковые, хоть это определение больше относится к лошадям. Кляксы несимметрично набрызганы на мордочках. Черно-белое безобразие окраса.

Кошки отпрянули от незнакомца. Кто-то выглядывал из-за кресла. Лишь одна мечтательная особь осталась в метре от Вадима, не стремясь замаскироваться. Он опустился в кресло и попытался погладить эту страхолюдину. Кошка стала резиново прогибаться, пластаться по полу, лишь бы до нее не дотянулись. Даже с третьей попытки не удалось ее приласкать.

— Свежий выводок,— пояснил добродушный Артем.— А их родительница куда-то пропала.

— Не наблюдаю никаких тазиков с песком,— оглянулся Вадим по сторонам.

— А я убираю за ними. Раз-з... тряпочкой с пола аккуратненько... Тебе не нужно одного? Выберу котика...

Всех-то он жалел.

— Мне уже успели подкинуть котенка в щель под воротами. Хорошо хоть мальчик, не придется стерилизовать. Как видишь, тоже имею жалость. Всю зиму кормлю синичек. Сделал кормушку на яблоне. Каждый месяц трачу пятьсот рублей на семечки и пшено. Синички уже узнают меня, когда иду на остановку — пролетают над самой головой. Однажды в буран остался ночевать у знакомых, а домой вернулся на следующий день к вечеру. Смотрю — перед входной дверью в сугробе замерзшая синичка. Это она дожидалась корма, бедняжка...

Одна из кошечек вдруг лихо запрыгала по лесенке на второй этаж и все остальные стремглав рванули следом за ней. Друзья тоже поднялись наверх. Здесь мансардочка повторяла потолком замысловатые очертания крыши. Все больше трапеции. Пол тоже ходил ходуном, словно лаги были слишком тонкими.

— Когда я купил по объявлению эту кровать, оказалось, что она не вписывается в лестничный марш,— сообщил Артем подробности.— Пришлось выставлять раму и на веревке затаскивать сюда кровать.

Из окна был виден кусок улицы. Опять нигде ни души.

— Обитает здесь хоть кто-нибудь?

— Сосед напротив, вон в том кирпичном угловом доме, постоянно здесь находится. Он уже на пенсии. А зиму здесь проводят единицы, беженцы из разных мест. Но со временем, думаю, будет побольше люда. А так в основном летом копаются на грядках. Ну что ты скажешь про мою нору?

— Зачем внизу такие большие окна? Зимой не натопишь как следует, все будет выдувать. Я бы просто заделал кирпичом этот простенок в прихожке. Подумай об этом. А общее впечатление таково. Все это было сделано на продажу. На первый взгляд красиво, но слишком хлипко.

* * *

Вадим не особенно удивился, когда Венера вернулась к нему. Друг поведал об этом по телефону. Гулена столкнулась-таки с досадной осечкой, заставившей ощутить во всей красе, каково кувыркаться в неожиданном кульбите. После него она оказалась в стационаре с резаной раной на бедре. Пострадавшая не стала вдаваться в подробности перед пытливыми медиками и доступно объяснять, как такое случилось, что рана сильно напоминает ножевую, при простом падении на кухне такие увечья вряд ли возможны. Отточенное умение пудрить умы в очередной раз выручило ее. Очень не хотелось слоняться по следовательским кабинетам и выкладывать начистоту, что так бурно отреагировал ее очередной сожитель, когда до него дошло, сколько ему предстоит выплачивать по этому «микро». Бугая все равно не посадят, благодаря спасительной справке о невменяемости.

Услышав о таком ЧП, Артем, естественно, опять прискакал на выручку — разве можно оставлять человека в беде? Венере некуда податься, а у него появилась своя жилплощадь, хоть и в таком малолюдном местечке. После выписки Артем забрал ее к себе. Снова маячит перед ним, невинно хлопая ресницами.

Он только предупредил, что денег теперь пусть не просит. Пусть где хочет достает их, ей лишь предоставлен кров. Да и зимой хоть будет подтапливать печку, чтобы не выстудилась дачка.

Артем сам оказался к этому времени в затруднительном положении. Ему надоело выплачивать по кредитам. Он объяснял Вадиму:

— Я уже рассчитался за свой долг, а проценты не собираюсь выплачивать. Обойдутся! Я слышал, что за давностью лет невыплаченная сумма гасится.

— Так просто от тебя не отцепятся.

— Пусть попробуют меня найти. Я поменял сим-карту на телефоне.

Ему уже слали напоминания из банков, а Сбербанк приглашал договориться о льготном погашении. Но теперь он избегал всяческих контактов с кредиторами.

Через некоторое время первая жена сообщила Артему, что к ней домой приходили коллекторы, которым банки продали чужой долг. А эти ребята из-под земли достанут. И действительно, у него вдруг стали высчитывать 50 процентов зарплаты. Нашли-таки по месту работы. Он хотел подать в суд — больше двадцати пяти процентов не имеют права удерживать. Но так и не смог получить справку о зарплате — бухгалтерию сократили, вместо нее теперь общая, межведомственная. На запросы по интернету никто не отвечает.

* * *

Очередным летом случился невиданный урожай вишни. Несколько лет подряд деревца хоть и цвели, но не плодоносили, а тут как прорвало. Во всех садах вишня буквально облепила ветви. Сестра не смогла приехать к Вадиму. Ее заготовки не испортились и наполовину, а тут такой урожай.

Он каждый день съедал по литровой банке ягод, заполнил для заморозки два поддона в морозилке, а вишня все не кончалась. Варганить из нее варенье не будешь — надо выдавливать косточки, делать вино он тоже не умел. Стал раздавать излишки своим знакомым, не имеющим участка. Позвонил и Артему: пусть набирает в саду хоть два ведра вишни, сколько сможет увезти.

Артем явился почему-то со своей Венерой. Может, чтобы помогала ему? В джинсах, на которых едва сходилась верхняя пуговица из-за раздобревшего живота, она стала напоминать свои старые фотографии весьма отдаленно. Теперь и лицо скуластое, бугры под глазами выпирают за пределы когда-то кругленького лица. Лишь прическа в идеале, так же как наманикюренные пальчики с тигриными когтями.

Она поглядывала на хозяина оценочно, заметно было, что, привыкшая к домогательным попользованиям когорты встречно-поперечных ловеласов, к их ошаривающим взглядам ее перегруженных форм, она даже вошла во вкус от этого при явном попустительстве своего благоверного.

Артем азартно набирал трехлитровую банку, пригибая слишком высокие из вишневых веток, а его половинка праздно променадила по саду, покуривая длинную сигаретку. Сам Артем не был курящим.

— Неужели намечается пополнение? — Вадим намекнул на выпирающий живот девицы.

— Да ну! — отмахнулся Артем.— Скажешь тоже! Это она стала расти в ширину. А детей не собирается заводить категорически...

Вадим отправился на кухню накрывать стол — накормить гостей. Через какое-то время пара протопала в дом. Артем оставил у порога три наполненные банки, закрытые капроновыми крышками.

— Можете еще и отсюда что-то конфисковать,— Вадим указал на полки, заставленные баночками с разносолами.— Сестра перестаралась.

Уселись за стол. Вадим достал штопор, чтобы вынуть пробку из винной бутылки, но Венера быстро спросила:

— А водки нет?

Вино для нее было лимонадом. Хозяин застыл в минутном раздумье, потом вспомнил, что у него уже который год горюет за тумбочкой «Столичная» в компании с пластиковыми бутылками подсолнечного масла. Лишь сейчас она оказалась востребованной.

Выудил, налил Венере стопку. Артем все-таки потянулся к вину. Венера, пригубив, снова загадочно поглядывала на хозяина, еще вполне статного в свои годы. Видимо, ожидала всяких игривых вопросов с его стороны, а он сугубо деловит.

Когда коварный хмель расслабил общую душу, Венера сама принялась высказываться в тему и помимо. Между строк выдала:

— Мне каждый день нужна бутылка водки и хорошие сигареты.

И опять пытливо стрельнула взглядом в хозяина поверх бутылочных горлышек. До него стало доходить, что это сильно напоминает смотрины. Венера уже все вокруг оглядела и теперь ожидает нужной реакции от нового знакомого, слишком уж молчаливого. Накануне она пошарилась на его страничке в «Одноклассниках».

Стало темнеть, и гости отправились на остановку. Под стол переместилась бутылка от водки, которую самолично приговорила гостья.

На следующий день в самую рань Артем заехал к Вадиму, чтобы оставить у него велосипед, а вечером после смены заберет его. Не мешкая, Вадим напрямки спросил у приятеля:

— Так ты специально приводил Венеру, чтобы показать ее мне?

— Ну,— замялся он.— Мне надо ее пристроить в хорошие руки.

— Брависсимо! Она тебя шпыняет, что старый, а я на восемь лет постарше тебя.

— Да лишь бы содержали ее...

— Нате вам в подарок «тroyанского коня»!.. Подавай ей каждый день бутылку водки. Ничего себе заявочки! А она, как ты говорил, во хмелю буйная. Еще набросала везде окурков. Курит только до половины. Пижонство какое-то. За чужой счет.

— Бережет свое здоровье,— смущенно заступился за нее Артем.

— Беречь здоровье — это когда совсем не пить и не курить, так я понимаю. А ты мои принципы знаешь. Не было счастья — и такого не надобно...

Интересно, на что надеялся Артем?..

* * *

На протяжении всей зимы Артем вознамерился оставлять у Вадима свой велосипед — либо рано утром, либо вечером, смотря какая смена выпадала. Любитель технических кунштюков, он оснастил свой облюбованный транспорт спидометром, электронным сигналом, мощной фарой, противоугонным замком с толстым металлизированным шлангом — точно не перекусить бокорезами. Однако велосипед потихоньку сдавал — отвалился хлипкий алюминиевый багажник, за ним крыло, звездочка второй передачи износилась, проскальзывала в цепи, и он ездил на третьей скорости.

Однажды за ним увязались обе собаки. Сразу не заметил, а когда отмахал пару километров, уже не будешь возвращаться. Вадим, как всегда, по предварительному звонку поджидал его у железной калитки в сплошном заборе из профиля, за которым не видно улицы; лишь по характерному звуку на тропинке к дому или всполохам фонаря в щелях определял, когда отодвигать засов.

Артем стал извиняться за сопровождающих четвероногих:

— Пусть у тебя во дворе побудут — не оставлять же их на улице...

В эту смену он кого-то подменял и уходил на целые сутки.

Пока Артем отсутствовал, чужие дворняги носились вокруг дома и по огороду, так что кот Мурзик не мог попасть домой, лишь недовольно следил за псовым беспределом с крыши соседского сарая. На брошенный кус хлеба собаки даже не отреагировали, значит, неплохо кормят. Из рюкзака друга иной раз выглядывал уголок полиэтиленового пакета с собачьим кормом расфасовкой в пять кило.

За сутки собаки умудрились порвать на мелкие кусочки поролон от старого дивана — желтые комочки разнесло ветром по всему двору.

Хоть Артем божился, что не содержит теперь свою ненадежную, как перекаати-

поле, жену, Венера ему постоянно названивала, даже когда он пристраивал в чужом чулане свой велосипед.

— Чего тебе? — на ходу отбрыкивался он по айфону. — Мне некогда, бегу на остановку. Да нет у меня денег, я тебе сто раз говорил, только на проезд. А до аванса еще неделя.

В конце концов, он досадливо сплевывал, соглашаясь перекинуть на карту вымогательницы «всего двести рублей».

Вадиму часто звонила сестра — переживала за него и проверяла, все ли в порядке. Узнав, что Артем до сих пор не забрал свои манатки, высказывалась: «Я прошлый раз не могла найти в сарае секатор и побелку для яблони. Кругом его коробки. Дружба дружбой, но так же нельзя, в самом деле! Теперь ему есть где хранить вещи...»

Положение Артема очередной зимой стабильно ухудшалось. Он породнился с крайней нищетой. Дошло до того, что ему нечем стало топить печку, пришлось перейти на электричество. После вычета долга у Артема от зарплаты оставалось всего двенадцать тысяч. Восемь тысяч накручивало на счетчике за электричество. Неразумно.

К зиме на кухне Вадима образовывалась целая гора кабачков и тыкв. В урожайный год яблоня позднего созревания вся перегибалась от неисчислимых гроздей мелких, как грецкий орех, плодов. Сорванные яблоки долго не хранятся, начинают темнеть внутри. Приходится каждый день набирать ведро, резать их и варить варенье. В общей сложности набирается 20—25 трехлитровых банок. Столько Вадиму не съесть. Он все время делится с другом этими припасами.

Артем упорно совершает опрометчивые поступки. Пора поговорить с ним на чистоту. После смен Вадим обычно угощает друга чаем, вот и разговорились за столом.

— Я так понял, что ты оказался в цейтноте, — начал Вадим на правах старшего. Артем поежился, он не считал себя растяпой.

Вадим продолжил:

— Что-то ты делаешь не так. Я бы поступал совсем по-другому и не допустил краха. Ни при каких обстоятельствах не влезал бы в кредиты. Я даже не представляю, как ты будешь выпутываться. Сам говоришь, что задолжал за свет, могут перерезать провода.

— Я от соседа запитался, — понурился Артем. — Он все время ворчит. Если отключат от электричества, заново подключиться не просто. Потребуют тысяч пятьдесят. Откуда у меня такие деньги?..

— Ты совсем запутался. Твоя дача тебя просто разоряет. Я бы не стал покупать такое жилье. К тому же слишком далеко. И сколько тебе еще ездить по сугробам на велике? Это же не выход. Когда-нибудь простынешь и сляжешь.

Артем вроде бы стал соглашаться, больше не оспаривал чужие выговоры.

— Обрати внимание, мое положение год от года только улучшается, — внушал Вадим. — А ведь я начинал тоже почти с нуля на новом месте. У меня своя надежная теория «малых дел». Не смейся. Купил аварийный дом. Обложил кирпичом. На следующий год огородил со всех сторон профилем вместо штакетника, который рассыпался от старости. Построил три сарая — один за другим. Сделал баньку. В прошлом году выложил двор плиткой. Теперь полный порядок. Два сарая забил дровами, я их не покупаю. Коммунальщики кругом спиливают деревья, а люди выбрасывают старую мебель. Вот и возу все это к себе на телеге. Сам сделал — выдерживает семьдесят килограмм. Надо помаленьку, а ты хочешь все сразу...

Вадим привстал из-за стола и указал за окно кухоньки:

— Видишь все эти завалы? Я еще не успел разобрать шкафы и кресла. Найди машину и забирай все это себе на топку. Если нет даже на доставку, я тебе дам полторы тысячи, вполне хватит. Зиму продержишься, чтобы не включать электрическое отопление. Вот и сэкономишь. Теперь твоя задача номер один — срочно перевезти

матушку и продавать ее квартиру. Это твой последний шанс. Тогда рассчитаешься с долгами. Избавляйся своей дачи и покупай квартиру, пусть не в центре, а на окраине. Маму твою откровенно обирают соседи. Если что-то с ней случится, твой племянник быстро сработает. Он знает законы. Опять отхватит половину.

Вадим добавил в довесок:

— Ты слишком много взял на свой баланс. Молодайка, кошки, собаки. Небось, последний кусок отдаешь той собаке, что на работе.

— Ну, она же ждет, как я ее могу обмануть и ничего не дать,— засмутился друг.— Меня на работе тоже подкармливают. Одному электрику жена столько накладывает снеди, словно собирает на Северный полюс. Он мне всегда отдает пяток котлет, да и много другого...

На сей раз Артем всерьез озадачился. Видно, прозрелась какая-то перспектива среди беспросветности. Путано заговорил:

— Свою особенно не балую, сама где-то достает деньги. А недавно, представь себе, сказала: только ты один обо мне заботишься...

— Наконец-то к сорока годам прозрела. Поздравляю...

Артем озвучил, что скоро вторая половинка отпуска. Вот он и займется вплотную своей проблемой.

В очередной приезд он выложил долгожданное:

— После этой смены все-таки поеду к матери — прямо с работы. Меня возле котельной подберет дальнбойщик.

Через несколько дней Вадим стал прикидывать: Артем уже в своем Польшаеве. За десяток дней нужно многое успеть. Найти нотариуса, который оформит доверенность от матери на продажу квартиры. Дать объявление в газету или связаться с агентством по недвижимости. Собрать необходимые материальные вещи. Доехать с ней до Кемерово, а там взять билеты до Омска. Дальнбойщики в шахтерский городок заезжают редко, поэтому придется с пересадками.

Обычно Артем из Польшаева выходил на Вадима по ватсапу. Демонстрировал ему убранство квартиры, расхаживая с айфоном по комнатам. Даже показывал виды из окна: высокие терриконы на горизонте. Познакомил и с мамой, что-то объяснял ей на счет него, она молчала, лишь вертела головой.

Пролетели две недели, однако друг не выходил на связь. Тогда Вадим сам набрал номер:

— Как ты там?

— Да вот собираюсь на смену...

— Привез маму? Ты что, никуда не ездил? Опять не получилось?

— Да тут такая штука. Я уже собрался в дорогу, и как назло в интернете попалось на глаза объявление. Вернее, фото собачки-хаски. Хозяева искали тех, кто возьмет ее на передержку.

— И что? — спросил Вадим, похолодев внутри. А друг комкано и уже предсказуемо объяснялся.

— Понимаешь, у собачки такой взгляд! Я сразу понял: это мое. Сел на маршрутку и поехал за ней в одно омское село.

— Тебе даже не соизволили сами ее привезти. Им-то это нужнее...

— Да говорят, заняты на работе...

Значит, к двум артемовым псам добавится третий. Не считая того, что околачивается возле котельной. Это хитроумно называется передержкой, дескать, на время. Потом хозяева и не вспомнят о своей хаске.

Вадим больше не стал ничего говорить. У него уже кончились все аргументы...

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Время пришло, некуда стало торопиться. Молодость пролетела, когда хотелось самого себя перегнуть и всегда быть с флагом впереди. Торопился жить, старался дела переделать, которых всегда было непочатый край, все хотел объять необъятное, но настал момент, когда оглянулся и глазам не поверил, что жизнь-то проходит, а он не познал — эту самую жизнь, потому что кроме работы ничего не видел. И захотелось повернуть время вспять, но не для того, чтобы снова пропадать на работе, не замечая ничего вокруг, а вернуться и хотя бы немного, всего какое-то мгновение пожить другой жизнью, испытать, что это такое...

А сейчас, когда наступала поздняя осень и, казалось бы, вот-вот сыпанет снег, Петр Акимов отправлялся в забытую Богом деревушку, от которой осталось всего ничего дворов. Несмотря на непогоду, уходил к речке Ветвянке. Усаживался возле костра, смотрел на серую застывшую воду, низкие облака, слушал шорох осенней мороси и вспоминал прошлое, перебирал жизнь, пытаясь разложить ее по полочкам, и понимал, что кроме работы и учебы ему вспомнить не о чем, потому что ничего другого он не видел, в чем и винил себя. Сидел и вспоминал далекое прошлое, когда еще были живы родители, и себя — молодого и задорного, с красным дипломом в руках, а перед ним был необъятный мир, и хотелось раскинуть руки и закричать радостно и восторженно, и казалось, что впереди долгая и нескончаемая жизнь, в которой он всего сможет добиться. Да, многого добился, но еще больше мимо него не прошло, а промелькнуло.

Еще он приезжал сюда, чтобы заглянуть в свою душу и подумать, может, встретиться с одиночеством или себя найти в одиночестве, не которое сопровождало его всю жизнь, а другое одиночество. Даже оно бывает разным. В городе одиночество суматошливое, как сама городская жизнь. Вроде люди спешат, каждый торопится по своим делам, и ты вслед за ними бежишь, чтобы не отстать, но лучше перегнуть и быть с флагом впереди. Вроде все вместе, все рядышком и поддерживают друг друга, а присмотришься, каждый шагает своей дорогой. И получается, вокруг много людей, но каждый шагает со своим суетным одиночеством. А здесь, в этой Васильевке, где жителей-то осталось на несколько холмиков на погосте, как сказал один старик, тоже чувствуешь себя одиноким, но здесь другое оно, более близкое для его души, а потому — желанное. Оказывается, его не нужно искать. Достаточно приостановиться, прислушаться и понять себя, осмотреться и заглянуть в свою душу, и почувствуешь, что одиночество вокруг и внутри тебя — тихое и благодатное, светлое и задумчивое, как природа поздней осенью. И мысли такие же неторопливые и спокойные, теплые и чистые, несмотря на осеннюю непогоду...

Каждый год Петр Акимов приезжал поздней осенью в Васильевку, от которой осталось-то дворов десять, но и те разбросаны друг от друга, что не докричишься. Он приезжал сюда, чтобы заселиться в крайнюю избу, стоявшую подле березового колка, что был чуть ли не на берегу извилистой речки Ветвянки. Березы не любят большую воду, сторонятся ее, а эти прижились, но стволы у них изогнутые и корявые, а кора не светлая, как у всех берез, а черная и рыхлая, разотри между пальцами и посыплется словно песок, а некоторые березки уже валялись на земле, может, бурей выворотило, но скорее всего от старости. У каждого дерева, как и человека, свой век и каким он будет — этого никто не знает, тем более — ни люди, ни деревья...

Приезжая сюда, Петр Акимов бродил по округе, но чаще уходил в березовый коллок, что был возле речки. Под вывороченным комлем, в своем убежище разводил маленький костер, а хвороста было предостаточно. Осенняя морось сеет весь день, скрывая округу в туманной дымке. Присядешь возле костра — тепло от него, и ты со своими думами и светлым печальным одиночеством...

Много лет прошло с той поры, когда он перестал ездить в осточертевшие санатории и дома отдыха, куда каждый год выделяли путевку. Если присмотреться, везде одинаково, как отдых, так и лечение. Казалось, даже соседи попадали все на одно лицо. С утра и до позднего вечера одни разговоры про работу, кучи неизлечимых диагнозов, от которых умереть легче легкого, а уж инвалидом стать и того проще, но все они — эти соседи, сразу становились здоровыми при виде бутылки на столе, а Дон Жуанами были почти все, если не на деле, так на словах...

Казалось, все должно быть наоборот, чем старше становишься, тем больше хочется комфортной жизни. Хочется отдохнуть, чтобы за тобой поухаживали и позаботились. Прогулки по аллеям парка. Долгие беседы ни о чем с новыми знакомыми. Ну и постараться показать себя бравым кавалером, когда делали вечера отдыха в санатории или на курорте. И от вкусенького не откажешься, что уж скрывать-то, но именно это и стало надоедать Акимову. И чем старше становился, тем меньше манили санатории и курорты, хотелось непонятно чего, а чего и сам не знал. Всякий раз одолевало беспокойство, когда отправлялся в очередной отпуск, где ждала спокойная и праздная жизнь. Душа была не на месте, а объяснить себе, понять свою душу — он не мог. Сказать, что пресытился курортами — наверное, нет. Все же раз в год ездил. Так и в этот раз получилось. Отпуск был на носу и нужно решать, куда отправиться — в санаторий, где можно подлечиться, или на курорт, чтобы отдохнуть и позагорать возле моря. Конечно, можно было еще на турбазу уехать или пойти с группой в поход, но опять-таки что-то не хватало ему в этой современной сегодняшней романтике, где все было расписано до мелочей. И ему все чаще хотелось одиночества. Забиться бы в какую-нибудь щель, чтобы никого не видеть и не слышать, чтобы и тебя не тревожили, и остаться наедине со своими беспокойными мыслями и своим уже привычным одиночеством...

В один из дней, вернувшись с работы, Петр Акимов присел на лавочку возле подъезда. Достал сигареты. Закурил. Рядом пристроился сосед. Разговор ни о чем. Односложные вопросы и такие же ответы. И тут Акимов посетовал, что отправляют в отпуск, а ему, ох, как не хочется тащиться на курорт. Вообще, ничего не хочется, все до такой степени обрыдло, что одно желание — закрыть бы глаза и чтобы никого не видеть и не слышать. Сосед рассмеялся.

— А что тут голову ломать,— хохотнул он.— Ты ж, Петро, в своих санаториях который год по замкнутому кругу ходишь. Вроде отдыхал, а вернешься домой, и вспомнить нечего — это главное. Ну, о чем можно вспоминать, проторчав целый месяц в санатории? Завтрак, обед, тихий час, полдник и ужин, вечерний променад по территории санатория, вечер отдыха непонятно от чего, редкий раз походы в магазин, где бутылку возьмешь и с соседями по палате выпьешь на ночь глядя, а еще с какой-нибудь бабешкой на лавочке поворкуешь или по той же аллейке пройдешься и

все на этом. Ты, Петро, взял бы и бросил эти курорты, и отправился, куда глаза глядят. Ткнул пальцем в карту, собрал манатки и уматывай на поезде или самолете. А там найдешь, где остановиться. И чем дальше в глушь заберешься, тем лучше, как для организма, так и для твоей души. Сразу все болезни пройдут.

— И куда ехать прикажешь? — с насмешкой сказал Акимов.— Страна преогромная! Попаду в Северный полюс, так я должен ехать, чтобы задницу морозить. Ну, ничего себе — отпуск называется!

— Вот-вот, о чем и говорю! — ткнув пальцем в небо, сказал сосед.— Ткнул и поехал. Страна огромная, а глухих мест еще больше, где живут настоящей жизнью, а не той, которая перед глазами проходит. Мы привыкли к городам, к цивилизации, спать на белых простынях, с вилки-ложки кушать, а ты наоборот, уезжай от нее — этой цивильной жизни, забейся в глухомань и попробуй прожить свой отпуск как тамошние люди живут. Сам же говоришь, что тебе нравится одиночество и тишина, но самое главное — твоя душа обретет покой. Я знаю, что говорю. На себе испытал...

Сказал, но не стал объяснять. И понимай его, как хочешь.

Акимову не то что нравилось одиночество, он просто-напросто привык к нему. Можно в толпе быть одиноким. Да, так и есть. Всю жизнь его сопровождает это одиночество. Наверное, сам виноват. Молодой. Планов громадье. Хотел весь мир перевернуть. Казалось, в нем столько силы и энергии, что будет жить вечно. И планы были далеко идущие, но почему-то женитьба в них находилась на последнем месте. Сначала великие дела, а потом, как в песне поется, «Первым делом самолеты, ну а девушки потом». Так и получалось в жизни. Сверстники гуляли, веселились, за девушками ухаживали, а приходило время, обзаводились семьями, а вскоре ребятишки рождались. И они были счастливы. Акимову этого было мало. У него на первом месте учеба и работа — это и было его счастье, где он готов был дневать и ночевать, а в свободное время сидел с книгами. Знакомые посмеивались, что он женился на работе или работа женила на себе. Нет, правда он встречался с девчонками, но всегда недолго. Бросали его. Скучным казался. Правильно, вместо того, чтобы звездами любоваться при луне, стихи читать и про любовь говорить и целоваться, он про свою работу рассказывал, про станки и завод, где работал. И так увлеченно говорил, что забывал, что рядом девушка идет, которая ждет, чтобы ей ласковые слова говорили, под руку взяли, а то и обняли, а он идет и размахивает ручищами, словно с трибуны речь говорит про огромные станки, которые привезли на завод и он с бригадой занимался установкой и подключением. И вот теперь с этими станками они смогут добиться небывалых результатов. Добивались, но в работе, а с девушками — ни одна из них больше двух свиданий не выдерживала. Время шло. Акимов все больше и больше уходил с головой в работу и все реже встречался с девчонками, про женитьбу как-то стал забывать, потому что и без нее забот полон рот. И получилось так, что он вообще махнул на себя рукой. Видать, судьба такая — быть холостяком, решил он. И с той поры больше не думал о семье...

Петр Акимов досадливо отмахнулся от соседа с его советом, а потом задумался. Конечно же, легче отправиться проторенной дорожкой — это поездка в санаторий или на курорт, где живешь на всем готовом. Приехал и почти весь отпуск провел, отдыхая непонятно от чего. Готовить не нужно, трижды в день кормят. Стирать тоже не надо, и полы вымоют, и пыль протрут. Экскурсии, вечера отдыха, всякие викторины и еще много развлекательно-полезных мероприятий проводили для отдыхающих. Вроде бы все хорошо, живи и радуйся, но с каждым годом чего-то стало не хватать. Первое время, заметив свое недовольство, посмеивался над этим. Говорил, чем старше становишься, тем характер вреднее. А потом все чаще и чаще ловил себя на мысли, что и правда, осточертели санатории, надоел город с его людскими реками, что текли денно и ночью по улицам, и казалось, конца и края им не будет. Глаза бы не смотрели на все, что его окружает, и хотелось всего лишь одного — забиться по-

дальше и чтобы его никто не трогал, никто не беспокоил. Но в то же время, если следовать совету соседа, он не мог представить себе, что собрав сумку, помчится в неведомую даль, как в песне поется. А для чего помчится — за туманом и за запахом тайги? Да вроде бы уж возраст не тот, чтобы ехать за романтикой в дали-дальние. Он и в молодости не был романтиком. Все мечтали, куда-то уезжали или приезжали, а он вцепился в этот завод, где работал, и больше ему ничего не нужно было. Вся его романтика — завод и любимая работа. Он готов был дневать и ночевать на заводе. А теперь глаза бы ни на что не смотрели. Видать, старею, как он сказал...

И все же Акимов решился, прислушавшись к словам соседа. Отмахнулся от путевки. Оформил отпуск, получил отпускные, взял билет на поезд дальнего следования, чтобы в любой момент можно было сойти, если понравится место, или дальше ехать, пока не упруешься в конечную станцию, а там хоть оставайся или обратно езжай. Петр отдал ключи соседям, чтобы присмотрели за чахлой геранью, да и вообще присмотрели, вдруг кран потечет или труба прохудится.

— Петро, а ты куда собрался?

— Куда глаза глядят,— буркнул Акимов любопытной соседке. Собрал сумку и уехал, а куда — этого никому не говорил, да потому что сам не знал. И, правда, куда глаза глядят...

Он забрался в такую глухомань, сам испугался, что отсюда в осеннюю слякоть не выберется. Деревушка всего ничего — это он разглядел, когда его на попутке добросили до поворота, ткнули на едва заметную заросшую дорогу и сказали, что там твоя Васильевка с Колиными березками. Шофер хохотнул и уехал...

Он остался на обочине. Осмотрелся. Пожухлая трава, там и сям видны березки с редкой листвой, чуть посильнее задует осенний промозглый ветер и она слетит. Небо стало низким, по которому не мчались, а едва ползли толстые неповоротливые тучи. Вроде в городе не замечаешь этого, потому что торопишься и времени не найдется, чтобы поднять голову и посмотреть вверх, а тут сразу же небо бросилось в глаза. Казалось, ткни в тучу и дождь ливанет. Акимов поежился, взглянув на них и прислушиваясь к резким знобящим порывам осеннего ветра. Правда, в душе не раз пожалел, что он согласился на эту авантюру, как он считал, помчаться куда-то вдаль и неизвестно для чего. Сейчас бы лежал в просторной палате, поплевывал в потолок, три раза сходил бы в столовую, наелся, что душа пожелает, а мало — можно на рынок зайти, в кафе посидеть или в магазине что-нибудь купить. Не жизнь, а малина, потому что ни о чем не нужно заботиться, за тебя думают другие, но вместо этого ничего-неделания он очутился за тридевять земель неподалеку от деревни Васильевки с березовыми колками. Вот эти светлые названия и увиденные березки, когда он вышел на глухой станции, соблазнили его, а может сам соблазнился, когда перед ним в позднюю унылую осеннюю пору замелькали стайки светлых березок, а кто-то из пассажиров сказал, что неподалеку есть деревушка Васильевка, а еще ее называют Колины березки и рассказали историю, как один чудаковатый житель много лет высаживал березки в деревне и они принялись, а вскоре вся округа покрылась березами. И он не удержался. Вышел на глухой станции. Чуть ли не полдня просидел, ожидая попутку, а увидел ее — обрадовался. А потом узнал от водителя, что еще здесь есть речка Ветвянка. Глянешь на нее, а она вся кустами заросла. Видать, от этого и название пошло. И Акимов окончательно решил, что пора ставить точку в своем путешествии...

Петр Акимов проводил взглядом грузовую машину, потом подхватил сумку и поднялся на вершину пологого холма, откуда была видна деревушка. И правда, повсюду растут березы. Всякие! Невысокая березовая поросль, словно молоденькие девчушки разбежались в разные стороны, а там старые березы видны, косы до земли опустили, а под ними вся земля золотом березовым усыпана. Акимов закрутил головой. Показалось, даже воздух пропах березовыми листьями, а еще лучше сказать — баннным духом потянуло. Дома там и сям виднелись, и возле каждого дома по две, а

то и три-четыре березы растут. Он где-то слышал, что в березу молния не попадает. Наверное, так и есть. Один из жителей повсюду насадил берез, да наверное и сами по себе разрослись за долгие годы. Может, когда-нибудь и были улицы в деревне, а сейчас — нет. Двор от двора — не докричишься, а между ними, да что говорить-то, повсюду березки хоромы водят. Наверное, поэтому и деревню назвали Колиными березками, а на деле-то она — Васильевка...

А там речка видна. Вроде неширокая, но извилистая — это заметно по кустам, росшим по берегам. На другой стороне лес растет, мрачный ельник в основном, поэтому удивительно было смотреть на светлые березы, что разрослись на этом берегу, как бы разделяя округу на темную и светлую. Акимов присел на холме. Прислушался. Васильевка словно вымерла, но у каждого человека свое время в этой жизни, одни умерли, а другие живут. Вот и водитель сказал, что в ней еще есть жители. А потом заметил собаку, что неторопливо протрусила в сторону приземистого дома. Гавкнула. Ей вторила другая собака. И тут же разорался петух, а следом еще один. И все. Видать, всего лишь два петуха на всю деревню. А там мукнула корова. Кто-то еще держит кормилицу. Звякнуло ведро. Скрипнула калитка. Акимов обрадовался. Жива еще деревня, жива! И, подхватив сумку, направился к ближайшему дому...

Он подошел к забору и заглянул во двор. Тишина. Собачья будка стоит, а собаки не видно. Не было видно и хозяев. Двор заросший. Там и сям будылья крапивы и островками взерошенный репейник. Забор с прорехами. По одну сторону небольшой садик, где яблоня виднеется, а на ней чудом сохранившиеся несколько желтоватых с красными боками яблок на самой верхушке. Видать, хозяева не дотянулись. Ждут, когда сами упадут. Недолго осталось ждать. Поздняя осень на дворе. Еще немного и снег полетит. Ну, а останется одно-два яблока на вершинке, ударят морозы, и сморщатся они, потеряют свой яркий наряд. Так и будут висеть, пока птицы не склюют или ветром не собьет. А сейчас — яркие пятнышки на фоне поздней осени и тяжелых темно-серых облаков...

— Что надоть? — неожиданно раздался скрипучий невнятный голос, и Петр Акимов вздрогнул, оглянулся и увидел перед собой невысокого сутулого старичка в фуфайке, из-под которой виднелась рубаха, заправленная в штаны, а на ногах были галоши. Он стоял, хмуро смотрел на незнакомца, держа в руках банку с молоком. — Что надоть, говорю?

— Это... — Акимов запнулся, не зная, с чего начать разговор. — Что хочу спросить... В деревне сдается дом, ну, или комната недельки на две—три, но все же лучше дом, чтобы мне никто не мешал. Я заплачу. У меня есть деньги. Если понравится в ваших краях, каждый год буду приезжать.

Сказал и замолчал, поглядывая на старика.

Старик удивленно вскинул брови. Приподнял фуражку и почесал голову. Опять натянул на глаза и из-под нее посмотрел на него. Впервые в этих краях появился странный чужак. Умный человек где-нить в городе комнату снял бы, ну, на крайний случай, в райцентре, до которого отсюда семь верст и все лесом, а этот в самую что ни на есть глухомань забрался и просит дом, чтобы ему никто не мешал. Да здесь и так жителей осталось всего на несколько холмиков на мазарках и не успеешь оглянуться, как одно название останется от деревни. А этот стоит и просит, чтобы ему не мешали. Рады бы помешать, да некому. Правда, странный тип. Все к людям поближе норовят, а этот от людей бежит, словно от проказы...

— А почему ты хочешь, чтобы тебе не мешали? — прищурившись, словно хотел заглянуть в душу, въедливо сказал старик. — Вроде на жулика не похож, а от людей хоронишься. Вроде всех знаю в округе, а тебя не помню. Правда, чужак объявился! — он снял фуражку, хлопнул ею по колену и снова натянул на глаза. — Может, что-нибудь натворил, вот и решил в глуши отсидеться? Так я сразу скажу прямо и бесповоротно, что в нашей Васильевке ничего не своруешь. У кого было мало-

мальски ценное, те уж давно в город перебрались, а тут остались десяток-другой стариков, да пара собак на привязи и все на этом. Лучше признайся, с какой целью решил поселиться в нашей деревне.

И снова с подозрением посмотрел на незнакомца.

— Как сказать...— Акимов снова запнулся, нахмурился, помолчал, потом мельком взглянул на окрестности Васильевки и, небывалое,— он стал открывать душу перед совершенно незнакомым человеком, и это его не то что удивило, а как-то не по себе стало от своих откровений.— Дело в том, что я люблю одиночество. Нет, даже не то что люблю, а привык к нему. Половину жизни прожил, а до сих пор один. Ни семьи, ни детей — никого. Как-то не сложилась моя жизнь в этом отношении. Времени не было, чтобы за девчонками ухаживать, чтобы семью создавать. На своей работе женился. Люблю возиться с механизмами. Чем сложнее он, тем интереснее для меня. Готов был дневать и ночевать на работе. И ночевал, и пахал, как пчелка, а оглянулся и глазам не поверил, что жизнь-то моя на закат повернула, а я ничего, кроме своих чертежей и механизмов, да ежегодного отдыха на курорте или в санатории, ничего в жизни не увидел. Жизнь проходит, а вспомнить нечего, кроме своих железок. И так зацепило меня, что хотелось завязать глаза и бежать, лишь бы никого и ничего не видеть. А может, хочу от себя убежать. Или наоборот, найти себя,— не знаю... Поэтому оказался в глуши. А теперь собираюсь поселиться в заброшенном доме и побыть вдвоем с одиночеством или сам в одиночестве — не знаю...

Сказал, вздохнул и снова нахмурился.

— А что в заброшенной избе делать? — удивленно сказал старик.— Неровен час завалится и не выберешься. Здесь есть одна хорошая изба, можно сказать. Марья Инчикова жила, а по весне, в аккурат на Паску, дочка к себе забрала. Хворает Марья. Одной тяжело жить. Вот дочка и забрала к себе. Все пригляд будет. А у тебя наоборот получается. Все к людям рвутся, а ты от них, как черт от ладана. Чтой-то тут не то...— сказал старик и неопределенно покрутил в воздухе рукой, а потом содрал фуражку и хлопнул по ладони.— Ну, да ладно, так и быть. Айда со мной. Сейчас сговоримся насчет избы, но с тебя причитается. Можешь меня дедом Евсеем звать, а тебя как кличут? А, Петр Иванович... Значит, Петруха по-нашему. И не забудь про угощение...

Он захекал, лицо еще сильнее покрылось морщинами, и звонко щелкнул по горлу, натянул фуражку на глаза и как был с банкой молока, так и заторопился по тропке, то и дело оглядываясь на Иваныча.

Так Петр Акимов оказался в Васильевке, а потом стал каждый год сюда ездить. Сам не понимал, что его тянет в эту глушь, в эту Васильевку или Колины березки, как привыкли называть. Чем ближе отпуск, тем сильнее изводил себя. Дни и недели считал, часы и минуты, а потом быстрее на поезд и уезжал, а для чего и сам не знал. Что-то такое было в здешних краях, какая-то сила магическая, чего не мог объяснить, словно душа рвалась сюда, а зачем — не знал... Бросал привычную городскую жизнь — эту развитую цивилизацию, где было все и даже больше того, и приезжал в Васильевку, где часами мог бродить по округе или сидеть возле воды, смотреть на нее и низкие тяжелые облака, слушать осеннюю морось и думать...

Впервые попав в деревню, Акимов день-два присматривался. После города, где все было знакомо до мелочей, где жизнь была ключом, где люди ходили в театры и музеи, где было все, что душа пожелает, и оказаться в глухой деревне, где ничего не знаешь — это тяжело в том смысле, что не знаешь деревенскую жизнь, но выручал дед Евсей. И с продуктами пособил, и с печкой помог подружиться. Да и просто так заходил. На огонек, как он говорил. Бывало, допоздна засиживался. Присядет на продавленный диван или на табуретку, ладошки лодочкой сделает, сунет промеж колен, и о чем-нибудь рассказывает. Но большей частью про деревню говорил, про жителей и старую жизнь, когда народищу тут было, как листьев на березе, как он

выразился. А потом, когда старик уходил, Акимов вспоминал его разговоры и понимал, что дед Евсей больше про саму жизнь рассказывал, как люди жили, что было в деревне. Было и почти ничего не осталось.

— А сколько жителей в Васильевке? — как-то спросил Акимов.

— Да десятка на полтора мест на мазарках наберется, — сказал дед Евсей, взглянул в запыленное окно и замолчал. Плечики поникли, сам сгорбился, и со стороны казалось, что не старик перед ним, а совсем еще малец сидит, в чем-то провинившийся. — Архипку снесли на мазарки, Ефим уснул и не поднялся, Шаргуновы друг за дружкой ушли, дед Назар за своей жинкой в тот же день отправился... Эх, милоч, ежи всех перечислять, рук и ног не хватит, чтобы пальцы загигать. А вскоре и того меньше будет.

Акимов, несмотря на погоду, каждое утро поднимался, выпивал кружку чая, а потом собирался и уходил. А спроси, куда ты, зачем идешь, что или кто тебя гонит в такую непогоду, он бы не ответил. Наверное, искал свое одиночество, а может, нашел и вместе с ним неторопливо шагал вдоль извилистой речки Ветвянки, которая то появлялась, то снова исчезала в кустах. Эта сторона можно сказать чистая, как бы в городе выразились. Большие поляны с пожухлой травой и редкими островками кустарника, но частыми и светлыми березовыми колками, и глядя на них, радовалась душа. А на другой стороне речушки стоит ельник. Густой ельник, непролазный. И оттуда, как казалось Петру, редкий раз ветром доносило грибной запах. Он не умел собирать грибы. А сейчас уже поздно учиться, и грибных учителей в деревне не осталось. И решил, лучше заняться рыбной ловлей, как бы совместив приятное времяпрепровождение с полезным. Тем более что речка под боком, и березки, что облюбовал, тоже рядышком. Можно ушицу сварганить в своем убежище, заодно погреться возле костерка. Для ушицы вполне хватает небольшого костра. Своим убежищем называл большую яму от вывороченной бурей березы, там и обосновался. Частенько туда заглядывал, когда гулял по окрестностям, чтобы передохнуть или укрыться от нудной мороси, а то присядет на комелек, что лежал там, смотрит на бегучую воду и думает. А спроси — о чем думы твои, он даже ответить не сможет. Да обо всем. Вот сижу и жизнь свою перебираю, по полочкам раскладываю. А бывало, немного наложит мелочевки и возвращается домой, чтобы сковородку-другую пескариков да плотвичек нажарить, а если повезет и сосед угостит сметаной — у, какая радость, тогда нарежешь лук кольцами, поверх мелочевки положишь, сметаной зальешь, чуток потмишь, чтобы лук стал мягким и мелочевка пропиталась этим вкусом. Принохажешься — у, как пахнет! И такая вкуснятина получится, язык проглотишь. Торопливо поставишь сковороду на стол, схватишь вилку или ложку, быстренько откромсаешь ломоть хлеба и за стол, а там...

Акимов невольно сглотнул, вспоминая жареных пескарей да верховок. Помнится, с отцом занимались рыбалкой. Никого не брали с собой. Не хотели, чтобы мешали. Уезжали на Соргины омота и там огромных лещей, сазанов да голавлей выволакивали. В основном отец был добытчиком, а он помогал ему. Много лет прошло с той поры. Потребности изменились, и рыба попадалась помельче. А сейчас вполне хватало с десяток-другой верховок да пескарей, больше и не требуется. Он невольно глянул на помятый бидон из «люминия», который пора на свалку выбросить, но как сказал дед Евсей, отдавая напрокат этот бидон, что он еще совершенно новый, недавно в сельпо купил, а помятый, так это жизнь его помяла. Частенько заходил на огонек к Акимову, а бывало, приходил к нему на речку и подолгу они просиживали возле костра. Много не разговаривали. Вполне хватало кивнуть головой и ладно. Дед Евсей присаживался на комелек, закуривал и молчал, как молчал сам Акимов, о чем-то думая. Так и просиживали допоздна. А потом старик поднимался и уходил. Петр не замечал его ухода. Он думал. О чем? Да обо всем, перебирая свою жизнь по страничкам, раскладывая по полочкам, а где больше хорошего было, он и не знал. По-

тому что не баловала его жизнь, не подносила богатых подарков, а может сам не гнался за хорошей жизнью, и поэтому довольствовался малым. И сейчас довольствуется этим же...

Впервые, когда Акимов провел отпуск в Васильевке и он заканчивался, ему не захотелось возвращаться домой. Казалось бы, всего лишь две недели он пробыл в Васильевке наедине с одиночеством или был в одиночестве, а может себя нашел в этой деревне, и часами бродил по округе или просиживал возле костерка, прислушиваясь к поздней осенней мороси, которая скрывала округу в туманной дымке. Вроде, что тут хорошего, вроде одно и то же с утра и до вечера и в природе ничего не изменилось. Ну, разве только облетали последние листья, все реже слышались прощальные голоса птиц, и все чаще летела морось, а он просиживал днями возле костра в своем убежище, смотрел на серый бархат реки, на тяжелые облака, нависшие над округой, прислушивался к шороху мороси и старался заглянуть в свою душу, а еще думал. О чем, можно сказать? Конечно, обо всем, и о жизни — тоже.

С той поры он каждый год приезжал поздней осенью в Васильевку, когда сыпала морось вперемешку со снежной крупой, и эти последние осенние дни — лучшее время для того, чтобы вспомнить былое. Давно уж не стало деда Евсея и все больше появилось холмиков на мазарках, как говорил старик, и все меньше оставалось жителей в деревне. Но Акимов продолжал ездить сюда, чтобы остаться наедине с природой и думами, потому что поздняя осень для человека, прожившего жизнь, — это лучшее время, когда между ним — человеком — и засыпающей природой много созвучного. И для этого приезжал сюда каждый год Акимов, а еще торопился к своему столь желанному одиночеству — тихому и благостному, как поздняя осень. Акимов знал, когда придет его время, он встретит свой последний час на сыром крыльце старого дома, где в одиночестве сидел вечерами и наблюдал за птицами, которые кружились над домом, словно звали за собой в дальние края и прощально взывали с темно-серых небес. А когда придет время, вслед за птицами устремится его душа — это будет его последняя осень, и еще один холмик добавится на мазарках...

И казалось Акимову, который сидел на крыльце своего дома, что сейчас появится дед Евсей, присядет рядом, и тоже будет смотреть на ночную деревню и думать. А Петр спросит у него:

— Скажи, дед, а сколько жителей осталось в Васильевке?

Но ответом будет тишина...

Игорь Карлов
(г. Стамбул, Турция)

АРАБЕСКИ
главы из повести

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

У

Ты спрашиваешь, жарко ли сегодня в Кувейте... Нет, не жарко. «Жара» — это не то слово, которое следовало бы употребить. Понятные нам слова «жара» или «зной» не годятся здесь. Пожалуй, подошло бы слово «пекло», ведь за ним встают не только миражи разжиженного воздуха пустыни, но и отблески адских топок, а о мрачных бликах геенны ты так же не можешь судить по личному опыту, как не можешь вообразить себе силу спекающего кровь полуденного пыла здешних песков.

Когда несколько недель кряду днем атмосфера прогревается до сорока и выше, первоэлементы бытия претерпевают странные изменения, обращаются чуть ли не в противоположности свои. Скажем, над моей головой раскинулось сейчас выжженное небо. Мы знаем горький запах выгоревшей земли, покрывшейся ожогами после палов, пожаров, костров, а тут — выгоревшее небо. Только обугливается непоправимо безоблачная, лишенная высоты и объема небесная твердь не в трагическую черноту, а в бледно-голубой, слинявший, почти неуловимый, но больно бьющий по глазам цвет.

Дневное светило до того переполнило собой всю обозримую Вселенную, что само, кажется, уже и не восходит на небосклон, исчезло, стало невидимым, растворилось в собственном свете и непрерывно излучаемом тепле. Земля изранена неисчислимыми горящими солнечными стрелами, и перед гибелью с мстительным удовольствием стремится поджарить пятки редким пешеходам; а если найдется среди них неопытный, надевший обувь на тонкой подошве, натерпится издевок, подобно персонажу трагифарса: стоять нельзя, надо бы поскорее перебраться через залитое солнцем пространство, да и идти невозможно, ибо при всяком шаге ступни чуть ли не скворчат начинают, а на глазах наворачиваются слезы.

Каждый кирпич в каждой постройке, каждая тротуарная плита, каждый бордюр пышут таким жаром, будто напарившийся до умопомрачения бес сдуру разворотил каменку своей бани и притащил их сюда. Раскаленный металл дверной ручки палачески прижигает ладонь. Воды же (даже в парообразном состоянии) нигде не сыскать, будто бы от сотворения мира ее не бывало в числе основных природных элементов. Воздух слабо подрагивает, как налитый в чашку мутновато-желтенький бульон. Стихия ветра, если и проявит себя дуновением, то несет с собой иссушающий угар кузнечного горна, а вовсе не чаемое облегчение хотя бы секундной прохлады.

Вслед за такими метаморфозами первоэлементов бытия становятся иными и привычные параметры дальнего мира. Пространство измеряется уже не единицами длины, годными для математических вычислений, а просто возможностью преодолеть

какое-либо расстояние без угрозы для жизни. Прозрачный сосуд песочных часов вечности расплавился, время теперь уже не течет ровной струйкой песка, вместо того неритмично капают разновеликие бисеринки жидкого стекла: прежде равные отрезки времени ныне разнятся в зависимости от того, в тени ты очутился или на солнце. И если ночь еще приносит человеку некоторое облегчение и надежду дожить до следующей ночи, то каждый новый день выкатывается раскаленным до белого каления чугунным ядром некоей чудовищной мортиры и обрушивается на Землю, загоня обреченных на муки смертных в их ненадежные укрытия — за стены различных строений, под пологи палаток, в машины...

Акация за моим окном пока хранит блеклую зелень в сердцевине своих вялых листьев, но по краешкам эти продолговатые листики побиты коричневыми пятнышками, покрыты болезненной желтизной и до того истончены, что просвечивают. Исыхают листочки прямо на ветках. Стручки акации покоробились, уродливо скрючились, будто в огне, и невольно думаешь, что семена, заключенные в них, наверное, уже можно подавать к столу вместо жареных бобов. Зеленовато-желтые ватки топорщащихся кверху соцветий среди пожухлой древесной листвы похожи на трут, который вот-вот вспыхнет.

В резной колеблющейся тени кустарников и пальм то тут, то там мертвым сном (ни подергивания, ни дыхания) в картинных позах спят коты, облаченные в пустынный камуфляж пятнистых шкур, — poleg на поле неравной битвы с великой сухью кошачий спецназ. Пропали юркие гекконы, словно выжженные солнечным огнем. Давно уже не видно чаек, прежде вольно летавших над крышами соседних домов: удалаться от моря сейчас самоубийственно. Одуревшие голуби, наверное, тоже хотели бы стать водоплавающими, но не дано им того, как не дано и природной смекалки. Их глупые глазки повылезли из орбит не то от жары, не то с натуги. Пытаются недалекие гулюшки летать столь же размашисто, как и прежде, до знойной оккупации, растопырили крылья да хвостовое оперение, пробуют по привычке опереться на восходящие потоки, только разреженный, выгоревший воздух утратил свою подъемную силу, стал ненадежен, как бы рассыпчат, поэтому все реже и короче становятся бестолковые изнуряющие перелеты голубей. Пичужки помельче живее, проворнее, однако у них клювы распахнуты, как рты у задыхающихся на бегу стариков.

Вот свалилась откуда-то немногочисленная стайка беспокойных воробьев-ротозеев. Присев на секунду, они словно надеются через раскрытые клювики под завязку заполниться изнутри кислородом, которого им так не хватает, а потом легко разлетятся невесомыми рябенькими мыльными пузырями. И не боятся же, что лопнут от малейшего прикосновения! Вот пара дроздов в изнеможении опустилась на землю. Отдышались, стиснули челюсти, закрутили желтоносими головками, озираясь по сторонам. До того быстро, до того прихотливо зачиркали желтыми карандашиками своих клювов дрозды, что показалось, будто на миг повисли над землей золотистые арабские письма. И ведь прочитать эту надпись легче легкого, поскольку в пору обессиливающей, гипнотически клонящей ко сну жары птичий язык понятен каждому в подлунном мире. Начертано замысловатой тающей вязью в назидание любому живому и страждущему существу вот что: «О милосердии не просите. Немилостиво светлейшее сиятельное самодержавное лето в своем разгаре. На пощаду не надейтесь. Никого не помилует достославная владычица-пустыня, хранительница миражей и защитница зноя. Оставь надежду всякая тварь, ползает ли она, перебирает ли ногами, пытается ли лететь».

А вот зимородок (редкий гость!). Присел на ветку моей акации, перепрыгнул на другую, на третью, перескочил на подоконник, вплотную подобрался к окну. Возможно, пичуга ощущает через стекло спасительную прохладу безостановочно остужаемой кондиционером комнаты и стремится сюда, в благодатную свежесть. Чуть наклонив головку, не мигая, пернатый визитер внимательно вглядывается в застек-

ленный проем, который ему, скорее всего, кажется зеркальным. Видит ли птаха меня? Я медленно подхожу поближе, чтобы как следует рассмотреть сморенного июнем соседа по планете. Надклювье и подклювье зимородка разведены так, что шире уже нельзя, и сквозь красноватые ороговевшие пластины матово просвечивает солнце. Под каким необычным углом зрения удалось запечатлеть этот экземпляр! Наверное, именно такой (страшноватый, но по-своему красивый) ракурс — последнее, что видит перед гибелью мелкая рыбешка, охотничья добыча зимородка... Но я предпочитаю малодушно забыть о том, что симпатичная птичка с веселеньким бирюзово-оранжевым оперением промышляет убийством, поэтому подбираю вполне вегетарианскую метафору: похоже, рот крылатого разбойника наполнен сочной сладкой арбузной мякотью.

Ах, если бы так, если бы так! Но ни сочности, ни сладости не существует более под выгоревшим небом. Наверное, как раз об этом пытаются поведать миру птицы с раскрытыми будто бы в непрерывном беззвучном крике клювами. И зимородок, и дрозд, и голубь, и воробей воссылают к равнодушным выцветшим небесам немые жалобы на участь плоти, еще до рождения признанной грешной, заранее лишенной права хотя бы слово сказать в свою защиту и пожизненно приговоренной к земному существованию, в котором призрачная надежда на благодать иезуитски увязана с неизбежностью страданий.

Или, может быть, из разъявленных птичьих ртов всего лишь льются потоки грязной ругани после каждого солнечного ожога? А может быть, птицы возмущенно открывая и хлопывая клювы, пытаются обратить не себя внимание своего пернатого бога, какого-нибудь Орнитоса всемогущего, молят его о скорейшем прекращении мытарств? Или же крылатые муганнин* находят в себе мужество и силы несмотря ни на что выводить недоступные грубому человеческому уху песни и тем спасают наш мир? Ведь ничего не пропало, если с земли к небу вьется песенная ниточка, хотя бы тоненькая, почти прерывистая. Ничего еще не пропало, коль скоро найдется птичка, которая и в самом пекле заведет свою трель и отпустит ее ввысь. И пусть воспет пичуга очень тихо, шепотом, про себя — ничего еще не пропало. Ничего еще не пропало, даже если это и не песня вовсе, а только попытка песни.

Λ

На пляж поехали уже после обеда, когда жара стала спадать мало-помалу. За четверть часа проскочили полгорода, почти безмашинного нынче, в выходной. Плавно и легко катили по тугому темно-серому шоссе, словно бы кусок масла, тающий на раскаленной чугунной сковородке. Эль-Кувейт выталкивал нас, как залитый кипятком термос выталкивает сточившуюся пробку.

Город постепенно остывал, отдавал набранный за день жар обратно нещадно жгущему его небу. Асфальтовое покрытие автострады, бетонные «отбойники», пешеходные мостки над дорогой, пыльно-песчаные обочины, вяленькие насаждения вдоль кромки трассы, многоэтажки и виллы — все вокруг томно возлежало на плоской земле, будто только что выбравшись из парилки и расслабленно развалившись в предбаннике.

А по побережью прогуливался морской ветерок, не спеша чапал вразвалочку, и форсистые его клещи легонько оведали весь пляж. Скорее подставить лицо под свежий воздушный поток. Скорее стащить ставшую вдруг грубой и тесной одежду, скорее плюхнуться в воду, манящую слабыми всплесками, призывно подмигивающую солнечными бликами!

Скорее? Нет, скорее не получится! Сегодня, оказывается, отлив, и идти до кром-

* Муганнин (араб.) — певцы.

ки, манящей загадочными вспышками воды далековато. Пока это пересечешь, оступаясь почти на каждом шагу, завязая в рыхлом плохо просеянном песке, пляж; пока, слегка ускорившись и невольно перейдя на пружинящую походку, переберешься через гладкую, плотно утрамбованную, считай, забетонированную отступившим морем полосу прибоя; пока, поднимая мелкие брызги, будешь шлепать по самому что ни на есть настоящему дну, испещренному влажными барханчиками, взрытому извилистыми ручьями, несущими обратно в обмелевший залив впитанную берегом воду в тщетной надежде восполнить мировой океан...

Но ведь и это не все! По мелководью еще брести и брести, прежде чем сможешь погрузиться в соленую зыбь. Невольно смотришь себе под ноги, в прозрачной толще лоя сюжеты загадочной жизни нештунова царства. Вот краб метнулся боковым ходом, вот плантация буро-красных капустообразных водорослей плавно колышется, словно толпа укоризненно покачивающихся голов, вот поплавок мотается на поверхности пустая пластиковая бутылка-проньера, вот пошли зигзагами две рыбки... Наверняка, все эти события, не имеющие никакого значения в глазах людей, несут в себе сокровенный смысл, может быть, даже связаны между собой. Наверняка, издавай Посейдон какой-нибудь таблоид, такие происшествия отражал бы в разделе светской хроники.

А для тебя все это лишь незначительные попутные наблюдения упорного купальщика. Ты упрямо шагаешь, преодолевая нарастающее сопротивление водной толщи, то по щиколотку, то по колено в воде. Иногда ты выходишь на мели, как бы становясь выше ростом, иногда обходишь подводные камни, опасаясь наступить на морского ежа, иногда попадаешь в яму и тогда погружаешься по пояс. Но тебе все еще идти и идти. Кажется, что быстрее выберешься на противоположный иранский берег, чем поплывешь.

Припекает, однако! Температура воздуха чуть превышает температуру твоего тела. Температура воды почти сравнялась с температурой воздуха. Ни единого дуновения ветерка. Ни единого облачка на небе. Никакого волнения на море. Как будто ты не в Arabian Gulf погрузился, а в громаднейшее блюдце, в котором остывает чаек...

Ну вот, наконец, нырок, погружение в мутноватый почти не освежающий рассол — и все равно хорошо. Приятно бодрит йодистая влага, мокрые волосы спасают от палящего солнца. Поплыли! Руки механически выполняют гребки, ноги ножницами режут сопротивляющуюся пустоту, вдох-выдох... Благодать!

Но в какой-то момент начинаешь с опаской крутить головой: где берег-то? виден ли? Виден, виден, но кажется почти недосыгаемым. А фигурки человечков, расположившихся в пластиковых креслах и шезлонгах, перекидывающих мячик через волейбольную сетку, хаотично перемещающихся из зоны барбекю к сдвинутым столам и обратно, бесшумно резвящихся у кромки воды, такие малюсенькие... И вот этот общедоступный пляж, несколько минут назад вызывавший раздражение гвалтом и слишком громкой музыкой, едким дымом, резкими запахами, издали представлялся чуть ли не потерянным раем. Во всяком случае, увиденная с воды картина так умилила, что впору бы прослезиться...

Из-за ближайшего мыска вдруг выскочил катерок, и погнал, погнал, погнал вдоль берега. И этот шумит, чадит бензином. Заплывать дальше уже не хочется. Пора отдохнуть. Благо, море совершенно спокойно, можно перевернуться на спину и безмятежно лежать, словно на любимом диване.

Под обжигающим солнцем с прогретой за день поверхности залива поднимаются столь плотные испарения, что линия горизонта становится неразличимой, как бы отсутствующей. От этого возникает странное ощущение, будто тебя кто-то поместил в некую прозрачную, но непроницаемую сферу, заключающую в себе и воду, и небо. Наверное, так же чудно ощущает себя перед началом опыта какой-нибудь реактив в колбе, готовясь продемонстрировать новоявленному Менделееву свои химические

свойства. Или фигурка снеговика в запаянном стеклянном шаре, который требуется потрясти, чтобы полюбоваться сувенирной метелью. Или мошка в янтаре...

В другое время, может быть, сравнение с мошкой показалось бы тебе обидным, а сейчас — нет. Благодатная нега разливается по телу, и не хочется уже ни рассуждать, ни барахтаться в воде. Закладываешь руки за голову и нежишься на безмерном водном матрасе — только нос торчит на поверхности, сопит в свои две дырочки. Мошка, так мошка. Ты мал, слабосилен, бездумен. С тебя и взятки гладки. Прибьет волной к берегу — хорошо. Нет... Тогда, вероятно, через определенное время и при определенной температуре ты растворись без остатка в H₂O и смеси газов, образующих атмосферу Земли, ибо таковы условия проводимого эксперимента...

Загадочного грандиозного эксперимента, свидетелем и участником которого ты стал по неизвестной тебе причине, но хода которого не понимаешь. Что, например, означают таинственные звуки, улавливаемые твоим ухом, — все эти доносящиеся из-под воды мистические пощелкивания и потрескивания? Почему солнце, еще недавно столь яростное, так быстро ретируется за окрестные дома? Кто управляет силой, не дающей тебе пойти ко дну? Кто наблюдает за тобой со дна? Страшный водяной или симпатичная русалочка?.. Палочка... Галочка... Наблюдает?! Кто наблюдает?! Никто, конечно, не наблюдает!.. Да ты, братец, похоже, задремал на припеке посреди моря-окияна!

Встрепенулся, принял в воде вертикальное положение, снова огляделся. Ничего не изменилось вокруг. Та же водная гладь, то же небушко, те же фигурки на песке. Ни ближе не стал ты к берегу, не удалился от него. Пожалуй, только слегка сместился к северо-востоку.

Все же, однако, надо бы выгребать на бережок! Не то разнежишься вконец. Сейчас. Еще минутку поваляюсь — и поплыву. И опять с удовольствием откинулся на спину.

А по верхнему своду прозрачной сферы, в которой ты запаян, медленно плывет-гудит самолет. Надо полагать, пару минут назад оторвался он от земли (аэропорт-то отсюда недалеко) и теперь набирает высоту. Металл на обращенных долу частях фюзеляжа и плоскостей маслянисто поблескивает в лучах уже невысокого солнца, матово отсвечивает сквозь поднимающееся с воды марево. Даже эмблему авиакомпании можно разглядеть, но смутно. А в тот миг, когда аэроплан завис точно над тобой, померещилось, что лайнер со скошенными крыльями — это твое отражение на небе. Или, может быть, держащийся на поверхности воды пловец с раскинутыми руками — это отражение самолета в море? Кто разберет...

Но вот крылатая машина, двигаясь по дуговой траектории, уже покидает доступный тебе сектор обзора... Да, престранный здесь климат! Облаков на небосводе нет, а глаза застилает легчайшая и вместе с тем вполне различимая дымка. И удивительное, удивительное спокойствие на море. И ни единого дуновения ветерка!

И тут вдруг приходит мысль: а что если, когда ничего нет — ни волн, ни облаков, ни ветра — что если, когда ничего нет, это значит, что у тебя все есть?..

9

Автозаправочная станция, принадлежащая кувейтской государственной нефтяной компании, расположилась прямо напротив моего окна, метрах в двухстах от дома (помню, это меня несколько беспокоило, когда я заселялся в квартиру: не будет ли вонять бензином?.. Но вот прошло уже более двадцати лет, а в окна мои ни разу не залетал характерный запах автомобильного топлива...)

Заправка эта предназначена для тех, кто, разогнавшись по улице Арабский залив, почувствует необходимость пополнить бензобак. А улица — одна из главных скоростных артерий Эль-Кувейта — никогда не пустует. Даже глубокой ночью,

бывает, взревет вдруг мотор одинокого мотоциклиста, оглушая подремывающую столицу, и долго будет разноситься над городом победный рык сверкающего лаком и металлом идола безудержного движения. Или взвизгнут тормоза, зафырчит злобно глушитель у кого-нибудь из ночных гонщиков, проверяющих свои болиды в запредельных режимах.

А с восходом солнца шоссе заполняется солидными автомобилями солидных людей, отправляющихся на работу. Та полоса движения, что ближе к заправке, почти не заполнена, а та, что ведет к Сити, пестрит машинным разноцветьем, которое то катит свободно и радостно, то замедляет движение без какой-то видимой причины, как будто неведомый пастух сдерживает свое железной стадо (но я-то знаю: в восьмистах метрах впереди светофор). И странно: если смотреть, наискосок выглядывая из окна, то машины кажутся идущими ходко, но в рамках правил. Если же глядеть из окна прямо на трассу, то от сверхрезвого мельтешения автомобилей начинает рябить в глазах.

В течение рабочего дня движение по улице за моим окном вялое. Да и заправщиков мало кто беспокоит. Сонная бездеятельность подтекает из толстых резиновых шлангов, струится вокруг конторки.

Все меняется в четверть шестого. Будто кто дал отмашку клетчатый флажком к началу гонки. Теперь уже ближняя к заливу полоса шоссе пуста, а ведущая из центра заполнена. Теперь скрытый от глаз великан-табунщик гонит свои гурты обратно, по домам.

И тут уж на автозаправке не протолкнуться! Длинные вереницы разноцветных туш, дерганые движения стальных животин, отрывистые, похожие на мычание и блеяние сигналы клаксонов. Одна машина, насытившись бензином, довольная отваливается от бензоколонки, другая тут же занимает освободившееся место. Точь-в-точь стадо на водопое!

Так повторяется изо дня в день: хищные рыки по ночам на пустой автостраде, утренний прогон стада, полдневная нега, вечерний водопой. Изо дня в день, как по расписанию.

Вторая природа, созданная человеком, живет своей жизнью. Вторая природа.

11

Набережная начинается сразу за Третьим кольцом... Популярное место отдыха, место прогулок, куда съезжаются со всего Эль-Кувейта. Вечером приехали сюда и мы, всей семьей приехали. Расположились на примятой траве рядом с детской площадкой, закусывали, разговаривали, шутили, возились с ребятней... Решили пройтись.

Дети устремились вперед, задыхаясь от бега, крича, толкаясь. Неспеша следовали за ними взрослые. Вышагивали то по пожухлому дерну, то по бетонным ступеням, ведущим к морю, то по песочку вдоль кромки воды, то по плитам набережной от столба к столбу. Желтые шары фонарей сопровождали нас неотступно, любопытно оглядывая все семейство, даже, кажется, перегибались через мое плечо, подслушивая сугубо приватную беседу...

Словом, вели себя нескромно! Впрочем, никуда не деться от фонарей — уже стемнело, и там, где нет освещения, все замазано черной тушью, как фотографии на тех страницах заграничных каталогов одежды, где манекенщицы рекламируют нижнее белье.

Мрак давно спустился на набережную. Минув один из пирсов, я мимоходом скосил глаза — уходящий в море дальний край не разглядеть... Или там что-то есть? Что-то сереет там? Белеется что-то? Что-то движется? А! Это туман!..

И не успел я осознать, что наигустейший туман клубится над морем, наполняет

на берег, как все вокруг заволокло сыроватой пеленой. Незаметная прежде в темноте туча, покоившаяся ранее, похоже, прямо на легких волнах Залива, решительно, как будто бы даже с тихим шипением, двинулась на побережье и вольготно развалилась, заняв все видимое пространство.

Как странно! Как резко все изменилось! В секунду все было окутано непроглядной дымкой. В секунду! Все! И непонятно, иду ли я по-прежнему по земле или уже лечу среди облаков по небу. И исчезли привычные ориентиры, и не разобрать, что вверху, а что внизу...

И сразу я остался один. Не было вокруг моих детей. Не было больше моих жен. Туман поглотил набережную вместе со всеми гуляющими, спрятал причалы, беседки и скамейки, ресторанчики, киоски мороженщиков. Исчезли и столбы с фонарями — лишь желтоватое свечение осталось висеть в воздухе. Скрылись во влажном мареве мечети, минареты, молельные комнаты. Сгнули стоянки автомобилей. И мой минивэн безвозвратно сгинул! Растворились в плотной дымке ближайšie к морю кварталы: и Кувейтские башни, и телевизионная вышка, и окрестные виллы, и небоскребы центра. Не стало банков, гостиниц, торговых центров, лавочек и супермаркетов. Куда-то подевались огромные нефтеперегонные заводы, мигавшие вдали созвездиями огней. Пропал аэропорт, и не могли подняться в воздух авиалайнеры. Не стало катеров, яхт, рыбацких дау, гигантских танкеров и сухогрузов.

Я остался один в молочной пелене тумана. Куда девалось все, что окружало меня? И чего я стою без всего этого?

Николай Макаров

(г. Тула)

ТОМСК

Из цикла «Воспоминания батальонного врача»

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

...Проводив до вокзала «Рязань-2», офицер военкомата напутствовал нас:

— Подойдете к военному коменданту Казанского вокзала — для вас забронированы семнадцать плацкартных мест на поезд Москва — Томск.

Естественно, никто о будущих слушателях Военно-медицинского факультета у военного коменданта и слыхом не слышал, тем более никакой «брони» для нас не было.

— Идите и покупайте на общих основаниях билеты в воинской кассе.

То есть — в кассе для военнослужащих, в которой, опять же, естественно, билетов на ближайшую неделю до Томска не оказалось.

— До Новосибирска в общем вагоне — билеты найдутся. А там — на «попутке» доберетесь до Томска, — успокоила нас кассирша.

Как только поезд тронулся, на столиках появилась снедь — кому что Бог послал, в основном — крепкие напитки различного содержания и литража.

Боясь за свои глаза, за всю дорогу к дегустации напитков я так и не присоединился, несмотря на все уговоры своих товарищей. Дескать, едем-то в военно-медицинскую организацию — вдруг там придерутся к моим болезненным глазам, и придется чапать обратно в Рязань.

Через сутки пути вся наша компания разбрелась по составу: большинство устроились в плацкартные вагоны, некоторые — в купейные. Так и добрались до Новосибирска, где штурмом взяли подобие электрички, на которой в жутчайшей тесноте добрались до места назначения — город Томск.

...Семьдесят второй год. Июль. Город Михайлов Рязанской области.

Первый отпуск (не каникулы) офицерский (не курсантский) после окончания Военно-медицинского факультета. Мне оказана честь быть свидетелем на свадьбе у моего лучшего друга Володьки Кузнецова, тоже лейтенанта медицинской службы, тоже десантника, в то время — Каунасской Воздушно-десантной дивизии. Моего однокашника (однотруппника и однозводника) еще с Рязанского медицинского. И койки в общаге в Томске у нас два года стояли рядом. Вот, к нему-то, в Михайлов я и приехал за неделю до свадьбы. А чтобы не отвлекать его от предсвадебной суеты, с утра захватив баклажку самогонки (его мать ее сотворяла почище пятизвездочного «Аралата»), с местным «населением» отправлялся загорать на Проню. Благо речка протекала недалеко от его дома. И так — семь дней подряд. На восьмой день — кульминация! ЗАГС. Цветы — к «Вечному огню». Цветы — на кладбище, на могилу Володькиного отца...

Но перед таким ответственным и сверхважным действием, для взбадривания уставшего организма, для тонуса, для расслабухи, для... Да, мало ли для чего срочно

потребовалось принять на грудь грамм сто — сто пятьдесят. Но... Но не коньякоподобной самогонки (честно говоря, за неделю она порядком надоела), а простой советской водки. «Столичной». «Московской». «Российской». Какая, в общем, окажется под рукой. Стоящая к этому времени на свадебном столе. Вся! В зале! В котором был полумрак из-за густых крон деревьев, закрывающих весь солнечный свет. Вся фишка была в том, что выключатель находился не в зале, а перед входом в зал, за дверью (умеют же у нас, если захотят отчебучить что-нибудь заумное).

Нажимаю выключатель. Свет не загорается. Щелкаю еще раз. Свет опять не загорается. А из зала раздается голос Володьки Кузнецова, голос жениха:

— Кто там балуется?

Я машинально щелкаю выключателем и задаю ему естественный контрвопрос, совсем не врубаясь в ситуацию:

— Ты-то что там делаешь?

И опять щелкаю выключателем. Опять из зала раздается Володькин голос (я его не вижу — не вижу, что он там делает):

— Выключи свет! Я тут патрон меняю под большую лампочку. От твоего включения-выключения у меня этим долбанным электричеством пальцы щиплет (!!!). Мешает работать (!!!).

Я ошарашенный сажусь на диван. Меня всего трясет. 220 (двести двадцать) вольт — а ему лишь пальцы пощипывает...

Появляется из зала Володька. Включает свет. Праздничный стол сияет во всей своей первозданной невинности. Жених протягивает мне стакан, чокается со мной:

— За нас!..

...Томск. Два года учебы на Военно-медицинском факультете. Из наших «косопузых», рязанских, в десант со мной пошел только Володька Кузнецов, с которым подружился еще на втором курсе. Как и все бывшие студенты из различных институтов, мы — рязанцы, вначале держались по местечковым привычкам. Потом как-то быстро все притерлись друг к другу и различия пошли по принадлежности к войскам: «погранцы», «десантура», «общевойсковики», «пилюльки» — это фармацевтический взвод. Особых конфликтов, да и не особых тоже, между взводами и не было. С гражданским населением порой приходилось выяснять отношения на повышенных тонах...

...Первую заметку в Томске я отнес в газету «Молодой Ленинец», которую привожу полностью.

УРОК ЖИЗНИ

В сорок первом ему было семнадцать. И он мечтал стать врачом. Но стал разведчиком. Вместо того, чтобы взять скальпель, он взял автомат. Вместо того, чтобы лечить людей, он стал убивать....

Это — о моем отце. Именно о нем я говорил, когда накануне полувекового юбилея со дня произнесения речи В. И. Ленина на III съезде комсомола мы, будущие военные медики, в рамках Ленинского урока провели собрание, основной темой которого был разговор «Почему я хочу стать военным врачом». Перед нами сразу встала большая нравственная проблема: врач — самая гуманная профессия на земле, и война — это противоестественное состояние общества...

Профессия военного врача опасна. Но быть членом Ленинского Комсомола — значит, невзирая ни на какие опасности и трудности, добиваться победы.

Только победы. Победы в операционной и победы в бою. И я хочу, чтобы лет там через двадцать мои дети сказали:

— Если бы потребовалось, он взял в руки автомат, как его отец... в сорок первом...

Но ему больше повезло. Он хотел, и он стал врачом, военным врачом и всю жизнь держал в руках только скальпель...

...Пятый курс. Май. Часа полтора-два после отбоя. Врываются: в нашу комнату — Володька Колебаев, командир первого отделения; к пограницам — Санек Крылов, ударник в оркестре агитбригады. Оба из Целиноградского медицинского института. Оба сильно помятые и побитые.

— Наших бьют!!!

Весь пятый курс, кто находился в это время в общежитии, устремляется на разборку в общагу. Гражданскую. Пошла работа: кто прав, а кто виноват — вопроса не существовало. Раз принадлежишь не к женскому полу, пожалуйста, отоваривайся по полной программе! Через полчаса этой грандиозной драки, «чужой» вражеский голос на всю планету передает, что в Томске происходит избиение гражданского населения спецвойсками. А через полчаса и три минуты цепочка: Москва, ЦК КПСС — Томск, Обком КПСС — Начальник ВМФ — дежурный по факультету подполковник Коломеец — замкнулась. Но замкнулась не на дежурном по факультету, а на его помощнике, слушателе шестого курса. Преподаватель кафедры ОМП (оружие массового поражения) в это время, будучи дежурным по факультету, спокойно играл в ассистентской своей кафедры в преферанс со Славой Зиновским (из нашего восьмого взвода) и двумя другими любителями распisać «пулюку».

Пока в общежитие факультета прибыло начальство, пока незадачливый преферансист бегал по улицам, стреляя из ПМ (пистолет Макарова) в воздух, пока суть, да дело — все слушатели были на своих местах. В койках. Все крепко спали. Никто даже ухом не слышал ни о какой драке. Тем более никто и не участвовал. За исключением Колебаева и Крылова, у которых следы гражданских кулаков на лице ничем нельзя было скрыть. Они же выступали «первым» номером с намного превосходящими силами. Это потом...

Для нас наступила «черная» неделя. Каждый день нас опрашивали (или допрашивали?) военные дознаватели, назначенные из преподавателей военных кафедр. Были исписаны горы бумаг. Проведены очные ставки (как в плохом детективе). Через неделю этой бодяги выяснилось, что у всех (!!!) есть «железное» алиби отсутствия в ту ночь, в той, гражданской, общаге.

Кто был на дежурстве в клинике (вот — график дежурств, заверенный зав. отделением). Кто нес службу в наряде (вот график). Кто возвращался с последнего двухсерийного с журналом кинофильма (вот билеты). Кто коротал ночное время у знакомой девушки (вот ее собственноручное, заверенное у нотариуса, признание, что от нее молодой человек ушел в пять утра), и т. д., и т. п.

Выходит, что никакого избиения гражданского населения спецвойсками и не было. О чем и доложили по цепочке — в обратную сторону, исключая, естественно, чужой, вражеский голос. Стрелочники? Стрелочниками, по вполне понятным причинам, оказались Колебаев (в последующем главный хирург Ракетных войск стратегического назначения) и Крылов, которые отсидели на гауптвахте по десять суток каждый...

...Учился в первом отделении нашего взвода слушатель Мишка Копейкин, то ли из Барнаула, то ли из Семипалатинска — не в этом суть. Всякую и всяческую технику боялся до первобытного ужаса. Поручает ему, к примеру, преподаватель позвонить в лабораторию, расположенную в другой части города, узнать результаты анализов своего больного. Мишка ни за какие коврижки не подойдет к телефону. Он лучше в свое личное время после занятий пешкодралом метнется в лабораторный корпус и на завтра принесет злополучные анализы.

Хотя однажды он весь взвод крайне удивил. На шестом курсе, проходя «поликлинику» по кафедре факультетской терапии, наш взвод привлекли на вспышку

гриппа и других простудных заболеваний в суровую сибирскую зиму (а когда в Сибири зимы бывают не суровыми?). Нас разделили по парам — и вперед, на Дарданеллы, к своим больным с полным карт-бланшем: бланки рецептов с печатью поликлиники, бланки листов нетрудоспособности (бюллетени то есть), медицинские карточки.

Но не только на шестом курсе оказалось, что и по жизни слушатели восьмого взвода, десантного, отличались от других студентов и слушателей. Ибо другие взводы формировались из студентов двух-трех институтов, максимум — четырех, то в десантном взводе оказалось по два-три представителя со всех медицинских институтов страны. *Ну, где ты святого найдешь одного, чтобы пошел в десант.*

Поэтому, разделив больных поровну, мы заканчивали свои обходы ровно в два раза быстрее, используя высвободившееся время каждый по своему усмотрению. И Мишка с Валеркой Самсоновым в этом действии ничем от других пар не отличались. Договорившись о встрече после последнего посещения своих больных, они разошлись по квартирам многоэтажного дома. Самсонов со своим больным старичком справился быстро. Ждет Мишку пять, десять, двадцать, сорок минут. Проходит час — Мишки нет, промерзший до мозга костей Самсонов собирается мчаться со всех ног в поликлинику — узнавать адрес мишкиного больного, чтобы прийти тому на выручку. В это время в двери подъезда появляется собственной персоной наш Копейкин, облизываясь, как мартовский кот.

...— Звоню, открывается дверь,— повторяет свой рассказ Копейкин всему взводу,— стоит в халате моя «больная», лет тридцати. Снимаю шинель, шапку, ботинки, достаю градусник и фонендоскоп, иду за ней в комнату. Не поворачиваясь к ней, говорю: «Раздевайтесь!». За спиной что-то зашуршало. Оглядываюсь — неопишуемая, полностью обнаженная моя «больная». Пришлось три раза ее «выслушивать» и «проверить температуру».

Вот тебе и тихоня.

...Заведующим кафедрой психиатрии в то время был профессор, доктор медицинских наук Красик. Перед Томском занимавший такую же должность в Рязани. Проведя знаменитый «рязанский» эксперимент по трудовой реабилитации больных, он был переведен в одну из крупнейших больниц Союза такого профиля главным врачом. Соответственно — заведующим кафедрой психиатрических болезней Томского государственного медицинского института, где обучались на гражданских кафедрах и мы, слушатели (так официально нас называли) Военно-медицинского факультета.

Экзамены по психиатрии мы сдавали, в отличие от других гражданских кафедр, не в клиниках, а на своем факультете. Куда приезжала вся бригада экзаменаторов во главе с профессором Красиком.

На столе, рядом с тем, где восседала экзаменационная комиссия и распластанным веером возлежали билеты, каждый взвод выставлял для профессорско-преподавательского состава «чай» в виде фруктов, конфет, кофе, коньяка. Не ради взятки, не ради какого-то подхалимажа. Уважали мы своих учителей.

Так вот, каждый рязанец (а нас и было-то лечебников пятнадцать человек всего. Да, и набора в Томск из Рязани было всего три; наш — второй), какой бы вопрос рязанцу не попадался, начинал отвечать именно со знаменитого «рязанского» эксперимента. Все. На этом экзамен для рязанцев заканчивался. С оценкой «отлично» в зачетке по психиатрии. И начинались ностальгические воспоминания о Рязани:

*«Нам наплевать
на Волгу-мать,
на Каму у Казани...
Нам на века
река Ока —
она течет в Рязани!..»*

Это мы пели, т. е. рязанцы (нас двое — в восьмом взводе, остальные — в первом взводе, а двое фармацевтов, по-моему, психиатрию-то и не сдавали), с Красиком после экзамена под рюмку «чая»...

...Сентябрь 1970 года. После «курса молодого бойца» и принятия присяги — мой первый наряд: дневальный третьей смены «на тумбочке» расположения пятого курса. На этом же этаже находился и курс ППР — партийно-политической работы, или «попиз...», т. е. поболтали-поговорили и разошлись.

В дверь входит начальник курса подполковник Плешаков (по-моему, такая была у него фамилия) и пристально рассматривает меня.

— Товарищ слушатель, как Вам не стыдно,— я съедаю его глазами, не в силах объяснить такие слова начальника курса.— Не успели прибыть на факультет, как пьяный чуть не сбили меня вчера вечером на улице.

Пытаюсь ему объяснить, что вчера заступил в наряд и по определению не мог не только не быть не то что пьяным, но и банально прохладиться на улице.

— Я еще с Вами разберусь,— махнув рукой, Плешаков отправляется к себе в кабинет.

Не успел Плешаков сделать и пяти шагов, как распахивается дверь и в проеме рисуется моя копия: такой же овал лица, такой же рост, такие же густые бело-брысье кудри плюс улыбка, хоть завязочки пришей, плюс выхлоп после вчерашнего вечера,— слушатель Китайгородский из 7-го взвода.

— Ты, ты,— на этом мое красноречие и заканчивается.

...Первый цикл на факультете у нашего взвода проходил по кафедре глазных болезней, и видя мои глаза, заведующая клиникой сразу оформила меня на стационарное лечение, где мне пришлось продолжать «стационаряться» и второй цикл по кафедре госпитальной терапии. Благо обе кафедры располагались в одном корпусе на соседних этажах. Так и жил: занятия вместе со взводом, затем — лечение, обед и до ужина — свободное время (лекции, естественно, я не посещал). Местные «косачи» с первых дней взяли надо мной шефство, потчуют разными домашними деликатесами. Взяла надо мной шефство и больная С., получившая отслоение сетчатки после мотоциклетной аварии.

По окончании цикла глазных болезней эта больная С. пригласила меня к себе домой, зная, что моя курсантская форма висит в кабинете кафедры среди плакатов наглядных пособий по глазным болезням. Переодевшись, я спокойно выходил и шел к ней на квартиру, благо она (квартира) располагалась совсем рядом на первом этаже пятиэтажной хрущевки.

Наши встречи в интимной обстановке продолжались весь мой цикл по факультетской терапии, после коего меня выписали со стационарного лечения, так и не установив причину моего заболевания. К концу ноября меня эти встречи начали, откровенно говоря, тяготить по причине уж слишком навязчивого поведения моей подруги: дескать, пора знакомиться с ее родителями; дескать, она подруга сестры заведующего кафедрой военной эпидемиологии полковника Жука и т. д., и т. п.

Одним словом, пора было вострить лыжи и отчаливать восвояси, деликатно покинув уютное гнездышко. Очередной раз, восседая в неглиже на шикарном ворсистом ковре, вдруг вижу, что между тарелками закусок и рюмками бежит громадный таракан. Недолго думая, давлю его большим пальцем правой ноги — брезгливостью никогда не отличался. Что тут началось: поток бранных (матерных) слов, обзывание меня крестьянином (в принципе-то, крестьяне довольно умные люди, не чета колхозникам)... Не буду больше перечислять вылившиеся на меня эпитеты и метафоры: молча оделся и ушел... по-английски. В дальнейшем эта больная С. пыталась меня «прищучить» полковником Жуком — ничего не вышло.

...22 февраля 1971 года пригласили нашу агитбригаду выступить на местном телевидении в прямом эфире (не было тогда передач в записи). Солисты ансамбля

Петька Васечко и Славка Грушин пели популярные советские песни, на мою долю выпало читать ранее написанные юмористические рассказы — две штуки.

Если ансамблю хватило одной репетиции, чтобы получить «добро» главного режиссера, то со мной он мучился с утра до обеда, репетируя каждое слово, каждую запятую.

— Все! — терпение режиссера лопнуло. — Обед.

Оставив инструменты (гитары, ударные, трубу), весь состав агитбригады часов в одиннадцать уехал по своим личным делам, чтобы к 16:00 прибыть на «эфир». Мне же никакого резона куда-либо отъезжать не было — до «эфира» оставалось каких-то час-полтора. Пошатавшись по студии, я пошел откусать в ближайшем кафе. Открываю дверь и сразу же у ближайшего столика натыкаюсь на главного режиссера и его помощника, поглощающих обильный обед с изрядной портвешковой дозой.

— Садись! — наливая в пустой фужер напитка, предложил главреж.

Тут и официантка подросла, принесла комплексный обед и — алаверды — флакон в 0,75 все тех же «трех семерок».

— Все у тебя получится, — напутствовали меня монстры местного телевидения.

Вечером на факультете все, кто смотрел программу, единодушно признали мое выступление самым лучшим и эффектным, самым, самым...

И гонорар за выступление у меня оказался раза в три больше всех остальных вместе взятых — шести человек: как никак — авторское исполнение.

...На кафедре детских инфекций нам «досталась» преподавательница года на два-три старше меня. Очень фигуристая и симпатичная. Узнав у санитарок ее статус-кво, в уме рассчитывая на дальнюю перспективу, вплоть до обмена обручальными кольцами, не долго думая, приглашаю ее на очередной вечер отдыха к себе на факультет, аккурат, накануне 8 марта.

Получилось, как всегда: человек предполагает и далее — по тексту. За неделю до женского дня ко мне обратилась заведующая клиникой глазных болезней с деликатной просьбой познакомить ее старшую дочь — преподавательницу иностранных языков в Томском военном училище связи — с одним из слушателей нашего факультета с перспективой выхода ее — дочери — замуж. Мою кандидатуру, в шутку предложенную, она отвергла сразу, припоминая мое полугодовой давности нахождение в одной клинике.

За полчаса до встречи с перспективной дамочкой, под руку с искательницей женихов спускаюсь по лестнице со второго этажа в вестибюль здания. И ровно на середине лестницы нос к носу сталкиваюсь... да, да — сталкиваюсь со своей так и не сбывшейся мечтой.

Великовозрастная же дочурка через полгода удачно вышла замуж на нашего шестикурсника и укатила от родной мамки.

...Июль. Одна тысяча девятьсот семьдесят первый год. Фергана. Стажировка. В Ферганской воздушно-десантной дивизии (расформирована, буквально за несколько месяцев, до событий в Афганистане. Вредительство? Или предательство?) Жара — под сорок градусов Цельсия в тени (а мы в тень-то и не лезли).

Нам разрешили (!) ходить в рубашках с длинными рукавами (без кителя, но в галстуках). А вы говорите: «Дубы!» В то время была однообразная для всей Советской армии форма одежды. Жара ни жара, холод ни холод: рубашка, галстук, китель. В летнее время: ни коротких рукавов, ни отсутствия удушиловки галстука. «Люминь» и «чугуний» — двумя словами.

Мы так и ходили: в галстуках, но без кителя. По высочайшему разрешению военного коменданта города Ферганы. Ходили до нашего первого (хотя у меня одного из всего взвода — это был четвертый прыжок с парашютом. Три я совершил еще на первом курсе, в Симферополе) парашютного прыжка.

Рождение целых пятнадцати (в том числе и меня) новых десантников отмечали с

нашим ВэДээСником (офицером Воздушно-десантной службы) старшим лейтенантом Нейманом в ближайшей чайхане.

Само собой разумеющееся, на замечание какого-то гражданского, стоящего в одних трусах на балконе ближайшего дома, мыотреагировали адекватно. В предельно допустимой жесткой форме.

Этот гражданский в завтрашнее утро тоже ответил в предельно жесткой форме. Сапоги. Кители. Портупья. И... от него до обеда строевая подготовка под палящим ферганским солнцем на плацу гауптвахты. Этот «Кент в трусах» с вчерашнего балкона оказался военным комендантом города Фергана.

Хорошо, часть отделения — восемь человек (в том числе и я) — отправлялась, для дальнейшего прохождения стажировки, в город Ош. В Ошский десантный полк. Семь же новоиспеченных десантников в Фергане все оставшиеся дни (две недели) парились в сапогах, под портупеей. Ибо, не зная человека, можно нарваться...

...Опять июль 1971 года. Войсковая стажировка после пятого курса в 105-й гвардейской воздушно-десантной Венской Краснознаменной дивизии в Фергане. Той самой дивизии, которая в начале 1979 года будет расформирована, а в декабре того же года в Афганистан отправится из Витебска 103-я гвардейская воздушно-десантная ордена Ленина Краснознаменная ордена Кутузова 2-й степени дивизия имени 60-летия СССР. Улавливаете разницу: где Афганистан и Фергана, а где Витебск? Об этом потом, как-нибудь в другой раз.

Итак, наша стажировка. Стажировка 1-го отделения 8-го десантного взвода Томского Военно-медицинского факультета: две недели все отделение проходит предпрыжковую подготовку в полном объеме, несколько раз укладывает парашюты — основной и запасной — и совершает прыжок из самолета Ан-2. После этого половина отделения на дальнейшее прохождение стажировки отправляется в гвардейский парашютно-десантный полк в город Ош, что в Киргизии. В этой половине отделения оказываемся и мы: мой лучший друг еще с Рязани Вовка Кузнецов и автор этих строк.

Через неделю мы с Володькой решаем сделать вылазку на гору, аккурат своей подошвой расположенной по ту сторону дороги от места дислокации полка. Зачем полезли на гору? Банально — посмотреть летучих мышей, которые, по словам полковых старожил, кишмя кишели в пещерах. Восхождение начали где-то в четыре часа пополудня, солнце стояло если и не в зените, то довольно высоко над горой. На полпути к пещерам — все-таки лезли в гору, не по прямой асфальтированной дороге шли — солнце разом, как по мановению волшебной палочки, скрылось за горой. Еще минут через десять нас окутала сплошная чернота. Только звезды и далекие огни фонарей будто из другой галактики.

Делать нечего — спускаемся по знакомой (или незнакомой?) тропинке. В звездной подсветке разве разберешь нужную тропинку. Так и мы в каком-то месте свернули с проторенной дороги и пошли в неизвестность. Хотя фонари также мерцали внизу и звезды, вроде, оставались на своих местах. Мы шли, шли и вышли к арыку шириной метра три и заросшего по обеим берегам каким-то густым кустарником. Недолго думая, полностью разделись, взяли одежду и обувь и смело полезли через кусты. На наше счастье ложе арыка оказалось бетонированным, а быстрое течение мы преодолели на одном дыхании. Буром ввинтившись в кусты противоположного берега, с облегчением вздохнули, отряхиваясь от колючек и веток. Тут и рукой подать до полка.

Услышав наш рассказ о форсировании арыка, полковые медики уставились на нас как на зачумленных больных.

— Ребята, да вы родились не в рубашке, а в каком-то противочумном костюме, — протягивали нам трясущими руками (у них-то от чего?) мензурки со спиртом.

— ???

— Еще никому не удавалось перейти этот арык, тем более ночью, и не быть укушенными змеями, кишачими там в летнее время.

...Зимняя сессия на шестом курсе — это непревзойденный шедевр авантюры трех рязанцев (Петька Васечко — неиссякаемый генератор всяческих и всевозможных идей, руководитель агитбригады: первый общевоинской взвод; Володька Кузнецов, гитарист, и я — друзья не разлей вода еще со второго курса института: восьмой десантный взвод).

В первых числах декабря Васечко «надыбал» информацию, что в клинике детских болезней, где располагалась и сама одноименная кафедра, к Новому году для больных детей нужны Дед Мороз, Снегурочка и артисты для кукольного спектакля. На следующий день, после обсуждения этой информации, мы отправились в эту клинику предложить свои услуги.

Выслушав нас, заведующая клиникой без обиняков, без экивоков, прямым текстом прямо в лоб, как ударом хлыста, подвела черту:

— Сколько?..

— Досрочно, 31 декабря, с шестым взводом сдать экзамены на «хорошо» и «отлично».

— Заметано,— вздохнув с облегчением (денег же мы не просили), она протянула нам мешок с куклами и сценарий детского спектакля.— Жду двадцать девятого к четырем часам. Снегурочку, надеюсь, найдете сами.

Почему экзамен 31-го? Ларчик-то открывался просто: в шестом взводе обучался старшина курса капитан Яроцкий, который составлял расписания и занятий, и зачетов, и экзаменов для всего курса. И для своего родного шестого взвода он поставил экзамен по детским болезням последним из четырех положенных в эту зимнюю сессию, чтобы также в последний день цикла по этой кафедре и сдать досрочно экзамен, тем самым пятком дней прибавив к отпуску личному составу взвода. И к этому взводу мы — рязанская тройка — садились, грубо говоря, на «хвост».

С куклами и сценарием мы, захватив пару 0,75 «трех семерок», отправились на квартиру к Петьке (он один из нас был женатым человеком) готовиться к представлению. Собирались у него почти каждый день с обязательными двумя—тремя все теми же 0,75 «тремя семерками», так ни разу не открыв сценарий и ни разу не достав кукол.

— Играем «с листа»,— бодро произнес Петька, открывая двери в холл стационара клиники, где нас ждали десятка три больных детишек дошкольного возраста.

Меня сразу переодели в Деда Мороза, придав яркой красной помадой моим щекам «натуральный» зимний румянец. Снегурочка — подруга Кузнецова — оказалась Деду Морозу под стать. Артисты — Петька, Володька и еще двое приглашенных агитбригадовцев за ширмой, естественно, пропустив по сто пятьдесят портвейна (без Деда Мороза и Снегурочки, что тоже, естественно — мы же непосредственно общались с детьми), разобрав куклы, приступили к изучению сценария спектакля.

В это время в холл пришли и заведующая отделением, и заведующая кафедрой детских болезней, и весь женский, и весь мужской (всего два ординатора) персонал, расселись на стульях в задних рядах. Пока артисты готовились к спектаклю вся нагрузка легла на Деда Мороза и Снегурочку: хоровод — за хороводом, стихи, песенки, подарки и т. д., и т. п.

Хорошо что я сообразил надеть костюм Деда Мороза на голое тело: и оставшиеся на мне трусы, и вся амуниция после представления насквозь промокла от пота — жара стояла в отделении, дети все же. После спектакля нас всех пригласили на встречу Нового года, не переставая восхищаться прошедшим действием:

— Такого впечатляющего представления до вас никто никогда не проводил,— пела нам дифирамбы заведующая детским отделением.— Как насчет следующего года? Ах, совсем забыла: вы же — выпускники.

Впережку с персоналом мы расселись за столы, но честь агитбригады, да и всего факультета по встрече Нового года отстаивали только мы вдвоем с Петькой. Все мужики отделения — два ординатора — после второго тоста заснули в детских кроватках, Володька уснул в раздевалке среди пальто и шуб, не дождавшись 12 часов, Снегурочка, за что-то обидевшись сразу после спектакля на Кузнецова, и двое приглашенных испарились еще до банкета.

Ровно в четыре часа Петька поймал на пустынной улице такси, завез меня и Володьку, полусонных, на факультет, а сам поехал к себе на квартиру.

Утром тридцатого, разбудив Кузнецова, последними из восьмого взвода отправились в госпиталь на кафедру военно-полевой терапии (ВПТ) сдавать зачет по одному предмету, предварительно зайдя в буфет выпить минералки. Там, видя мои разукрашенные щеки и шею, буфетчица за ширмой стала чем-то стирать помаду (уважали и любили нас — десантников — женщины факультета).

И если мне удалось проскочить мимо всевидящего ока начальника курса подполковника медицинской службы Подолько, то Володька, как назло, нарвался на него со всеми вытекающими отсюда последствиями (о коих — дальше).

Зачет по ВПТ у нас принимал подполковник медицинской службы Улизко. Оригинальный до безобразия преподаватель, к примеру:

— Это — синее или зеленое? — интерпретируя, так можно наглядно перевести его вопросы.

— Зеленое?

— Правильно! — следует длинная пауза.— Красное!?!

Слушателей он опрашивал строго по алфавиту, и, пока очередь дошла до моей фамилии (где-то в середине списка), я успел «по диагонали» перелистать — не прочитать — учебник.

— Макаров! — Улизко, оторвав глаза от журнала, в недоумении уставился на мои красные щеки, так и не оттертые буфетчицей.

— Он вчера выступал Дедом Морозов на кафедре детских болезней,— прокомментировал мой вид командир отделения Колебаев.

— Садись! Зачет! — и препод назвал следующую фамилию.

31 декабря к назначенному времени на вожделенной кафедре детских болезней оказывается только моя персона. Володька после вчерашнего зачета по ВПТ уехал к Снегурочке реабилитироваться после бездарно проведенного с ней вечера на кафедре детских болезней. Петька же Васечко застрял на кафедре госпитальной хирургии, где первый взвод сдавал зачет по предмету. Если занятия на военных кафедрах заканчивались 30 декабря, то на гражданских — 31 декабря — поэтому и не мог приехать с окраины в центр города.

С телефона-автомата — тогда они работали безукоризненно — набираю номер кафедры госпитальной хирургии и прошу позвать слушателя Васечко. На другом конце провода голосом заведующего кафедрой профессора Альперовича интересуются касательно повода вызова еще не сдавшего зачет слушателя.

— У него брат попал под машину,— ничего более умного мне не пришло в голову.

Через двадцать минут передо мной из такси выскакивает Петька с бледным лицом и, заикаясь, вопрошает:

— Где брат?

Зная его семейное положение, отвечаю встречным вопросом:

— У тебя брат-то имеется в наличии?

Без проблем мы сдали экзамены по детским болезням, исключительно беседуя с экзаменаторшами о личной жизни, о прошедшем банкете, обо всем на свете, кроме этих самых «детских болезней». Получив соответствующие «хорошо» и «отлично», захав за Кузнецовым и Снегурочкой, всей гурьбой отправились на квартиру Васечко отмечать настоящий Новый год. Всей да не всей гурьбой: мне пришлось к вечернему

разводу наряд прибыть на факультет, чтобы вытянуть жребий дневального по курсу в третью смену.

Если на пятом курсе дневальные добросовестно менялись через каждые четыре часа, как предписано Уставом внутренней службы, то на шестом курсе, учитывая опыт предыдущих поколений слушателей, мы решили одноразово заступать на восьмичасовое дневальство. Первая смена: 17:00—01:00; вторая смена — 01:00—09:00; третья смена — 09:00—17:00. Мне досталась самая комфортная смена — Новый год можно смело встречать с друзьями на квартире.

Дежурный по факультету майор медицинской службы Самойлов, строго настроено предупредив весь личный состав наряда о бдительном несении службы, о недопущении на факультете и в окрестностях «водку пьянствовать», преспокойно отправился на кафедру ОМП (оружие массового поражения) «расписать пульку» и встретить Новый год подобающим образом.

Мне оставалось перелезть через забор и отправиться по известному адресу. Под утро первого января, перед необходимым для поправления пошатнувшегося здоровья бокала шампанского, Петька провожает меня интригующим вопросом:

— Как ты смотришь, чтобы вам с Кузнецовым вместе с нашим взводом пятого января сдать «судебку» досрочно?

— ???

— Все беру на себя.

Дневальство мое прошло великолепно. Дежурный по факультету на мое отсутствие на отдыхе свободной смены никакого внимания не обратил.

Приползающие, переполненные впечатлениями и подарками (разными там вкусняшками и алкогольсодержащими жидкостями) слушатели родного взвода щедро делились со всеми, кто находился в комнате. Естественно, вкусняшками я объедался всю свою смену, не отходя от «тумбочки», но «водку пьянствовать» позволил только после семнадцати часов.

Четыре дня до досрочного экзамена пролетели как один миг. Володька Кузнецов за эти дни с учебником по судебной медицине не расставался ни на минуту, но я этот самый учебник у него видел исключительно в неразвернутом виде. На кафедре нас встретил уже сдавший экзамен Васечко.

— Я договорился — заходите по моей отмашке.

— Все понимаю, — начинает экзаменатор, слегонца принявший после праведных трудов несколько рюмок пятизвездочного чая с командиром первого взвода (дело святое, конечно же!), — Кузнецов женится на твоей сестре, и ему срочно нужно ехать в Рязань, а Макаров-то тут при чем?

— Он — свидетель на этой свадьбе со стороны жениха! — этим ли поставить Петьку в тупик.

Минут двадцать препод стал наставлять, основываясь, как оказалось, на своем горьком опыте семейной жизни, жениха и свидетеля на путь истинный. Не задав ни одного вопроса Кузнецову, он берет мою зачетку и...

— Жениху ставлю «хорошо»! Тебя же, — обращаясь ко мне, — погоняю по всему учебнику.

— Вы мой ответ уже оценили и поставили в зачетку, осталось в ведомость поставить.

В это время в двери появляется Васечкина голова и авоська с внушительным содержимым. Видя такое дело, преподаватель ставит и в Володькину зачетку «хорошо», записывает результаты в ведомость и мы вчетвером до сумерек продолжаем банкет по случаю сдачи «судебки».

Два оставшихся строго по расписанию экзамена — военную эпидемиологию и Уставы, которые в нашем взводе начинали сессию с Кузнецовым, прошли на одном дыхании.

Отметить досрочное — на две недели — окончание этой сессии (Володька умудрился и детские болезни между Устами и ВЭ сдать) и встретить достойно Старый Новый год собрались опять у Петра и Катерины Васечко. Под утро — а когда же приходят умные мысли — Петьку опять в который раз осеняет:

— Идите с Кузнецовым к Подолянко и просите отпускные билеты.

Наутро тринадцатого января Кузнецов ринулся сразу на факультет. Меня же (все-таки общение с Васечкой не проходило даром) в холодном трамвае откуда не возьмись посещает шальная мысль и, чтобы эту мысль воплотить в реальность, схожу на полдороге и направляюсь в редакцию «Молодого Ленинца». Там во всю идет чаепитие: из огромного литров на десять самовара в чашки и бокалы наливается слабозаваренный чай.

Подают и мне полную чашку. Начиная пить маленькими глотками, боясь обжечься: вот те раз — чистейший болгарский «рислинг». К вечеру на руках у меня — бумага о том, что редакция (с коей успешно сотрудничал уже полтора года) отправляет меня в Москву на месячные курсы внештатных корреспондентов. Явка на курсы 14 января. Подпись. Синяя печать.

С этим направлением на следующий день вначале захожу к начальнику политотдела полковнику Оносову. Он внимательно читает, ставит резюме «Не возражаю!» и свою закорючку.

— Иди в строевую — пусть сразу выписывают отпускной и проездные билеты. Если Подолянко будет... (далее следует непереводимая лексика), пусть позвонит мне.

Надолго не задержавшись в строевой части, стучусь в кабинет начальника курса. Там — сам хозяин кабинета и старшина курса Яроцкий. На мою просьбу о досрочном отпуске оба отвечают категорическим отказом: дескать, без их отеческих разрешений на каком основании досрочно сдавали экзамены; дескать, вчера заходил Кузнецов — ему-то отказали, будет факультетские документы приводить в порядок (замечу, что после таких слов мой друг залег на две недели — то есть на время дополнительного отпуска — в госпиталь с каким-то ничего не значащим диагнозом); дескать, Макаров, две недели до официального отпуска будешь писать заметки во все газеты и журналы; дескать...

— Позвоните, пожалуйста, полковнику Оносову, — успеваю вклиниться в их дуэт.

— Ладно, — подводит резюме Подолянко, — полетишь завтра.

— Руководитель группы с билетами ждет в аэропорту — отлет самолета через три часа.

Ох, как им не хотелось отпускать меня, но резюме начальника политотдела и подпись редактора областной комсомольской газеты — это не хухры-мухры.

Через час я с унылым видом терся у касс аэровокзала — на ближайшую неделю на Москву билетов нет и не предвидится. Хватаюсь за спасительную соломинку — звоню Васечко. Еще через час у меня в руках вождеденный билет на ближайший рейс на Москву.

...Володьку Кузнецова, успевшего вместе со мной сдать все экзамены досрочно, начальник курса в отпуск не отпустил:

— Будешь вместо Макарова писать статьи! — вынес вердикт Подолянко.

Володьку, конечно же, такой вариант не устраивал. На гитаре играть или там спеть — пожалуйста, но писать...

Особенно не заморачиваясь, на следующий день после моего отъезда он уходит — нет, не в запой — он уходит на стационарное лечение в госпиталь с каким-то несущественным заболеванием. И валяется в госпитале до начала своего законного отпуска, на ночь уходя к своей Снегурочке.

Утром следующего дня после выписки, то есть в первый день отпуска, Володька с Петькой Васечко и его женой Катей в зале ожидания аэропорта оказываются перед

огромной толпой пассажиров, жаждущих улететь, в основном, на Москву. Билетов на ближайшие дюжину дней нет, по определению, тем более, на ближайший самолет, вылетающий в стольный град вечером.

Оставив удрученных жену и Володьку, Петька растворился в галдящей толпе пассажиров, но ровно через двадцать минут появился, как черт из табакерки, с тремя вожеленными билетами на ближайший, то есть на вечерний рейс. Пока суть да дело, наша троица по инициативе Петра решает скоротать время в гостинице при аэропорте. Загрузившись по полной программе, пару раз сходяв за добавкой, разморившись в тепле гостиничного номера, они проспали вылет своего самолета.

Но Васечко этим было не смутить: с утра переложившись портвешком, он достает три билета на утренний рейс и вся троица благополучно улетает в Москву. В самолете под мерный шум моторов Ил-18 Петька уговаривает Кузнецова из Москвы не ехать к себе на родину в Михайлов, а лететь с ним в город Горький. После недолгих уговоров Кузнецов соглашается, прикинув, что в ажиотаж каникул, тем более в Москве, Васечко вряд ли достанет три (!) билета.

Во Внуково картина еще более утрашающая, чем в Томске,— к кассам не пробиться. Кузнецов с облегчением вздыхает, но радость его мгновенно улетучивается при виде Петра с тремя билетами на ближайший самолет до Горького. Володька на виду всего зала ожидания бухается перед Петькой на колени и громогласно просит отпустить его на родную Рязанщину, мол, бес попутал, когда согласился с предложением друга.

...Мой Гос по научному коммунизму начался накануне вечером в самом дорогом ресторане Томска. В ресторан — не помню по какому поводу — меня пригласила ответственный секретарь многотиражки мединститута А., по совместительству — лучшая подруга доцента с кафедры философии, гражданского экзаменатора по научному коммунизму на нашем факультете.

После ресторана мы втроем в «продолжение банкета» оказались в пустующей квартире доцентши. За полночь пригласившая меня А. где-то затерялась в многочисленных комнатах квартиры, мне же пришлось исполнять обязанности приглашенного гостя по полной программе.

Ранним утром, часов в пять, за чашкой свежесваренного кофе доцентша наставляла меня касательно предстоящего экзамена:

— Заходишь первым, берешь билет, готовишься минут десять, не более и сядишься ко мне,— попивая кофе, продолжала.— Рассказывай о чем хочешь, не обращая внимания на вопросы билета, но после каждого ответа, четко докладываешь: «Слушатель Макаров ответ закончил!».

И, обращаясь, к подруге:

— Чтобы твой коллега по перу получил «отлично», приходишь на экзамен с фотографом, затем помещаешь снимок в многотиражку. Останется мне на память об этой ночи.

Первым зайти в кабинет проблем не оказалось. За экзаменационным столом сидят два полковника из Москвы — оба, как на подбор: глаза красные, мор... лица опухшие. В это время входит моя доцентша, бросает взгляд на меня и швыряет кипу свежих газет перед полковниками. Те не заставляют себя долго ждать, жадно поглощая новости вместе с минералкой.

Читаю билет, вопросы — так себе, но работа Ленина — ноль, первый раз слышу о ней. Подходит к столу начальник политотдела полковник Оносов, отворачиваясь, спрашивает шепотом:

— Работу Ленина знаешь?

— Первый раз вижу,— шепчу в ответ.

Оносов косит глаза:

— Сам первый раз (!) вижу эту работу.

Делать нечего, беру, якобы, исписанные черновые листы, подхожу к экзаменационному столу и четко, как учили, докладываю:

— Та-та-та!

Несу галиматью по первому вопросу.

— Та-та-та, по первому вопросу ответ закончил!

Со вторым и третьим вопросами повторяется то же самое. Начав про работу Ленина, озвучив только название, слышу голос доцентши.

— Хорошо,— и, поворачиваясь к читающим газеты полковникам,— вы согласны?

Не отрываясь от чтения, те закивали в ответ.

— «Хорошо»,— протягивая мне зачетку, подводит экзаменаторша итог экзамена.

Ничего не понимая «за результат» экзамена, выходя из аудитории, сталкиваюсь с А. и фотографом. Минут через десять, по выходу «съёмочной группы», прошу А. позвать доцентшу. Еще через пять минут в нашей опустевшей комнате общежития под звон наполненных стаканов неизменным «777» задаю вопрос:

— Почему — не «отлично», как договаривались вчера, вернее — сегодня ранним утром?

— Я хотела иметь на память фотографию в газете с тобой,— грустно посмотрев на меня, чмокнув и вытирая помаду со щеки, доцентша пошла дальше принимать экзамены.— Прощай, будущий лейтенант медицинской службы Макаров.

Грустно...

...После новогодних каникул все слушатели стали посещать ателье военторга касательно пошива офицерской формы. Параллельно, в составе отделения, взяв одну на всех лейтенантскую парадную форму (командиром 7-го взвода был лейтенант медицинской службы), мы ходили опять же в ателье военторга фотографироваться для личного дела. Это — преамбула.

В нашем взводе пара-тройка слушателей постоянно ходили в наряд (только по собственному желанию — хобби у них такое) — патрульными по гарнизону; среди них — командир первого отделения сержант Володька Колебаев, образец идеального военного. К нему-то особенно и придирался прапорщик из комендатуры, инструктируя перед заступлением на дежурство. Нешадно гонял и по строевой подготовке, и по знанию уставов. Это — продолжение преамбулы.

Дошла очередь и до нашего взвода идти фотографироваться. Колебаев, как и положено командиру, фотографируется последним и, не снимая лейтенантской формы, выходит из ателье. И... и к ателье подходит эта зловредина прапор, естественно, не отдавший приветствие (правая рука — к виску) «новоиспеченному лейтенанту».

Что тут началось — как только «лейтенант» Колебаев не измывался над бедолагой, полчаса гоня его строевой подготовкой перед нами, слушателями первого отделения восьмого взвода, десантного взвода. Попробовал бы прапорщик не выполнить приказ «лейтенанта».

...После зимних каникул написал письмо — чем черт не шутит — в ГлавПур ВС СССР (Главное политическое управление Вооруженных Сил СССР) с просьбой направить меня после окончания Военмедфака служить в какую-нибудь окружную газету, в частности — в газету Сибирского военного округа (город Новосибирск), так как, имея множество публикаций в газетах и журналах, может чем и пригожусь на поприще профессиональной военной журналистики.

Через пару месяцев меня срочно вызывает на «ковер» начальник политотдела факультета полковник Оносов.

— На — читай! — протягивая мне «бамагу», указывает на стул.

Беру, присаживаюсь, читаю и понимаю, что профессиональной журналистики мне не видать как своих ушей.

— В общем, так,— резюмирует Оносов, доставая из сейфа бутылку коньяка, два фужера (не рюмки) и тарелку с нарезанными кругляшками лимона,— факультет выпускает военных врачей — государство на это тратило деньги, а не на твою блажь. В журналистику, если будешь и дальше писать, возьмут и из части, а сейчас: вот тебе — официальный бланк, пиши официальный отказ о своей авантюрной идеи. Я подпишу.

Разливая коньяк по фужерам, подвел черту:

— За твою будущую журналистику...

...За месяц до Госов, то есть в одну из майских суббот 1972 года, кто-то, выглянув в окно нашей общаговской комнаты на восемнадцать человек (меньше всего в нашем взводе было женатиков, поэтому комната-ангар по праву принадлежала десантникам), заметил на нижней ветке сосны огромную птицу. На наши крики, свист птица совсем не реагировала. Через пяток минут, столпившись под сосной и определив с близкого расстояния, что эта птица — филин, стали бросать в него (филина) палками. Филин совсем не реагировал, наверное, при ярком послеобеденном солнце он не только ничего не видел, но может и не слышал наши крики и свист.

Все же филин дождался меткого броска и камнем рухнул на землю, но, не долетев полметра, он оказался в наших руках. Принесли его в комнату, посадили на шкаф и отправили гонца в столовую за сырым мясом. Филин не стал себя долго упрашивать, моментально склевав все кусочки мяса, нарезанные сердобольными поварами в виде червячков.

Ближе к вечеру, освоившись в новой обстановке, филин начал вертеть головой и размахивать крыльями, не обращая на нас никакого внимания. Мы ждали, когда же он будет летать, но так и уснули, не дождавшись его полета.

Теперь главное. Почти каждую субботу наш «однополчанин» Коля Виноградов, как и многие слушатели, отправлялся на субботнее randevu. Если при бритье и глажке брюк Николай что-то напевал, как и в этот день,— все, поздно ночью или под утро придет помятый и побитый. Примета его ни разу не подводила. На этот раз, открыв дверь в нашу комнату далеко за полночь и сделав пару шагов к своей койке, вдруг увидел громадное летящее прямо на него какое-то существо, в полумночных сумерках похожее на ископаемого птеродактиля. А «птеродактиль», совершив пару кругов по комнате, как ни в чем не бывало уселся на прежнее место. Дверца шкафа при этом от сотрясения летавшей и севшей птицы самопроизвольно открылась. Виноградов же, издав рев раненого буйвола, ломанулся к своей кровати, попутно врезавшись лбом в торец этой самой открывшейся дверцы шкафа. Естественно, мы все, находящиеся в комнате слушатели, вскочили, включили свет и долго приводили бедолагу в чувство. И примета сбылась — синяки у Коли Виноградова расплзлись вокруг глаз.

На следующий день с утра в нашу комнату повалил народ и продолжал «валить» до вечера, пока все не налюбовались на красавца филина. Начальник же курса подполковник медицинской службы Подолянко забрал его к себе домой, но... но на следующий день привез обратно — перекормленный филин за ночь загадил ему всю квартиру. Нам также быстро надоели его ночные полеты и запах птичьих «удобрений».

На третий день, поразмыслив, мы отнесли филина в детский садик на соседней улицы. Как оказалось, филин и сбежал из живого уголка этого садика — они даже на всех столбах развесили объявления о пропаже птицы. Но мы то не смотрели на столбы...

...Выпускной бал. Торжественные речи. Застолье. Рекой льющисея алкогольсо-держажисея напитки. Танцы-шманцы-обниманцы.

С ответственным секретарем газеты Томского медицинского института А. уходим по-английски в заранее снятый номер близлежащей гостиницы.

На утро следующего дня задаю ей засевший шилом в одном месте вопрос:

— Почему мы с тобой с первого дня знакомства не стали любовниками?

— Тогда у нас с тобой не случилось бы такого плодотворного сотрудничества, — наводя последний штришок макияжа, она продолжила, — мы с тобой делали лучшую за все годы институтскую газету, а займись любовью, у нас на газету банально не осталось бы времени.

— Так-то оно так, но...

Хотя... Ее должность — одна стояла на смете института. Даже редактор — заведующий кафедрой микробиологии профессор Васильев, один из самых-самых спецов по Тунгусскому метеориту — числился на общественных началах.

Через полгода нашего сотрудничества она пробила, естественно, с помощью Васильева, еще одну ставку для газеты и делила ее полтора года со мной: пятьдесят на пятьдесят...

...Впереди — Тула: служба в 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии: полк, медсанбат, штаб дивизии.

Впереди — и книга об этой службе...

Честь имею!

Александр Мальцев
(с. Бор, Воронежская обл.)

ЯСТВА ДЕТСТВА

Окончил исторический факультет Воронежского государственного университета, работал учителем, директором школы, служил в органах МВД. Публиковался в журналах «Подъем», «Север», «Приокские зори», «Бийский вестник», «Дальний Восток» и других. Автор пяти книг прозы и поэзии.

Книга кулинарных рецептов в моих руках, кстати,— классика жанра, хоть и моложе меня, но уже пожелтела листами, пообтрепалась. Грустно, но что делать! Это показатель того, как стремительно относит время все живое от независимой от нас даты рождения в известную печаль старости. А тут еще глупцы восхваляют годы настоящей, как они утверждают, зрелости, называя припадание с ноги на ногу, сдачу бесконечных анализов мочи и крови с хождением по аптекам богатством. На хрена она мне — эта зрелость и это богатство, если я, при их наличии, не могу реализовать и части своих пожеланий на этой земле?

Так люди и предметы переносятся от появления на земле в исчезновение. Это...— нет, я уже не могу, и не хочу больше никаких определений! А хорош, ох, хорош — все еще черт-те о чем помышляю и хочу, тогда как многие из тех, кого по рецептам из этой книги кормили, в том числе и некоторые мои погодки, уже тихо спят себе под плитами могильными на своих кладбищах. Ведь умные, глупые и так себе одинаково навечно ложатся в землю. А мы-то, мы-то тут живой, шумной и толкающейся очередью с жалостливой улыбкой на лицах еще устремлены к какой-то, вроде бы как, очередной цели.

Все они, и мы тоже, совсем недавно молодо топали у порогов, обивая снег с обуви. Громкими от избытка энергии и чувств голосами приветствуя домочадцев, шли к умывальнику мыть руки. Садясь к столу, настраивали громче проводное радио. «Эх, хорошо в стране советской жить...»,— звенели детские голоса хора Всесоюзного радио. Наши жены с раскрасневшимися у плит, керогазов и примусов лицами,— тогда молодые и самые красивые на всем белом свете,— подавали на стол еду. И такая впереди виделась бесконечная и беспечная уйма времени!

Потом как-то незаметно подруги наши и мы — мужики, оплыли до того, что от нас прежних мало чего осталось. Помню, на встрече с выпускниками, после долгих лет разлуки, часто звучал дурацкий вопрос, обращенный друг к другу: «ты кто... а ты кто...». Но это еще не виделось катастрофой или трагедией — «...все еще впереди»,— пело радио вкрадчивым голосом Марка Бернеса...

И вот теперь всех нас, особой уже и послевоенного производства, дева с косою метит своим острым глазом и подкашивает. И в толпе, преимущественно молодежной, выглядим мы почти инопланетянами, но инопланетяне поумней, мы же по старчески глуповаты! Патриархальная семья с непререкаемым авторитетом людей в возрасте разрушена, обычаи уважаемых авторитетов сообщества стремительно уходят в

прошлое, уважение к сединам и морщинам тоже разрушено, может быть, не в меньшей степени и нами самими.

А книгу эту наши ровесницы, если и пользовали, то теперь давным-давно позабыли-позабросили. Готовят на скорую руку как придется. Спроси, ответят: «А для кого и зачем»? Жизнь — она как-то разом, с уходом близкого человека, теряет смысл. Мне же все кажется, что в руки простого советского человека эта книга и во все не попадала, а если попадала, то ему было не до нее.

У друга детства Кольки, что играл ребенком в подаренном девичьем платье, во всю избу была печь. Где-то меньше метра проходик между стеной с окном и печью. Проход в темный угол к кровати. На ней — мне так казалось — лежала по углам вся наличная одежда. Этим определялось жизненное пространство семейства. Перед печью в земляном полу углубление. Здесь бывший сталинский каторжник за частушку, а теперь отчим друга Иван, став на колени в стеганных ватных штанах, колот мелку дровишки на растопку. Он-то и выступал углубление. Слева от входа, в углу под образами небольшой стол, покрытый протертой на углах и сгибах клеенкой неопределенного цвета от старости. На клеенке скорлупа яиц и картофельные очистки — лушпайки. Между столом и потолком слоисто плавал синеватый махорочный дым.

О какой книге речь! Чего бы в ней полезного нашел бывший каторжанин Иван, у которого всегда на плите что-то булькало в прокопченном чугушке, накрытом перевернутой сковородой?

Уголки обложки этой книги от частого употребления пообтрепались. Ее бумажные листы несут на себе специфические отметины в виде жирных пятен, карандашных пометок и просто закладок между листами — обрывков сильно пожелтевших тогдашних газет. Прочтешь несколько полуоборванных строк, и как в ином мире побываешь — в том до боли знакомом нашем, знакомом мире! О нем сегодняшняя молодежь даже представления не имеет — книг не читает, от стариков отмахивается, уткнувшись в свои гаджеты. А меня часто посещает размышление: мои ровесники, со времен девяностых, в своих стенаниях не о Советской власти жалкуют, а о своем прошлом — о своем ушедшем жалкуют.

Теоретические страницы книги с наиточнейшим указанием содержания калорий в граммах девственно чисты и хорошо сохранились, а вот там, где супы, борщи, котлеты, блины и блинчики да студень с окрошкой — захватанность, потертость, завернутые для быстрого поиска уголки. Я люблю просматривать страницы этой книги. Она возвращает меня в состояние детства, тогдашнего домашнего обихода. Чувства трудно пересказать, да и зачем — у каждого свое представление о сути вещей вчерашних и сегодняшних. Зачем к чему-то взывать, навязывать кому-то свое виденье? У каждого не в доме, так в памяти хранятся подобные вещи. Мы же, пожилые, как скряги-меломаны ставим иногда самую дорогую пластинку на проигрыватель памяти, и слушаем ушедшее еще и еще раз, роняя украдкой старческую слезу, не зная о чем, и благостно на душе так, будто ливень большой пролил и смысл наносности.

Открываю наугад. Страница 219, раздел «Макароны». Приготовление блюд из макарон, повествует пособие, отличается простотой. Еще бы! Тогдашние картофельно-огуречно-капустные будни хорошо дополнялись праздниками макарон. С устройства держателя фитиля керогаза снималась прокопченная фигня с множеством отверстий по периферии, поворачивалась ручка регулятора, приподнимая бачок с керосином выше уровня фитиля, поджигался горящей спичкой фитиль и: либо керогаз через минуту выбрасывал синеватый кружок пламени и уютно ворчал, либо вспыхивал весь столбом высокого красно-желтого пламени. Тогда били в рельс и валили толпы народу с ведрами к полыхающей соломенной крыше. Мы, пацанва, разинув рты замирали: языки пламени с могучим, далеко слышимым треском, шелканьем и гулом закручивались над кровлей и, оторвавшись от нее, уходили высоко в небо черным с серым столбом дыма. Панические крики и суматоха добавляли тревоги. От плескания

из ведер, передаваемыми от колодца по цепочке, толку мало. Криков много. Хозяйку, одуревшую от горя и ужаса происходящего, держали. Она рвалась из рук, истерично и прерывисто что-то выкрикивая. Догорающие головешки заливали, затаптывали. Зрители и участники потихоньку расходились. Потом долго из конца в конец деревни перекатывалось: «а вот когда Манюркины горели...».

Потом горел девятый завод — так на деревне прозвали подворье куривших деревенскую водку. Как-то враз Манюркиных деревня забыла, детально, при свете керосиновой лампы, вечерами обсуждался пожар девятого завода, однозначно приходя к выводу — самогон гнали, тем избу и спалили. Так им и надо! Советские трудящиеся были государственниками, причем, очень завистливыми. Зависть подогревалась властью с лозунгами равенства строителей коммунизма.

Но вернемся к нашим макаронам. Макароны сначала отваривали в воде, потом обжаривали в постном масле. Ох, и вкус же потом получалась! Особенно когда исхитришься подцепить исподнизу макаронину с коричневатинкой, чтоб на зубах похрустывало. Но кончатся макароны, и опять картошечка до следующего праздника. Ведь для картошечки никакие книжки не требовались. Летом ее отваривали в мундирах на костерке в большущем чугуне. Мое пацанинское дело — собирать дровишек и вовремя подкладывать. Варили всем сразу: на семью и на поросенка. Чистили, с руки на руку перебрасывая, крошили крупно в миску, лучок (зеленый лучше вприкуску), соли и постного маслица добавляли — слюну шибало только так! С квасом вприкуску мятая картошечка хорошо шла. Зимой, чаще всего по утрам и вечерами, ели картошку жареную, а если выпадало со шкварками, да огурчик вприкуску с рассольным укропчиком на боках, то куда там до той картошечки макаронам!

Вот в текст рецепта вставлена картинка: посуда с ручкой и множеством отверстий — «дуршлаг». В домашнем хозяйстве такой штуки не водилось. Да и куда б ее было деть? Кухонной утвари отводился крохотный шкафчик на стене, а вся кухня — тесное пространство у плиты, отгороженное фанерной перегородкой, корыто постираться и помыться. Зимой и это пространство занимал теленок на соломе. А макароны слить было проще простого. Тряпочки в руки, чтоб не обжечься, сдвинул немного крышку, прижал ее через тряпочки к кастрюле и сливай в лохань на пойло корове.

По окончании уроков в школе лип ко мне дружок Витя, по прозвищу Дровяной. Учились мы в одном классе, но он среди пацанов был чем-то старше. Не возрастом. В нем уже жил явно уловимый мужичок, только маленький. Пацаны его прозвали дровяным из-за фамилии. В этой местности мужики подрабатывали заготовкой дров для петровских верфей в Воронеже — Дровяниковы, а заготовкой мочала — Мочаловы. Это самые массовые фамилии этих мест.

Дровяниковы жили за полем, километрах в двух от нас, во впадине. Эта впадина чуть ниже соединялась с другой и поворачивала влево. Там проходила дорога, которую называли — «через пады» — наверное, в смысле через впадину. А так, обиходливо: «на падах ноне травы хороши!», — говорили мужики, или: «талой водой совсем на падах дорогу размыло». Значение впадины затерялось, название места осталось. Пады, да пады...

Так вот, идем бывало с Витей через поле по тропинке, и вдруг как-то сразу открывается луговина с двумя, крытыми «под солому», хатушками внизу. В одной жили Витя с мамой и бабушкой (отца у него не было), в другой, поодаль, весь черный, как жук, железнодорожник. В черной форме с черным картузом и разноцветными флажками на поясе в черной кирзе футляра, в черных кирзовых сапогах — Шапоренко.

Мне казалось, что все железнодорожники должны были быть Шапоренки потому, что выглядели одинаково, а еще фамилия его, на мой взгляд, была созвучна слову «шпала», пропитанной креозотом бревнине для укладки под рельс. Два домика в ложине назывались хутор Меркулов.

На мои дурацкие вопросы про отца Витя не без бурной фантазии, почти таинст-

венно повествовал: «Он на самолете летал, немцев из пулемета сверху — тра-та-та-та-та-та... бил! А потом самолет заглох и упал. Бензин в нем кончился». Чуть позже я догадался о вранье Вити — мы ж родились спустя три года после войны. Так что тра-та-та было сплошной выдумкой!

Лип он ко мне после школы — кушать хотелось потому что. До дома идти далеко, до меня близко. Ждала меня или сковорода с макаронами, или с жареной картошкой. А еще запомнилось — мы почему-то хохотали над каждой мелочью, и ели прямо руками со сковороды...

Прошли годы. Как-то летом вышагивал я по своей деревне отпусником и вдруг нос к носу... с Витей! Он, восторженно меня оглядев, тут же мне про свой любимый Камаз, про дорожные приключения все рассказывал, рассказывал. Про макароны вспоминали, школу и одноклассников...

Уже потом я от других услышал: подвернулся домкрат под Камазом и он медленно-медленно многотонной тушей оседал на Витю, судя по следам, долго скреб Витя землю руками и ногами. И лежит теперь мой дружок, рано ставший мужиком, где-то в земле пустым черепом и изломанными костями скелета.

Над чем мы тогда хохотали так весело? Над каждой мелочью, по-деревенски, уже почти забытое, *грозотали*. И зачем пытались вспомнить-понять: почему ели макароны прямо со сковороды руками... О, Боже!

Рыба. По своей питательности она не отличается от мяса, — утверждает книга кулинарных рецептов. Ну и ладно. Только что ж там в памяти с рыбой-то связано? Ах, да, Япончик...

С Япончиком, сыном Тихона косорукого по прозвищу Тишанка, мы немного поддруживали. Как соседи по парте, особо дружественностью не выделяясь. Относился я к нему настороженно, зная по слухам историю его отца. Поговаривали, что промышлял он когда-то воровством. То в одном селе видели Тишанку с краденым, то в другом. Но сколько веревочке не виться... — подкараулили его мужики Малиновские, говорят, на воровском деле. Подняли за руки, за ноги и уронили. Опять подняли, опять уронили. Подбросили так несколько раз и отпустили. Пожелтел Тишанка, посерел и согнулся, но красть с тех пор перестал.

Жили они километрах в трех от нашей Лесополяны на Боевом — хутор так назывался. А вот фамилию и как звали приятеля тех лет, забыл намертво... Япончик да Япончик...

Шестой урок в школе заканчивался поздно вечером. Детей с окрестных деревень было много, школа наша маленькая, довоенная вмещала не только малышня, но и здоровенных пацанов, не закончивших курс во время войны. В перерывах между уроками затевали они в коридоре тяжелую возню-игру, стирая на свою одежду мел со стен. Разнять их могла только веником школьная уборщица — тетя Даша.

Занятия шли в две, а то и в три смены. Собирая с парты книжки-тетрадки, Япончик в том далеко пожаловался:

— Жрать по-волчьи охота, а тут еще переться по темнам до дома сколько!

И предложил зайти в буфет.

Примечателен наш буфет на всю округу был тем, что в деревянных бочках по железной дороге сюда привозили в почтовых вагонах пиво. Мужики-завсегдатаи, присолив край бокала, в один дух осаживали один и тут же брались за второй. Теперь, уже прихлебывая, вили словесную чушь «за жизнь». Наиболее острые вопросы разрешали кулаком «в рыло». Если же удар был плохо рассчитан или недостаточен, добавлял прокурор. Но чаще всего тут же по-дружески вместе шли «отливать». Чтоб, вернувшись и едва переводя дух, на весь буфет огласить: «Уфф! Аж от досток щепки отскакивают!». Набухший синяком глаз для мужика — не унижение, а знак достоинства! И щепки отскакивали тоже тут же, только под окнами. Дух внутри и на улице стоял крепкий, пивно-мочевой.

Разбирало меня любопытство: под какие же это ши-ши Япончик в буфет собрался? Деньги у тогдашней пацанвы в карманах редко водились, а если и водились, то медные двушки и трюшки для участия в игре бе-бе. Купить на них чего-либо стоящего, кроме конфет подушечками или надувного шарика, не получалось.

Лидка-буфетчица — так звала ее вся деревня — взглядом и кивком головы вверх спросила: что, мол, надо? Япончик, не долго думая, показал на стопку шоколадок за ее спиной в самом верху настенного шкафчика — их никто не брал, и товар из-под рук буфетчица убрала подальше. Пока она, повернувшись к нам спиной, тянулась за шоколадкой, одна из селедок с тарелки на прилавке нырнула Япончику за пазуху.

— Не, не эту, — поправил Лидку-буфетчицу Япончик, — вон ту, поменьше.

Она подала поменьше и назвала цену. Япончик поморщился:

— Я думал, маленькая меньше стоит, а за такую цену — нет, не пойдет!

Повернувшись, он спокойно пошел к выходу. Мне было очень жаль красивую, с бровями вразлет, обманутую так лихо Лидку-буфетчицу.

Почему-то тогда мне казалось, что красивых женщин обманывать грешно и что они самые умные, самые честные и что все-все их достоинства связаны не только с красотой, но и наградой божьей. При красивых женщинах я еще и потом долго терялся, говорил глупости или дерзил.

Япончик на ходу открутил селедке голову, подцепил тушку обоими руками и разорвал вдоль так, что остался голый позвоночник с хвостом. Одну половину протянул мне. Селедка оказалась жирной и вкусной, но я, попробовав, вернул селедочный шмат Япончику...

Я думал о Лидке-буфетчице. И мысли мои, совсем не детские, заводили меня в туманные дебри! Хотелось прямо сейчас иметь женой Лидку-буфетчицу. Что бы это означало, я еще плохо представлял, но сказки в книжках: «они жили долго и померли в один день» намекали на хорошест, представлялось это состояние наивысшим блаженством. В прошлом году четвероклассник Колька Паболков написал записку одной из двух наших красавиц класса Клаве Зубовой: «Выходи за меня замуш картох мы набрали целай погриб есть мачонай памидор многа капуста к симу коля паболков». Только повзрослев, я понял, что вопрос женитьбы Коля видел намного шире, чем я.

А у Лидки-буфетчицы уже был свой, настоящий муж с родинкой на щеке по кличке Самец. Работал он где — не знаю. Видел только, как катал он от почтового вагона к буфету бочки с пивом. Но это не работа, все мужики катали.

По несколько раз в год Самец уходил от жены к очередной «другой» жене, что не меняло его отношения к буфету. Он был всегда тут: то ли в толпе мужиков на улице, то ли с кружкой внутри. Накушавшись чужих конфет у другой, он опять возвращался домой, и, завалившись на свою, продавленную до пола, лежанку, посылал Лиду к другой за вещами...

А Япончик, окончив восемь классов, как исчез тогда, так больше я его никогда не видел.

«Мясо — говядина ли, свинина или баранина — один из важнейших продуктов питания, обладающих прекрасными кулинарными качествами...», торжественно повествует книга. Ниже изображена туша без головы и конечностей, но с костной «начинкой» — схема сортового разруба туши.

Мне, потомственной деревенщине, многое сохранила детская память: и забой, и разделку, и обработку туши, и целый праздник с приглашенными «на печенку». Как-то незаметно тогда отходили на второй план и предсмертные вопли поросенка, и короткий мык оглушенного обухом топора меж рогов теленка, и тяжелая возня мужиков с агонизирующей тушей, чтоб и кровь сошла как надо, и остальные процессы завершились правильно. Покончив с первоочередным, мужики садились за стол. Дальнейшее: засолка, копчение, вытапливание нутряного жира, переработка на кол-

басу, варка холодца лежало на хозяевах. А пока пили самогон, лова из жира со сковороды куски печенки и обсуждая успехи и промахи сегодняшнего заклания.

Скотину забивали «резаки», а не кто попади. Резак и за столом человек первый, но пользовался первенством осторожно и с достоинством. Потому кусок ему от убиины «на дорожку» резали хороший, величали везде уважительно по имени-отчеству.

Мне было жаль и поросят Васек, и телок Мань. Первым лез в катух выводить скотину хозяин. «Парсенок» Васька покорно и даже радостно выполнял его волю. На улице обреченную скотину поджидал резак с веревкой и длинным немецким штык-ножом за голенищем сапога. Нужно было на ногу поросенка надеть петлю. И если все правильно подготовлено, то один ловкий рывок переворачивал животное на спину. У хорошего резака и пикнуть поросенку не было времени — только задышливый, клекочущий хрип да судороги.

Понимать действительность намерений людей Василий начинал, столкнувшись за дверью с чужаком — резаком: и почесывания хозяином за ухом, и некармливаемость со вчерашнего вечера обретали вдруг злое значение, мгновенно заполняя скотину дурным предчувствием. Если в эти мгновения растерянности поросенка резак успевал произвести необходимые манипуляции, было хорошо резаку и поросенку. В последующие мгновения обреченное животное начинало борьбу за жизнь. Много бывало крику, тяжелой возни и крови. Ходил у неумелого резака поросенок с ножом в груди по двору с отуманелыми глазами. Кидались на него мужики скопом, пытались повалить, но раскидывал их одуревший от боли и отчаянья приговоренный...

Забивали скот по первым морозам. К Октябрьской. Готовились родной праздник отмечать! — «день седьмого ноября, красный день календаря». Политика, не политика, а проникались все. Во всех дворах истерично визжали предсмертно поросята. Следом к небу поднимался светлый дымок. Хотя бензиновые лампы уже в хозяйствах были, палили шерсть на туше соломой, и только для труднодоступных мест разжигали лампу. Тут же мыли, выскабливая шкуру ножами добела. Постепенно поросенок Василий превращался просто в свинину, из которой получится соленое сало с прорезью и другие вкусности. И только резаная рана со следами крови у левой ноги напоминала свершившуюся трагедию умышленного убийства.

С преобразованием птицекомбината в нашем селе в мясокомбинат потребность в резаках стала сходить на нет. Сдать скотину на мясокомбинат было делом выгодным. Хорошо подмогарычишь приемщика, он тебе организует и прием по хорошей цене, и остальные удовольствия, а что там дальше будет, не твои заботы. Деньги же всегда можно поменять на кусок свежего мяса, а не солонины с сомнительным душиком.

Так вот: мужичка по кличке «Метр с шапкой» знали даже городские. Он был резаком на мясокомбинате. Приезжие прямо на перроне справлялись о нем у местных. Работал он в убойном цехе на разделке, а дома торговал мясом — «рупь кило». На проходной у него ничего не находили, а может не искали. Стали в деревне про Метр с шапкой слагать легенды, одна другой неправдоподобней. Раскрыл канал хищения директор мясокомбината Алферов. Он был большим любителем шахмат и по вечерам с одноруким Федором Сафоновым — директором школы — допоздна засиживался в сельском клубе за шахматной доской, делясь в словесной игре новостями.

— Ты, слышал я,— держа фигурку коня за голову, говорил Федор Алферову,— раскрыл крупного вражеского агента в своем ведомстве?

— Ты про Метр с шапкой что ли, или про Лунина? — заканчивая рокировку, переспросил Алферов.

— Лунина-то наша доблестная милиция с поличным повязала,— уточнил уже известное всей деревне Федор.

Алферов, иронично скосив глаза и сделав ход офицером:

— А его и ловить-то было нечего! Он бочку с жиром вытолкнул за забор, и пока домой катил, две колеи прочертил! И жир всю дорогу подтекал.

Алферов аккуратно передвинул тура на две клетки вперед, заблокировав обнаглевшую пешку Федора.

— Ты начальство, ты должен был предвидеть ситуацию на два, а то и три хода вперед. Перевел бы вовремя Лунина на любовчинку, он бы не в КПЗ сейчас сидел, а туши б в холодильнике таскал,— ответно пробросил Федор королеву в гущу Алферовских фигур.— А вот как ты совершенно секретного вражеского агента вычислил, было бы узнать интересно.

Сделав ход пешкой на клетку, прикрытую конем, Алферов запер ферзя Федора в гуще своих фигур. Если Федор заторопится, что маловероятно, то может потерять ферзя в обмен на малозначимую фигуру, а не заторопится — разгромит всю вражескую группировку вокруг.

— В конце рабочего дня мимо градири иду к проходной,— пытаюсь «заговорить зубы» и отвлечь рассказом внимание Федора от серьезностей на шахматной доске,— вижу, впереди волочит правую ногу Метр с шапкой — сапог сзади отключился, штанина задралась, торчит из-под штанины раздробленная нога и часть голый кости. Меня аж зашатало от страха: понажрут, подумал, сволочи водяры в убойном цехе и все им нипочем. Ведь током бойцы скотину только глушат, а шкуру лебедкой волокут-сдирают с еще живой. Мы глаза на их пьяные лихости прикрываем, иначе в этом цеху никто работать не будет. Шкандыбают он, а я молю: «Пронеси, господи! Только бы за проходную вышел, а там я за него не в ответе». Пропуск, вижу, взял. «Да нет,— думаю,— тут что-то не то — разве может человек с такою раной так долго на ногах держаться, шок-то болевой где?». Окликнул. Вернулся мужик, никакой боли на его наглой роже не написано, хлопает невинно глазищами. «Скидавай,— кричу,— сапоги, раны твои боевые лечить-перевязывать будем». В левом три килограмма мякоти, а в правом четыре, но с косточкой. Ноги у этого недомерка тридцать восьмого размера, а сапоги носил сорок шестого. Он на этой разнице дом построил, про запас уже начал откладывать и на черный день, но на косточке погорел!

Федор долго задумчиво смотрел в одну точку, вроде как над очередным ходом думал. Потом, положив фигурку своего короля набок, и взяв шляпу:

— Мне пора,— сказал.

Немцы в войну выбирающегося из окружения Федора на возу под сеном штыками искололи — проверяли. Но он ни себя, ни рисковавшего собой мужика звуком не выдал. Все зажило, а правую руку отнять тогда пришлось. Чувствительным и впечатлительным был, царствие ему небесное, наш тогдашний директор школы Сафонов Федор Алексеевич...

А вот найти в книге такой продукт, как требуха, так и не удалось. И изучение оглавления, и постраничное проглядывание результатов не принесло. Был в оглавлении с ссылкой на страницу 141 «Отварной рубец», и я слышал про него от мужиков при заклании скотины, но о каком органе конкретно шла речь, ни тогда, ни сейчас не знаю.

Мать подолгу возилась вечером с похожей на большую половую тряпку требухой. Мыла, скоблила ножом, опять мыла и скоблила чуть не добела. Я эстафету подхватывал утром. Все уходило на работу, оставив большую кастрюлю с продуктом на двух кирпичах возле строящегося дома, наказав вынуть требуху по готовности из кастрюли в большую миску, а в кипящий бульон высыпать из кружки пшено и накормить Константиныча.

Этот печник из Вологды, прибудивший в наши края на заработки, взялся сложить нам печь в новом доме. Он вкусно называл кирпич по-своему кирпичком, а глину глиной. Меня «мольцом». Вешая на шею и завязывая сзади фартук, говорил мне: «Надот, молец, роботат». Все ударения у него приходились на о, сами слова как-то странно заканчивались. Спал он тут же, в коробке дома, покрытой шифером, с некрашеными рамами в оконных проемах на дощатой лежанке.

Утром я натаскивал ему с улицы «кирпичок», месил лопатой «глинку» в корыте, подкладывал щепу в огонь под кастрюлю с требухой. В мои поварские дела печник Константиныч не лез. А вот глинку периодически набирал на мастерок из корыта. Наклоняя его, он следил за сползанием раствора. Потом делал свое универсальное заключение: «дошло» или «не дошло». Это означало: либо хватит, либо мешать еще. Учился я тогда во втором или в третьем классе — сейчас не вспомнить. В пятом-то уже в новом доме жили — это точно.

Где-то ближе к обеду — часов ни у меня, ни у Константиныча не было — желудок подсказывал время, я переключал из кастрюли в миску требуху — очень, я вам скажу, опасная работа, а в бульон засыпал пшено и бросал два оставленных матерью лавровых листа. Аппетитный дух заполнял окружающее пространство. Проникал он и в дом через рамы без стекол. Мастерок в доме переставал скрести и позванивать. Слышно было, как Константиныч в ведре моет руки.

— Пусть «остывает», — говорил печник, когда я ставил перед ним миску с пшеничным супом. Лез он в дебри своего вещмешка, добывал оттуда бутылку вина. Налив стакан, тут же выпивал. Восторженно кричал. Выждав, проводил тыльной стороной руки по лбу и осматривал ее. — Не дошло, — говорил, наливая стакан еще. Выпив, брался за ложку, торопливо хлебал и щупал лоб: — Не дошло, — говорил, выплескивая в стакан остатки вина.

Почему-то детский ум не схватывает суть. Я не замечал ни саму печь, ни происходящих с ней ежедневно изменений, не помню разговоров печника и отца. Мечутся перед глазами картинки тех лет, будто кто страницы перед глазами пролистывает, да всплывают обрывки фраз. Странно все это! Тогда меня даже посылали в магазинчик рядом с почтой. Торговала в нем Машка-требуха — так ее величала деревня — требухой, головами, легким, ножками поросычьими на холодец и многим другим. Я отстаивал в очереди, покупал веленое. И хоть бы словечко памятное оттуда...

Допив бутылку, печник Константиныч дохлебывал суп. Я подносил большую миску с требухой. Отрезав ножом нужный кус, он добывал из недр вещмешка вторую бутылку вина. Налив стакан, ел требуху, густо присаливая. Устало отвалившись, вытирал тыльной стороной руки губы и брался за стакан. После принятия щупал лоб. — Дошло, «сображат», молец, дошло... — и, полный восторга, показывал мокрую от пота тыльную сторону ладони. Допив вино и доев требуху, он засыпал на лежанке. К приходу моих родителей с работы, он лениво шардыхал мастерком о ведро с загустевшим раствором.

Позже, развалив творение Константиныча, печь клал воронежский умелец, наобещавший чуть ли не кухонный комбайн сотворить. Закончил печную эпопею Маркович. Длинный и немногословный местный. Работал он на водокачке машинистом парового двигателя. Степенность и знание дела отличало Николая Марковича. Только в обед принимал он маленькую рюмочку спиртного. Работал безостановочно до конца кладки. Лишнюю рюмку себе позволил по окончании работы. И то под давлением отца. Помню, он даже разговорился, а вот о чем?

Марковича давно уже нет на земле, а печь его все служит и служит.

С болью в душе закрываю книгу «Кулинарные рецепты». Выйди я сейчас на улицу, спроси любого встречного о том, о том, том... никого из совсем недавно здесь живших и мною упомянутых они не знают. Часть — приезжие, часть родились совсем недавно, часть не считает нужным напрягать память — им самим до себя. Воистину: смертность на земле всему и вся стопроцентная!

Алексей Яшин
(г. Тула)

**ИЗ ЦИКЛА НОВЕЛЛ
«БОЛДИНСКОЕ МЕЖСЕЗОНЬЕ»**

ЗИМНЯЯ РЕЗИНА

Отнеслись намедни в частном разговоре Евстафий Иванович, что наиважнейшая добродетель гражданская — деньги уметь зашибить.

Ф. М. Достоевский «Бедные люди»

♦ Антон Котелкин в позапрошлом году с грехом пополам окончил школу. Впрочем у него и родителей и мысли не промелькнуло о поступлении на дальнейшую учебу. В роду у семейства, в третьем поколении проживавшем в окраинном Косолучье в двухэтажном, восьмиквартирном шлакоблочном доме предвоенной постройки, поползновений на «верхнее образование» не наблюдалось. И родители Антона, и дед с бабкой по отцовской линии (по материнской деревенские) — все рабочая кость. И место их работы одно и то же — металлургический завод, из поселка при котором образовалось нынешнее Косолучье, несколько обособленная часть городского района. Мужчины Котелкины в горячем цеху, женщины во вспомогательных службах.

В их большом дворе из шестерки однотипных домов, переделанных в квартирные из первоначальных бараков для рабсилы новостроящегося металлзавода, а затем в школе Антоху дразнили присказкой, исстари бытовавшей в соседней с Косолучьем, через Гнилой ручей, Lentяевкой: «Да ну — котелки гну, погну-погну, еще найду». Взрослеющего парня это злило, не любил он афишировать легкомысленную свою фамилию, хотя бы дед, Котелкин-старший, и объяснил еще начальному школьнику Антону, что ничего зазорного в их родовом поименовании нет: «Ребята дразнятся — а ты мимо ушей их слова пущай. А фамилия наша очень даже почтенная. Еще мой дед в бубличной артели трудился, что в Lentяевке располагалась при НЭПе. Их различно пекут, а в дедовой артели на паях бублики творили в специальных котлах. Отсюда и название бубликов и работающих их: котёлки и котельщики, от чего и фамилия наша».

Антон был поздним по рождению. Замужняя сестра, дядька и две тетки по отцу — все жили своими семьями, в том же Косолучье, но только в многоэтажках, которые несколько улиц понастроил металлургический завод для своих работяг к исходу советской власти. Сейчас проживал с родителями и бабкой, отцовой матерью. Дед немного не дотянул до окончания внуком школы. «Ты, Антоха, парень не дурак, а по нынешним деньголюбивым временам и вовсе в масть попал. И рабочая хватка в тебе по нашей линии замечается, но еще больше куркульная — от твоей матери из деревенских,— необходимо поучал старшего школьника Антона дед, выпив в выходной день свою законную (горновым был!) пенсионную чекушку,— сейчас не работа до седьмого пота в чести, но умение деньгу зашибить, особо не утруждаясь. Так что не

зря ты еще в первом классе копилку себе завел — все же в нынешние времена родился, в новый век и в новые порядки, так что с малолетства силу денег уважаешь. Действуй так и дальше; хотя это не по мне, но сила солону ломит, не нами придумано, не нами введено. Но смотри, деньги штука опасная, с поделдычиной: вложишь в их накопление годы, а они у тебя обратятся в совершенно ненужную хреновину». Как в воду дед глядел, после смерти своей уже накаркал внуку.

♦ Памятуя, что трудовые династии ныне не в чести, опять же трудом праведным не наживешь палат каменных, Антон не пошел на завод, но устроился, по совету и замолвленному словечку более старших дворовых приятелей, в оптовку по продаже холодильной техники: кем-то средним между грузчиком и экспедитором. Здесь же в Косолучье, недалеко от дома. Как он объяснял знакомым ребятам, родителям тож, «это для приучки, годика полтора здесь прокантуюсь, войду в курс дела, потом подберу что-либо посерьезнее». Главное, в оптовке диплом о «вышке» не спрашивали, а сам Антон вырос крепким, жилистым, как говорил дед, никакой работой не гнушался — лишь бы деньга шла аккуратно. Пил очень умеренно, не курил, на девок красивых не тратился — дурнушки ничем не хуже, в сумерках все кошки серые... Жениться твердо планировал на работающей по дому девице, попригляднее конечно, желательно из семьи только что перебравшихся на косолученскую окраину деревенских, то есть не опаскудившей в городской жизни. И жениться только через три года, а до того исполнить главную, еще со старших школьных лет, мечту: купить машину среднеприличной марки. Причем новую, не подержанную развалюху. И гараж под нее из числа тех, что с советских времен полукилометровой длины кооперативом располагались позади их дома — через дорогу на завод.

Худо-бедно, но счет деньгам, хотя бы небольшим, в холодильной оптовке пошел. Трат почти никаких, даже на невидных окраинных девок, кормежка от родителей, понимающих, что сейчас молодой, видный собой парень без машины все одно как кавказец без усов (на косолученском рынке) или поп на всенощной без рясы.

По врожденному косолученскому пролетарскому недоверию ко всему на свете, счета в банке Антон не открывал. Поначалу хранил на пластиковой карточке, что заставили завести в оптовке для перечисления зарплаты. Как-то до него сразу не дошло, что это все тот же банк, что может рухнуть в одночасье (телевизор хоть редко, но доводилось смотреть) вместе с тоннами пластика, отштампованного карточками. Раз вернувшись из оптовки затемно — задержали с приемкой новой партии белорусских холодильников, — попридержался домой идти, присев с устатку к стоявшему в углу двора доминошному столику, за которым в тот час ребята, сверстники и одноклассники его по школе, что-то о долларах гомонили, попивая пиво из полторашек из соседнего с двором магазина. Подсел как раз вовремя: Григ по-дворовому и школьному, то есть Гриша Тетерин, одноклассник Антона, член косолученского райкома комсомола, яростный коммунист и с этого года студент Тулуповского университета, проводил агитбеседу с ребятами — и как раз по части хитрости финансового олигархата по обиранию доверчивых, а значит глупых, граждан с помощью пластиковых карточек. Во-первых, хорошо поставленным голосом партийного оратора объяснял Гриша, пластиковая карточка — это современное воплощение Старшего Брата из гениального провидческого романа «1984» Джорджа Оруэлла, который, само собой, никто из вас не читал и читать не будет, а поэтому проще говоря, по этой на вид безобидной карточке каждый ваш шаг и рубль контролируются кем надо, то есть все вы под постоянным круглосуточным надзором. Но, во-вторых и в главных, своими карточками вы, дорогие мои, добровольно и бесплатно приумножаете капиталы банковских финансовых олигархов. Как? — А просто, ведь олигархат наращивает свой капитал, как старуха-процентщица из «Преступления и наказания», о котором-то в школе вам говорили, то есть дают деньги в рост под проценты. Если человек снимает со своей карточки хоть рубль, то этот целковый, к огорчению банка, у него выпадает

из роста. А вот все что на карточке хранится, то пускается банком в оборот. Понятно? Вот поэтому, используя всю лоббистов, и где надо и примитивные откаты, всех вас и перевели на карточную систему, которую во всяких супермаркетах поощряют скидками при покупке на карточку. Для миллионов же лохов, жертв телепропаганды, введение карточек объясняют, мол, удобством для граждан и защитой своих карманов от мелкого вора. Крупные же воры с карточками кидают...

...После ужина, прилегли в своей комнатке отдохнуть на диване, Антон переварил услышанное от комсомолиста Грига. Всеобщий надзор его особо не беспокоил: деньги не ворованные, честно заработанные. А где он находится, снимая карманную мелочевку на пиво и автолайн, так плевать ему: пусть фиксируют, не в бегах он с кича. Но что он, Антон, своими мозолистыми трудовыми бесплатно и добровольно обогащает и без того распухших от денег банкиров, разворовавших, как говорил дед, все народные достояние, это его предельно возмутило. Не потому что родину продали.— «Не надо было самим в стороне стоять, нужно воров бить спервоначалу»,— так тогда и говорил смущавшемуся от правоты слов школьника-внука деду Антоха. Нет, продали так продали, разворовали тож. Не первый раз в тысячелетней истории. Но вот самому еще обогащать банкиров! — На те, выкусите!

На другой же день после политбеседы Гриши Тетерина Антон обнулил карточку и далее в каждый зарплатный день стал то же самое делать. Наличку хранил покуркульски дома, в своей комнате. Вспомнив слышанное, что-де лучшее место хранения — на самом виду, отыскал в кладовке старый, давно не работавший приемник «Альпинист», на который сейчас и дитя неразумное не польстится, выгащил все его внутренности, а в корпус складывал деньги, снимаемые с карточки. Лже-приемник вроде как небрежно поставил на полочку со всякой мелочью. Покражи не опасался в принципе: еще бодрая бабуся, хлопотунья на кухне, весь день дома, все хозяйство на ней. Дверь в квартиру входную по принятой сейчас моде отец еще три года назад бронировал, да в их дворе с автономными порядками, взаимной бдительностью с советских времен своих не баловали, дескать, не воруй где живешь, а чужаку и спяну не придет в голову сунуться сюда подломить чего: кулаки у жителей домов с общим двором еще сохранили пролетарскую ядреность.

◆ Не то что гром с ясного неба, не на луне живем, но повестка из военкомата неприятно поразила Антона. Это-то на год целиковый рушить свои выверенные планы с машиной и женитьбой? — Нехорошо их ломать по чужой воле. Задумался Антон. И бабка, нарочито подслеповато прочитав казенный документ, как-то загадочно, по-деревенски, вроде как в сторону только и сказала: «По нужде и закону перемена бывает».

Покойный дед, кладезь житейской мудрости, охочий для воспитания внука, выйдя на пенсию из доменного цеха, имея досуг времени и честно заслуженную чекушку к обеду, словоохотливо посвящал Антошку в нравы старого Тулуповска и их рабочего поселка при заводе в особенности. В царские времена, еще с допетровских, в рекруты на солдатскую службу из их города, славного своим металлическим делом на пользу государеву, не забривали мастеровых. Казюки, то есть работающие по казенной надобности, имели и другие вольности, не только в службу их не брали, но и налоги не взимали, чем и разбаловали местный трудовой народ. Поэтому когда с приходом советской власти казюков уравнивали со всем иным народом страны по части обязательной воинской повинности, то есть почетной обязанности, то разбалованное население города встретило это с неодобрением. Понятно, что в довоенные годы сталинских пятилеток дело ограничивалось глухим ворчанием. Затем вся страна воевала. Тулуповск в ней трудовым и воинским подвигом отличился. Не до старинных вольностей было. Но потом, особенно с хрущевских послабленческих времен, о вольности прежних вспомнили, но, как это принято в русском народе с древности дотатарской, исполнять ее начали явочным порядком, с ног на голову поставив. В

городе, особенно на рабочих окраинах, где с послевоенных времен блатняк во многом эти самые головы молодежи допризывной задуривал, установилось мнение, что лучше год-другой на киче за какую-нибудь мелочевку отбыть, нежели тройбан в пехоте маршировать, а морячить и вовсе четыре года. К тому же в армии ничему полезному для дальнейшей жизни не выучат, а в зоне, крытке или лучше лагере общего режима, мигом из вчерашнего школяра или фабзайца после седьмого класса воспитают человека с понятием. Да и ремеслу заодно в цехах промки обучат — все на пользу. Работяги, особенно на тяжелых производствах, всегда нужны, поэтому после освобождения в отделах кадров заводов ненужных вопросов не задавали. И кадровики не с другой планеты, понимали побудительную причину отсидки. Словом, исправленному верить, как в одноименной кинокартине.

После сокращения сроков службы в армии и на флоте, особенно в «золотые» брежневские годы, когда и дедовщина* притихла, маятник общественного мнения качнулся от отсидки к службе. В нынешние же времена с годичной срочной службой традиция заместительной отсидки и вовсе сгинула, тем более, что с официально признаваемой безработицей и кратным сокращением промышленности иметь судимость — самый безысходный волчий билет. Так завершилась традиция тулуповской вольности. Но на смену ей, уже в масштабах страны, в девяностые годы массово расплодилось уклонисты, протянувшиеся и в двухтысячные. Однако в последние десять-пятнадцать лет и уклонисты в числе сократились. Причина столь позитивного явления понятна: численность армии сократилась до мобильной, оптимальной, высокоточной и пр. ее современной организации. В то же время постоянно возрастает, особенно во флоте и спецподразделениях, численность сверхсрочников, именуемых по-американски контрактниками. Наконец, в многомиллионные структуры так называемых силовых ведомств, охранников частных лавочек, вроде как уже и чиновников с депутатами на службу предпочтительно принимаются (у депутатов — избираются) отслужившие в армии.

Таким образом, пропал смысл уклонения, тем более, что при названном раскладе далеко не каждый допризывник без права отсрочки и повестку-то получал. Великая вещь бесплановая организация общества — не только рыночная экономика. Все само собой к лучшему устройению этого общества решается.

Вообще говоря, Антон — не ботаник, не полный дурак и по фигуре плотный — отслужил бы свой год, но... это рушило его трехгодичный план. А их, планы, рушить нельзя — Антон к своему самооправданию припомнил рассуждения деда о безусловном выполнении сталинских пятилеток и хрущевской семилетки. Посоветовался, поставив пару бутылок дешевой водки, во дворе с молодыми мужиками, откосившими в девяностые-двухтысячные от армии. Те советовали по нынешнему времени, когда все с младенческого возраста занесены во всевозможные базы данных служб и ведомств, косячить исключительно по линии медкомиссии. Поскольку здесь откупорили второй бутылек, то советов столько надавали, что, придя домой, Антон записал их для верности памяти. Еще пару вечеров пошарил по инту — здесь уже ребята со двора помоложе подсказали нужные сайты. К явке на медкомиссию основательно подготовился и высказал ей свои опасения в части здоровья сразу по трем *нозолог*иям, как выразился на медицинском языке председатель комиссии. Белохалатники понимающе ухмыльнулись, но — демократия, права личности — так и выдали три направления в различные медучреждения.

Пока он ходил неторопясь по ним, козыряя в оптовке перед начальством повесткой из военкомата и направлениями, срок призыва закончился. Везде ему дали отказ,

* Дедовщина появилась в армии в одночасье при сокращении срока службы в шестидесятые, когда пересеклись служившие с прежним, трехлетним сроком и с новым двухлетним (соответственно, во флоте годковщина — для четырех- и трехлетнего сроков), как выражение обиды первых на вторых. Народ наш любит справедливость... но своеобразно.— Прим. авт.

а в военкомате принесенные им справки-отношения подшили куда надо и отпустили Антона до следующего призыва. Но то ли его учетную карточку, как сейчас положено оцифрованную, куда-то в дальний угол памяти компьютера загнали, может к следующему призыву затребованное от военкомата число рекрутов сократилось, или потенциально больного в своем воображении призывника зачислили по категории «сомнительных», но в последующие три года исполнение личного плана Антона более повестками не беспокоили. Впрочем, как и далее до окончания призывного возраста.

♦ Деньги копились. Со временем корпус «Альпиниста» стал маловат для тысячных и пятисоток. Антон обменял их на пятидесятые и купюры с видами дальневосточного космодрома, выполненные под кредитки евро. Издалека и к будущей супруге из деревенских присматриваться стал, в смысле отбирать круг кандидаток. Начал с приобретения гаража из советского еще кооператива, что через дорогу от их двора с домами. Кооператив обычный, как в шестидесятые-семидесятые годы строили: в длинную сплошную линию вдоль дороги. Сами коробки секций сварные железные с кирпичными стенками-перегородками между ними. В «золотые» семидесятые народ начал приобщаться к солидной автомобильной собственности, тем паче косолученские металлурги горячих цехов с профессорской* зарплатой. Поэтому в кооперативе напротив через дорогу к Антонову двору чередовались секции-гаражи заводского начальства и работяг. В новейшие времена, со сменой поколений, часть гаражей принадлежала самим заводским или их детям, а поболее половины были заняты иномарками совсем уж посторонних людей, проживавших в этом районе и купивших под них стойла в девяностые и немного поздние годы. Хотя завод и в те годы работал на Запад, войдя в американскую металлургическую компанию, но в целом народ нищал, продавая все что можно.

Когда Антон начал «вентилировать» насчет гаража, то все во дворе недоуменно спрашивали: «Чудишь, Антоха, барствуешь! Зачем тебе эта возня с гаражом? Сейчас у всех машины, оглянись: все дворы, тупики, помоечные площадки ими забиты, никто о них особо не волнуется, давно уже никто машины не угоняет — что с ними делать, на запчасти они не годятся, так сделаны, да и кто сейчас сам ремонтировать умеет? Опять же продать ворованную сложно, гайцы все на своих компах видят...». Антон отмахивался. Не будет же он в открытую говорить, что не подержанную машину собираются брать и из тех, что клепают в соседней Калуге на заводеке отверточной сборки... да и в их области, в районном городке, пышно именуемом в телеящике «индустриальным технополисом», вот-вот начнут отвертывать-завертывать какую-то китайщину. Нет, Антон нацелился в своей трехлетней программе жизни на родную «тойоту», хотя и не высшего класса, но из тех, при взгляде на которую дворовые парни поцокивают во рту языками, а незамужние девки и бабы помоложе о чем-то задумываются. Но главное — воспитанный в коренной рабочей семье и вообще среде, уважал он основательность и порядок в своих делах. И хотя бы в их доме только два автовладельца, так что для его грядущей «ласточки» найдется постоянное личное место для парковки под стенами квартиры, но вид собственной машины, брошенной на ночь под открытым небом с его дождем и снегопадами, хотя бы пока вид в мыслях, оскорблял его чистоплюйный до брезгливости к не порядку характер. Не воруют — не воруют, но на новенькую фирменную «маде ин джапан» машину могут и покуситься. Тоже не исключено.

Расспросив дворовых ребят, получил Антон наводку на отдаленно им знакомого, как все друг друга в лицо, часто и по именам, в их автономном дворе с шестью мало-квартирными домами ведают, пожилого, только-только успешного оформить себе

* Чтобы не напугать читателя: речь идет о советской профессуре с окладами в 400—500 и (порой) более рублей. — Прим. авт.

пенсию по советской еще возрастной шкале, но продолжающего работать на заводе в плановом отделе Сергея Ильича Фирюлина. А Антонов батя и вовсе хорошо его знал: оказался Фирюлин в свои тридцать лет последним парторгом доменного цеха — а это поболее трети всего завода! Тогда же, на скончании советской власти, на скопленные работой от инженера до зама начальника цеха по плановой части купил жигуленка новой модели и приобрел кооперативный пай, то есть гаражную секцию. Сам он пользовался машиной только отвозя на выходные дни супругу на дачные работы — ей от родителей со временем достался дом с участком в ближней, за заводом, деревне Осиновая гора. К окончанию девяностых годов подросток сын, занявшийся каким-то развездным «бизнесом», в считанные лета доконал нежный продукт советского автопрома. Когда в первую половину двухтысячных сынок завел себе иномарку, занявшую в гараже место отслужившего свое жигуленка, то последнего перегнали на Осиновую гору, где она скоро доржавела в сарае и была за копейки отдана кому-то из местных на запчасти. Еще через пяток лет сын бывшего парторга удачно вписался в более крупное предпринимательство, приобрел квартиру поближе к Москве, кажется (отец Антона точно не знал) в Подольске, куда и убыл со своей иномаркой, молодой женой и народившимся дитем.

На опустевший тогда гараж Фирюлина сразу нашлись охотники, но бывший парторг, во-первых, став в девяностые истовым коммунистом-ортодоксом (может обиделся на неудачу с партийной карьерой?), презирал частнособственнические нравы соседей, заполнивших своими «самодвижущимися железками» весь двор, и напроочь отказывал; во-вторых же, этого не позволяла домовитая супруга: за лето в Осиновой горе, особенно после выхода на пенсию, она умудрилась затарить сельхозпродукцией на зиму до сотни трехлитровых банок, которыми уставляли полки всех стен гаража. А в тамошний погреб, первоначально предназначавшийся под смотровую — для починки и регламента автомобиля — яму, на ту же зиму загружались мешки с картошкой, капустой, морковкой, даже с антоновкой. Добираться до своей избы в Осиновой горе и без собственной машины проще простого: впритык к деревне располагался заводской дачный кооператив, куда и доставлял за полчаса рейсовый заводской автобус, сохранившийся даже при переходе завода в частные руки. «Сволочи эти работяги,— добродушно по этому поводу говорил директор от компании-владельца,— автобус им подавай! — и, чуть подумав, вспомнив схожие рассуждения давнего американского президента, добавлял — но ведь *свои* сволочи!» Перевозил же осенний сбор урожая в мешках и банках в гараж Антонов дядька, отцов младший брат, шофер в заводском автохозяйстве. Ему же доставались и излишки собранной картошки и яблок.

♦ Зная от отца и всеведущих дворовых ребят и мужиков о коммунистических чудачествах Фирюлина, Антон начал издалека подъезжать к Сергею Ильичу, по давней парторговской привычке полагавшем необходимым общаться по выходным с *народом* за дворовым доминошным столом. Не пренебрегая и принятой в таком действе «водочкой под селедочку». Хотя Антон водовкой из экономии не увлекался, а «забивать козла» полагал глупейшим занятием, но для пользы задуманного дела перестал пренебрегать стучанием костяшками, стараясь играть в паре с Фирюлинным. Услышав от него, что антикоммунисты во власти запретили подписку на *наши* газеты, Антон мигом сообразился. Отловив во дворе комсомолиста Гришу Тетерина, разговорил того, сообщил о проявившемся у него интересе к идеям современного коммунистического движения, пожаловался на отсутствие в вольной продаже соответствующей газетной периодики. Расчувствовавшийся Гриша стал регулярно, раз в неделю-две, приносить ему «из райкома» свежие номера областной «Тулуповской правды». Иногда и столичные «правды» (их сейчас несколько издается...) вручал неопиту самого верного в мире учения. Пару-тройку раз дарил и брошюры Зюганова. «Вчера из столицы несколько пачек из ЦК в обком для распространения привезли», — пояснял Гриша.

Понятно, время деньги, опять же не должен будущий автомобилист глаза портить, Антон газеты и брошюры даже не пробовал читать, а передавал Сергею Ильичу: сначала вроде как случайно встречая во дворе (за доминошным столом не хотел себя афишировать — мало ли что? живем-то в мире стремительно меняющемся...), затем получил приглашение заходить к нему домой: не только прессу передать, но «про жизнь нашу нелегкую поговорить». Порой по часу-полторе, изображая на лице понятливость и сочувствие, терпеливо выслушивал лекции Сергея Ильича о временном поражении коммунизма в стране, советовал прочитать «Капитал» и присматриваться к китайскому опыту.

В один летний день начальник Антона послал его в центр города в один из хозяйственных магазинов, в который оптовка поставляла холодильники: подписать договор, дескать, все у нас сегодня в разгоне, ты уж прогуляйся, больше некого послать. Антон задание выполнил, решил действительно прогуляться вниз по проспекту, внимательно разглядывал мчащиеся дорогие иномарки, что только в центре и увидишь. Июльская погода, тем более сейчас, в глобальное потепление (приходилось по телевизору слышать), коварна и быстропеременчива. Не успел он дойти до конца проспекта, как полнеба заволочло зловещей тучей, загромыхало, вдарил тропический ливень. Еле успел Антон вскочить в дверь первого попавшегося магазина в полуподвале. Оглянувшись округ, обнаружил полную пустоту — только пожилая продавщица и какие-то книжные завалы вдоль стен. «Да-а, редкие нынче посетители в нашем букинистическом магазине,— заметила скучавшая продавщица,— тем более такие молодые. Что вас интересует из литературы?» Вспомнив к случаю жалобы экспарторга Фирюлина на недоступность книг Генералиссимуса — «чертов Кукурузник из библиотек и продажи все велел изъять; надо как-нибудь доехать в центр до букинистического»,— Антон и выпалил о своем интересе к наследию Сталина. «О-о, молодой человек, как раз вчера принесли первые пять томов его собрания сочинений в подарочном малоформатном издании начала пятидесятых годов. Вот, смотрите».

Антон даже залюбовался изящными томиками «под карман» в тисненых золотом красных переплетах, новехонькими на вид, несмотря на их семидесятилетний возраст, с шелковыми закладками. Поинтересовался ценой. «Да смешная за такое-то издание, всего шестьсот за все пять томиков, но я вам еще и скидочку сто рублей сделаю, берите!» Пятихатка, конечно, тоже деньги, но, как говорил Фирюлин словами иезуитов, правда, по другому поводу, великая цель оправдывает средства. Вечером того же дня Антон преподнес роскошные томик Фирюлину, попервоначально даже на миг онемевшему, но затем пришедшему в неподдельный восторг. Партийный дар обмывали на кухне полубутылкой коньяка. «Вот так в жизни и бывает,— говорил немного захмелевший хозяин гостю и благодетелю,— родной сын в буржуазную торговую с головой подался, а вот ты, сам рабочий и из семьи потомственных пролетариев, совсем молодой еще, вместо танцулек в клубах этих с наркотой, после работы, по вечерам читаешь партийную литературу. Нет, зря клеветают по радио и телевидению на нашу молодежь, дескать, совсем пропащая, безыдейная и бездуховная. Пока такие вот Антоны есть — будет и будущее у нас... разумеется, светлое коммунистическое!»

...Где-то ближе к наполнению корпуса от «Альпиниста» требуемой трехлетним планом суммой Антон вроде как случайно оговорился в гостях у Фирюлина, что вот собирается приобрести автомобиль. Уловив внезапную настороженность в глазах собеседника, пояснил: машина-то ему и даром не нужна, нет в его характере стремления к собственности, но требуется для *работы*: иногда ему дают старшие товарищи задание доставлять по адресам партийную печать. Общественный транспорт совсем развалился, все на свои автомобили пересели. «Так что, Сергей Ильич, как говорил Ленин, приходится бить врага его же оружием». Фирюлин облегченно обмяк и уже сам предложил пользоваться его гаражом, когда Антон высказал опасение, что

будет опасаться оставлять во дворе машину с *литературой*. «Будем, Антон, совместно пользоваться гаражом. А чтобы фискалы всякие и инспекции к тебе не придирались, так я тебя официально совладельцем впишу в кооперативные ведомости. Чтобы Степановна моя — баба она и есть баба, даже интеллигентская, бывшая учительша — не ворчала, ведь не трудно будет тебе ее летом пару раз в месяц до Осиновой горы домчать? Вот и договорились».

♦ С гаражом дело на мази. С деньгами с середины второго года в оптовке и вовсе замечательно пошло. Не стахановскими, конечно, темпами, но без сомнения в исполнении трехлетнего плана. А все просто: наемному директору базы (хозяин с обилием таковых проживал в столице) приглянулся парень с потомственной рабочей косточкой, хотя и себе на уме, как все нынешние молодые, но добросовестный и аккуратный. Так Антон стал бригадиром, старшим менеджером по официальной записи. Под его началом пять мужиков грузчиков-экспедиторов и его ровесница, кстати из *деревенских*, в первом поколении перебравшихся на косолученскую окраину города, милостивая, дальняя свойственница директора оптовки. В ее обязанности входит вся бригадирская канцелярия — в крохотной комнатке: стол с компьютером, стул, полка с папками и отсутствие окон.

То ли от несколько суеверной бабки ему передалось, а может от ранних детских впечатлений, застолбивших в голове сумятицу двухтысячных годов — прямых наследниц «лихих девяностых», понятно дело, не из газет и радиотелевидения, но из опасливо-нервического поведения своих семейных... словом, некоторая мнительность в Антоне присутствовала. Сам себя стыдясь, вроде как по делу останавливался на тротуаре, увидев впереди себя перебежавшую его черную кошку — пока кто-то другой эту черту не перейдет. Вот по этой причине, мол, по приметам неродившемуся еще младенцу коляску и другое придание не покупают, Антон твердо решил оформлять права только после покупки машины. Тем более, что соседские дружбаны с машинами давно научили его ездить — не только за городом, но и по окраинным косолученским улочкам, отродясь не выдавших гаишников. И матчасть, очень понятную рабочему человеку, выучил по руководствам на автомобильных сайтах. То есть после покупки авто заплатит за курсы, объяснив все руководителю, сдаст экзамены и оформит права у гаишников. Расходы на курсы, а также на *комплект зимней резины*, он плюсовал в «Альпинисте» к базовой стоимости «тойоты».

Человек полагает, а бог располагает, Наступил день, когда новехонькая, *маде ин джапан*, «тойота» под восхищенные присвисты дворовых ребят и мужиков вкатила в совместный гараж Фирюлина и Антона. Дома он опростал «Альпинист» от оставшихся купюр, которые разделил на две части: одну за курсы водителей и гаишные оформительские поборы, другую — на зимнюю резину, что собирался приобрести ближе к зиме, чтобы не торопясь, поискать подешевле.

Время курсов пробежало скоро, остались формальности гаишного оформления. ...На всю дальнейшую жизнь Антон запомнил тот день, когда он получил отказ в правах. Ему разъяснили без лицемерий: права ему выдать не могут по существующим узаконениям, поскольку гражданин Котелкин Антон Николаевич состоит на условном, без осмотров, профилактическом учете городского психоневрологического диспансера, в каковой названный гражданин обращался <дата> по направлению горвоенкомата <подпись, печать>. И помета: «Выдана по квалификационному запросу ГИБДД для оформления водительских прав».

Малопьющий Антон сорвался, в запое растратил деньги на зимнюю резину. Хорошо запил в отпуске, а то бы уволили из оптовки. Радости единичны, а беды толпами ходят. Пока Антон гудел в запое, приехал разгневанный сын-бизнесмен Фирюлин, выгнал из гаража Антонову «тойоту», бросив ее прямо у дороги перед кооперативом. В первую же ночь ее, еще не застрахованную, угнали. С концами. Отрезвев и погоревав скупно, по-мужски, Антон женился на своей подчиненной-учетчице, а через пять

лет заменил на посту наемного директора оптовки, ушедшего на пенсию (по малому, не дошедшему до наказания, воровскому делу) дальнего свойственника своей супруги. Она же готовится подарить Антону второго сына.— По показаниям УЗИ. Сам же Антон ездит только на положенной ему по должности служебной машине, а вечерами иногда читает «Капитал», купленный в «Буккниге», заходит по выходным к Сергею Ильичу Фирюлину, извинившемуся за гаражное самоуправство сына: «Бог с ним, с жертвой буржуазного потребительства. Правильно старина Маркс сказал, что нет такого преступления, на которое не пошел бы капиталист за десять процентов прибыли, а за двадцать и мать родную удавит... что-то, Антон, в этом роде».

Накануне уикенда, когда уже пошабашили и наработанное за день инкассатору сдали, зашел в лавку хозяин Матвей Силыч, присел, не раздеваясь, повел неторопливую беседу с приказчиками-менеджерами:

— Вот в газетах пишут, по радио и телевизору все о пользе малого бизнеса говорят, дескать, только он и подымет Россию на недосягаемую высоту. А вы, полупочтенные, как мыслите?

— Да-а, Матвей Силыч, так-то оно так, да вот в Америке и передовой Европе этот самый малый всего лишь на побегушках у крупных фирм, ведь им самым авианосцев и марсолетов не осилить. А в какой-нибудь Мали или Таиланде, где все торгуют, действительно, до 90 % помалу бизнесменствуют. Что ж нам на них равняться?

— Ты, Недошлепкин, особо-то не умничай, даром что на родительские деньги частный университет, что за углом, окончил. Мы тоже не лыком шиты, я вот в советское время аспирантуру по философии прошел и диссертацию защитил. Так вот, есть такая философия стоицизма, еще в Древнем Риме созданная на основе учения Платона и ионийской школы. И согласно этому учению, путь к личному самоусовершенствованию пролегает через стойкое, терпеливое отношение к самым нелепым обстоятельствам окружающего мира. Будем терпеть и мы. А как выйдет рескрипт авианосцы строить, так бросим эту чертову лавку, засучим рукава... Эх, давай, ребята, выпьем!

«КАМО ГРЯДЕШИ?»* — КТО ДАСТ ОТВЕТ...

На Руси все православные знают, что кто библию прочитал и «до Христа дочитался», с того резонных поступков строго спрашивать нельзя; но зато такие люди что юридические,— они чудесят, а никому не вредны, и их не боятся.

Н. С. Лесков «Одному»

♦ Петр Елшин, перешедший на последний курс семинарии в Сергиевом Посаде, с прицелом дальнейшего поступления в академию, размещавшуюся за теми же лаврскими крепостными стенами МДАиС, то есть Московской духовной академии и семинарии, отпущенный на летние вакации, ехал домой. Понятно, в цивильной одежде. Как то и принято у семинаристов вне стен Лавры, особенно при выезде из Сергиева Посада, когда-то, в советское время, именовавшегося Загорском — в честь большевика и партийного функционера в послереволюционные годы Загорского. Не потому что какое-то стеснение испытывали семинаристы в своих форменных кителях в двадцать первом веке, но не всегда приятно излишнее внимание досужих встречных на улицах и попутчиков на транспорте. А то иной подвыпивший, хотя их год от года все меньше на публике встречается, мужик пристанет с расспросами, в основном о «зарплате попов» и платят ли им пенсию от государства, от которого церковь отделена.

Академический профессор отец Алексей Прозоров, преподающий в семинарии гомилетику, а в академии патристику, как-то оказался попутчиком в проходящей александровской электричке Петру с его однокашником и приятелем Мишей Раменским: под выходной день у всех трех нашлись дела в Москве. Что касается семинаристов, то москвич Миша зазвал друга в гости, «отдохнуть от бурсацкой дисциплины и постного едова», как ловкий на язык столичный житель сыронизировал. Поскольку и профессор в сане священника, и его воспитанники, понятно дело, в гражданской зимней одежде путь-дорогу держали, то, кратко, по-учительски, справившись у семинаристов о цели поездки в Москву (ответили, конечно, не ироничной присказкой про бурсу, но желанием родителей Миши увидеть его приятеля), отец Алексей Прозоров сам, прилично его сану, ученому званию и официальной должности, пошутковал старинной бурсацкой присказкой: «Ну-у, молодые люди, смотрю, в штатском, принаряженные как на свадьбу к архиерею!» Семинаристы изобразили конфузливые смешки. А отец Алексей по словоохотливой преподавательской привычке дальше развивал, скрашивая скуку темной, вечерне-зимней полтора часовой дороги в почти пустом вагоне, ухваченную тему одежды священно- и церковнослужителей: при службе и исполнении треб вне храма и в мирской среде причта и окормляемой паствы. После Хотьково профессор уже вошел в лекционный ритм, а когда электричка миновала Софрино, то уже до конца пути отец Алексей методически и церковно-догматически выверено развил свой взгляд на одеяние служителя всевышнего и носителя сокровенного знания. Особенно профессор останавливался на сложном положении русского православного духовенства, на протяжении прошлого века не один и не два раза испытывавшего на себе переменчивость в отношении властей к церкви.

По всему было видно, что такая с виду узкая, частная тема, причем в сугубо обрядовом толковании, уже не раз заставляла профессора всесторонне продумывать ее.

* По принятой литературной традиции, если название произведения уже ранее было использовано в таком же качестве, то оно закавычивается. «Камо грядеши»? — церковнославянское название в русском переводе «нобелевского» романа Генриха Сенкевича «*Quo vadis*» («Куда идешь?» — лат.)... Как это ни странно, но ни разу и нигде не встречал упоминания, что Сенкевич — первый российский нобелевский лауреат по литературе, поскольку жил и работал он в Царстве Польском, входившем до 1917-го года в состав Российской империи, а значит являлся российским подданным.— Прим. авт.

Отсюда и ворох дословных ссылок на книги Ветхого и Нового Заветов, особенно из последнего — Деяний Апостолов, а также из трудов и поучений отцов церкви византийского православия, что отец Алексей обронил на головы заскучавших семинаристов, решивших на сутки вежливо отодвинуть «родную бурсу» в сторону. Электричка им попалась неудачная, «сборная», то есть с остановками на самых крохотных полустанках. На одном из них, сразу после Софрино, в вагон вошел и уселся неподалеку от профессора и семинаристов редкостный в наше дисциплинарно-строгое время запяньцовский мужичонка под ощутимым градусом «от кумы». Заслушавшись рассуждений осанистого бородатого профессора на церковные темы, мужичонка истово перекрестился, но вскоре задремал. Это-то и спасло его от проследовавшего по вагону полицейского наряда: приняли за просто уставшего работягу, возвращающегося после трудового дня к дому, к семье — супруге и малым деткам...

Распрощавшись после входа на станцию метро Ленинградского вокзала со своим преподавателем, Петр с Мишей взяли курс на дом последнего, а это через весь город в юго-западном направлении. Посмеявшись незлобиво над увлеченностью профессора, кстати, за свое добродушие уважаемого семинаристами и академистами, «униформизмом», Миша, в пятом уже поколении по отцовской линии ведущий род от крещеного купца из ветхозаветного народа из Рамони Воронежской губернии — отсюда и фамилия, где со временем буква «о» заменилась на «е», — поэтому много чего знавший по части своих, давно русифицировавшихся предков, скрашивая долгий и монотонный путь, проиллюстрировал лекцию отца Алексея забавным историческим примером. Со слов деда, московского священника.

...Когда в двадцатых-тридцатых годах Америка погрузилась в великую экономическую депрессию, раздосадованный безработицей и безденежьем народ, по обычаю и нравам всех других простолюдинов в мире, обратил свое неудовольствие не против власть имущих, как советовали ему социалисты и коммунисты, впрочем, малочисленные в Америке, но в отношении банков, своими финансовыми спекуляциями и создавшими кризис перепроизводства. Понятно, не они одни его вызвали, здесь вся капиталистическая структура сработала, но народу-то особенно банки с их хеопсовыми пирамидами долларов не нравились. А кто банками за океаном владеет? — По одним фамилиям понятно. Вот и начался антисемитизм, вообще говоря, не свойственный Америке, причем на улично-бытовом уровне. Евреям из числа верующих ортодоксов, что должны всегда иметь на голове ермолку, вовсе из дома выходить стало опасно. Вот тогда-то, собравшись, равнины Нью-Йорка, Чикаго, Филадельфии и городов других северо-восточных штатов, где значительна еврейская прослойка, и приняли соломоново решение: заменить при выходе на улицу традиционные ермолки на спортивные бейсболки, отличие которых только в козырьке у последних.

Надо заметить, что до этого соломонова решения ермолки с утиными козырьками надевали только бейсболисты и исключительно на время матчей любимой американской игры. Появиться в таком головном уборе вне стадиона было все одно, как бы продефилировать пешком по авеню или перпендикулярному ему стриту в мотоциклетном шлеме, а в соседней Канаде — в хоккейном. Но после появления в городах северо-восточных штатов многочисленных людей в доселе чисто спортивных бейсболках тотчас привило моду на них. Вскоре вся Америка щеголяла в таковых, вовсе и не помышляя о причинах популярности такого фасона головных ubоров. Затем американская армия в них, цвета хаки, облачилась, а во второй половине прошлого века и весь мир. Даже в Израиле модифицированные ермолки заметно потеснили ветхозаветную модель. «Вот тебе, дорогой тезка главного Христова апостола, классический пример того, чем питаются мифы о мировом сионистском заговоре, — рассмеялся Миша, — захотели *они* и одели весь мир в свои национальные шапочки; козырьки не в счет. Как мой батя на эту тему рассуждает: советские-то высшие партайгеноссе вовсе не дураками от сохи были, далеко в корень смотрели, знали предысторию

бейсболок, поэтому те в Советском Союзе не приветствовались, ширпотреб их не строчил, если только закавказские цеховики на них стартовый капитал не стригли. Тем более ни в какой уставной форме они не значились. Наоборот,— Миша и вовсе расхохотался,— явно не без черного юмора вариант бейсболки ввели в качестве головного убора в комплект одежды эзков! Точно также и с субботой случилось, хотя бы в облегченном варианте, о котором Маймонид* сказал, что не человек для субботы, но суббота для человека. Опять же конспирологи убеждают: *они*, мол, заставили весь шар земной соблюдать шабад! Хотя, конечно, причина-то в другом: человечество все плодится, а машины-автоматы все более и более ликвидируют рабочие места. Отсюда по необходимости и второй выходной. Сейчас же на полном серьезе в СМИ — а они во всем мире по-геббельсовски сначала прощупывают возможный отклик и готовят почву — всюю разглагольствуют о трех выходных днях. Поскольку же это стопроцентно будет пятница, то конспирологи с сожалением оставляют на время всемирный сионистский заговор и перейдут к прогибанию мира перед воинственным исламским фундаментализмом...».

«Да-да,— оживился и Петр,— мой двоюродный дед, офицер, воевал, понятно на египетской стороне, военным советником невысокого ранга в одной из арабо-израильских стычек. Так у них присказка ходила: воюем четыре дня в неделю; в пятницу арабы намаз творят, просят аллаха и русских друзей помочь одолеть врагов; в субботу правоверный их противник тяжелее стопки водки не имеет права ничего поднять рукой, а в воскресенье — война войной, но обед вовремя — вынь да положь выходной для советского бойца».

«Кстати, и насчет субботы в Союзе тянули сколько можно, а в ГДР и на Кубе вообще она рабочей была до крушения соцлагеря»,— добавил Миша и, хотя по его подсчетам еврейской крови в нем присутствовало не более одной шестнадцатой, но анекдотов в этой части знал он немеренно — от деда-священника, учившегося в одесской семинарии. Чем он и развлекал приятеля до конечной юго-западной станции метро.

♦ Эту полутораговой давности поездку с Мишей Раменским Петр вспомнил в электричке, начиная путь домой — с тремя пересадками, на двух электричках и двух автобусах, с утра до наступления вечера. Не то что утомительно для его возраста, но день-то теряется! А на пороге юности и молодости дни счетны, ибо не стали еще обыденностью. За годы семинарской жизни выработал и временной график таких поездок: чтобы не засиживаться на пересадках. Поэтому начинал ее вот этой самой электричкой, ко всему — полезному-прочему проскакивающей малозначащие остановки. Воспоминание же о той дневной поездке в компании с Мишей и профессором Прозоровым случилось по ассоциации: как тогда в вагоне оказался запьянцовый мужичонка, так и сейчас в Софрино вошел и сел наискосок через проход от него мужчина средних лет, явно командированный в этот городок, а теперь возвращающийся домой. По всему видно было, что накануне он достаточно «принял» в компании, а утром умеренно опохмелился: несколько помятое, хотя и тщательно выбритое лицо выдавало. «Царский офицер всегда слегка пьян и до синевы выбрит, а советский слегка выбрит и до синевы пьян»,— усмехнувшись, вспомнил двоюродного деда во время приездов — навестить родню — с его неисчислимыми офицерскими байками и присказками, запомнившимися Петру с младшеклассных лет. Хотя и был тот уже давно в отставке.

Прибыв на «северную» — с Ленинградским и Ярославским — сторону площади трех вокзалов, уже через полчаса Петр сидел в другой электричке, заранее настроившись на трехчасовой путь, даже усилием воли нагнал на себя чуткую дремоту. Но

* Самый известный в истории древнееврейский врач и ученый, своими действиями и высказываниями восстановивший против себя ортодоксальную иудейскую верхушку.— Прим. авт.

вот и их областной город. Сойдя с платформы, прошел мимо основательного, постройки позапрошлого века вокзала с рядом табличек на стене в сторону путей с именами русских писателей, по широкой лестнице спустился на привокзальную площадь, немного прошел в сторону троллейбусной остановки и сел в удачно подкативший нужный маршрут. Обогнув по западной окраине центральную, в три района, часть города, троллейбус довез нашего путешественника к междугороднему автовокзалу. И снова два часа пути до райцентра с его теплоэлектростанцией, с каскадом промышленных прудов при ней. Тоже историческое место: бывшее некогда поселение отставных — по сроку службы, болезням и ранениям — солдат, что устроил для своих «чудо-богатырей» генералиссимус Суворов. И, наконец, полчаса с небольшим на местном автобусе до родного городка: сначала лес, перемеживаемый деревнями и рабочим поселком при «ликерке», затем, после оставленного справа очень известного санатория с минеральным источником, а напротив слева — железнодорожной станции, где останавливаются пассажирские поезда, связывающие Южный Урал с Минском и Калининградом, многокилометровая пойменная равнина — бывшее владение образцового, уже давно разрушенного совхоза.

Тпр-р-у! Вот и докатились по равнине: смешной мост через Оку, кем только в области и за ее пределами не карикатуризированный, спроектированный таким, что в половодье он скрывается под разлившейся водой, а всякое сообщение берегов на неделю-полторы прерывается. В это время попасть в родной городок можно только через соседнюю область, в территорию которой, с границей по реке, по левому берегу городок вклинивается, как плацдарм при форсировании, с сосновым лесным массивом и засеянными полями. Сразу за спешным, экономно построенным мостом («Экономика должна быть экономной», — как припечатал Леонид Ильич в свое время на плакатах по всей стране) крутейший левый берег, так что автобус по-кавказски взбирается по косогору, где дорога даже делает серпантинный поворот. На верхушке родной крохотный городок, именуемый таковым явно в уважительную память о славном его историческом прошлом, как пограничной крепости между Русью и Литвой. И название он тогда носил неудобное. В советское время переименован в честь юного героя-партизана. Выходя из автобуса, Петр услышал негромкий колокольный звон со стороны близко стоящей церкви — к вечерней службе. Церковь тоже небольшая, с колокольной-временкой вместо разрушенной в войну. Несколько двухэтажных зданий, все остальное — частные дома. И его такой же в немногих минутах ходьбы от крохотной городской площади с автобусной остановкой.

Слава богу — путь необременительный, но — дома!

♦ Наутро, день будний, Петр заспался — вакационная воля в родном доме! — и не слышал как родители ушли на работу. Мать, учительница биологии и химии — в единственную в городе школу, приземистую, но стена которой у входа обрамлена несколькими мраморными табличками выпускников, героев Отечественной войны — сейчас там самое хлопотное время, экзаменационное, что сами учителя малоодобрительно именуют «егешным». Отец же трудится на теплоэлектростанции по инженерной части, замначальником цеха, поэтому и выходит из дома раньше матери — на первый автобус до райцентра. Отец местный, а с матерью познакомились, учась в областном городе: он в университете, бывшем политехническом институте, она в педвузе. И бабушка, отцова мать, тоже отсутствовала — церковной старостихе надлежит с заутрени «общественный трудодень», как добродушно острит отец, начинать. Ее покойный супруг, Петров дед, в этой же церкви дьяконом состоял. Как правильно в русских романах наши классики позапрошлого века любовно описывали представителей этой славной профессии, уважал дед «для густоты баса» не единожды на дню пропустить и магазинной, и соседской самогонки, и церковного причастного кагора. Впрочем, богу душу отдал, сильно простудившись — оттого что трезвым был... Так и сама бабушка порой говорила.

Съев оставленный для него еще теплый завтрак, по-крестьянски (их городок по нравам мало чем от села отличается) основательный — до вечернего едова, когда все в сборе, Петр по погоде, в джинсах и майке-безрукавке, прихватив взятый на лето из лаврской библиотеки изящный, издательства «Academia» тридцатых годов, толстенький томик Гвиччардини*, потрепав по густой шерсти кота Сеньку, поутру вернувшегося с гулянки, вышел на улицу, прошел проулком до близкого дома старшей его замужней сестры Ольги. Застав ее с трехлетней племянницей, доложил о прибытии на каникулы, за короткой беседой угостился чаем с малиновым прошлогодним вареньем, сделал козу дитенку, отсалютовал сестре и взял направление на «утес Стеньки Разина» — в паре километров от города по течению Оки, где та делала резкий поворот на восток, потому гористый берег резко снижался до луговой низменности, а противоположный, наоборот, из низины бывшего совхоза возрастал до береговой возвышенности.

С утеса, окаймленного сосновым бором, открывался великолепный вид на излучину реки: справа их городок над Окой, а слева и до горизонта свежезасеянное пшеницей пространство с дальним полевым станом и по какой-то нужде тархтящим трактором. Истинная ширь и воля для взгляда — так он определял свои ощущения на утесе. Сразу ему вспоминалось чудесное описание схожего уголка среднерусской равнины, данное Гоголем в одной из уцелевших черновых глав второго тома «Мертвых душ». А одна москвичка среднестарших лет, которую Петр из года в год летом встречал на утесе — и на улицах городка также, — в завязавшейся как-то беседе поведала ему, что она «со средствами», но вместо всяких экзотических заграничных островов приезжает только сюда, к дальней своей родственнице, субсидируя ремонт и частичную перестройку ее домика обок церкви, только для того, чтобы в хорошую солнечную погоду любоваться таким великолепным видом. «Даже не видом, — поправила она, — но зрелищем, где все замерло в извечном русском ожидании ответа на вопрос: «Куда идешь, Русь?» Даже Ока здесь, на повороте, расширяясь, замедляет свое течение, задумывается...» Дама московская не только «со средствами» была, но и с отменным образованием и чувственной душой, что не могут испортить в ином человеке даже мешки долларов и евро. — Так определил Петр свою случившуюся соседку по утесу. Но сегодня ее не замечалось, хотя бабуся вчера за поздним — к его приезду — ужином оговорила, что ежелетняя москвичка, что к Филипповым приезжает, уже прибыла в город.

Узнав в том разговоре, что ее молодой собеседник учится в семинарии, москвичка очень тактично, не в лоб, не сразу, а через четверть часа, как умеют умные женщины, подвела его к пояснению причин такого устремления Петра. «Может наследственное воцерковление?» — уточнила она. На что тот совершенно искренне ответил, что вряд ли дед-дьякон и бабуся — церковная старостиха на пенсии сколь-либо движители выбора им не совсем ординарного образования и возможного рода деятельности в будущей жизни. Просто общее впечатление от современного течения жизни, что в их крохотном городке, или в областном центре, где, учась в старших школьных классах, он на каникулах часто гостевал у живущих там родственников, дядек и теток отца и матери с детьми, сверстниками Петра, не внушает ему чего-либо «отчаянно позитивного», как он выразился. Собственно не священничество, хотя бы и украшенное постановочной пышностью византийского православия, есть цель его выбора, но уютность воцерковленных, приходских мирков, как спасение от полнейшей бездуховности и волчьего себя-индивидуализма современного глобализованного мира. Опять же духовное, церковное образование — семинария с прицелом на академию — в сочетании с литературным, историческим, психологическим и так далее

* Как и Никколо Макьявелли, автор «Государя», его современник (XVI век) Франческо Гвиччардини, что из флорентийского знатного рода Гвиччардини, автор «Рассуждений», о книге которого здесь идет речь, виднейший средневековый историк и моралист. — Прим. авт.

дополняющим самообразованием позволят ему в дальнейшем мыслить *системно*, что недостижимо в современном университетском эрзац-образовании с его цифровым утилитаризмом, подменой подлинного, творческого знания набором гигабайтов информационного шума... и то не в голове, а на дисках и флешках.

«Понимаете, Наталья Леонидовна (они обменялись именами), я получился динозавром нашего времени, а именно — внешне воцерковленный гуманист, даже гуманистический естественник, если возможно такое словосочетание». Услышав о духовной академии для продолжения учебы, москвичка столь же ненавязчиво поинтересовалась: не собирается ли он перейти в черное духовенство, наметив путь к епископской, а может и митрополичей кафедре. «Нет-нет, Наталья Леонидовна, монашеское служение — и вообще возрастание в церковных чинах — меня совершенно не прельщает. Это другой уровень духовной и душевной, не сочтите за тавтологию, человеческой организации. Тем более вопрос о карьерном росте... Как это ни печально и скорбно, но верна здесь историей семижды семи подтвержденная истина: всякий народ заслуживает имманентных его умственному, нравственному и гражданскому состоянию правителей, армию, науку и так далее — до церкви, как учреждения, так и веры. Я и здесь динозавр. Может в генах и советский коллективизм и отрицание карьеризма со всякой частнособственностью закрепились». Разговор этот состоялся прошлым летом. Петр — к вопросу о монашестве — не счел тогда необходимым и возможным в беседе в полужнакомом человеком сказать, что у него есть невеста Светлана, знакомая со школьной парты, как и он выпускница-медалистка. Учится в престижном столичном гуманитарном вузе. И что этим летом они собираются обручиться по-церковному, а через год здесь же, в городской церкви, повенчаться перед последними курсами их учебы. «Не для получения прихода, конечно, тем более на академию серьезно настроен, но — мы состоявшаяся и неразменная пара».

♦ Устроившись на «личном», прогретом солнцем, отшлифованном в великое оледенение валуне на краю утеса — ощущение, что Ока глубоко внизу под ногами разворачивает свои воды на восток, в сторону Волги,— Петр («Будешь ты, Петр — камень веры» — из Писания), теребя в ладонях томик хитроумного флорентийца в дизайнерском, как бы сейчас сказали, холстинковом переплете с выштампованным цветным портретом, вспомнил о сегодняшнем утреннем, как проснулся, звонке Светлане. Сообщил о приезде домой. За неделю до этого, встретившись в Москве, обговорили, что она после учебной практики в подольском архиве тоже приедет: будут готовиться к венчанию и свадьбе. Пока же Петру полмесяца выпало время пофилософствовать на утесе.

А рассуждения, в отличие от тех же *Ricordi* Гвиччардини, на утесе у него попервоначалу сводились к одной и той же ассоциации: среднерусская красота открывающегося отсюда вида — простора и воли — и византийская обрядовость русского православия. Именно не нынешнего греческого, других балканских стран, не эфиопского, всех остальных без России почти полутора десятков православных автокефалий. Кажется, на что основателем Афон, в котором Петр побывал, как отличник, включенный в группу от МДАиС, но разве он сравнится с их Лаврой, Новым Иерусалимом, а особенно с Оптиной Пустынью, до которой отсюда, из их городка, рукой подать: прошлым детом в хорошую погоду пешком до нее ходил. Обрато, правда, подъехал на экскурсионном автобусе от санатория с минводами... Вполне возможно, что «двойного» язычника — от славян и варягов — князя Владимира* поразила и привлекла византийская пышность их храмов и обрядов, например, по сравнению с сухостью того же у католиков. Тож в иудаизме и исламе.

Неоглядные русские просторы, географическая разобщенность древних русичей,

* Известны изображения князя Владимира до принятия им христианства и после крещения Руси. На первом — типичный варяг с бритым подбородком и висячими норманнскими усами (у нас они именуются «хохлацкими»), на втором — уже с византийской бородой.— Прим. авт.

трудность выживания и национальное одиночество в стороне от многолюдной и пестрой Европы, с одной стороны, и кочевые воинственные племена на востоке и юге, безликие, с самыми крохотными зачатками цивилизации, с другой — все это для веселения жизни (не одно Владимирово «питие есть веселие Руси!»), ее скрашивание в селах и крохотных городах в окружении непроходимых лесов (Петру представился его городок, что в паре километров от утеса), требовало зрелищности, а в общении с приходом — не умозрительных проповедей, еще не воспринимаемых лесным народом, недавними язычниками, для которых втайне Христос еще не заменил Перуна, но торжества действа песнопениями, с сверкающим золотом облачением священнослужителей.

Наверное, этими атрибутами византийское православие пришлось сначала по душе людям Древней Руси. Именно сначала и внешне. Мудрый князь Владимир с подсказки воспитанно проникательных, одновременно государственно мыслящих греческих священников-миссионеров, принимая для Руси православие, понимал, что в считанные годы, пусть десятилетия, но никак не в века, в части становления новой веры Руси предстоит пройти путь, что в Европе для полного торжества христианства, как западного, так и восточного византийского, занял тысячелетие без малого. И так, поразив воображение лесных, отчасти предстепных, язычников пышностью строений и обрядов, греческие миссионеры и подготовленные ими «местные кадры» священно- и церковнослужителей приступили к внедрению норм христианской морали, что есть базис Христова учения, изложенного им в Нагорной проповеди и далее оформленного его учениками и последователями в Заповедях блаженств Нового Завета. И опять здесь не акцент католицизма на проповеди, но сочетание увещательности и обрядности византийского православия пришлось по душе русскому человеку, который до времени от Никонова раскола (именно он, а не Аввакум с подвижниками породил раскол!) к церковной реформе Петра Первого с упразднением патриаршества понимал и воспринимал Христовы заповеди в их евангельской конкретности: от *не укради* и *не убий* до верблюда в игольном ушке — полное неприятие несправедливого богатства, по сути — отрицания богатств неправедных. Разумеется, никаких подобий торговому папским индульгенциям, а когда Лютер с Кальвином, восстав против них, отделили от Рима протестантскую северную и северо-восточную Европу, то и вовсе (хотели как лучше, получилось намного хуже) сделали церковь полной служанкой нарождающегося капитализма — полного царства социального неравенства и господства капиталократии.

...Не зря первые семьсот лет от крещения Руси — где-то читал Петр — православие являлось первой любовью русского человека в его морали и социализации.

Нет, резюмировал Петр, было бы дико ему смотреть с утеса на эту спокойную роскошь среднерусского мира («Спасибо, сторона родная, за твой чарующий...» Да!), возвышенные места которого утыканы готическими костелами или «гражданского покроя» кирхами. Тем более мечетями или синагогами — им свое место в России имеется. Для русского человека православие не столько место «отправления культа», но за тысячелетие генофенотипически выработанное в цепи сорока предшествующих поколений мирозерцания с его теплом общности и *вещным* символом действительности норм христианской морали — высшей в этом качестве в мире социумной организации. А корреляция с государственностью? — Опять по Христовым заповедям: «Кесарю кесарево, а Богу богово».

◆ Но вот прошли эти века православия — первой любви Руси-России. Страна наша, волею мировой истории распрощавшись с духом Третьего Рима последних царей-рюриковичей и первых Романовых, постепенно утратила эту первую любовь. Но — это слишком хорошо изучено, растолковано и оттиснуто в тысячах томов. А к окончанию позапрошлого века все происходящее в России как бы вторило горестным словам протоиерея Савелия Туберозова из «Соборян» Лескова, недавно прочитанных

Петром, что-де насколько еще хватит православия времени для оскудения его в русской душе?

Он, Петр, намеревающийся не за страх, по-нынешнему не для карьеры и куска пожирнее, но за свою совесть служить православной идее, стоит сейчас перед евангельским вопросом, заданным на Аппиевой дороге при встрече вернувшегося вновь на землю Христа и его любимого апостола Петра, в ужасе удаляющегося от Рима с избиваемыми цезарскими воинами христианами: «Камо грядеши?» А куда ему, Петру Елшину, идти? — Кто даст ответ...

Но ведь жить, трудиться, не предполагая ответа — это значит не иметь цели. История же учит непреложно, что без определения, хотя бы в самой слабой степени вероятности, цели человека, социум ожидает тупик. Тому примеров тьма. Как революционер Троцкий — главное связаться в мировую революцию, а там кривая вывезет. Вот и вывезла в войне с Польшей; только Сталин со временем вернул потерянный запад страны в той позорной по результатам войне... под водительством Тухачевского. Или рыночная экономика, о которой мечтали все российские либералы — вот и дождалась ее, родимую! Здесь кривая без цели, исключая, конечно, обогащение любой ценой, в тупик завела, из которого, из кризиса, общество выходит величайшим напряжением сил и предельным обнищанием масс. Нет, либерализм не для русского православия; Петр цепкой семинарской памятью сразу вспомнил слова* Евгения Павловича из «Идиота». Западный католицизм показал, что либерализм есть размывающий смягчитель христианской морали. При этом странным образом он идет в полной параллели с казалось бы противоположным — иезуитским девизом Игнатия Лойолы: «Цель оправдывает средства!» И итогом такого странного симбиоза явился нынешний глобализм, в структуре которого вовсе нет места Христовой морали, тем более в ее русской православной догматической и жизненно-практической полноте.

Так куда идешь вступающий во взрослую жизнь Петр?

Выбор пути, что есть сомнение в правильности означенной себе цели, есть прямая дорога в ад — хотя это из догматов католицизма, но из постановлений четвертого вселенского собора (Петр по нему писал курсовое сочинение) следует его общехристианская, евангельская, точнее новозаветная правота. Итак — без сомнения. Раз ты избрал стезю православного священства, возможно, имел в виду грядущий академический курс, и вероучительство в расширенном понимании, то путь твой в наступившие времена не то что каменист и неторен, но есть превозможение доселе неизвестных христианской, тем паче русской православной, верой препятствий. Причем препятствий не случайных, но «законных вред», как означалось в средневековом рыцарском праве, которыми глобализм планомерно, системно, гибридно — на современном языке говоря, добивается уже *своей* цели: упразднение Христовой морали, оставляя лишь ее искаженные артефакты *морали по вызову*. Грубовато звучит, но ведь это так!

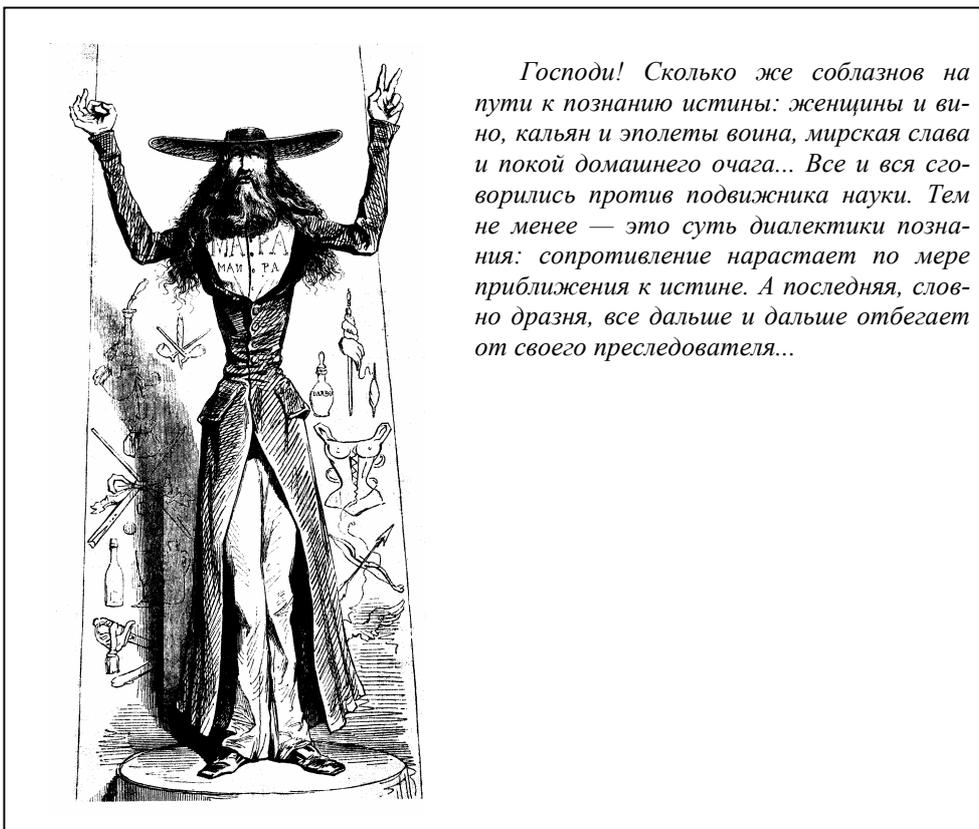
Если понимать это как личное руководство в жизненном занятии, то звучит если не оптимистично, то как апология своей востребованности социумом — хотя бы в пастве своего прихода, если судьбе будет угодно назначить его церковным священнослужителем. Но ведь всякое жизнеутверждающее начало в самом добром деле, к каковому всепренеменно относится священнослужительство, рушится, когда осознаешь: человек сейчас, да-да, именно на наших глазах, переходит в иное эволюционное качество — винтика Молоха глобализма, родного, но более изощренного брата Вели-

* «Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть всего целого, которое без него распадется или замертвет; либерализм имеет такое же право существовать, как и самый благонравный консерватизм; но я на русский либерализм нападаю, и опять-таки повторяю, что за то, собственно и нападаю на него, что русский либерал не есть *русский* (здесь и далее выд. Ф. М. Достоевским.— А. Я.) либерал, а есть *не русский* либерал. Дайте мне русского либерала, и я его сейчас же при вас поцелую». — Прим. авт.

кого инквизитора Достоевского из «Братьев Карамазовых», а такому субъекту, как винтику-шпунтику, Христовы моральные заповеди, что сильно пьющему человеку лекции о вреде алкоголизма...

Итак, если исключить академическое толкование истории христианства, то остается приходское общение со своей немногочисленной, все более и более тающей паствой, из которых почти все, разочаровавшись в жизни или устав от нее многотрудной и несчастливой, ищут в церкви утешения, преимущественно в торжественности храмового действия, через лицемерие и участие в котором они через катарсис приходят к временному умиротворению. Как древние греки в своем театре с богами — изображаемыми действующими лицами — и, конечно, с хором, как основой античного театра. И проповеди, без того неакцентируемые в православной церкви, им особенно не потребны, ибо они без того всю жизнь следовали в достижимой полноте Христовым заповедям. Потому в жизни и не преуспели. Добродетель всегда бедна и малоутешна в земной жизни. Вся надежда на всеобщее воскрешение в Судный день, в коем они предстанут в первых рядах правых — даже не из жизненной богобоязни получают они эти почетные места, но из впитанного с кровью сорока поколений предков безусловного следования нормам Христовой морали — высшей, выработанной человечеством.

...Петр раскрыл изящно изданный девяносто лет назад томик Гвиччардини на заложенной закладке странице и продолжил начатое вчера в электричках и автобусах долгого дневного пути чтение средневекового исторического умницы и хитреца, уже и не вспоминая особо: почему во времена московского Третьего Рима «латинян» иначе как еретиками не называли? От Великого инквизитора до сегодняшнего Великого глобализатора.

Светлана Чернышева
(г. Вологда)

ТАК МЫ С ВОВКОЙ РЕШИЛИ...

Занимается литературоведением, пишет сценарии, а также стихи и рассказы. Проза для детей публиковалась в периодических и электронных изданиях.

КОМПАС

По вечерам я редко гулял, только если уроки не заданы. Во-первых, ничего не должно быть записано в дневник на завтра. И даже не начеркано, как иногда случалось: то — заячьи уши, то — машинные колесики, откуда не возьмись. А во-вторых, оценки плохие не имеют права появляться. Чтобы мама не подумала, что я дурака целый день валял.

А вот сегодня повезло. Иду, счастьем сияю, а тут Вовка. Мы с ним настоящие товарищи. Только он высокий. Папа говорит, что он фамилию Жирафов оправдывает. К тому же, на целый год меня старше. А я нормального роста. Удачно выросший, на свой собственный возраст.

— Вовка, приветик! Куда ты?

Он остановился, чтобы руку из кармана вынуть, она у него иногда там застревает.

— Давай,— говорю,— помогу! Конфету, что ли, припрятал?

А Вовка огляделся по сторонам и шепчет:

— Там компас путешественника.

Ничего себе. Вовка с таким инструментом и в Африку дошагает. Сядет на песочек в пустыне и станет на жирафов любоваться.

— Знаешь,— говорит Вовка,— компас для чего нужен? Чтобы тебя разыскать!

Я от такого чуть в лужу не свалился, которая в единственном числе на улице сохранилась, еще с прошлого года. Неужели меня — по компасу? Вот так Вовка! Как-никак нашел! Стрелка ко мне примагнитила? Все-таки, не зря считается, что компас — вещь надежная!

ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ, ЗАДАЧА!

Мама часто говорит, что домашнее задание — это не просто так, лишь бы в тетрадке почеркать. Два часа безделья, и готово! Это у взрослых время, словно реактивный самолет, пролетает. Не успели оглянуться! А я за эти два часа штаны до дыр протер, а задачи не сходятся. Потому что в ответах совсем по-другому.

— Вот беда! — кричал Вовка, влезая в мое окно,— на улице дождь закончился, а ты все над тетрадками чахнешь, как старый дед.

Я, конечно, когда это безобразие увидел, возмутился. Нельзя же окно с дверью путать!

— Ну, а что делать,— говорю,— если задача не сходится?

Но Вовка только рукой махнул. Мол, сдалась тебе эта задача!

— Может, для наглядности все наяву представить? Интереснее будет решать!

— Это как? — говорю.

Вовка задумался немного для приличия.

— Ага! Можно любую задачу в игру превратить. У тебя про что там?

Я бы ему поверил, конечно, но дома наяву про футбол и мячи, забитые в ворота, никак не представить. Нет никаких условий.

— Это потому, что ты в футболиста не превратился! Иди, шорты с майкой спортивной напяливай, чтобы с героем задачи сравняться. Всю жизнь тебе подсказывать?!

Я злюсь, потому что не в ворота попадаю, а Вовка в ладоши от радости хлопает:

— Семь плюс семь да еще плюс семь, получается двадцать один забитый гол. Как в ответе!

— Минус разбитое окно. Да еще одна задача осталась, посадочно-огородная. Ни за что наяву представить не получится. Где мы клумбу возьмем? Может, цветы на гвозди и болтики заменить?

Я полез уже доставать ящик из кладовки, где всякие штуки мастеровые хранились. Но Вовка головой даже замотал, мол, нельзя болты с цветами путать, даже понарошку.

Лучше бы ничего не затевали. Как-никак, а стекло никому не мешало. И вот я думал, думал, а придумал Вовка. Взял ножницы и вырезал из маминого халата васильки и ромашки, а потом еще астры с пионами.

— Вот, — говорит, — считай на здоровье.

Я чуть не онемел, потому что халат наполовину короче сделался. Тут Вовка от меня устал и обратно выпрыгнул с нашего первого этажа, со словами: «Тебя не дожدهшься!».

Задача про цветы все-таки решилась. И я быстро-быстро на улицу собрался. Как-никак там Вовка, а он всегда что-нибудь придумает.

МАРМЕЛАДНЫЕ МЕЧТЫ

Как-то раз в магазине я увидел зайца, мармеладного. Он весь такой необычайно-прозрачный, от ушей до хвоста. Через него, наверно, можно все на свете разглядеть. Даже солнце. Если только одним глазком, а другой закрыть от удовольствия.

Когда домой пришли, я все не мог успокоиться. У меня этот заяц в голове засел, заодно с ароматом ванильно-сладким. И стал я к маме приставать, чтобы она мне его купила. Конечно, мама сказала:

— Заяц как заяц, обычная сладость, опасная для зубов.

И я надулся, щеки по всему лицу распустил, словно шарик. Ткну пальцем и — нет меня.

— Эх, — говорит мама, — не хочется у тебя на поводу идти, но и смотреть, как ты погибаешь, нет сил. Куплю зайца, вместо самолета дистанционного, который ты на прошлой неделе выпрашивал. А теперь все... мармеладный заяц.

Я так обрадовался, прямо до потолка подскочил. Хорошо, что мама меня словила и на стул усадила. Когда наступил вечер, я чувствовал себя самым счастливым, потому что на столе лежал заяц, даже лучше того, которого я в магазине заприметил. Ведь этот был только моим.

— Ну, и чего ты ждешь? — спросила мама. — Ешь, мармелад свежий, от солидной фабрики.

И она взялась за мармеладные уши, чтобы накормить меня, как маленького:

— Ай, — закричал я, — больно! Смотри, заяц дрожит.

Мама отдернула руку.

— А зачем... он нужен, если его есть нельзя?

Я пожал плечами, чтобы стало понятно: нужно подумать. Мысли имеются!

— Ладно,— согласилась мама,— твое дело.

И я стал с зайцем носиться по комнате, например, он мог старую люстру превратить в радугу... Он много чего мог, этот заяц из мармелада. И тут мне ничего не оставалось, как признаться:

— Этот заяц — моя мечта! А что делать с мечтой, я еще придумаю!

ОБЛАЧНЫЕ ВОПРОСЫ

Вовка постоянно в облаках витал.

— Понимаешь, облака в кого угодно могут превратиться! Не то что люди.

Мелет всякую ерунду. Потому что жизни не знает! Подумаешь, облачные звери и рыбы в небе привиделись. Пусть и дракон крылатый, тоже ничего особенного. Вот мой папа, например, может и гвозди забивать, и картины маслом писать. И на огороде у него урожай хороший. Еще шьет на машинке, прыгает на одной ноге — раз сто или двести, сушит гербарии на батарее и умеет водить велосипед. Пальцы устанешь загибать от его превращений.

А Вовка считает, что только в облаках можно разглядеть чудеса. И сам стал какой-то воздушный. Тощий и почти прозрачный. Волосы длинные, как у белого льва.

Видно, и разговаривать не хочет. Даже не смотрит в мою сторону. Вроде как меня и нет. Совсем растворился в облаках, бесповоротно.

— Тебе не надоело время попусту тратить?

— Ничего не попусту,— спустился на минутку с небес Вовка,— вот люди не могут быть сначала большими, а потом маленькими...

— Могут! Вырастем и станем большими. У людей всегда так, такие уж жизненные условия.

— А обратно могут стать маленькими?.. Как облака!

— Зачем, интересно — обратно?

Решил я у папы поинтересоваться, вдруг есть какие-нибудь достижения науки по этому вопросу.

— Да проще простого,— отвечает папа.— Я с тобой вечером по ковру машинки гоняю?

— Ну, бывает!

— Значит, в детство впадаю и маленьким снова становлюсь, но только ненадолго. Потому что на работу нужно бежать!

И ничем люди облаков не хуже! Я теперь этому Вовке забью облачный гол, будет знать. Попадись мне только... А он стоит на улице, с открытым ртом. Все в небесах летает.

— Совсем не на что смотреть,— говорит Вовка.— Потому что небо безоблачное. Были облака и сплыли.

— Завтра снова появятся. Не горюй...

— То-то и оно,— подтвердил Вовка,— исчезнут, а потом снова тут как тут. А люди так умеют?

Я пожал плечами и поплелся восвояси. На небе было ясно, но от этого легче не становилось...

ХЛЕБНЫЕ ДЕЛА

Идем мы с Вовкой из магазина и булки жуем.

— Вот это хлебушек,— восхищается Вовка.— Когда вырасту, буду его выращивать.

— Чего делать? — прокашлявшись, спрашиваю я.— Чуть из-за тебя не подавился...

Вовка мне по спине постучал кулакам.

— На тракторе буду работать, землю пахать.

И где он эту технику видел? В городе, кроме автобусов и троллейбусов, еще легковушки имеются. Но они... так, для передвижения. Если на своих ногах лень, а на двух колесах в детстве не научили, то остается автомобиль. А вот трактор... Ай да Вовка, ясно, в музее побывал!

Я крепко задумался, даже шагать остановился. Хлеб выращивать интересно, если потом такие вкусные булочки вырастают. И тогда Вовка все по порядку рассказал. Оказывается, чтобы булочки выросли, нужно сначала поле вспахать и зерно посеять. А как появятся колосья, срезать их комбайном и вымолотить зерна. Они должны в муку превратиться — в белую, воздушную, нежную, послушную. А потом из нее можно и булку испечь. Этому делу отдельно нужно учиться.

Он рассказывал и руками махал, а я думал про то, о чем раньше не задумывался. Чтобы тоже на тракторе работать. Вместе с Вовкой.

В ЗООПАРКЕ, КАК ДОМА

Вовка сказал, что пойдет в зоопарк. Он зверей очень любит, особенно верблюдов и жирафов. Я как услышал, что у него и билет есть, то сразу же надулся. И перестал на Вовку смотреть, чтобы не расплакаться. А он говорит:

— У меня и для тебя билет есть, бесплатный! Его в придачу дают, чтобы друга с собой взять.

И у меня немножко настроение поднялось. Но я Вовке сильно улыбаться не стал, чтобы он не задавался.

— Ладно, пошли,— говорю,— только я слонов очень люблю. У них кожа толстая, а на голове уши, словно крылья. А нос-хобот вроде шланга. Вжик-вжик — и дождик пошел.

Мне, конечно, жирафы тоже нравились. Но я эту любовь Вовке отдал. Пусть радуется. У него и фамилия подходящая. Почти родственная, для длинношеих. А там, в зоопарке, в клетке без крыши жираф сидел взаперти и вокруг поглядывал.

— Ах, какой красивый. Наполовину — в клетке, а наполовину — на воле.

— Точно,— говорю,— как мы с тобой, вроде в зоопарке, а будто дома.

Мы сначала вокруг клетки с обезьянами носились, вроде как орангутангов изображали. А они нас, вот умора! А когда подошли ко льву, то у него волосы дыбом встали. От страха! Про это тетенька с микрофоном и болтающимися наушниками сказала:

— Испугали льва своими выкрутасами!

И пошла вперевалочку, вроде гусыни. Я ей на прощанье хотел кое-что объяснить, но Вовка закричал:

— Там павлин!

И я сразу за ним побежал, а руки грязные о штаны вытер, чтобы не быть на обезьяну похожим.

— Закрывай глаза, будешь открывать потихоньку, а то в обморок свалишься... от такой красоты. Только смотри, не обманывай!

Ничего себе, птица! Будто из сказки. Хвост веером, с блестящими изумрудными кружочками. А на голове — корона из веточек, с лесными шишечками.

— Сам ты с шишечками,— говорит Вовка.— Гляди, это же антенны с телепередачами! Скоро нас с тобой покажут.

Вечером, и правда, нас с Вовкой по телевизору показали, как вокруг клетки с обезьянами скачем. Видно, тетя-гусыня засняла на камеру. Мама сказала, что так себя вести неприлично, даже дома. И что завтра пойдем в зоопарк снова — извиняться!

ЖАЛЬ...

Вовка решил переехать в самом начале лета. Его родители новый дом выбрали, на другом конце города. Там и школа уже стояла, почти в поле. Ее тоже недавно построили. Приходите, новые ученики!

— Неужели,— говорю,— тебе в нашем доме не живется? Здесь и облака привычные, и мечты мармеладные...

— Жаль... конечно!

И подарил мне свой компас. Если его правильно настроить, то мы никогда не потеряем друг друга. Так мы решили!

— Смотри, как магнитит,— гордо сказал я.— Это потому, что по-другому быть не может. Дружба преград не боится!

Мне очень хотелось Вовке тумака дать, за то, что он меня бросает. Но мы только обнялись...

Лидия Довыденко
(г. Калининград)

АВГУСТ 2022-го

Наши постоянный автор, главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега» (г. Калининград).

Леонид, позывной Семерик, прибыл в Горловку добровольцем в 2014 году. И вот, сразу после объявления СВО, он снова стал собирать добровольцев. В результате из семнадцати человек, кого он хотел видеть рядом с собой, не поехал по разным причинам никто, а он 1 марта уже был на месте. Это было связано с тем, что люди помнили после ранений бесполезное обращение за выплатами, и чиновница, как и в годы Афганистана и Чечни, привычно отвечала: «Я вас туда не посылала. Федеральный центр начал эту войну, пусть вам и выплачивает. А нам деньги не пришли».

Анатолию дали автомат, четыре рожка с патронами и одну гранату. Это все, сказали ему, а дальше добывай сам в бою с вооруженными силами Украины. Он позволил своей знакомой Тоне, секретарю влиятельной общественной организации, что воевать нечем.

— Я тебя поняла, жди гуманитарную машину.

Увидев два прибывших микроавтобуса с «гуманитаркой», Леонид поторопился им навстречу. Минут через пятнадцать, сглатывая горечь во рту, он снова набрал свою знакомую.

— Тоня, что за дела?.. 10 ящиков газированной воды в одном микроавтобусе, в другом — 10 ящиков макаронных супов «деширак». Я же тебя просил...

— Б... полный п... Сп... вопрос, на каком этапе? Я тебе сейчас пришлю фото, что я тебе отправила.

Анатолий открывает фото на телефоне. Две самые современные винтовки-красавицы французского производства, как минимум, по миллиону каждая... а прицелы к ним — антинейпер, в три с половиной раза дороже.

Кто же, где и как спер, размышлял расстроенный Анатолий. И тут его осенило:

— Это Черт, его работа, украл...

Анатолий уже видел его начальника в деле, с удивлением читал в украинских сетях сдержанное, без ненависти к нему отношение, видел, как пришло четыре беспилотника: три — за двести тысяч каждый и один — за миллион двести. За миллион двести Черт сразу положил в свою машину, и больше никто не видел, где дорогой аппарат, а на эти он махнул рукой. И правда, они больше чем на 150 метров не полетят.

Горловский отряд добровольцев оказался под началом полковника Чертоква, позывной Черт, который чувствовал себя хозяином территории. Если видел музей, снимал картины и отправлял своему начальству в Москву. Ничем не отличался по поведению от украинцев. Заехал в деревню, зашел во двор, подстрелил четыре курицы, бросил в багажник машины, которую водил сам. Зашел в дом в оставленной деревне,

увидел новенький плоский телевизор, завернул в подвернувшийся под руку плед, уложил на заднее сиденье.

К августу 2022 Леонид физически и морально истощился. Ему нужно было найти ответы на свои накопившиеся вопросы и полечиться в госпитале от замучившей его аллергии. Черт не давал справку участника боевых действий. Почему контрактникам и добровольцам платят в долларах, а не в рублях, а доллар с каждым днем падает? Почему военную форму шьют из такой дерьмовой ткани, что она рвется на следующий день, как надел? Почему не выплатили деньги тем, кто сам заказал себе обмундирование из нормальной ткани? Где оборонка? Где то предприятие, где шьют парашюты. Я не знаю такого в России. Где плотники, которые положены разведчику, чтобы он мог на нем спать в спец-условиях, переплыть через реку? Где честные генералы? Где умные командиры? Почему две недели назад погибло 42 морских пехотинца из Балтийска? Их даже посмертно не наградят, не то что при жизни. Никто не знает о них, почему? Почему в Калининград приезжают по 20 машин с евросоюзовскими номерами за газом, вывозя цистернами? Их пропускают на границе по чьему указу?

Эти вопросы не имели ответа. Измучившись, Анатолий задремал: вдруг он внезапно проснулся, услышав рядом чьи-то шаги. На него набросились люди, куда-то потащили. Две недели его били, по голове и в живот. Вместе с кровью он день за днем выплевывал свои зубы. Ему повезло, его вытащил генерал Громов, на которого вышла Полина из Москвы.

* * *

Василий Иванович, полковник в отставке, был приглашен на форум ветеранской организации, и он откликнулся, надеясь задать вопрос из зала, так как ни на одно письмо в правительство области не получил ответа. Вышел губернатор, читал что-то в бумажке громко и ни о чем, мыслью зацепиться было не за что... Потом он сошел со сцены и пошел между рядами, уперев глаза в пол. Было видно, что никто из ветеранов его не интересуется, и он не хочет ни с кем встречаться взглядом. «Ноздри», — вспомнил ветеран кличку молодого человека. Ноздри чешутся от кокаина. С каждым шагом губернатора уходила надежда получить ответы на свои вопросы у Василия Ивановича.

Взгляд его упал на женщину, шедшую следом за губернатором, но с другой стороны, вдоль стены, он не сразу разглядел ее, потому что она то и дело наклонялась к сидящим с краю и касалась руки, приветливо даря улыбки. Это была депутат Госдумы от области Огелева. Останутся без ответов вопросы и к ней.

Он вспомнил, как ему утром в вцапп кто-то прислал фотографии женщин премьер-министров западных стран и шутку: «Сколько же народу пострадало от этого бабья...»

Тонуций в кризисах запад хватается за женщин как за спасительную соломинку. А у нас как будто специально приставлены к власти Эльвиры, Валентины, Татьяны, чтобы у народа возникала мысль: только не женщин у власти, как посмотришь на этих... кто заявляет: зачем говорить народу правду, тогда нас изгонят, или зачем справедливые выборы, придут русские фашисты, и нас повесят.

Тем времени на сцене появился профессор Застежкин, который начал вещать о патриотизме... «Не ты ли уничтожил в университете кафедры русской истории, русской литературы, русской философии, а теперь переобулся, соросовский выкормыш?» — молча спрашивал Василий Иванович.

Началось время кофе-паузы. Пикнул телефон, писала сообщение его сестра Нина из поселка Живенское, расположенного у границы с Польшей. Она говорила, что блокноты, которые дарили ветеранам, — это измена: на обложке фото города выдержано в тонах: желтые фасады зданий вверху, а дорога между ними внизу — синяя.

— От нашего поселка, — писал Нина, — по железной дороге в вагонах-цистернах

перекачивают газ в Польшу, кто разрешил, ведь у нас в Калининграде может не хватить газа. Угля на зиму нет».

— Да кто же всесильный такой, что решает сам, как ему распорядиться газом для калининградцев? — снова звучал вопрос без ответа.

«Союз добровольцев Донбасса,— размышлял Василий Иванович,— они говорят о возвращении Смерша.— Ребята рассказали о трех добровольцах, погибших на харьковском направлении, и никто не может решить вопроса доставки тел домой уже неделю. Три семьи пишут во все инстанции с просьбой о помощи, но ее нет.

— Что же Бородай,— думает Владимир Иванович,— депутат Госдумы, неужели и он бессилён?

Василий Иванович пошел скорее на свежий воздух, увидел добровольцев и услышал, как они дискутируют.

Раненый в ногу говорил:

— Может быть, мы вообще не победим...

А молоденький паренек с каким-то чистым и смелым взглядом сказал:

— Победим, так было всегда.

— Да я учитель истории, я знаю, что не всегда мы побеждали: Например, русско-японская война...

— Нет, это была трагическая случайность, подрыв корабля с адмиралом Макаровым, — горячо отвечал молодой человек.

— Ребята, а как вы думаете, когда это кончится? — спросил Василий Иванович.

— Нам нужны добровольцы, никто, кроме нас... — коротко ответил человек с раненой ногой.

Василий Иванович пожал руки добровольцам и попрощался с ними, вспомнив еще один рассказ Нины:

— Знаешь, что мне сегодня настроение хорошее подарило? Копаю картошку на огороде, смотрю — натовские самолеты поднялись со стороны Польши, и тут же, Василий, тут же поднялись в небо наши самолеты. Это мне отрадно!

* * *

Шел август 2022 года. Леонид приехал в Калининград навестить товарища, которого контузило в недавнем бою, и он лежал в госпитале имени Саулькина. Игорь с позывным Прусс — слава Богу! — шел на поправку.

— Ну что, Игорь, сдал справки на социальное пособие за ранение, за увечье?

— Сдал, да что толку, говорят, что денег нет.

— Смотрел вчера по ТВ концерт на отстроенной Саур-могиле?

— От Кириенко тошнит, что он там делал? В 1997 году надломил Россию. А теперь переобулся?

Леонид промолчал, и пауза затянулась.

— С такой верхушкой нельзя обрести победу,— продолжил Игорь.

— Победим, это аксиома,— твердо произнес Анатолий.

Август выдался аномально горячим, даже ночь не приносила прохлады. Спасали сквозняки. Квартира, которую снял для себя Леонид, была двухкомнатной, с окнами, выходящими на улицу и во двор. Так было надо на всякий случай, ведь Прусс предупредил: тут был Черт, тебя искал.

Интернет работал, и Леонид, достал из кармана смартфон, набрал «Новости с фронта», и ему тут же посыпалась украинская лживая информация. Он чертыхнулся: «Ну почему лезет сначала украинская нечисть?» Наконец, вышел на дневник блогера Торса: «В Украину понемногу съезжаются дебилы со всего мира «пострелять русню». К украм приехал какой-то модный снайпер, то ли из Норвегии, то ли из Канады. Не суть. Он был каким-то олимпийским призером по биатлону. Короче, крутой очень

был снайпер. На своей странице в ФБ написал заранее, что едет стрелять диких ополченцев. В итоге он прожил там дней пять. На одном из боевых дежурств его обнулil снайпер нашей роты Саня «Араб» и отжал у него крутую оптику. С этими импортными даунами случится то же самое».

Леонид вспомнил Луганск 2014 года, как, будучи командиром подразделения, накрыл «наркотушку», уничтожив готовящуюся к отправке на Мариуполь партию «экстази». У Коломойского заводик по производству наркоты работал бесперебойно в Горловке. Работал колбасный цех, кондитерский... С ними и вывозили.

Черт сразу же узнал о взорванной партии наркотиков и отправил к Леониду четверых. Били жестоко, превратив тело в сплошной синяк. Этих четверых расстреляли, когда прибыл генерал из ГРУ, освободив Леонида и увезя его с собой в Москву на лечение. А Черт подогнал к самолету микроавтобус с подарками генералам в Москву. Никто не отказался. Если ты откажешься, тебя отправят на какой-то флот или в какую-то часть с проверкой, и по дороге у тебя возникнет сердечная недостаточность, как уже было с другими. Все молча наблюдали погрузку в самолет картин, телевизоров, холодильников, иностранного оружия для коллекций.

Августовские душные ночи не давали уснуть. Память подсунула снова 14-й год, поселок Счастье. Тогда Леонид только прибыл в Ростов, и оказался среди 6 разведчиков и 14 человек ополченцев. Нужно было найти снайпершу, которая где-то пряталась и убивала ополченцев. Счет у нее уже шел на десятки. Молоденький парень предупредил, что казаки тут все подступы заминировали.

Когда Леонид осмотрелся, он сразу понял, что снайпер-женщина могла прятаться только в отдельно стоящем трехэтажном доме, и она не подорвалась на мине, потому что никуда и не уходила. У дома стоял микроавтобус с гуманитарной помощью из России. Ополченцы тем временем открыли летнюю кухню рядом с трехэтажным домом и, увидев яйца в холодильнике, стали жарить себе яичницу. Кто-то уже вскрыл автобус и вытащил из него кроссовки, связанными шнурками, повесил их себе на шею.

Трехэтажный особняк был закрыт, и ополченцы стали снимать двери с петель, найдя кой-какие инструменты в летней кухне. Как только дверь стала открываться, из нее вылетела граната, но пролетела вперед, никого не достав осколками.

Непонятно, откуда они узнали, но укры тут же начали обстреливать группу Леонида. А он взял с собой бронебойные снаряды и вначале прошелся по окнам первого этажа, а потом по второму этажу, откуда послышался крик раненой убийцы. Еще один снаряд, и крики стихли. Снайпером была украинская биатлонистка, чемпионка Люся Пидъяблонева, активистка майдана, желавшая рашистам побольше грузов 200.

Позже выяснилось, чей это был дом — племянника Столярова, одного из лидеров молодой Луганской республики. С помощью дяди племянник подогнал гуманитарную помощь к своему дому.

«Как победить зло, а зло — это укрофашизм», — для Леонида такого вопроса не стояло, он просто делал свое дело, никогда не ходил в публичный дом «Клубничка» под Луганском, не пил, лишь очень редко и чуть-чуть, только если надо было помянуть близкого человека, но никогда — перед боем, перед заданием. Если не остановить ползучую гниль с запада, то это невероятная угроза Отечеству, семье, детям.

Он помнил, что четверо сбитых летчиков из Черняховска упали в Черное море, где вода была четыре градуса в то время, за ними никто не был отправлен на поиски, они просто замерзли в воде не потому, что не были найдены, а их не искали...

Надо отвечать, прежде всего, за себя, понимая, что от твоей выучки и трезвости зависит твоя жизнь и твоих подчиненных, и, разумеется, общая победа.

В открытое окно потянуло запахом гари, и Леонид в мгновение ока замер у окна. Запах шел из строящегося рядом очередного высотного дома, еще одной многоэтаж-

ки, растущей на благо очередному областному депутату. Жгли мусор, чтобы не платить за его вывоз.

У границ Калининградской области стоят натовцы, и эта мысль заставила внутренне мобилизоваться, освободиться от воспоминаний и сосредоточиться на сегодняшних задачах. У Леонида была еще одна цель в Калининграде — автомобиль. Один умелец переделал машину ВАЗ-Патриот, чтобы охотиться на ней по любым дорогам, а теперь продавал, и Леонид покупал, чтобы ехать на ней на Донбасс, восхищаясь умельцем.

«Надо учить детей любить Родину и защищать ее, бороться со злом. А оно не только на Украине, оно и здесь, в России»,— думал Леонид.— «Никто, кроме нас!..»

Он торопился. Его заждался в Донецке песик, которого он подобрал в одном селе привязанным на цепь, а хозяева были убиты. Рекс признал в Анатолии нового хозяина, отличный, верный, умный пес.

Валерий Неудахин
(г. Бийск)

РАДУГА НАД ЧУЙСКИМ ТРАКТОМ

Валерий Федорович Неудахин родился в 1955 году в городе Бийске Алтайского края. Автор семи книг. Рассказы печатались в журналах «Огни над Бией», «Бийский Вестник», в различных альманахах. Дипломант и лауреат литературных премий и конкурсов.

Напросилась Евдокия в поездку неспроста. Давно побаливало вечерами сердце, засыпала с корвалолом. Ночью и подавно прихватывало крепко. Тихо, чтобы не слышали родные, поднималась, в темноте комнаты пила нитроглицерин. Днем держалась, работала по дому, а ночью барахлил мотор, давал сбои возрастные. Три дня назад днем в огороде прихватило. Собирала малину, дух ароматный над кустами, пыльца от прикосновения летит, собирает пчел в округе. Только ойкнула и осела в тень, хватая открытым ртом воздух, руками столбики ограждения. Малина рассыпалась и алыми каплями закатилась в следы в грунте, окрасила запашистыми пятнами траву у забора. А в глазах черно, света белого не видно, боль давит на виски.

Напротив замерла ящерица, выпучив глаза-бусины и подрагивая длинным языком. Тоже от жары глубоко проваливаются бока при дыхании.словно с укоризной давала понять: удерживала тебя соседка от работы в жаркий полдень. Кто же виноват, что так вышло. Сидит Евдокия без движения, не в силах пройти несколько шагов до веранды, где на столе лежит спасительное лекарство, да и прохлада дома так близка. Сознание туманится, отказывается управлять телом, совсем худо!

Паучок, почуяв обездвиженность женщины, бесстрашно спустился в свое кружевное хозяйство и принялся поправлять ниточки. Быстро перебегая, соединял нарушенное в вековой узор круговой сети. Деловито крепил соединения. Она равнодушно смотрела на тонкую работу, на это неповторимое природное творчество, пока насекомое не справилось с порывами и не скрылось в листве. Всяк в своей жизни создает необычное и особое кружево, никем неповторимое.

Ужели вот так нелепо придется завершить жизненный путь? Среди кустов ягоды, рассыпанной из ведерка малины, под полуденным солнцем, ласкающим мир. Запекшимися губами попробовала подать голос, может, услышит кто? Да только хрип вырвался. Бороться нужно, нельзя сдаваться. Пальцы не чувствуют движения, руки и ноги не желают шевелиться. Дыхание судорожно короткими вдохами выталкивает небольшие порции воздуха. Легкие без того слабые, при согнутом теле и вовсе не желают разворачиваться.

Вдруг потянуло прохладой, словно приоткрыл некто калитку к реке и оттуда ворвался живительный воздух. Приподнялась стеблями трава, ботва на грядках развернулась, малина свернутые листья раскрыла и топорщилась, потянулась вверх. В минуты набежало белесое облачко, почернело и налилось влагой, превращаясь в тучку,

сыпанул крупный солнечный дождь. Пришло облегчение, удалось повернуться на бок, распрямиться и вздохнуть. Тягучая боль в области сердца подалась в стороны к пальцам рук и ног, позволила шевелиться. Спустя время, поднялась в полный рост, почувяв, что отпустило, и рассмеялась под дождем. Мокрая до последней нитки от крупных прохладных капель.

— Мишка! Провези меня по Чуйскому тракту,— вечером настоятельно прося, обратилась к внуку.

— Ну, бабуля, ты даешь! То отказывалась, говорила, что терпеть не можешь этой дороги. И вдруг — поехали. Что случилось?

— А вот знаешь, время пришло.

Сегодняшним туманным утром выехали на трассу на коммунальный мост и зашумели знакомо шины по асфальту. Запели дорожную трудную песню детства Евдокии...

Деревня, где родились и жили ее родители, находилась в стороне от тракта. Казалось, ничто не связывает семью с шоферской судьбой. Куда не шло, стать трактористом-комбайнером, что в деревне являлось престижной профессией. Только постаралась судьба разнообразить повседневную деятельность деревенских парнишки и девчонки. К концу подходила большая война, водителей, некогда работающих на тракте, повыбивало на фронтах. Кто погиб, кому-то досталась доля калеки. Такого разве посадишь за руль на столь трудной дороге? Работы же предстояло много, рейсами необходимо наполнить жизнь Чуйского тракта и оживить взаимовыгодную торговлю с дружественной республикой. Где взять шоферскую братию, готовую к испытаниям на столь сложной трассе? К жизни в командировках. К холодному металлу на зимнем полотне и невыносимой обморочной жаре в короткое лето. Кто поведет транспорт на крутые перевалы, достающие до самых белков? Сумеет отремонтировать автомобиль посреди горной долины, продуваемой ветрами, спускающимися с гор вдоль Чуи и Катуня?

Пришло время воспитать когорту водителей, готовых к испытаниям. Людей, способных в ущерб себе отдать кусок товарищу по работе. Тех, кто не проедет мимо и остановится у замершей посреди дороги машины.

Предложил председатель Ивану в конторе, при народе, на учебу поехать. Разве откажешь, коли трудно всем. Следом и Марья увязалась, их давненько не мыслили отдельно: Иван да Марья. Казалось, по-другому невозможно. Ведь прослышала где-то, что и девчонки берут готовить шоферами. Полные сироты — жили в людях; а тут устраивали в общежитии, питание и при хорошей учебе стипендию выплачивать обещали. Отучились, поженились. По окончании учебы предложили работу в автоколонне на Чуйский тракт рейсами ходить. Интересно и трудно.

Ивану думалось, что Марья откажется от своей затеи — в горы авто водить, вернется в деревню, будет, как положено жене, дожидаться его с рейса. А работа? Что ее мало в родной деревне? Да запала в сердце услышанная в первом рейсе на ночевке песня «Есть по Чуйскому тракту дорога, много ходит по ней шоферов...», про любовь Кольки Снегирева к Раечке. Как пропиталась роба шоферская, а с ней и кожа, и сердце этой романтической историей. Прикипела Мария к дороге, уже вдвоем мотались от Бийска до границы, далее в Монголию. Вместе в кабине нельзя, отдельно ездили, радовались рейсам, когда удавалось в одной колонне двигаться.

Где-то в такой поездке и зародилась новая жизнь от шоферской любви, понесла жена и выбыла на какой-то срок с тракта. Но работала в автоколонне до самых родов. Кто тогда давал отпуска, увозили рожать от станков и прессов, с поля и сенокоса. Да и после рождения ребенка не сидели дома. Родина ждала, народ понимал — иначе нельзя. Месяц дома Ивана не было, возвращается, а на тракте жена голосует — подбирай семью в полном составе.

Сколько километров Евдокия намотала за свою жизнь? Богу известно. Это роди-

телям версты считали и оплачивали за пробег, а она бесплатным приложением каталась. Вначале с матерью, отец грудью кормить не может, а далее — как получится: то с мамкой, то с папкой. Дом кабиной стал: положат сверток на сиденье и в рейс. На остановках накормят с бутылочки, а то и во время движения: руль одной рукой удерживают, а другой баюкают да соску дают дитяти малому. Ну, а коли не ко времени раскапризничается, песню поют: «был один там отчаянный шофер, звали Колька его Снегирев», руль бросать нельзя, дорога не позволяет. Ребенок порой заливаётся, мокро ему, а как быть, коли за бортом минус тридцать и ближайшая деревня километрах в пятидесяти.

Так пеленки и впитали в себя запахи бензина, машинного масла. На уровне подсознания осталось в каждой клеточке тела — нагруженная работа двигателя на подъеме. Машины Ивана и Марьи знали и помогали во всем: пока отец стирает обмарианные пеленки, с девчонкой друзья водятся. Все от дома оторваны, хочется с ребенком позаниматься, хотя бы с чужим. Чем еще заниматься в шоферском общежитии, когда на улице холод: одни авто прогревают, другие сказки рассказывают. С пониманием братва шоферская — не с кем оставлять, родных нет. Где-то посреди трассы от Ташанты до Бийска встретятся, передадут дочь от одного родителя к другому. Минута на то, чтобы рассказать о проблемах. И побежали машины в разные стороны.

Подрастала Евдокия и запоминала происшествия на дороге.

Подъем на Семинский перевал, самую верхнюю точку Чуйского тракта, затяжной и трудный. В те времена специально не асфальтировали, чтобы сцепление колес с дорогой надежнее складывалось. Натужно поет двигатель, мать напряженно вглядывается в утреннюю поземку. Дочь проснулась, но еще додремывает, крепко вцепившись в поручень. Из-за поворота вылетает неуправляемый лесовоз, не держат тормоза. Удар в кочку, лопается стяжка, пачка бревен рассыпается на дороге. Одно из них ударяет в передок машины Марии, следует резкая остановка, тело бросает вперед, на панель приборов. Разбито лицо у матери, в крови шаль, повязанная на подбородке у дочери. Из разбитых губ Евдокии кровь струйкой бежит под воротник.

Мария не кричала так никогда. Вцепившись в штурвал, откинувшись после удара назад всем телом, упиралась в педаль тормоза, стараясь удержать машину на дороге. А авто неуправляемо тянуло под откос в кювет. Наконец, замедлившись, начала опрокидываться на бок. Мать схватила дочь за воротник пальтишка, сбросила дочь на пол кабины и упала сверху, прикрывая телом ребенка. Обошлось тогда. Водители, проезжавшие мимо, остановились, поставили машину на колеса и вытащили на дорогу. Монтажками и ломиками правили кабину, чтобы вытащить людей. Сквозь разговор людей и скрежет металла слышался только крик матери:

— Доченька! Ты жива!? Доченька, голос подай!

А Евдокия, перепуганная произошедшим, с полным кровью ртом, молчала, боясь говорить. Все думалось, что виновата именно она. И страшно неудобно признаться, что обмочила единственные штанишки. От страха. Как теперь поедут дальше?

Молодой парнишка, водитель лесовоза, удерживался со сломанной ногой на четвереньках на полотне, и так же сорванным в шепот голосом просил:

— Жива? Жива?

Они действительно двигались дальше, все сладилось: разбитой оказалась только кабина. Холодно, да живы. В ближайшей мастерской остановились на ремонт, и мать вечерами после работы прижимала голову дочери и все целовала жаркими губами. И жар этот Евдокия чувствовала через волосы. На третий день в мастерскую ворвался отец, с воспаленными от бессонницы глазами. Он двое суток без остановки гнал машину по трассе из Монголии, передали ему известие о происшествии. Прижал к себе своих девочек, что-то горячее капнуло на голову, дочь подняла глаза и увидела, как плакал отец. И от отчаяния, что так переживал он за них, заревела во весь голос.

Втроем, обнявшись, понимали, что судьба оберегла их от страшного. Понимал

это и маленький человечек, ищущий поддержки у взрослых и все прижимавшийся к ним, не в состоянии что-либо сказать разбитыми в кровь губами.

Затем она поехала с отцом. Там в начале пути есть больница. А мать продолжила рейс в глубину Алтайских гор.

Белый Бом! Дорога, уходящая в поднебесье. Евдокия помнила непролазную грязь, дожди лили несколько дней. Вздрыбились Чуя и понесла коричневые, перенасыщенные землей воды. Грунт смывало с полотна. Раскисшая поверхность и буксующие авто создали затор на дороге, превратив все это в хаос. Машины не вытягивали взваленный на них человеком груз через высшую точку. Подождать, да не терпит время, оправданий на грязную дорогу начальство не принимало. И только заостренные лиственницы и ели свечками смотрели в небо, торжествуя испытаниям, устроенным для организма, оставаясь свидетелями победы человеческого разума.

— Нужно перегружаться,— говорит старый шофер дядя Вася. Его дед ходил с купцами по Чуйской тропе. Из рассказов вся братия знала, как торговый люд разгружал лошадей в этом месте, переносил за несколько ходок груз на спине и после этого переводил лошадей.

— С кого начинаем, командуй.

— Так кто первый на подъем стоит, того и разгружать.

Работа растягивалась на длительное время. Наполовину разгруженная машина с трудом уходила в низкие дождевые облака, спускалась с перевала, где ее разгружали до пустого кузова. Возвращалась и повторно перевозила вторую половину груза. Вымазанные в грязи, уставшие от непомерной тяжести, в мокрых телогрейках падали к вечеру у костра и засыпали, забыв поужинать. С утра новые машины. И так пока последнюю не перегонят. Выкатится солнышко порадовать шоферов, а они уже в кабины садятся и начинают движение. Не дождались, когда дорога подсохнет.

Это место Дуня любила. Заработаются мужики, на нее внимания никто не обращает, она сидит в кабине, куклами играет. Заглянет отец узнать надобности дочери, она спит уже. Подкармливали в такие дни обществом: у кого пряник, конфета завалются — вспомнят о ребенке. Чай согреют или каши наварят, обязательно принесут. Умается — заснет: неважно, кто заглянет в кабину, заботливо укроет.

Однажды машину отцову вместе с Евдокией чуть не унесло рекой. Случай выручил, а то ловили бы у порога по названию Бегемот. Несколько авто стояли у спуска в сторону границы с Монголией. Девочка играла в кабине, шофера ушли на ту сторону перевала. Куда ребенок денется, тайга кругом. Да и привычная, не первый год с отцом, с матерью катается. И невдомек мужикам взрослым, что надоела дорога поворотами, подъемами и спусками, переправами. Поначалу интересно казалось: как на паром заезжали в большую воду, как из тумана горы вырастают. Красивыми водопадами реки падают с высоты, камни катятся с кручи через дорогу.

Задремала девочка, надежно машины стоят. Дождь барабанит по крыше, усыпляет. Никто из взрослых и не подумал глянуть на грунт, нависающий над полотном дороги. А капли дождя, собираясь в ручейки, незаметно углубляли щели в грунте. Покачнулась, но устояла коренастая лиственница, да так и поехала с призмой грунта вниз. Оползень образовался. Отрывая все больше земли от близкого камня, захватывая с собой мелкие и средние обломки, вся эта каша поползла, ускоряясь вниз. Противостояло этому бедствию несколько машин на стоянке, которые оказались отодвинутыми в стороны, словно спичечные коробки. Единственная машина, подхваченная селем, пронеслась несколько метров и оказалась в воде. Огромный валун пропустил с боков грунт и удержал авто от движения на середину реки. Иванов грузовичок стоял по борту в воде.

Евдокия проснулась от холода, увидела много воды и попыталась открыть дверь. Хорошо, что ей этого не удалось, камнем подперло. Она забралась на сиденье и подняла голову к крыше кабины, пытаясь в холоде дышать. Сколько времени прошло,

она не вспоминала. Увидела лишь, как по дороге на спуске бегут мужчины, впереди отец. Он падал, кувыркался через голову, вновь вскакивал и бежал. Грязный и мокрый, с разбегу бросился в воду, подхватил на руки дочь.

Тело растирали спиртом возле костра, который пламенем поднимался, чудилось, выше неба. Затем она забылась, и во сне поплыли картины: страшный дед, смешно наряженный в балахон, стучит в большой бубен. От звука раскалывается голова, жарко телу. Она сбрасывает с себя тряпки, укрывающие худенькое тельце, а ее бережно укутывает отец. Чем-то отвратительным поят, сквозь сжатые зубы. После всего тишина и темнота, окружившие безнадежно ее маленькое тело.

Шофера вытащили машину, очистили от грязи агрегаты и механизмы. Когда отец вернулся от кама с еще слабой Евдокией, авто готово в путь. Лишь скопившаяся местами грязь, высохшая в пыль, от нанесенного волной грунта напоминала о происшествии.

В лучах восходящего солнца, проглядывающего из-за гор, они спускались по Чике Таману. Далеко внизу затянуло долину туманом, расстилающимся от реки Большой Ильгумень. Еще пять минут назад машина с трудом преодолевала подъемы и серпантинные дороги. Бортовые огни впереди идущей машины то наплывали при торможении, то удалялись на ровных участках и таяли в тумане.

— Держись крепче, Дуня, самый опасный поворот! После него нам ничего не страшно.

И словно наваждение: огни вынырнули из белого молока и, нарастая угрожающе черным комом, приближающийся борт. Мария почувствовала — тормозить передний не может, двигатель не вытянул, неправильно выбрана передача. Выжала сцепление и медленно покатила назад, пока не уперлась бампером в фаркоп. Не торопясь и не суетясь, притормозила. Вот только не хватило сил удержать, и груженные машины стягивало вниз. Вывернув руль до упора вправо, почувствовала остановку, открыла дрожащими руками дверь. От передней машины уже бежал шофер, молоденький мальчишка. Убедился, что благодаря опыту и умению Марии не свалились с кручи. Посмотрели назад, оказалось, уперлись в камень. За очередным поворотом вынырнули из тумана.

Дорога вниз приятна, но трудна: успевай притормаживать. Плавное закругление поворотов и скорость прижимали тело, словно на карусели: Евдокию водили как-то в городской сад, где она каталась на лошадке. Разноцветные гипсовые кони несли по кругу детей, мелькало солнце в деревьях, кружилась голова. Так радостно в ее жизни не случалось. Вот и здесь возникли ощущения бега по кругу. Когда же дорога нырнула в густой туман, пришлось сбросить скорость.

— Тещин язык, называют серпантин.

— Почему?

— Потому что он длинный. Слово язык.

— А кто такая теща?

— Подрастешь, узнаешь.

От этого простого разговора и после снятого напряжения на душе весело и невесело. Думалось, что можно ехать далеко и долго, всю жизнь. Так редко совместные часы пребывания.

Вскоре девочка оказалась в детском саду на круглосуточном содержании: это когда детей из садика родители не забирали, и они вынуждены оставаться на ночь. Дуне в рейсах тяжело, но уж лучше с родителями в кабине машины, чем без них. А маму с папой всецело забирал Чуйский тракт. Хотя по выходным и с выпавшим на это время рейсом она продолжала кататься в горы и обратно.

Попали они с отцом в замес, так водители говорят об остановке на тракте по какой-либо причине в плохую погоду. Высоко в горах привольно раскинулась Чуйская степь. Местность, близкая к солнцу, и высоко над океанами. Солнечных дней здесь

больше, чем в Крыму. Да близкое расположение к вечным снегам на макушках гор холодит: летом, когда удивительно холодные ночи, а особенно зимой, когда отрицательные температуры опускаются до шестидесяти градусов. В этих степях простывали купцы, пришедшие торговать на Рождественскую ярмарку, потом носившие в себе болезнь, что сгрызала организм, иссушивала и убивала. Разве легко создать комфортные условия в палатках на открытом месте. Позже уже построили заимки и склады, дома жилые.

Задует ветер — и ну разгоняться по голой степи. Задержаться негде, каменная почва, да лед замерзших рек и озер. Ни куста, ни деревца. Камень остывает быстро от наружного воздуха, от вечного льда, залегающего на небольшой глубине. Снега мало, здесь редки осадки, понесет поземкой тонкий слой его, словно смазки кто налил на дорогу. Под вечер на подъезде к Кош Агачу занесло машину и сбросило с трассы. Отец вышел, осмотрелся. Страшного не произошло. Заводить, а машина не слушается. Молчит двигатель и не схватывает, чего-то не хватает. Кабины в те годы нарощенные, не греют, выветриваются моментально. Уже через пять минут пар изо рта пошел и иней посыпался с крыши. А вокруг тишина, ни одной встречной или попутной машины. Отец крутился вокруг машины, открыл капот, голыми руками крутил мелкие винтики и гаечки. Колотил себя по бокам, чтобы как-то отогреть кисти, записывал их под мышки. Дело не подавалось.

Дуню укутал, собрав все тряпки. Разводить костер бессмысленно. На таком ветре пламя сбивает, и гаснут дрова, топливо, слитое с бака. Долго нет проезжающих мимо авто. Небо почернело ночной темнотой, внезапно прекратился ветер, и высыпало по горизонту белым-бело звезд. В такой красоте и умирать не больно. В очередной раз отец забрался в кабину, растормошил ото сна дочь

— Дунечка, доченька! Не засыпай. Шевелись, авось Господь поможет.

А она не в силах удержать веки, закрывала глаза, смыкая ресницы. С неба слышался колокольный звон, песнопения. Откуда-то появился холодный свет, голоса ангелов. Ее взяли на руки и понесли. Она поняла, что это шофера, приехавшие на подмогу отцу. Ее раздели и растирали как тогда, на Белом Боме. Затем уложили на горячую лежанку и она сквозь слезы видела, как мазали бараньим жиром красные от мороза руки отца...

В обратный путь машина и бежала быстрее, как-никак с гор спускались. Евдокия под разговор внука задремала, открыла глаза перед самым городом Бийском. Зеленая полоса соснового бора нежилась в лучах закатного солнца. Теплые волны воздуха разливались над луговиной. В кабине уютно, совсем не жарко, радостно на душе, что вот оно — окончание маршрута.

Как можно не любить эту дорогу? Дорога есть ее жизнь. А жизнь обожать нужно, тогда она красками расцветится на всю глубину. Раскинется радугой над полотном и пропустит в будущее.

Инна Часевич
(г. Саров)

КАК СЕРЕГА ПОБЫВАЛ ОГНЕБОРЦЕМ

Инесса Адольфовна Шевцова, псевдоним Инна Часевич. Окончила Нижегородское театральное училище и Литературный институт им. Горького. Печаталась во многих журналах. Лауреат и дипломант литературных конкурсов.

— Споем, что ли? Веселее будет. Дэн, давай? — предложил Макс, позевывая и пожевывая от утренней прохлады. Но в автобусе его никто не поддержал.

— Не,— смачно зевнул Дэн,— спать охота. Я почти не спал сегодня. Сказали ж вечером: будьте готовы в 12 ночи, ну я, как дурачок, и приготовился.

— Делать тебе нечего было. Я спать завалился, подумал: надо будет — позвонят, Ольга на машине довезет быстро.

— Я тоже не спал,— громко зевнув, вступил в разговор Серега,— то в восемь вечера готовым надо быть, то в двенадцать ночи, а выехали в шесть утра, что за организация?!

— Ну ладно, че,— примирительно протянул Дэн, он знал взрывной характер Сергея, и ему совсем не улыбалось начинать день с разборок «кто виноват»,— помочь людям надо, они там зашиваются. На месте разберемся, что к чему. Может, все тип-топ. Че петь будем?

— Да че хочешь,— Макс, как самый не поющий, подтягивать не собирался, по-сему ему было без разницы, что затянет Дэн, но музычкой взбодрить раннее утро хотелось.

Дэн завел «Смуглянку». Все, как ни странно, подхватили, даже Макс, хоть и мимо нот, зато на удивление бодро для шести утра прокрикивал про зеленый лист раскудрявого клена. Неожиданно автобус встал, словно уткнувшись в какую-то невидимую стену.

— Гляньте-ка. Вроде приехали,— Серега посмотрел в окно и размашисто потянулся. Все гуськом двинулись из автобуса. На серой от пепла, пропахшей гарью, местами дымившейся земле стоял военный. В знаках отличия никто из приехавших особо не разбирался, но почему-то все сделали вывод, что это полковник. Видимо, настоящий. Из «огнеборцев». Оглядев разномастную заспанную толпу человек в сорок, он сначала онемел, а потом обложил воздух вокруг выражениями, не слишком желанными в приличном обществе.

— Вы что, мужики, в лес за грибами собрались? — кричал он голосом, сорванным от гари и бессонницы,— джинсы, кроссовки? Пожар здесь, твою дивизию! П-О-Ж-А-Р! Откуда такие нарядные? ЖЭУ? ТЭЦ?

— Из театра мы,— мрачно произнес Сергей, косясь на свои кроссовки, не один год исправно топтавшие грибные просеки.

— Культура прибыла! — бодро рапортовал Дэн.

— Нормально,— голос полковника еще больше засипел и стал прерываться на

свистящих,— и что я с вами делать должен? Ну что за идиоты догадались вас при-слать? Тут огонь, твою дивизию! Пожар тушить — это вам не на гармошке наяривать и танцы плясать! Тут понимание нужно, мужики нужны, твою дивизию!

— А мы кто? — начал закипать Серега, и неизвестно, чем бы закончилось утро под удивительно голубым небом, которое еще не успел заволочь серый дым свежего пепелища, если бы в это время автобус, высадивший «культуру» на дорогу, не начал разворачиваться в обратный путь. Полковник вначале онемел от такого поворота событий, а потом зычно закричал прорезавшимся от стресса голосом: «Ты куда ру-лишь? Я тебя отпускал?!»

Хмурый водитель бросил: — Мне начальство сказала: привезешь и обратно,— повел автобус на разворот. Полковник встал перед движущийся машиной и гаркнул во всю мочь:

— Здесь я твое начальство, понял? Осатанели совсем! Тебя кто послал?

Водитель нехотя сдал назад и высунулся из кабины:

— Демидов наш, кто еще то?! Отойди!

Но полковник не собирался сдавать позиции. Не делая ни малейшей попытки отойти в сторону, он достал телефон и набрал номер. Ветер понес над сгоревшим лесом обрывки его темперамента.

— Вы там что, с ума посходили, что ли? Какой на хрен рейс? Зачем водителей забирать? А если огонь подойдет, я куда людей дену?! Их у меня пятьдесят голов! Куда? Я вас самих туда засуну! Не сомневайтесь. Никуда никто не поедет, ясно? По-ка не дам приказ, никто никуда, на хрен, не поедет, ясно?!

Едва выслушав ответ, полковник смачно отключился и забарабанил по кабине: «Ключи давай!» Водитель небрежно бросил: «С какого переляку?»,— и демонстра-тивно вставил ключ в замок зажигания. Полковник, прорывав с интонациями Глеба Жеглова: «Я сказал, ключи давай!», для убедительности так шарахнул кулаком по кабине, что в ней задрожали стекла. Водитель, не ожидавший нападения, нехотя вы-ключил двигатель, вытащил ключи и швырнул полковнику, поймавшему их с ловко-стью футбольного вратаря прямо на лету. После чего зашагал к «новеньким», кото-рые с интересом, приправленным непониманием, наблюдали всю эту сцену. На ходу повернувшись к «разоруженному» автобусу, полковник бросил: «И чтоб не вздумал никуда рыпаться». Водитель с громким стуком закрыл дверцу кабины, выругался и проворчал с долей удовлетворенности: «Псих! Больше сюда не поеду». Полковник обернулся:

— Что сказал?

— Ниче,— водитель откинулся на спинку сидения и прикрыл глаза. Послышался гул вертолета. Кто напряженно, кто с интересом, а самые молодые — с любопытст-вом следили за его полетом. Вертолет слегка завис в воздухе, и из корзины вылилась стена воды. Тут же поднялся сизый дым, который через несколько мгновений окутал приехавших неприятным запахом и мелкой пепельной взвесью.

— Как на рыбалке, когда костер зальешь,— улыбнулся Сергей.

— Угу, только тебе теперь от этого дыма не уворачиваться надо, а в самый кост-ер заходить,— Дэн был непривычно мрачен.

— Ну, это-то да...

Полковник махнул рукой в сторону заповедника, где на утреннем небе ярко краснело не очень далекое зарево:

—Туда не идем. Там пожарные работают. Ваше дело здесь. Разбиваемся по па-рам. Задача: дотушить мелкие очаги. Вот баллоны. Разбираем.

К Сереге подошел коренастый мужичок средних лет в камуфляже:

— Сергей.

— Аналогично,— протянул руку Серега.

— Ясно. Тогда — Петрович. Не совпадем?

— Не, я Сергеич.

— Хорошо.

— Ага.

Сергей с Петровичем взяли тяжелые баллоны, повесили на плечо и начали медленно продвигаться по гари, убежавшей далеко за горизонт. Отстав от них на несколько шагов, шли Макс с Дэном. Остальные растянулись неровной цепочкой позади. Петрович искоса поглядывая на Серегу, решился задать вопрос, засевший у него в голове сразу после приезда «новеньких»:

— Вы чего, в натуре, как по грибы собрались? Кто ж в кроссовках и джинсе на пожар идет?

— Я вообще случайно тут оказался,— живо откликнулся Серега. Он давно хотел завести этот разговор, а тут повезло с благодарным слушателем:

— Замдиректора позвонил: «Мы тебя в добровольцы записали». Ну, записали и записали, я что: спорить буду? Себе дороже, еще премии лишат. Размер одежды, обуви, головы спросили. Хотел послать: вообще-то в театре это знают, но не стал. Смысл? Он такой же подневольный, как мы, денег, правда, побольше получает. Я-то думал: раз спросили — значит форму дадут. Ага! «От жилетки рукава и от мертвого осла уши!» Я ведь так на самом деле в лес хожу. У меня больше ничего и нет. Зачем оно мне? А тут вон что. А мы в кроссах.

С каждым их шагом с земли поднималось облако пепла, окутывая людей равномерно серой, неприятно пахнущей паранджой. Серега закашлялся. Петрович остановился переждать приступ. Неодобрительно качая головой, протянул:

— Ну, дает стране угля ваше начальство... Кирза, берцы кожаные, брезентуха — для дотушивания потянут. Ну, не резиновые ж сапоги или еще хуже — кроссовки!

Он прихватил за нижний край марлевой маски Сереги и, слегка потянув, мрачно пошутил:

— А вот эта маска тебя прям ступудово спасет...

Серега открыл было рот то ли возразить, то ли согласиться с Петровичем, но тот не стал углубляться в нахождение истины:

— Ладно, все равно идти придется. Слушай, что надо делать. Елки мелкие, сгоревшие, остовы после себя острые оставляют, напороться можно. Они как сабли, наступишь: мало не покажется. Так что смотри под ноги. Вверх тоже голову поднимай: по стволу огонь идет, может и внутри быть. Или, вон, видишь,— он поднял голову и ткнул пальцем в вышину,— крона то горит, а ствол вроде целый. Только это он пока целый, а потом на твоей голове может оказаться. Короче, ты понял: глаза вниз, наверх, вперед. Пошли.

Они снова двинулись по седой от пепла земле, но через пару шагов Петрович остановился:

— Ты чего водой не брызжешь? Вон же огонь под сосной.

Серега виновато пожал плечами:

— Не пойму, почему вода не идет. Давлю, давлю, а ее нет...

Петрович с интересом посмотрел на напарника:

— Куда давишь то?

— Сюда,— с энтузиазмом откликнулся Серега и начал с удвоенной силой нажимать на то место, которое, по его мнению, должно было выдать порцию воды.

— Не ломай! — строго остановил напарника Петрович,— вот куда давить-то надо,— и для наглядности сам нажал на рычаг Серегиного баллона,— эх, одним словом, культура...

— Так не показали ж,— обиженно засопел Серега, но жать стал на «правильный» рычаг. Из баллона пошла вода и тут же пепельный туман с ног до головы окутал «огнеборца» от искусства. Серега остановился, немного переждал, прокашлялся и двинулся вслед за Петровичем. В это время слева неожиданно закричал Макс и тут же

неловко запрыгал на одной ноге. Если бы его вовремя не подхватил под руку Дэн, то белобрысый гигант свалился бы прямо на горелую землю.

— Чего распрыгался? — Дэн первый раз за весь день слегка улыбнулся, — горячо, что ли?

— Да ногу режет! — сморщился Макс, — не пойму, что за нафиг.

Дэн оглянулся в поисках подходящего места, но не нашел ничего лучше, как посадить напарника на полусгоревший, кое-где еще дымившийся ствол березы. Макс было приподнялся со слишком теплого места, но потом махнул на неудобства рукой, с размаху приземлился на ствол, и, сняв кроссовок, начал внимательно рассматривать сначала его, потом ногу в носке, изрядно пропитанном пеплом.

— Ну, ни хрена себе, — он в изумлении помахал перед напарником обувью, которая считалась новой еще пару часов назад.

— Фигасе! Подошва расплавилась, — Дэн не знал, то ли плакать, то ли смеяться над их общей непредусмотрительностью. Он уже давно догадался, что вся одежда и обувь по возвращению в родные пенаты полетит в помойку. То, что от нее останется, даже на дачное ПМЖ не отправишь.

— Ногу проколот, — Макс продолжал осмотр, который не приносил ему ничего утешительного

— Сильно? — озабоченно протянул Дэн.

— Ну, не знаю, идти, вроде, могу... За кроссовки Ольга голову оторвет. Я их месяц не проносил.

— Кто ж знал, что такая херасина будет...

Обувшийся Макс и вздыхающий Дэн водрузили на плечо баллоны и двинулись догонять Серегу с Петровичем.

Через пару часов, когда счет дотушенных берез, елок и сосен перевалил за полста, Серега бросил математику и почти автоматически направлял струю в нужное место. Сил разговаривать не было. Легкие, нос, рот и глаза были до отказа забиты пеплом, голова кружилась от усталости и запаха гари, руки дрожали от тяжести баллона, но он все шел и шел вперед, держась на одном, даже самому не понятном, азарте.

Через пять часов объявили отбой. Огнеборцы от искусства вернулись к автобусу в то самое время, когда окончательно осипший полковник хрипел в трубку:

— Люди уже столько времени добровольят. Когда еду подвезут? Когда? Точно? Ладно, ждем.

Серега, Петрович и Макс с Дэном тут же растянулись там, где стояли. С ними рядом попадала и вся остальная «культура», старательно дотушивавшая весь день тлеющий заповедник. Они уже не обращали внимания на почти новые кроссовки, безжалостно скорчившиеся от жара, на безнадежно испорченную «грибную» одежду, закопченные руки и лица, проколотые ноги. Всем жутко хотелось есть и пить: вода, которую они привезли с собой, закончилась еще в первые два часа огнеборения.

— Тепло... Хорошо, — Дэн с удовольствием потянулся, — если б не гарь, прям как на пикнике...

— Ага. Картошечку запечь осталось, — мрачно протянул Макс, предвкушающий радость жены при виде спекшейся подошвы.

— Яичницу пожарить, — не унимался Дэн.

— Не, лучше мясо в фольге, — вставил свои пять копеек Серега, — быстро готовится.

Все засмеялись, а Серега закашлялся и мечтательно произнес:

— Водички бы... Родниковой... Не, из крана тоже подойдет, конечно. Так пить охота! Сказали: бутылку воды возьмите. Взять то я взял, только что эти поллитра мне дали?!

— Сказали, в белом пазике пить есть, — ответил Макс, уставший бояться разговора с Ольгой и переключившийся на окружающих.

— Ты пойдешь?

— Ага,— Макс поднялся, и, прихрамывая, заковылял к машине.

— Принеси и мне бутылочку, плиз,— приподнявшись на локте, крикнул ему вслед Серега.

— И водички захвати,— Дэн любил шуткануть и получалось у него это легко и всегда в тему.

В это время подошел полковник:

— Ребята, кухня приехала, разбираем. Хлеб черный и белый, берите, сколько хотите. Гречка с мясом, огурец.

У лежащих на земле открылось второе дыхание, все быстренько подхватились и бодренько, хоть и не вприпрыжку, двинулись в сторону полевой кухни. Немолодой повар от души махал большой ложкой и на пластиковых тарелках вырастали приличные горки гречки с тушенкой. Отработанным движением он шмякал сверху свежий огурец и тут же накидывал свежую порцию.

Получив свою, Сергей пристроился на чудом несгоревшем пенке и взял огурец, однако, после пары укусов откинул его в сторону.

— Горький? — поинтересовался Дэн, мающийся в поисках подходящего для сидения места.

— Горячий. На горячую гречку положили,— Серега принялся за кашу, одновременно откусывая большой кусок белого хлеба

— Фу, блин, в натуре огурец в рот не вломишь,— расстроенный Макс, почему-то вспомнивший про несчастный кроссовок, начал нехотя ковырять в тарелке.

— Кинь огурец под елку, ежики полакомятся,— подобревший Серега собрал хлебом остатки каши с тарелки и забросил в рот,— вкусно готовят.

— Тебе сейчас все вкусно будет, с голодухи-то,— к Дэну, отдавшему должное гречке, щедро заправленной тушенкой, окончательно вернулось обычное приподнятое настроение.

— Извини, а ты, случаем, не МЧСовец? — Серегу давно занимал вопрос, почему к мнению его напарника прислушивается полковник. Он с интересом наблюдал, как перед «походом» Петрович вместе с ним колдовал над картами.

— Есть такое дело. Три года в запасе, а так-то да... В десятом году жарко нам пришлось, когда здесь тушили. Но с этим годом не сравнить, тогда-то как в аду побывал, а сейчас ничего, терпимо.

— Я так и подумал,— Серега протянул напарнику закопченную руку,— спасибо за науку, рад знакомству.

Петрович кивнул, пожал протянутую ладонь, и собрался было что-то сказать, но его перебил полковник, неожиданно выросший перед ними.

— Всем спасибо за помощь, ребята. Говорить не мастак, просто от души. Спасибо! — он потряс над головой сложенными руками,— теперь домой, отдыхать. Автобусы ждут.

Все поднялись и, словно вмиг потяжелев, медленно побрели в автобус. Серега на прощание еще раз пожал руку Петровичу, и, кашляя, пошел догонять своих. В автобус рассаживались молча, песен никто не просил. Тронулись в обратный путь. Мимо поплыли сгоревшие леса с черными остовами молодых елок, восклицательными знаками прочертившими небо. Кое-где еще выплескивался из-под почерневших пней или опасной змейкой скользил по стволу огонь. Только перед самым городом, притихший Дэн, глядя в пыльное окно, заметил: «Как-то не по себе даже. Везде горит. Как будто вся Россия в огне».

— Угу. И спасает ее культура,— мрачно подхватил Серега.

В автобусе почему-то никто не засмеялся.

Вячеслав Лямкин
(г. Бийск)

СТЕПА-ПЕРЕКУП

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Сколько знали Степу — он ни разу не выезжал за пределы края, не считая поездок в Горный Алтай. Он и родился-то прямо во дворе родительского дома, в пятидесяти километрах от Барнаула, тем самым определив свою привязанность...

Случай тот помнили: мать его, будучи на последнем месяце беременности, пошла в погреб за квасом, ожидая мужа с сенокоса, да там и присела над открытым люком в схватках. Сил у сердешной вылезти не хватило, докричаться невозможно, так и родился Степа среди солений. Но в поселке сами знаете как — на одном конце сказали, а на другом аукнулось. Вот и обросла эта история небылицами, говорили, что роженицу чуть конями из погреба не вытаскивали...

Детство Степино пролетело настолько быстро, что с годами превратилось в маленькое бытование, случившееся, кажется, совсем не с ним. И так тянуло Степу спросить: «А кто это? Что за мальчишка, про которого я вспоминаю? И самое главное — где он?!» Но вопрос этот можно было адресовать только самому себе, а ответ на него лежит в глубинах человеческой души...

Степа вырос добродушным, улыбчивым парнем. А главное — мастеровитым. С ранних лет с отцом плотничал, крыши ставил.

Вскоре пришло время жениться, народилось трое детей. По какой-то программе семья получила участок под строительство дома. Чудом выхлопотали сто кубов леса, из которых Степа и построил небольшой домик с просторной кухней-гостиной, как того требовала супруга.

И вот Степе уже под сорок годков, а он все еще для всех Степа. Небольшого роста, худощавый, нос картошкой, на котором целая россыпь веснушек. Вязаная шапка, купленная им в рыболовном отделе, постоянно в деревянной стружке. Степа — отменный плотник-кровельщик. Во время работы у него за правым ухом постоянно торчит карандаш или маркер. И всегда одухотворенный взгляд.

За работой Степе бегать не приходится — она его повсюду найдет. Поселок благодаря близости к городу потихоньку застраивается — горожане облюбовали это местечко и строили себе загородные дома.

Одно время свербило желание уехать из поселка, как сделали многие его сверстники.

— Может, и нам податься в город? — задавался он вопросом.

— Там возможностей больше! — нахваливал городскую среду одноклассник Славка, давно перебравшийся в «каменные джунгли» и приезжающий на выходные проведать мать, жившую через несколько домов. — У тебя руки не из попы растут. Ты в городе не пропадешь. Чего здесь прозябать?

Но Степа то ли не решался с места сорваться, то ли действительно пуповиной привязан, которая в погребке где-то лежать осталась.

После долгих, мучительных дум они с женой для себя решили: как-нибудь с божьей помощью проживут. С голодухи не пропадут — огород только тридцать соток, дети сыты, одеты да в тепле. Но главное — дома, у истоков.

Нашел Степа и дополнительный заработок — собирал белый гриб на продажу. Сушил его и сдавал оптом одному частнику из города. Неплохо выручал — с лихвой хватало собрать ребятишек в школу. Потом, приобретя небольшой грузовичок, стал между делом промышлять дровами.

Основной семейный доход, конечно же, приходился на бесснежный период. С апреля по ноябрь Степа как заводной вставал в пять и ложился ближе к полуночи. Но наступала зима, работы становилось меньше. До Нового года Степа еще как-то перебивался мелкими калымами — то печку почистит какой-нибудь бабушке, то канализация у кого-нибудь забьется.

А после Нового года и Рождества Степа сидел дома. Заказов почти не было — люди тратились на праздники.

В эту зиму он совсем заскучал от вынужденного отпуска. Деньги на жительство лежали, но дурная голова не давала ногам покоя. Масло в огонь подливал сосед, пенсионер Сергей Анатольевич.

— От своего времени нужно брать все лучшее! — говорил он, когда выходил со Степой чистить снег. — Я тут бабке в подарок посудомоечную машинку заказал. На «Озоне»! По скидке. Итальянскую! Завтра поедем получать.

Соседу можно так рассуждать — они с супругой всю жизнь проработали на Севере, и пенсия у него соответствующая, с коэффициентом, падала на карту каждый месяц. Да плюсом квартиру в городе сдают.

Следуя своей философии, Сергей Анатольевич одним из первых провел себе интернет.

— Помнишь, как раньше: у кого телефон первым появился, к тому и ходили всем поселком звонить. Будем, Анатольич, к вам ходить посуду теперь мыть, — попытался пошутить Степа, но получилось как-то не очень, и вскоре он ушел в ограду, чистить снег, подумав: «Дождешься от него — закроется на три засова, гореть будешь, не выйдет!»

Нет, Степа не завидовал соседу, а если и так — то самую малость. Просто в моменты, когда он сидел без дела, в голову лезли дурные мысли. А побуждения у Степы были самые правильные: подрастала старшая дочка, и хотелось выучить ее в университете, думал машину обновить, баньку новую поставить...

— Чего ты гоношишься! Отдохни, пока есть возможность! — жена всегда выступала в роли третейского судьи. — Всех денег не заработать! Месяц быстро пролетит. Казаковы в марте крышу переделывать будут — сын денег прислал, тетя Света спрашивалась, мол, Степа не занят будет...

Степа вроде бы успокоился, но опять вспомнил одноклассника Славку, который говорил, что деньги должны работать, а не лежать в банке, спрятанной в погребке. И снова мысли заняться новым делом стали тревожить Степу. Возможно, в нем и перегорело бы это желание, но, как назло, Славик приехал к матери на новеньком джипе — из Москвы пригнал.

— Ему легко, — сказала жена, — он с детства таким был. Проньра, везде залезет. Кого хочешь уговорит!

Но Степа не унимался:

— Что тут такого? Раз у Славки получается машинами удачно торговать, почему у меня не получится? Не всю ж жизнь спину гнуть, нужно учиться легким способом деньги зарабатывать. Купил — продал. Разницу в карман!

И тут жена снова не в бровь, а в глаз:

— Каждому свое — он почему-то дома не строит!

Но Степа не хотел никого слушать. Сам с усами.

Несколько дней Степа не вылезал из интернета. Штудировал «Дром». Все хозяйство забросил, даже снег не выходил чистить. Но без привычки заболели глаза, и он бездумно начал смотреть в экран, пролистывая мышкой многочисленные странички с автомобилями. Проглядел несколько сотен машин, наконец-то выбрал парочку, начал обзванивать.

В итоге выбор пал на белую «Тойоту Кариб». Как у него, но на десять лет моложе. Кузов более современный. Цена — подарок. И хозяин — по голосу хороший человек, не обманщик.

— Дружище, машинка отличная! — лились сладкие уху слова из динамика сотового телефона. — Сам понимаешь, «Тойота»! Четыре ВД! Двигатель ашный — небиваемый! Скидываю срочно! По ненадобности. Новую тачку себе прикупил.

Степа включил на телефоне калькулятор — посчитал. Цена машины была ниже среднерыночной на семьдесят тысяч. С учетом всех трат выгода маячила около полтинника. Неплохо для села... И Степа загорелся. Однако было одно «но». Машина в Новосибирске.

— И как же ты поедешь? — воскликнула жена. — Нигде толком не бывал. Одно-го не пуцу! Зови с собой мужиков!

Степа вроде согласился, позвонил товарищу Сане, с которым вместе работали, но тот уехал к сестре в гости и вернется через несколько дней. Новоиспеченный перекуп махнул рукой:

— Не маленький! Один съезжу!

В эту же ночь Степа собрался. С вечера созвонился с хозяином машины, предупредил, что выезжает утром на первом рейсовом автобусе. Достал из банки деньги. Отсчитал. Сунул во внутренний карман пуховика.

— Хорошо положил? Не выпадут? — жена по-хозяйски проверила прочность замка. — Смотри, с посторонними не водись! Понял? И звони!

Приготовившись, Степа лег спать. Но так и не уснул. Проворочался всю ночь, кое-как дождавшись утра, выпил крепкого чая и направился в районный центр. Решил прогуляться — пешком всего-то полчаса ходу.

На вокзале не стал ждать автобуса до Барнаула, прыгнул к таксисту-частнику. В машине еще два человека — студенты, молоденькая девчужка и паренек. Сидят, уткнулись в мобильники.

Почти всю дорогу молчали. Уже подъезжая к городу, Степа поинтересовался у водителя:

— До Новосиба, не знаешь, автобусы часто ходят?

— Не в курсе! — пожал тот плечами. — Тебе срочно?

— Хотелось пораньше!

— А вы на «Бла-бла-каре» попробуйте, — влезла в разговор девчужка. — Быстрее получится и дешевле!

— Это что за бла-бла такая? — усмехнулся Степа.

— Сервис попутчиков, — продолжила девчужка. — Самые разные направления. Кто едет в Новосибирск или в любой другой город, заявку оставляет, а вы ее находите и созваниваетесь с водителем, и он вас по дороге подберет.

— А где это искать? В интернете?

— У вас есть телефон? — спросила девчужка.

Степа достал свой небиваемый кнопочный — «Нокиа»-динозавр. Он давно хотел купить сенсорный с выходом в интернет, но все откладывал на потом. Глядя на молодежь, которая в них только и сидит, он думал, что такой телефон — лишняя морока и будет отвлекать. Вон Саня, напарник, купил себе прошлым летом, и дня с ним

не проходил: телефон выпал из кармана, когда они крышу ставили. Потом ходил три дня плакался, что десять тыщ насмарку.

Девчушка улыбнулась:

— Ясно! Вы как мой папа! У него точь-в-точь такой же! Найти вам поездку? — Она погрузилась в экран своего гаджета и через несколько минут снова обратилась к Степе: — Вот поездка на семь ноль ноль, от Площади Победы, водитель Дмитрий, оценка 5, цена поездки пятьсот рублей, ставлю бронь, записывайте телефон.

Степа набрал номер на своем мобильнике-динозавре. Подтвердил поездку. Поблагодарив девчушку, он приметил, что на вид она на пару лет старше его дочери, а потом подумалось — где-то ее встречал. Вылезая из машины, вспомнил: это Мишки Плотникова дочка; несколько лет назад после пожара он им ставил крышу в зиму, взяв за работу всего полцены.

* * *

«А этот бла-бла-кар — удобная штука! — размышлял Степа, сидя на заднем сиденье серенькой «Тойоты», везущей его в Новосибирск.— Ни тебе очередей, ни стояния на перроне в ожидании автобуса».

Помимо него на переднем сиденье — тетка с небольшой спортивной сумкой на коленях. Водитель совсем еще молодой парнишка. Степа в дороге то дремал, то краем уха вслушивался в рассказы тетки, болтающей без умолку и поддерживающей разговор с водителем, главной задачей которого было не уснуть по дороге. Из беседы Степа узнал, что парнишка толком ночью не спал. Недавно окончил институт, приезжал в Барнаул проведать родителей, а теперь возвращается обратно.

Въехали в областной центр, сразу попали в пробку. Степа не привык к такому скоплению машин, и у него сперло дыхание. Казалось, даже рассвет здесь наступал позже — все никак не хотело светать, и туманная дымка опустилась на город то ли от наступившего после оттепели мороза, то ли от выхлопных газов нескончаемой вереницы автомобилей.

Просмотрев все глаза в окошко машины, разглядывая незнакомый город, Степа и забыл, что ему как-то надо попасть на железнодорожный вокзал. Уже вылезая из машины на «Речном вокзале», спросил у водителя, но тот лишь махнул рукой в сторону метро:

— Спускайся, там спросишь, тебе расскажут!

Степа до конца застегнул куртку, надел варежки, поправил шарф — на улице чувствовалось похолодание. Спустился под землю, и человеческий поток увлек его за собой.

Когда подошел к турникету, его остановила девушка-контролер:

— Вы куда, мужчина?! Жетончик бросайте!

Степа посмотрел на нее, удивленно спросил:

— Какой жетончик?

Девушка нахмурила брови.

— Вы в первый раз в метро? Вон касса.— Она показала рукой в сторону окошек.— Идите, купите там жетон!

Степа, отстояв в очереди, снова подошел к турникету, скинул жетон и, поднявшись по эскалатору, оказался на платформе метро. В это время показался поезд, вагоны стали замедлять ход.

«Вот дурак! — подумал Степа.— Поперся, не зная куда! Сейчас еще осталось для пушщего смеха плутануть!»

Рядом остановился парень, и Степа спросил:

— Слушай, до железнодорожного вокзала доеду?

— Угу! — кивнул парень, не вдаваясь в подробности, и зашел в вагон остановившегося поезда.

Степа метнулся за ним. Парень тут же растворился в толпе. Степа протиснулся меж двух мужчин, нашел место посвободнее, встал, взявшись за верхний поручень. Огляделся — сначала было ощущение, что в мире что-то произошло. А потом дошло: у всех пассажиров равнодушные, мрачные лица.

«Хоть бы один улыбнулся,— подумал Степа.— Или это наказуемо? А я отчего-то в город рвусь!»

Но сарказм Степин сразу улетучился, когда он сообразил, что не знает, куда ехать и когда выходить. Он оглянулся: у кого бы спросить? Рядом стояла девушка в светлом пуховике.

— Девушка, не подскажите, железнодорожный вокзал — на какой станции? — спросил Степа.

Ему стало стыдно за свою несостоятельность. «Хотя...— подумал он,— чего тут такого? Если ты в первый раз в чужом городе».

Но девушка, взглянув на него из-под полузакрытых век, словно удав после сытного ужина, переступив ногами, молча отвернулась. Степа подумал, что она не услышала, и переспросил. Но девушка так и стояла, не обращая на него внимания.

Степа не мог понять, что происходит. Вокруг него столько людей, и как - будто никто не слышал его вопроса.

«Что с вами сделали, люди?» — хотелось крикнуть Степе.

И он бы крикнул, но вдруг взгляд его встретился с глазами пожилой женщины, сидевшей напротив. Степа понял: она тоже видела, как та девушка отвернулась. В глазах женщины он увидел то ли вину, то ли неловкость за поступок девушки: «Бывает! Не на ту попал! Да большой город, здесь все заняты своими проблемами. Но в основной массе люди добрые! Всегда подскажут!»

Степе вдруг стало не хватать простора. В перепонках сдавило, появился посторонний шум, сквозь который он вдруг услышал голос женщины, которой только что смотрел в глаза.

— Сейчас «Площадь Ленина»! А вам надо на следующей станции перейти на другую ветку, и доедете до вокзала.— Женщина встала и вышла.

«Срочно нужен глоток свежего воздуха! — подумал Степа, выбежал из вагона — и вскоре оказался на улице.

В голове шумело. Степа подошел к первому попавшемуся таксисту и спросил, в какой стороне железнодорожный вокзал.

Мужик кивнул в направлении переулка:

— По Ленина вниз.

— Далеко?

— Километра два-три. Подкинуть?

— Я прогуляюсь,— отказался он.

Хоть морозец и подщипывал щеки, Степа с удовольствием прошелся мимо высотных домов. Оказавшись на месте, позвонил продавцу машины — тот обещал подобрать его.

Дальнейшие события происходили быстро и будто во сне. Подъехала спортивная тачка — парень, примерно Степин одногодка, махнул рукой, приглашая в авто, и Степа, открыв дверь, плюхнулся на сиденье.

— «Кариба» присматриваешь? — начал диалог продавец.— Возьмешь — не пожалеешь! По технике на пятерочку! Движка шепчет! По кузову не спорю — есть небольшие косячки, но не критично. Год, сам понимаешь!

Через пару минут Степа стоял у заветного «Кариба».

«Не критично!» — возмутился он про себя. То, что было перед Степой, и машина с фотографии — небо и земля. Какое-то ржавое корыто, по-другому и назвать нельзя.

Двери с правой стороны автомобиля сильно отличаются цветом. На заднем крыле шпатлевка треснула и отошла от кузова. Передний поворот висит на проводке. Пороги и арки все в рыжих пятнах.

— Московская, что ли? — поинтересовался Степа, кивнув на ржавчину на порогах.

— Почти. С Зеленодольска,— ответил продавец.— Но там не как в Москве, соли нет.

Степа походил вокруг машины, завел двигатель, послушал, как работает.

— Как часики! — сказал продавец.— Чего-чего, а движок у него в порядке!

— Не заливали в него ничего — антидым, присадки?

— Мне эти бумеранги ни к чему! Сам знаешь, быстро вернется! — ответил продавец.

— Бумеранги...— повторил Степа и поймал себя на мысли, что ему стыдно будет продавать такую развалюху у себя в райцентре. Это здесь — сбагрил и радуйся: человека, может, в жизни больше не встретишь, а в селе ты на ладони, на виду.

Степа пообещал подумать и, попрощавшись с водителем, вскоре стоял на вокзале у кассы, брал билеты домой. Настроения смотреть еще машины не было.

Пригревшись в автобусе, он задремал — и, вдруг провалившись в сон, увидел себя гордо ехавшим в том ржавом «Карибе» по родному поселку. Люди вышли на улицу и, показывая на него пальцем, смеялись. Вдруг путь ему преграждает его товарищ Сашка, с которым он работает в бригаде. Степа начинает ему нахваливать ржавое корыто, чтобы он его купил. Но почему-то говорит словами продавца:

— Дружище, машинка отличная! Сам понимаешь, «Тойота»! Четыре ВД! Двигатель ашный — неубиваемый! Скидываю срочно! По ненадобности!

Но Сашка крутит у виска пальцем и говорит:

— Степа, тебе эта шляпа идет как корове седло!

И, отвернувшись от него, превращается в ту деваху в светлом пуховике из метро...

Во внутреннем кармане зазвонил телефон. Беспokoилась жена:

— Ты где? Я переживаю!

— Еду домой! — коротко ответил Степа и добавил: — На автобусе! Потом все расскажу!

И услышал то, что нужно было услышать в этот момент:

— Перекуп ты мой бедовый! Домой езжай! Тетя Света приходила. Они пиломатериал сухой нашли. Крыша тебя ждет!

Глядя в окно на заснеженные пейзажи, Степа вдруг вспомнил слова жены: «Он почему-то дома не строит!» — а потом, усмехнувшись, вынес вердикт:

— Перекуп нашелся!

На душе его разливалось тепло от одного только предвкушения, что скоро выйдет у себя в райцентре и пройдет пешочком до родного поселка.

И те, кого он встретит по пути,— улыбнутся ему, спросят, как дела, и никто не отвернется от него, потому как знают: Степа всегда готов прийти на помощь людям...

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Владимир Шугля
(г. Тюмень)

Наш постоянный автор, Почетный Генеральный консул Республики Беларусь в Западной Сибири.

ЗВЕЗД КОЛДОВСТВО

Ночное небо над землей
Повисло звездным кругом,
Его мерцающий покой
Разлит над спящим лугом.

Луна в своей игре со тьмой
Звезд колдовством полнится,
И лист с небес крупницей
Хрустит чуть слышно под ногой...

...Нет звуков! Мир в покое,
Не давит сердце суета...
И невозможная мечта,
Как птица надо мною...

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Поздней осенью ранимый
Облетевший дуб стоит
И с подружкой рябиной
Он печально говорит:
«Облака, как птицы в небе,
С севера на юг летят,
Ветры дуют все свирепей,
Нивы грустью холодят.
Уж снежинки над землею
В танце скоро закружат,

Покрывая пеленою
Лес, поля и, за рекою,
Погрустневший голый сад...»

...Дней дыханием гонимы,
С серой хладной высоты,
В танце кружатся чуть зримы
Снега белого цветы...

В ТАНЦЕ БЕЛОМ

Опавший лист весь снегом
запорошен,
Наряд берез по-зимнему
ухожен.
Ложится пух искристый
на одежды,
Душе вернув волшебные
надежды...

В мороз округу одевая смело,
Забыв про то тепло, что было
летом,
Снежинки кружат, кружат
в танце белом,
Наперебой играя с гульным
ветром...

СНОВА МОЛЮСЬ ЗА СТРАНУ

Лечу за душою вдогон
В то время, где мир безрассуден,
Где взрывы снарядов, и стон,
И пламя пожаров из судеб.

Я вижу голодных детей,
Горящие храмы и хаты,
Крысиного цвета людей,
Стреляющих из автоматов.

Мелькнуло девчушки лицо
В истошном от ужаса крике.
Начертано ей быть венцом
В сиянии Божьего лика.

И сердце прильнуло к нему,
Девчоночьи слезы мне святы...
В душе помолюсь за страну...
...В семье, среди сестер, был я пятым.

ЖИТЬ СЕРДЦЕМ

Мне повод жить — улыбки близких,
Детей и дорогих мне лиц,
Не совершать поступков низких,
Не падать перед сильным ниц.

И ввысь взлетать, и небо славить,
И вновь безумство совершать.
Уйти... и сердце всем оставить,
Уйти... чтоб к вам прийти опять.

И ПОТОМУ СТИХИ СТЕКАЮТ...

Жизнь, как российская равнина,
Что далью на восток ушла...
Красна сибирская рябина —
Моя славянская душа.

Переживания, усталость —
Все позади, как прошлый год.
В них покоренною осталась
Вершина жизненных невзгод.

И потому стихи стекают,
Как капли летнего дождя...
И жизнь, как океан без края,
Рокошет, к свету выводя...

Анатолий Ливри
(Альтдорф, Швейцария)

«ВОСХОД»

Анатолий Ливри, доктор наук, поэт, прозаик, философ, эллинист, автор двадцати одной книги, опубликованных в России, Германии и Франции, бывший славист Сорбонны, после преподаватель русской литературы Университета Ниццы. Постоянно проживает в Швейцарии. Его философские работы получили признание немецкой «Ассоциации Фридрих Ницше» и неоднократно публиковались Гумбольдтским Университетом, а также берлинским издателем Ницше «Walter de Gruyter». За свои пророссийские высказывания Анатолий Ливри уволен из французского Университета, а его докторская диссертация «Набоков и Ницше» подверглась плагиату в Великобритании. Данные преследования не заставили Анатолия Ливри прекратить борьбу против русофобии на Западе, а также в поддержку традиционной семьи: Ливри частый гость российских и белорусских телеканалов, где свидетельствует о коррупции и русофобии Запада. Некоторые московские редакции по требованию западных русофобов поддерживали цензуру Ливри. Недавно в Москве, в издательстве «Наше Завтра», вышла его литературная книга ЖОМ с посмертным предисловием Сергея Есенина. А после в том же издательстве опубликован его труд «Системный антибелый расизм, или Массовая ликвидация белых народов».

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ

«Гряда Вогезов раздвигает мохнатые ноги,
Лишь Рейн посулит ей сусального золотишка
Своих мечетей: течка Европы недотроги,
Страсть по рогатому зверю! Тут хватил я лишку...»

Вот и все стихоплетство Бродского Йоськи:
Куцость хуцпы, скверна неверной скво,
Точно жид Янкель — итало-казацкая моська,
Продал шинок да пролез к Музе в родство.

Стерпит Евтерпа терзания от вялого гада?
Или тайфун Камикадзе свинг отжарит с зениткой?
Или мой демон поверит бляньню стада
Про «Циклон Б» с пуримной открытки?

Есть ритмика небес и солнц полночных свет,
Есть жречества вселенского веселье.
Там рыжим пачкунам из гетто ходу нет:
Семелы выкидыш не терпит дух похмелья!

БЕСЕДА С КАДМОМ

Тишь, холод, перламутровые мушки
Прилеплены надежно к небосводу,
Лишь базельский кентавр в конюшне-двушке
Все цокает: сны рвутся на свободу

Да распыляются над хвойною межой.
Гип-гип-ура, гиппические грезы!
Вы погребли под белой паранджой
Ханжи-Гельвеции тщеславные курьезы.

Но здесь, под чуткой шкурой звереныша-материка,
Запрятаны разломы роковые — последние мистерии Земли:
Семела раскрывает смело то лабиринт, затопленный пока,
То ржавый лабрис... Где топорище, франки-короли?!

Намедни нашипел Кадм-ящер из пещеры,
Мне выболтав секрет, златой звеня веригой:
«Телами павших скальдов пасть набивши, керы
С аскетами тут отжигают джигу».

Невидимый дракон, очей очарованье,
Как Лермонта морок с морозного Монтроза,
Наивен, полон мук и спазмов упованья:
«Вернется внучек Вакх, избавит от артроза!»

Забудь про крови зов, семитский аллозавр,
Уверуй Загрею, — не проискал эриний!
И, как заправский дока-бакалавр,
Рискуй, исследуй недра, будто Плиний.

ЛУЧШЕ И ЗЛЕЕ

День-голопуз, зажмурь свой рдяный глаз,
Поруку пылкую в девичестве зачатъя,
Чтоб насладились тьмой зари хоть раз
Злом Митры осфинксованные братья!

И, ставши лучше, постарев на ночь,
Мы, узники мутно-стеклянной сферы
Всевасилевса-Времени, не прочь
Принять крещение Велесовой веры.

Мы возродим баянов буйный лад,
Исконный ритм мерцания звездной воли,
Творящей, словно гений, наугад
Диады муз, лишенных страха боли.

Так освяти ж нас сумраком зари
(Исчадьем солнц, сокрытых Чернобогом
От полузнаек полночи). Сотри
Людей-теней без душ, без дум, без слога.

Валерий Демидов
(г. Тула)

*Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

ФЕВРАЛЬ

Февраль запрятал солнышко в сугробах.
По-лондонски Москву накрыла мгла.
И души наши стонут в серых робах
Без света, озарений и тепла.

Помыслить даже страшно о грядущем.
Ужель оно такое ж, как февраль?
Нет во грехах дороги к райским кущам
И не найти запрятаный Грааль.

Все меньше в жизни слышно имя Бога.
Все зримей виден сатаны оскал
И нежность слов убил мужицкий слоган,
Когда в похмелье винный дух искал...

Я не желаю вам спокойной ночи
И пробуждению буду очень рад...
Пусть нам поможет Вселюбивый Отче
Снять маски и покинуть маскарад.

ДЕНЬГИ

Не скопил я денег на машину.
Денег нет на скорбные дела.
Я не видел лучших гор вершины,
Не был там, где сакура цвела.

Не сумел я съездить за границу,
На заморских пляжах не лежал,
Не скорбел с Туринской Плащаницей,
Виноград в Египте не вкушал.

Мне рублей российских не хватило
На квартиру, дачу и гараж...

Говорят, что деньги — это сила,
А без них все сущее — мираж.

Не сумел прилично заработать —
И диплом мне в этом не помог.
Государству каждый месяц подать
Я платил, но ширился налог...

Ныне жизнь совсем иная стала,
Чем в советском обществе была, —
В том Союзе уважали старость
И могучей Родина слыла.

Неприметны были мы одеждой
И во многом всячески равны,
Больше жили сердцем и надеждой
И гордились планами страны.

С теплотой те годы вспоминаю,
И общенья дружного урок
Будет жить во мне, я точно знаю,
Весь судьбой отпущенный мне срок.

Полетел Гагарин Юрий в космос,
Вновь созрел обильный урожай,
За спиной девчат тугие косы
В девственной гармонии лежат...

На кино лишь денег нам хватало,
Иногда — на сливочный пломбир,
И хотя обновок было мало,
Мы ценить умели этот мир...

Время шло. Несли мы деньги в семьи,
Строгим был бухгалтерский учет
И, бесспорно, признавался всеми
Трудовой заслуженный почет.

Я, к примеру, денег много тратил
На покупку самых разных книг
И тогда урезанной зарплате
Туговато было в эти дни.

Буду честен, денег не имел я
На бутылку пива иль вина,
Когда утром голова болела
И похмелья суть была видна.

Нет, не ныл, не звал к себе удачу,
И, казалось, будто счастлив я,
Когда горстью пятакот от сдачи
Полнилась копилочка моя.

Но душа была важнее денег,
И в кармане мятые рубли
Были слабой и недолгой тенью
Тех событий, что произошли.

ЛЮБИ СЕБЯ

Люби себя, когда добро ты сделал,
Когда кому-то о любви сказал,
Когда в работе твои мышцы тела
И искорки как звездочки в глазах.

Люби за то, что можешь восхищаться
Ты синью неба и закатом дня,
Что рад с друзьями школьными встречаться
И Господу сказать: «Прости меня!»

Люби, когда душа умеет плакать
И улыбаться после слез судьбе.
Люби себя,— любовь всегда во благо,
Коль силой Божьей вызрела в тебе.

Не эгоизм, не самолюбование,—
Пусть наше отношение к себе
Проявит силу веры и признанья
Тому, Кто нас ведет в земной борьбе.

Когда в себе мы любим образ Божий
И поступаем так, как Он велел,
То ничего на свете нет дороже
Любви такой на матушке-Земле.

ЧУЖИЕ СЛОВА

Ты можешь модных слов не знать:
донаты, фейк, гламур и кастинг,
контент, дефолт, локдаун, хайп, —
но в русскословное ненастье,
в години страха и несчастий
увидеть *должен* суть греха, —

из нашей речи исчезают
слова, в который русский смысл,
беззлобный юмор, образ яркий
и созидающие мысли,
входящие в умы, как мысы,
и крепче, чем гранита арки.

Они живут в умах без меры —
слова, посеянные в нас
для разложения славянства
во всех делах и временах,

а ныне даже в письменах
есть чужеродства постоянство.

Трансфер, электорат и пицца,
коммюнике и волонтер,
корпоратив и креативный,
дедлайн, дресс-код и прожектор, —
вот часть того, что мир простер
на наш язык, певучий, дивный.

Дефолт, каршеринг, вебинар,
репост, промоутер и лайки,
криптовалюта и локдаун,
вай-фай и маркет, копирайтер —
вот что дают в блестящем «лаке»
Нью-Йорк, весь Запад и Кейптаун...

Красивых русских слов немало:
любовь, бабуса, детских лепет,
лисенок, иволга, синичка
и слов других великолепье, —
куда же делись страсть и трепет?
где обаянье звуков птичьих?

где вдохновение от слова
и музыкальность на роду?
где, словно ласточки полет,
высокий пафос русских дум?
вишневый цвет весной в саду —
когда Господь нам ниспошлет?

Как слово русское прекрасно!
Бог дал нам щедрою рукой
тончайшие оттенки чувств
и удивительный покой,
в котором так душе легко,
как в мире истинных искусств.

Пройдут века, но слово наше
жить будет в человеке русском,
поскольку нет конца устоям,
прошедшим через перегрузки,
десятки войн, сквозь волны грусти
и словоблудие пустое.

ПОЭЗИЯ

Красотой твоей пленен,
очарован слогом искренним.
Ты в истории времен
остаешься светом Истины.

Величавость твоих чувств,
на которые способна,
я давно понять хочу
в полуночном мраке комнат.

Отделяешь плевел сор
от духовных зерен знаний
и приковываешь взор
к Вечности, что рядом с нами.

Засмеюсь. Заплачу. Вздогну.
Отмотаю время вспять
и увижу — волей рока
ты изранена опять.

Перебиты крылья бытом,
ритм не бьется с сердцем в такт.
Ты бессовестно забыта
в мире дьявольских атак.

То укрыта пледом теплым,
то на холоде дрожишь,
то заплачешь в чьи-то стекла,
то в пыли дорог лежишь...

Муза! Муза! Не оставь нас.
Бог разгонит, верю я,
стаю хищных горностаев
в скорбном мире бытия.

И среди ангелов небесных
будут виться строки те,
что возвысились из бездны
человечьих слов и дел...

Статная. Легка походкой.
Тянет омут твоих глаз.
Ты не стала сумасбродкой,
взойдя рано на Парнас.

Будет время новых «штилей».
Новых рифм придет прибой...
Хоть нас бури жизни били,
не расстались мы с тобой.

ЗИМНЕЕ

(Из серии «Времена коронавируса»)

Мне бы с земными делами
управиться вовремя.
Мечутся ветви деревьев в метельную бурю.
В поле сугробы

пугают бурлящими волнами.
Вытрясти душу погода способна любую.

В дни вот такие
рождаются мысли печальные.
Кажется, что неуютна для жизни Земля.
И наступают минуты
слепого отчаяния —
время приходит расплаты по вексялям.

Был бы камин —
посидел у огня, старым пледом
ноги больные неспешно на кресле укрыв.
Что-то совсем ослабел я,
стал сгорбленным дедом,
да и души не прорвался давнишний нарыв.

Все, что осталось,—
Всевышнему чаще молиться,
Богу все мысли свои открывать и грехи,
и тогда, может,
в душе Дух Святой затеплится,
и на бумагу прольются, как слезы, стихи.

Я не хочу поступать
как оболганный циник.
Страх для меня — это грозный трехглавый дракон,
кровь его — яд пресловутой
и «модной» вакцины,
ставшей угрозой, как всякий российский закон.

Стадом баранов
пойдем на убой бессловесно,
падая тихо на скользкой дороге судьбы...
Зимняя ночь.
Голубая со звездами бездна.
Дым из высокой и белой трубы...

Владимир Хохлев
(г. Санкт-Петербург)

КОГДА ВСТРЕЧАЮТСЯ ВСЕЛЕННЫЕ

Наш постоянный автор.

ПОД ДОЖДЕМ

Идет дождь... идет уже целые сутки.
Идет человек с поднятым воротником.
В доме, за окнами — музыка, крики и шутки.
Мокрый котенок дрогнет под козырьком.

Белая молния — треснуло черное небо.
В похожих трещинах асфальтовая скорлупа
мокрой земли. Светятся фары слепо
в струях дождя. Ночь на слова скупа.

Идет человек, промокли его ноги,
руки в карманах, шляпа на голове.
Идет человек под дождем, по безлюдной дороге...
Никак не сойдутся рифмы в задуманной им строфе.

МОРОЗНЫМ УТРОМ

Я люблю по утрам выходить на мороз
в белый мир, ослепительный, чистый до слез,
под застывшую крону прозрачных небес,
в ледяной и искрящийся лес.

Солнце бьет с одного горизонта в другой,
проникая лучами в торжественный строй
сосен северных с золотом в белом,
припорошенных утренним снегом.

Я иду целиною, дорожку торю,
о насущем сегодня с собой говорю.
На плечо серебристая сыплет мука.
Крестит мир чистым знаменьем
Божья рука.

ВЕЛОСИПЕД

По солнечному берегу мы шли под Розенбаума...
Мужчина пел о женщине... любимой... и тоске.

Тебя держал за талию... Свернули у шлагбаума.
Мы шли вдвоем за великом... Неспешно, налегке.

Донские грызли семечки, невероятно вкусные...
Пинали шишки, камушки... полупрозрачный лед.
Затем запели песенку... свою... совсем не грустную,
про то как — всех развеселив — весна летит вперед.

Легко весенней улицей поднялись к дому белому,
хозяйка добродушная махнула из окна.
Хозяин велик выкатил, представив взгляду смелому...
Ты бойко покатила вниз... И дрогнула струна

моей души доверчивой, в тебя влюбленной пламенно.
Я испугался скорости, рванул вслед за тобой.
А ты смеялась искренно, шарфом маня, как знаменем,
играя с ветром... Соснами летела на прибой.

Тебя догнал на берегу, у волн... на самой кромочке.
Остановил движение, снял с тонкого седла...
Вспорхнув руками-крыльями, подобно смелой бабочке,
ты прядь волос — серьезно так — за ухо завела.

Залив горел закатными, оранжевыми бликами,
катилось солнце медное под горизонта нить.
Кружили птицы белые... и убеждали криками
светить еще — хотелось им закат остановить.

Мы по следам, по отмели, пошли обратно медленно.
Я руль, держа уверенно... теперь не отпускал.
Ты вновь «лепила блинчики»... Я, усмехаясь, мысленно
водил рукою бережно... Как будто помогал.

ВЕЧЕРНИЙ РОГ

Когда над миром протрубит вечерний рог,
и люд уставший, отложив свои заботы,
спешит к метро, летит домой с работы,
за миром зорко наблюдает Бог.

Он видит все! Умы людей насквозь
просвечивает, на престоле сидя,
прозрачную водой просачиваясь сквозь
ткань душ... Его никто не видит.

Он знает чистые сердца, готовые принять
Его все побеждающие светы...
Подвижников, способных исполнять
без ропота библейские заветы.

Таких Он бережет от неудач,
на «узкий путь» выводит постепенно.
Таковыми круг решается задач
глобальных... Эволюции Вселенной.

Когда утихнет звон вечерних блюд
и сон охватит темные кварталы,
мастеровитый, просвещенный люд
пройдет через священные порталы...

И заработают искусные станки,
закрутятся бескрипные колеса.
И под бодрящие сигнальные звонки
раскурится поэтом папироса.

Разбуженные медные шмели
расставят звезды по небесной ткани,
чтоб освещались в мастерских земли
дела ночные до рассветной рани...

Когда призывы утреннего рога
разбудят снова помыслы дневные,
и выйдут дворники на мостовые,
мир обновленный будет славить Бога.

НА ГРАНИЦЕ НЕБА

Когда ты утром обернешься в облака,
укроешься от пылевых дождей,
пусть моя верная и теплая рука
твою ладонь согреет, слившись с ней.

Когда ты станешь между звездами бродить,
и ветром солнечным восторженно дышать,
ночь задремавшую не захочу будить
и не смогу тебе ничем иным мешать...

Когда мы выпьем молоко луны,
оставив в чашке грустные глазницы,
перескажу тебе космические сны.
И упрошу пред нами небо расступиться.

* * *

Я шел к тебе, на дальний гул весны
извилистой, нехоженой дорогой.
Текли размеренно, спланированно дни...
Жизнь представлялась деловой и строгой.

Рос список достижений и побед,
«друзья» являлись споро, бесконтрольно.
Я суматохой радостей и бед
был окружен... Свободно и привольно

я вел себя с «подругами». И без...
Мог закрутить роман, дать задний ход.
Мне ребра щекотал лукавый бес,
брал в свой — страстей беспечных — оборот.

Как мне казалось, жизнь полна игры,
ничто не выбивало из седла.
Я шел проспектами и проходил дворы —
за мной шушала дворника метла.

Меня любили... Кто-то — не терпел.
Я всех прощал, не подчиняясь злу.
Внутри меня как будто бы горел
огонь всех истин — выводил к добру.

И я пришел... Сигналы маяка
меня к тебе однажды привели.
И разметалась сонная тоска...
И заскользили морем корабли...

* * *

Как без тебя прожить... теперь, когда случилось?
Как воздухом дышать, ходить и говорить?
Твоя любовь тепла, как солнечная милость,
кого мне за нее благодарить?

Ты далеко, а я — один в пустой квартире.
Внутри меня живет твой голос, как родной.
Твоя душа в моей... Когда же в светлом мире
мы встретимся опять? Ответь и успокой.

Как в сердце уместить моей любви безбрежность?
Я много говорил — еще не все сказал...
Твоя рука в моей... И излучают нежность
любимые, счастливые глаза.

Я жил отшельником размеренно и строго.
И вдруг явилась ты — приветлива, стройна.
Ты праздником вошла — как будто с выпускного —
в мой аскетичный дом... Как «вечная весна».

И вот теперь во мне искрит твоя улыбка,
и аромат духов волнует и манит.
Моя душа поет, как Паганини скрипка,
и ласково с тобою говорит.

Идут минуты в такт с моим сердечным пульсом.
И в каждой ты — моя! Я верю — счастьем быть!
Мы движемся теперь каким-то новым курсом...
И океан способны переплыть.

Тоскуя вечером, зову тебя негромко,
и ты опять звонишь — мы долго говорим.
Твои слова звучат уверенно и звонко...
Мы будто над землей летим.

Как без тебя прожить... теперь, когда случилось?
Как миру рассказать о радостной весне?

В нас солнышко вчера нечаянно влюбилось.
и дарит новый день... тебе и мне!

* * *

Полюби меня всем сердцем, не заимствуя подстрочье...
распахнись любви навстречу, и не думай отступать.
Пусть безоблачное чувство будет выстрадано ночью —
утром лепестки раскроет, чтобы днем благоухать.

Полюби меня надолго, на большую перспективу...
не ищи замены счастью, позабудь что было «до».
Пусть любовь тебя согреет, будь спокойна и игрива,
радуйся... И мы построим собственный, чудесный дом.

Полюби по-деловому, так как бизнесу привычно...
Разворачивай проекты, и душою в них живи.
Чтобы нам творить хотелось креативно, необычно,
чтобы воплотить смогли мы весь потенциал любви.

Полюби меня шуточно... смейся, метко пародируй
тела моего движенья, заблуждения души.
Чтобы я не зазнавался в зеркале своем копируй,
исправляя недостатки... Набело меня пиши.

Полюби меня глобально, безгранично, безусловно...
Будь верна мне до финала, до последнего звонка!
Чтобы я в победной песне, вычеканивая слово,
смог воспеть сердечный подвиг...
Вот тебе моя рука.

* * *

Сквозь ткани мира проступает Вечность,
но не понять Ее умом, не рассмотреть.
Нам ближе категория «конечность»...
Любовь лишь Вечностью способна овладеть.

Но чтобы полюбить нужна решимость.
Любить способен сильный человек.
Собою жертвовать, даря кому-то милость
не всякий рад — в практичный, жесткий век.

У нас с тобой нечаянно случилось
большое чувство... стройная любовь.
Мне новое — благодаря тебе — открылось
о Вечной жизни знание... Я вновь

воспринял сердцем силу Воскресения.
Не верю в смерть — ее не может быть!
Я пью шампанское, под птиц весенних пение.
Люблю тебя!

Мы будем вечно жить!

Сергей Миронов
(г. Калининград)

Родился в Калининграде. Окончил факультет журналистики Санкт-Петербургского государственного университета. Публикуется в литературных журналах и альманахах. Финалист премии имени Фазиля Искандера. (2020, 2021, 2022 гг.). Лауреат Всероссийской поэтической премии «От фонаря» (Тольятти, 2022 г.). Лауреат 7-й литературной премии им. Куприна (2020 г.).

* * *

Когда над бумагой кружится пастель,
Под мелом рассыпчатым лист утопает.
В перине воздушной на этом листе
Лежит бархатистая роза, и с края,

У самого дома, на белой скамье,
Сидит человек, запорошенный снегом.
И контур его исчезает во тьме,
Заброшен в пейзаж между жизнью и небом.

И роза в метель каменеет, и ночь
Разносит ее лепестки по округе.
Уйдет человек из картины той прочь,
Сотрут его в пепел художника руки,

И утро забрезжит в наброске лучом.
Скамья, блочный дом, блеск стеклянный мороза.
Лежит во дворе под футбольным мячом
Забытая кем-то пурпурная роза.

* * *

Не пиши о листопаде, не пиши.
Задержись на станции пустынной.
На путях в задумчивой глуши
Сквозь туман мерещится пустырник.

За перроном цепью вьется лес,
Уходящий в сетчатую морось.
Тормошит перрона тусклый блеск
Электрички бешеная скорость.

Вновь один, на дымчатый перрон
Из-под крыши, теменью размытой,
Сыпет листья в лужи старый клен
И шумит на станции забытой.

ЛЮПИНЫ

Дрожащие гроздья люпинов
Полей полотно размели,
И город приземистый стынет
В туманной июньской дали.

И жизнь отодвинулась молча
За пестрый холмистый отрог,
И облако рожицу корчит
Над вязью строптивых дорог.

Вернешься по тропке к машине,
Со сном накатившим борясь.
И сам ты, как облако, сгинешь,
В виденьях летучих кружась.

Холстом фиолетово-синим
Затянешь, уснув, небосвод.
И утром на спящей равнине
Никто твой приют не найдет.

* * *

Цветут каштаны, вдалеке
За обелиском, за пригорком
Есть спуск к стремительной реке.
Тебя там ждет на пляже лодка.

Нажмешь на весла, поплывешь.
В пейзаж ворвешься живописный.
Фрагментом лета ты живешь
И дуновением отчизны.

Без дум давящих, налегке,
Не странник ты и не бродяга,
С нехитрым скарбом в рюкзаке
Плывешь под неба гордым стягом.

Причалишь к берегу. Пройдешь
Аллеей рослой к белой церкви.
К траве росистой припадешь,
И куполов блеск не померкнет.

Федор Тогузов
(г. Новочебоксарск, Чувашия)

Поэт, исполнитель авторских песен. Его стихи и песни — о природе, любви, на гражданские и патриотические темы. Произведения опубликованы в различных сборниках. Член различных писательских союзов.

Я УЙДУ СНОВА В ЖЕЛТУЮ ОСЕНЬ

Я уйду скоро в желтую осень,
В предзакатную синюю мглу,
Где луна в облаках между сосен,
Клен усталый роняет листву.

Там, над берегом, яркие звезды,
И бежит, словно время, вода,
Да рябины склоняются гроздья,
Только мельница крутит года.

И пусть век наш летит скоротечно,
Как бежит хронологии ход,
Но ничто в этом мире не вечно,
И снежинок кружит хоровод.

В небе клин журавлиный растает,
И на сердце вернется печаль,
Очень жаль, так порою бывает,
Что надежда уносится вдаль.

И прощальными красками осень
Разукрасит деревьев листву.
Все забыто, лишь прошлое спросит,
Для чего я на свете живу?

А прошедшее звездное лето
Саксофоном протяжно звучит,
И мотив незатейливый этот
Наша встреча опять повторит.

На осеннем дыхании ветра
Все острее вдруг чувствую я

Даль исхоженных мной километров
На закате прожитого дня.

УБЕЖАТЬ БЫ, КАК В ДЕТСТВЕ, ЗА РЕЧКУ

Убежать бы, как в детстве, за речку
И в зеленые травы упасть,
Как бывало, забраться на печку,
В прошлой юности где-то пропасть.

Запах свежего теплого хлеба,
Блики звезд под манящей луной,
И тропинкой по звездному небу
Возвращаюсь в мечтаньях домой.

Средь стогов отзовется вдруг детство,
Позовет в бесконечную даль
И оставит мне память в наследство
Старых песен родную печаль.

И луна будет плыть надо мною,
Тишиной наполняя поля,
И на сердце вдруг легче порою,
К небу снова взметнется заря.

Побреду я дорогою длинной,
Детства нам никогда не догнать,
Будет стайей оно журавлиной
Вечерами за лесом кричать.

Осень снова сожмет мою душу,
Нагоняя на сердце тоску,
Но покой я ее не нарушу,
Ничего изменить не смогу.

Убежать бы, как раньше, за речку,
Где родные до боли луга,
Взять коня, как тогда, за уздечку,
Ускакать неизвестно куда!

ХАРПАИХА

100-летию родной деревни посвящается...

Как хорошо в моей Харпайхе зимой.
Там тишина хранит покой, морозный воздух.
Над милой улицей, безлюдной и пустой,
Горят далекие, загадочные звезды.

Лишь легкий ветер закачает провода.
Да тихий лунный свет скользит в пустые окна.
И белый-белый снег летит, кружась слегка,
Роняя наземь свои радужные хлопья.

Здесь летней ночью звезды падают в полях,
И тишина вокруг стоит... такая темень!
Когда ступаешь бережно в траву впотьмах,
На миг как будто замирает жизни время.

Стреноженные кони у шальной реки.
И трели соловья тревожат утром сердце.
Там в мае яблони в цвету, поют сверчки,
Как в том моем давно ушедшем детстве.

Я знаю, есть большие страны, города,
Места и уголки на солнечной планете...
Как солнца луч, как путеводная звезда,
Моя Харпаиха всегда на этом свете.

ВОТ И КОНЧИЛОСЬ ЛЕТО

Вот и кончилось лето, не смог им напиться,
И в душе наступил будто тихий антракт,
Потянулись на юг перелетные птицы,
И с полей улетает последний косяк.

Над болотами тихими грустно и строго.
Здесь в последний раз будто они прокричат.
И наполнится сердце туманной тревогой.
Никогда ничего не вернется назад.

По Руси колоколен звук эхом под вечер.
По-над кромкой тончайшей несжатых полей.
Люди жгут у икон поминальные свечи,
Провожая в осенний закат журавлей.

ВОТ ВЕРНУЛСЯ НА МАЛУЮ РОДИНУ

Вот вернулся на малую Родину,
Там, где детство промчалось давно.
Утром чай заварю со смородиной,
Прочитаю былое письмо.

Затянулось окно паутиною,
Над избой покосившейся дым,
Ты одна, сердцу Родина милая,
Так же помнишь меня молодым.

Снились первые в жизни проталинки,
Как по лужам бегу дождевым,
И счастливый сию на завалинке,
Да по стежкам иду луговым.

Ну а дом тот, родимый и старенький,
Все, как прежде, скучает и ждет,
И скворечник под крышею маленький
Соловьиною трелью зовет.

Не сбылось в жизни прожитой многое,
И богатства скопить не успел,
Только все, что по-прежнему дорого,
Позабыть до сих пор не сумел.

Деревенька забытая дальняя,
Ты зовешь, часто снишься во сне.
Я приду через годы скитания,
И прошу, не забудь обо мне.

НЕСГОРАЮЩИЙ ПОЛЕТ ЛЮБВИ

Вот наступило бабье лето, хозяйка-осень вдруг пришла.
Последнего тепла лучами любовь свою нам принесла.
Красы торжественной не пряча — листвою желтою игра.
И все, что есть на белом свете, преподнесет к твоим ногам.

Ах, осень, осень, ты не спросишь, не пожалеешь ни о чем.
Косынку звездную набросишь, луна свечою за окном.
В полях над рыжими стогами уже повеет холодком.
И млечный путь дорогой дальней украдкой постучится в дом.

Бывает всякое порою, приходят горе-времена,
С утра уже тоскою нежной грустит рябина у окна.
И над багряными лесами цепь облаков как корабли,
И журавли последней стаей года куда-то унесли.

Пусть дождь осенний неустанно стучит в забытое окно,
Быть может, знает нашу тайну, что нам понять не суждено.
Когда любовь тебя однажды вдруг за собою позовет,
Увидишь в небе ярко-звездном тот несгорающий полет.

ЦВЕТОК ПРЕЛЕСТНЫЙ — ХРИЗАНТЕМА

Цветок прелестный Хризантема,
Зачем по-прежнему пленишь?..
Страданий вестник и измены,
Всегда загадочно молчишь.

Желал побыть с прекрасной, милой
Хотя бы несколько минут.
Готов отдать взамен полмира
За долгожданный шепот губ.

Объята сумраком квартира,
Где заправляет тишина.
Вот сотворил себе кумира
И ночи провожу без сна.

Я нежно обнимал колени,
Поймала в сети вновь раба,
Переживать опять измены
Мне уготована судьба.

Молчанье, вздох и вновь объять,
И не разжать сплетенье рук,
Как будто оба на распяты,
Не избежать любовных мук.

И поцелуй последний, кроткий
Нас разлучил, увы, навек.
Прощай, любовь была короткой,
И мимолетным твой ночлег.

Любил открытою душою,
Оберегая наш покой,
Но оказалась вдруг чужою,
А я наивным — боже мой!

И те страдания бесценны,
Их не отнять в круженье вьюг,
Незабываемы мгновенья,
Где мы — судьбы сакральный круг.

Когда-то называл Вселенной,
Весь мир лежал у ног твоих,
Такой же тайной сокровенной,
Как этот выстраданный стих.

Яков Шафран
(г. Тула)

ЦИКЛ СТИХОВ «ZOV»
(Стихи посвящены событиям в Новороссии
2014 — 2022 гг.)

*Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

* * *

*Герою России и герою ДНР посмертно,
командиру ракетного дивизиона,
полковнику ДНР Ольге Качуре*

Солнца суровый и пристальный глаз —
С лика печального, в трауре неба.
Зло в этом мире вершится на раз —
Был человек, может вовсе и не был...
Женщина видная, ладная, милая —
Ей бы для мужа, семьи — благодать,
Верностью, честью всегда изобилуя,
Встала защитой за Родину-Мать.
И не стрелком, не связисткой, не медиком —
Никой*, ракет обрушающей вал.
Ей бы с фиалок душистых букетиком —
На офицерский, на праздничный бал.
Ей бы... Да что уж теперь... Очень горько.
С глаз незаметно смахнув слезу,
Друг боевой тихо скажет, что только
Жаль, уж не бить им вдвоем ВэСэУ.
Целился враг и коварно, и подло —
Именно Нику сразить наповал,
Меньше чтоб было гарцюющих в седлах
Песен победных бойцов-запевал.
Но упование нацистов неверно —
Неповторима! — но вместо одной
Встанут герои России — безмерно,
Смело и умно ведущие бой.
Солнца суровый и пристальный взгляд,
Небо печально, и в трауре лики.
Русский улыбке ее так был рад,
И сохранит, ибо подвиг великий!

* Ника — древнегреческая богиня победы.

ЗЕМЛЯ В ДЫМУ

Земля в дыму. Идет война в Донбассе.
Нацисты вновь на Русь идут ордой.
Бывает ли еще кого опасней
Предавший брат, тем более родной?!
Земля в дыму — горят поля и хаты,
Снаряды рвут на части города!
Ребята русские, украинцы — солдаты:
Но кто для славы, кто-то для суда.
Земля в дыму. Тот дым тяжел и горек —
Цветущий край с трудом я узнаю,—
Одни несут с собою смерть и горе,
Другим бы волю отстоять свою.
Земля в дыму! Она века не знала
Орды опасней, злее и страшней.
Предавший брат — жесточе нет вандала.
Простивший же — нет война слабей!
Земля в дыму, товарищ ополченец,
И смерть снарядом залетает в дом!
По-братски рядом русский и чеченец,
И українец — кончить сей содом!

БОМБОУБЕЖИЩЕ

День и ночь смешались
В лампочке под потолком.
Осень зябко жалась
В угол в погребе сыром.
В банках снедь — немного,
Весь запас семьи большой.
Детский плач. Тревога.
Грохот, вой — обстрел дневной.
Как детей укутать?
Холод — смерть, и солнце — смерть.
Жизнь — одна минута.
Как любовь вместить суметь?
Жизнь была? Иль снилась?
Грохот, вой — обстрел ночной.
Сыщется ли милость
У вернувшихся домой?

* * *

Что юности прекрасней? —
Какой бы ни был век!
Зачем же взор твой гаснет?
Зачем же алый снег?
В тот важный бой над Доном,
Приняв злодеев месть,
Ты пал бойцом сраженным,
Но спас донскую честь!

Ты мог в подвал укрыться,
Податься в русский тыл.
Но выбор сделан — биться
За дом и за мечты.
Еще совсем недавно
Был маминым сыночком.
Теперь за други славно
Стоял с донским полком.
Какой пример для многих:
Седых и молодых —
В бою не делать ноги,
Когда дают под дых!
Назло смертям и тлену —
Герои-молодцы! —
Идут тебе на смену
Все новые бойцы.
Назло двойной морали,
Нацистам и УПА,
Назло безбожным врялям
Их делу не пропасть!
К победам, как и к бедам,
Не привыкать нам век.
Но лучше пусть неведом
Нам будет алый снег.
Пройдут лихие годы —
Сгорят в печи времен —
И мальчик — год от роду, —
Что был огнем крещен:
«Они были донскими, —
Захочет рассказать, —
И были вместе с ними
Господь и Божья Мать!
И дед мой пал не даром —
Какая смерть славней? —
Ведь подвиг часто в малом,
Ведь дух всегда главней!»

ОДЕССА

*3-хлетию трагических событий
2 мая 2014-го года в Одессе посвящается*

Кто же Одессу былую не помнит —
Южного города славной страны?
Будучи юношей, как-то был обнят
Солнцем ее и приходом весны.
Знатен своею историей славной
Радостный город у кромки морской.
Здесь же Потемкин для цели державной
Строить наметил форпост ключевой⁽¹⁾.
В нашей Великой войне ты прикрыла
Доблестно нашу Отчизну собой.

Долго держала врага, заслужила
Звание гордое — Город-Герой.
Город, хранящий безмерно святую
Преданность русской державе всегда
И никогда не искавший другую,
Зная, ему без России — беда.
Но что случилось с тобою, Одесса?
Чьи это слышатся крики и плач?
Что над тобою за дыма завеса? —
Это орудует новый палач!
Русские флаги и ленты Победы
Втоптаны в грязь, на асфальте лежат.
Вновь возродились минувшего беды,
Снова бесчинства фашистских солдат!
Мирный протест против лжи и насилия
Зверски разгромлен нацистской ордой.
Город, в огне твои белые крылья —
Дом Профсоюзов в волне огневой⁽²⁾!
Заживо русских людей здесь сжигают.
Дом Профсоюзов — огромная печь.
Кто воспитал эту подлую стаю?
Кто им вручил против Родины меч?
Это — все те, кто отнять хочет снова
Наши традиции — славный оплот.
Русские воины — сила Христова
Вражеским козням дадут отворот!
Помнить мы будем всех зверски сожженных!
Помнить мы будем майдан и Донбасс!
Вести придут о врагах пораженных.
Верим, придет правосудия час!
Станет Одесса такою, как прежде,
А Украина — вновь мирной землей!
Смотрит весь мир на Россию в надежде,
Быть ей дано путеводной звездой!

Примечания:

(1) Умер 5 октября 1791 г. по пути из Ясс в Николаев в заботах о крае. Одесса основана Российской империей именно по завещанию Потемкина 2-го сентября 1794 году на месте татаро-турецкого поселения Хаджибей, отошедшего к России. Оно было взято в ходе военной операции в ночь с 12-е на 13-е сентября 1789 г. по ст. ст. отрядом генерал-майора де Рибаса (Дерибаса) (армия Суворова). Присутствие Потемкина в городе ощущалось постоянно.

(2) Нападавшие подожгли центральные двери здания, откуда огонь распространился в холл первого этажа, а потом пошел вверх по этажам, чему способствовало слишком позднее прибытие пожарных расчетов. По воспоминаниям спасшихся, огонь пошел снизу, с первых этажей.

БРАТЬЯМ

Кто сказал, что вы — иные?
Кто внушил вам? Что за блажь?
Правда в том, что мы — родные.
А другое все — мираж.
Нынче знает и ребенок,

Что ржавеет даже сталь.
Вот у вас звучит с пеленок:
«Кто не скачет, тот москаль!»
Враг всегда мечтал меж братьями
Вбить широкий прочный клин,
Чтоб отнять детей у матери,
Чтоб отца оставил сын.
Поманил он вас «свободой»,
«Славой» истинных славян.
Вам Европа стала модою.
Вы попались на обман.
Как легко разрушить дружбу,
Связи древние порвать.
Враг же жаден, и за службу
Вам удачи не видать.
Срок придет — исчезнут страхи.
С тихим шелестом знамен
Вы исчезнете, как накипь,
Лже-вожди лихих времен!

* * *

Как горит деревянная церковь в Париже —
Серафима Саровского русский приход, —
За минуты обрушились балки у крыши,
Пропадают в огне и алтарь, и киот.
Так же русские избы горели в Хатыни,
Подожженные злобной нацистской рукой.
Старики обнимали детей и святыни,
Улетали их души на Небо искрой.
Так горели защитники русской Одессы,
Захотевшие с Матерью-Родиной жить.
Оправдания наймитам чертовской той мессы
Никогда никому и нигде не добыть.
Так невинные дети Херсона, Донбасса
Погибают под адским, смертельным огнем.
Проступает за дымом и кровью гримаса
Упыря ненасытного ночью и днем.
У горящих в глазах отражается пламя,
И у тех — кто огонь им нещадный послал.
Но различен тот блеск, хоть и схож он с углями, —
Как бы кто нам и тех, и других не равнял.
И глядит Иисус с древнерусской иконы
Из церквушки, горящей на рю Лекурб.
И к одним Он любовью охвачен законной,
Для других — порицающ, укоризнен и хмур.
Я в Хатыни, в Одессе, в приходе, в Донецке,
И огонь предо мною пылает стеной.
Вот ответить бы им, как в былом, по-советски,
Благородною яростью, мощной волной!
Но пока наверху там о чем-то мечтали,
Подступает все ближе к России огонь.

И я Бога прошу — вождь наш должен быть сталью,
Ибо виден четвертого всадника конь!

* * *

О чем ты задумался, русский солдат,
В окопе под Красным Лиманом?
О том, что в прицеле напротив твой брат,
Сюда приведенный обманом?
О тех, кто за стенами дома таим,
Щитом быть врагами намечен?
О том, что творят наци с другом твоим,
В плену его зверски калеча?
О том, что бы было, когда б напролом
Пошли ВЭСЭУ на твой город,
Пошли на людей, на завод, на твой дом,
Резню там устроили скоро?
Иль думаешь ты о таможене своей,
Не пускающей грузы для боя,
О тех бюрократах, что столько уж дней
Гнобят начинанье благое?
А может, о тех, кого нет на войне,
О той «золотой» молодежи,
Что думает только о нынешнем дне,
О том, что душе их дороже?
Иль кто превращает в наличный доход
Свою,— если есть она,— совесть,
И если готов на далекий поход,
То только барыш изготовить?..

...Но думай, не думай, а все ж воевать
За Родину нужно солдату.
И крепче сжимает боец автомат —
Не жить на земле этой кату!

* * *

Век двадцать первый. Район под обстрелом.
Бабушка с внучкой в подвале сыром.
В мире сегодня, совсем озверелом,
Это убежище их, да и дом.
Холод и сумрак, осклизлые стены:
Нет там тепла, нет там света, воды.
Люди, живущие так, суть блаженны —
Жертвы военной, нещадной беды.
Внучке б учиться, сидеть в первом классе
Вместе с детьми, как она, лет восьми.
Был под снарядами дом их — не спасся,
Мама и папа погибли от мин.
Но не бывает, чтоб ночь бесконечна —
Тьму в свое время сменяет рассвет.
Встречная сила пришла, и сердечно
Принял своих и ребенок, и дед.

Русской весной то народ величает.
Вот и в душе та весна расцвела.
Девочка каждое утро встречает
Русских солдат на пути у села.
Радостно прыгает, ручками машет
И обнимает, целует ребят.
Знает сердечко ее: это — наши,
Значит, подвал не вернется назад!

* * *

Пришла пора, уже весна,
Кругом цветочки-травочки.
Старушка древняя одна
Сидит, молчит на лавочке.
И отрешенно внутрь себя
Глядит. И видит что там? —
Как немцы дом ее бомбят
И нет конца работам...
Но там и Родина была —
Никто не сунься близко —
И жизнь спокойна и светла,
Не то что ныне — склизко.
Сидит... Вдруг в небе мощный вой,
И рядом дом в обвале.
Донецку это не впервой.
А ей бы быть в подвале.
Сидит... Добраться нету сил.
Пусть будет что уж будет.
А в голове вопрос застыл:
«Да разве это люди?!»
Повисла кукла на стене...
Визг тормозов и стоны...
Могло ли быть в ее стране
Такое? — Не упомнит.
Старушка древняя одна
Сидит, молчит, на лавочке.
Пришла донецкая весна,
Кругом цветочки-травочки...

* * *

Родной, спокойный и неторопливый,
Мой город, ты далек от суеты,
Ты строишься с далекой перспективой
И обретаешь больше красоты...
На лавочке в погожий вечер в сквере
Сижу. А мимо люди — все бегом,
От жизни получая лишь по вере,
Душой увязнув в личном целиком.
Лучи сквозь листья теплым светом
Закатным, бархатным вином пьянят.
И птичьи песни дружеским приветом

Природы вечной над землей летят.
Поют, что не вернуть года обратно,
Где вдалеке мой дом, тенистый сад.
О них любовь, тепло храню изрядно.
Они души моей двойной заряд.
...А рядом на скамью присели двое
Самозабвенно спорящих людей.
И одного задели за живое
Слова о дурости советских дней.
Он спорил с другом горячо и рьяно
И говорил: страна былая — Мать.
Какие б ни были у ней изъяны,
Негоже Мать родную оскорблять!
А город слушал и кивал согласно
Ветвями лип, берез и тополей.
Ведь он в советском том былом, прекрасном
Взрастил немало лучших сыновей.
...Сижу на лавочке, гляжу в былое
И вижу дом, тенистый сад и мать.
Такое все родное и живое —
Обнять и ни за что не отпускать!

* * *

Гроза! Крестись иль не крестись.
Случилось. Мир перевернулся.
Копилась сколько боль и слизь.
И сколько жить высоким пульсом?
Гроза — зарницы, битвы, гром.
Неудержимое движенье.
Когда отказ решить добром
Ведет к фатальному сраженью.
И город, что под буквой «ззд»*, —
И повелитель, и владыка,
Творец решительных побед,
Творец другой страны — великой!

* * *

Представить такое возможно ли было:
Как черная месса и черная суть —
Плоды Беловежья и чернобыла
Нам явят берущую за душу жуть?
Явились нацбатами, прочею татью,
В наркотиках, зигах, наколках «тату».
Отправились Русь покорять черной ратью,
Вначале ее превратив в пустоту.
Но рано играть похоронный нам марш.
Не выкрасть с безбрежных небес русских солнце.
Вы сами себя превратили в шарж,
Закрыв себе в рай навсегда оконце.

* Z — один из символов специальной военной операции на Украине.

И город российский, из века в век,
Уже никогда не случится вашим.
И черный придет не к нам человек,
А к вам самым строгим, суровым стражем!

* * *

Как люблю я «Грачи прилетели» картину!
Но она устарела по смыслу теперь —
Ведь грачи не летят на юга больше клином,
Закрывая на время на родину дверь.
Вместе с нищими в мусорных баках вкушают
И грачи. Тут выводят потомство свое.
И смешались они в одну темную стаю —
Гордый грач вместе с галками и вороньем.
А незримым законам судьбы подчиненные,
Поспешая на встречу с собой — визави,
Улетают все души, ковидом плененные,
Не успевшие тут стать оплотом Любви.
И в родимой стране не найдя применения,
Молодежь улетает в чужие края,
Не дождавшись желанного тут воскресения,
Обрести иноземного там бытия.
И сейчас, кто с душою кривой, те — далече
Так не любят Россию — родимую Мать.
Может, время когда-то отпавших излечит,
И придется как блудных их снова прощать...
Но Господь не оставил Россию родную.
Возрождается вновь ее бывшая стать:
Обстоятельства к ней подступили вплотную,
Знать, Отцовская ей вновь дана благодать.
За Донбасс, за народ, за себя она встала,
И надеюсь, что так не устанет стоять.
У нацизма его ядовитое жало
Вырвет с корнем, как прежде, не бросится вспять!
Вот за это в ночи я свечу зажигаю.
И усиленный сердцем тот маленький свет
Пролетит всю страну пусть от края до края
И напишет с родной стороною завет.
Пусть от наших границ уберутся вражины,
Никакие ковиды не сунутся к нам!
И доступными снова нам станут вершины,
И величие мы завещаем сынам!
Перебудем всю тьму, и не станет голодных,
И вернется к России ее каждая пядь,
И не будет вовеки народов безродных,
И грачи прилетят к нам весною опять!

* * *

Среди суеты и забав
Была у меня защита:
Бескрайнее море трав

В далеких лугах разлито,
И небо со стаями птиц,
И летнего солнца ласка,
И таинства книжных страниц,
И музыки дивная сказка...
Но город большим кораблем
В огромном зеленом море
Сегодня, жестоким днем,
Идет и со злобой спорит.
Мой город не хочет смертей,
Не хочет, хоть он и воин,
Ни в чем не повинных детей
Убийствами он недоволен.
Ни в чем не повинных людей
Не хочет ранений и гибели,
И жадно с Украины вестей
Он ждет, что нацистов выбили.
Я с городом полностью «за»,
Сродни мне его заботы.
И прямо ему в глаза
Смотрю... Но течет слеза —
В Донбассе все делятся налеты...

* * *

Пруд изумрудный лежит молчаливо.
Медленно рыба плещается в нем.
День проплывает так сонно, лениво —
Замерло солнце в движеньи своем.
В воздухе ткнут золотые узоры
Стаи прозрачных и тонких стрекоз.
Ясного неба безбрежны просторы.
Тянет к себе недалекий покос...
Гул самолетов на авиатрассе
Вывел из сна, и мир сделался злей.
Это же небо и солнце в Донбассе —
В этот же день убивают людей.
Семьдесят лет зла зародыши зрели —
Ныне расцвел черным цветом нацизм.
Мирные жители — главные цели,
Множество детских там справлено тризн...
Сердце мое не находит покоя —
Хочется мир принести той земле,
Чтоб наслажденье от жизни простое
К людям пришло назло страху и мгле.

* * *

Есть ли за что умирать нам в России,
Есть ли за что свою жизнь отдавать?
Есть! Когда враг свои темные силы
Вновь направляет на Родину-Мать.
За всех убитых, ни в чем не повинных,

Взорванных в клочья чуть живших детей,
Земли цветущие, ныне пустынно.
За сохраняющих память корней.
Чтобы наш мир от нацистов очистить,
Всех положений, обличий, мастей,
От палачей, что лютей нет садистов,
Вольно калечащих наших парней.
Есть ли в России за что умирать?
Есть! Когда нужно направить все силы,
Дети и внуки чтоб вновь воскресили
Гордую, славную Родину-Мать!

Владислав Бусов
(г. Кашира Московской области)

Наш постоянный автор.

СОНЕТ О ПЕРВОМ СНЕГЕ

Первый снег, как первая любовь.
Первый снег, как первый поцелуй,
Как никем нетронутая новь,
Ты, поэт, в стихах его рифмуй.

Первый снег, как первая любовь,
Как родник целительной воды.
О прошедшем он напомнит вновь,
Заметет осенние следы.

Первый снег так первоначально чист.
Пробудит он благостную мысль,
Занесет в заоблачную высь
И строкой опустится на лист.

Первый снег... придет неожиданно он —
На душе моей хрустальный звон...

* * *

Что шумите, березы, под ветром,
В синем небе оставив следы?
Не дожидаться от вас мне ответа,
Все опавшие скроют листья ...

Упадут янтарем на поляны
И зажгут золотистый огонь.
В роще голой, осенней, усталой
Обретут они вечный покой.

В эту пору блаженные мысли
Навещают меня иногда.
Я смотрю в поднебесные выси
И считаю, как листья, года ...

В ЗИМНЕМ ЛЕСУ

Посвист стайки свиристелей
На березовых макушках.

Терпко пахнут хвоей ели,
Пики обнажив вершушек.

На стволе припорошенном
Цепкий поползень, сбегаю,
Следует лесным законам,
Пропитанье добывая.

На мгновенье раскрывает
Перья радужные дятел.
Дробью дали оглашает —
Всех личинок неприятель.

* * *

Лето красное, значит, красивое,
Ты листвою зеленой шумишь.
Умываешься теплыми ливнями,
Подрасташь, июньский малыш.

Вот рябина, вчера еще белая,
Отцвела и грустит о весне.
Наливается ягодой спелой
Земляника в лесной тишине.

И крапива густая, колючая,
Нет прохода в ее зеленях.
Ждет, злодейка, удобного случая,
Чтобы больно ужалить меня.

Все поет, расцветает и буйствует,
Летний близится солнцеворот.
День приходит со светлыми чувствами —
В сердце вера с надеждой живет.

* * *

Колокольною медью звенит
Одинокая в поле береза,
Листья желтые сбросив свои
В ожидании первых морозов.

Вот зазимок припорошит
Серебром ее ветви нагие,
Будет платье ей белое шить,
Наряжая в искрящийся иней.

Словно Лебедь она проплывет
И закружится в танце со звоном.
Знать, пришел в ее жизни черед
Обручиться с есенинским кленом.

Олег Пантюхин
(г. Щекино Тульской обл.)

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА

С тобой в другом пространстве
Который год живу.
Сюда, хоть и не часто,
Я приезжать люблю.
Здесь все ветра земные
В тебе пересеклись,
А башни золотые
До неба вознеслись.
И с той поры душою
Переродился я,
Ты верой стал большую
И смыслом бытия...
Все тайные надежды
К тебе обращены.
Здесь сердце моё бьётся
В преддверии любви.
И в ожиданьи чуда
Встречаю я рассвет,—
Здесь льётся ото всюду
Неугасимый свет...

Надежда Григорьева
(г. Узловая Тульской области)

Надежда Александровна Григорьева родилась в селе Ерзовка Городищенского района Волгоградской области. В 1986 году окончила Волгоградский государственный педагогический институт имени А. С. Серафимовича, а в 1987 переехала в город Узловая Тульской области, где с тех пор преподает русский язык и литературу в школе.

НЕВСТРЕЧЕННЫЕ

1

Как беспощадно выстужен вагон...
Как бессердечны мерзлые пустоты...
Заиндевелый призрак, чей ты? кто ты? —
В стекле фонарном трижды отражен?

Не встреченные мы. Да почему?!
Не о крестах сейчас, не об откосах.
Заледенела на бровях вопросом
Немая хорда выдавленных мук.

Пустые поезда не провожай.
Не уезжай в остывшее ненастье.
Я все-таки надеюсь повстречаться
И руки — очень теплые! — пожать...

2

Невстреченные мы. В который раз.
И по каким нас носит тротуарам?
Какими взглядами кололись даром?
Какие ветры разметали нас?

Невстреченные мы. Пусть будет так!
И никаких обид, и ни упреков,
Ни ожиданий, выжданных до срока,
Ни восклицаний, лживых и не в такт.

Невстреченные мы, и оттого
Неясно-фосфорно, но теплится надежда,

И тротуар такой маняще-свежий,
И лужный лик, и... больше ничего.

КОРЕНЬ

Слово. Слава. Корень-то один!
Здесь, конечно, «корень» — ключевое.
Из него наш пращур-славянин
Землю прорастил для нас с тобою.

Землю, да. Не почву или грязь
(Хоть и это в словаре есть, кстати) —
В смысле, что земля вся поднялась,
Когда вороги пришли и тати.

Среди слов в славянских языках
С их прозрачной, чистой подоплекой
У земли особый ранг и знак,
Много-многозначный и глубокий.

ВТОРОЙ ПО ЗНАЧИМОСТИ ГОРОД

Какие они, наши города?
Какой — один! — и почему стал ближе?
В чем измеряется любовь? В годах?
В событиях, отживших, как афиша?

Пружинится по мостовой нога,
Иду по улицам второй своей столицы.
Любовь, пожалуй, измеряется в шагах
Доступности до радости на лицах.

А город — что? В любое время дня
Он сердцу мил и глазу дорог.
Так принимай — в который раз — меня,
Второй по значимости город!

Лариса Дегтярева
(г. Астрахань)

ПЫЛЬ ДОРОГ

Член Союза российских писателей, автор шести поэтических сборников и книги прозы. Публиковалась во многих литературных изданиях. Родилась и проживает в Астрахани.

* * *

Потихоньку поживает город
в тишине, покое, полусне.
Жизнь идет по встречной полосе,
и пройдет совсем еще не скоро.

Жизнь идет, понятна и проста,
малолюдной улицей и парком.
Может быть, сегодня слишком жарко.
А в другие дни здесь все не так.

Жизнь бежит на зов, на плач, на смех,
за мечтой, стихами, пустяками.
И минут, что время отпускает,
не хватает как всегда на всех.

* * *

Смотри, еще мои часы
не оказались в поле зренья,
а я пишу стихотворенье.
Оно расскажет о тебе.
Оно расскажет о морях,
которых ты еще не видел.
Тот город, что меня обидел,
останется в календарях
своей ненужной составной,
какой-нибудь последней частью.
Не думай, что я здесь несчастна.
Мне просто хочется домой.

* * *

Весь мир в снегу.
Соседний небоскреб

окоченел, ссутулившись,
и выглядит неважно.
Герои спят
в своем краю бумажном.
А я их сон
привычно стерегу.

На их страницы тоже ляжет снег.
На их постели тоже ляжет вечность.
И сны их, удаляясь в бесконечность,
неволью приближаются ко мне.

* * *

Была пыль дорог, а теперь ни пылинки.
И я убираю в коробку ботинки,
на верхнюю полку дорожную сумку
и старенький зонтик с абстрактным рисунком.

И я достаю прошлогодние фото.
Но грустно рассматривать их отчего-то.
Деревья, дома, кружевные балконы,
зеленые горы, пологие склоны...

И я открываю окно, за которым
бесцветное небо над серым простором,
и легким туманом бескрайние дали
укрыты. Меня там, наверное, ждали...

* * *

Время терпит. Я терплю.
На столе объедки лета.
В чашках капельки рассвета.
Крошки снов на доньях блюд.

Недосказанность стихов.
Неразборчивость улыбок.
Век в плену фантазий, либо
жизнь во власти пустяков.

Завтра медлит у дверей,
а вчера давно забыто.
Время терпит все убытки
отрывных календарей.

Оттого, что мы к зиме
оглянуться не успели,
время терпит еле-еле
нас с тобою на земле.

Наталья Шмелева
(г. Новочебоксарск, Чувашия)

Пишет со студенческих лет. Автор чувствует единение с природой, красоту окружающего мира. Основные темы творчества: любовь, природа, философское осмысление жизни. Участник всероссийских, межрегиональных фестивалей и конкурсов, автор сборников стихотворений и рассказов. Произведения публиковались в различных литературных изданиях. Член различных писательских союзов.

ПУТЬ

А он...
Утрачен безмятежный сон...
Она...
Всегда в кого-то влюблена.
Они...
Бегут вдоль поезда огни.
Туман...
Таит мечту или обман.
Порыв...
Внезапный полуночный взрыв.
Роса...
Наутро блещет, как слеза.
Покой...
Полуденный июльский зной.
Вода...
Печали смоем навсегда.
Закат...
Задумчивый усталый взгляд.
Звезда...
Проводит взглядом поезда.
А там...
И грусть, и нежность пополам.
Прости...
И с легким сердцем отпусти...

САМОЛЕТ

Самолет унесет далеко от разлук и печалей,
В облака поднимается, снова трепещет душа.
И хотя в переплет мы, казалось, не раз попадали,
Но проходит зима, и под солнцем весна хороша.

Как снега, облака под крылами несущейся птицы,
Словно в белой пустыне, где клочьями рваными тлен...
Суета далека. Манит снова огнями столица,
Заполняя листы Книги Судеб и Дни Перемен.

Я опять прилечу. Наберусь вдохновения света,
И душа запоет, новой песни я слышу мотив.
Полный искренних чувств, разноцветные дарит букеты
В ярком сне самолет, что меня убаюкал в пути...

ВЕЛЕНИЕ РАЗМЕРЕННОЙ ВСЕЛЕННОЙ

Веление размеренной Вселенной
Я торопить и медлить не хочу.
Раба сладчайшего на свете плена,
Полета, где без крыльев я лечу.

Не верю ни гаданьям, ни скрижалям.
Событий, лиц бесчисленный поток...
Порою ядом жизнь меня ужалит,
Когда я думаю, что то — цветок.

Ну а когда бреду, не видя света,
По долгой черно-белой полосе,
Она подарит радости букеты
И намекнет, что это и не все...

Все преходяще и, возможно, тленно,
Но наши чувства нежно берегу.
Веления размеренной Вселенной
Я не нарушу. Да и не смогу...

НА КОВРЕ-САМОЛЕТЕ К ТЕБЕ ПРИЛЕЧУ

На ковре-самолете к тебе прилечу,
Преисполнена радужных пламенных чувств.
Обниму очень нежно и к сердцу прижму,
Как скучала сегодня, тебе расскажу.

Будут песни о вечном и нашей любви,
И о небе бескрайнем, где птицею взмыл,
Словно гордый и ширококрылый орлан,
Дух свободный и вольный с мечтой пополам.

Прилечу непременно, лишь ты позови,
Спой мне песню о вечной и яркой любви,
Мир фантазии светлой меня привлечет,
И появится сразу ковер-самолет.

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Валерий Румянцев
(г. Сочи.)

ГЛАВНЫЙ ВРАГ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

В статье анонимного автора «Состояние русской литературы на современном этапе», которую я случайно увидел в Интернете, прочитал: «Русская классическая литература внесла большой вклад в мировую культуру тем, как подошла к постановке и освещению сложных проблем человеческой личности, общества, бытия. Литература прошлых веков заставляет задуматься о смысле жизни, о духовных ценностях, расширяя наше сознание и восприятие мира. А что дает нам, читателям, не говоря уже об остальном мире, современная русская литература?».

Настоящая слава — это когда узнают в профиль. Сегодня у нас нет ни одного писателя, которого узнавали бы в профиль.

Литераторы и читатели почти в один голос заявляют, что современная русская литература переживает серьезный кризис. И в качестве правильности своего вывода «преподносят» нам кучу весомых аргументов. Так кто же он — главный враг современной русской литературы? Попробуем заняться расследованием и попытаемся «вычислить» этого врага.

И что сразу настораживает. Ни сотни монографий и статей наших ученых-филологов, ни наличие в МГУ кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, ни многочисленные гранты, ни сотни литературных премий, ни проведение в стране Года Литературы, — ничто не помогает исправить бедственное положение.

Интернет пестрит статьями, одни названия которых чего стоят: «Кризис романа в русской литературе», «Проблемы развития современной литературы», «Почему в Европе не читают современную русскую литературу?», «Причины кризиса авторской песни»... И везде в названиях мелькают нелицеприятные оценки: «кризис», «проблемы», «упадок», «застой».

Современных писателей можно не условно, а безусловно разделить на две категории. Одни пишут такие книги, которые будут издаваться и продаваться, принося прибыль книжным издательствам и хоть какие-то деньги автору. Издателей особо не

волнует художественная ценность произведенного «продукта». Они уже давно беспрекословно выполняют волю нового диктатора в нашей жизни — Золотого Тельца.

Другие писатели руководствуются заветами наших классиков и пытаются создать истинную литературу, в основе которой будет стремление понять жизнь в современной России и осознание проблемы человеческого существования. Для реализации этих «установок» они занимаются поиском подходящей формы, беря на вооружение все лучшее, что было до них в русской литературе.

Если посмотреть на поведение писателей в этих двух «отрядах», мы увидим разную мотивацию к писательскому труду. В отличие от авторов «мелкотравчатой» беллетристики, настоящие писатели всегда говорят читателям правду, а нередко и вызывают нескрываемое раздражение у власть имущих.

В роли ключевых игроков книжного рынка России (если говорить об издании современной художественной литературы) выступает примерно десяток книжных издательств: «АСТ», «Эксмо», «Текст», «Слово», «Росмен», «Дрофа» и др. Что нужно, чтобы писатель увидел свой текст в виде книги в одном из этих издательств? Да всего ничего: достать из кармана деньги и отдать их. «Но откуда они у писателя?!» — спросите вы. Впрочем, можно издать книгу и за счет издательства.

Представим себе, что появился у нас новый Лев Толстой со своей «Войной и миром» и захотел издать эту книгу, чтобы получить солидный гонорар, после чего сесть за стол и спокойно, не думая о хлебе насущном, написать свою «Анну Каренину». Но он много раз слышал, что писатели, имеющие большой опыт общения с книжными издательствами, предупреждали: «Перед отправкой рукописи в издательство необходимо смириться с тем, что редакторы в 90 % случаев присланные рукописи НЕ читают».

Поэтому новый Лев берет свою эпопею и приходит, ну, например, в издательство «Эксмо». Но его роман даже не берут для прочтения. «Как? Почему?!» — возмутитесь вы. Да потому, что сотрудники издательства «Эксмо» черным по белому написали и опубликовали условия принятия рукописей на рассмотрение. А там четко и ясно сказано, что на рассмотрение принимаются: детектив, криминальный роман, боевик, фантастика, фэнтези, авантюрно-приключенческий роман, мистика и женский роман. А остальное — извините, «не пользуется у читателя спросом».

В остальных книжных издательствах та же «картина маслом». Вот и не узнали мы о существовании нового Льва Толстого и вряд ли в ближайшее время узнаем. А вдогонку ему еще и крикнут: «Стихи и рассказы тоже не приносите! Мы их тоже не печатаем!» Так что новому Александру Пушкину или Ивану Бунину тоже «каюк».

Борис Цетров в заметке «Куда исчезла серьезная литература? Мысли вслух» сетует на то, что книжные издательства ради получения максимальной прибыли завалили читателей развлекательной литературой, и завершает свою мысль язвительной фразой: «Но развлекательные куры будут и дальше нести лишь развлекательные яйца, а из развлекательных яиц будут вылупляться лишь развлекательные куры».

Получается, что поэты и писатели-рассказчики априори поставлены вне закона в стране под названием «книжные издательства». И поэтому не удивительно, что даже творчество такого выдающегося поэта, как Михаил Анищенко, наши самые крупные издательства при его жизни не заинтересовало. Впрочем, после смерти — тоже. А, по сути, он — лучший русский поэт начала 21 века.

Нет читателей — нет и литературы. Поэтому давайте почитаем в Интернете, как реагируют некоторые читатели на плачевное положение дел в нашей словесности. А пишут они вот что:

— «Современная российская литература развивается в абсолютном хаосе... а за художественным языком вообще никто не следит, потому он и растет, как трава придорожная»;

— «А все-таки авторы — НЕ ТЕ. Можно писать интересно, захватывающе даже о

совсем обыденных вещах и простых людях, пробуждать мысли и чувства. Но чтобы осмыслить происходящее, у наших писателей не хватает»;

— «Прочитал много, но не могу припомнить ничего хорошего. «Производственные романы» из жизни офисного планктона, писанина скисших от скуки «рублевских жен», детективы»;

— «Причина проста: глухое непонимание нашим государством фундаментальной роли литературы в жизни человека»;

— «Современный русский писатель разучился рассказывать историю. В том традиционном смысле слова, как рассказывали историю дамы с собачкой, Наташи Ростовой, Раскольниковова»;

— «Критика не помогает, как это было раньше, ни писателям, ни читателям. СМИ изгнали со своих страниц любой разговор о литературе»;

— «Читатель знаком лишь с десятком писательских имен и начисто лишен возможности узнать и оценить новые»;

— «Литературные премии работают вхолостую, давая лишь некоторую материальную поддержку победителям и не обеспечивая их известности и поднятия тиражей»;

— «Изданные книги как не уходили двадцать, пятнадцать, десять лет назад за пределы региона, где изданы, так и не уходят»;

— «Станет ли что-нибудь, написанное в наше время, классикой? Я однозначно считаю, что нет; что наша русская литература, которая ценилась во всем мире, на нашем поколении как-то остановилась. От этого становится очень грустно и отчасти даже стыдно перед потомками»...

Когда я прочитал слова последнего цитируемого пользователя Интернета, вспомнил высказывание Юрия Полякова: «Если книга перечитывается, значит, у автора есть шанс стать кандидатом в классики». А книги каких современных писателей сегодня перечитываются? Вопрос — риторический.

Такой вывод я сделал после того, как опросил активных читателей современной русской литературы из числа своих друзей, приятелей, родственников, знакомых и даже мало знакомых людей. Прозу современных авторов никто из них не перечитывал. Поэзию — да, иногда перечитывают — и называют имена таких поэтов, как Михаил Анищенко, Николай Зиновьев и Борис Рыжий.

Прочитав еще один абзац из статьи, с которой я начал эти заметки. Оценивая Сорокина, Пелевина, Акунина, Улицкую и другие «громкие» имена, автор пишет: «Почему-то, когда я читаю наших современных писателей, в общем-то, все они оригинальны; и тех, кого я назвала, например, не спутаешь с другими. И так, после прочтения почему-то произведения не хочется перечитывать. Даже более, несмотря на философское начало, на талант, чувствуется какая-то ограниченность гениев».

Скорее всего, кризис современной русской литературы — это одна из составляющих кризиса всей нашей культуры (кино, театра и т.д.).

Литературовед профессор Михаил Голубков в своей статье «Парадигмы современной литературы», академическим языком излагая свои размышления, подчеркивает: «Горячей» культура является тогда, когда ее потенциал востребован, то есть когда общество нуждается в ее открытиях, когда искусство в целом и литература в частности оказывается значимым фактором общественного сознания, существенным обстоятельством национальной жизни». И далее: «Нынешнее состояние литературы, когда общество не знает и не видит ее, вряд ли может соответствовать «горячей» стадии». И не согласиться с выводом профессора нельзя.

Не без помощи читателей и литераторов мы в какой-то степени подошли к разгадке сущности «главного врага современной русской литературы». У этого «монстра» оказалась не одна голова, а множество.

Как-то мне пришлось услышать такое мнение. Причина беды, которую мы рас-

смотрим в этой статье, кроется в следующем. Сегодня, чтобы получить высшее образование (а значит, и систематические знания), нужно заплатить за обучение немалые деньги. Дети рабочих и крестьян не в состоянии этого сделать. И потенциальные литераторы так и «погибают», не «родившись» как писатели. Анализируя советскую эпоху, мы вспоминаем, что десятки выдающихся советских писателей и поэтов могли сказать о себе «вышли мы все из народа»...

С учетом этого можно выдвинуть версию, что главным врагом современной русской литературы является буржуазный строй сегодняшней России. Но здесь возникает такая «загогулина». «Поднимая на щит» этот тезис, не надо забывать, что Лев Толстой, Федор Достоевский, Иван Бунин и другие классики создавали свои литературные шедевры, когда капитализм уже стремительно шагал по всей России.

В конце романа Дины Рубиной «Синдикат» можно прочесть такие строки: «...С годами жизнь отнимает у человека главное — предвкушение... Господь отнимает только одно... И если ты спросишь меня — что есть молодость, я отвечу тебе: сладостное и безбрежное предвкушение...».

Сегодня складывается впечатление, что Господь отнимает у нас предвкушение... восхититься новыми шедеврами «завтрашней» русской литературы.

Но мы-то знаем, что Господь милосерден.

Евгений Трешев
(г. Щекино Тульской области)

**«А НАСТОЯЩЕЕ — НЕ С НАМИ:
СВЕЧА НАД ВЕЧНОСТЬЮ ГОРИТ»**

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Из печати в издательстве «Аквариус» вышла новая книга члена Союза писателей России Валерия Владимировича Кулешова под названием «Зов ветра», в которую вошли поэтические и прозаические произведения автора.

Представленные в книге рассказы (высказы) — его первый опыт в прозе. В них свет перемешивается с тьмой, радость с болью, печаль с грустью. И вот как со слов самого автора это начиналось:

«Прошив пространство, в иное время окунулся он. И далекая жизнь приблизилась, оборачиваясь в настоящую. Он вошел в нее, и она пришла в движение, зазвучала, брызнув красками. Как бы сама собой стремительно обрела она при этом словесную плоть, делалась выпуклой, осязаемой, и в то же время — прозрачной, сквозной... Такой, что он уже мог выразить ее, казалось, в самом ее естестве.

На мгновение отпрянув от открывшегося, он решил было подняться, чтобы удержать, закрепить и эту жизнь, и себя в ней. Но вдруг отчетливо понял: нет, такое — уже никуда не уйдет. И, улыбаясь, уснул. Утром, за один присест записав все так же ясно звучавшее в нем и взглядевшись в то, что впитал в себя этот невесомый по сути листок бумаги, он без особого удивления признался себе: «А ведь что-то тут есть...» И вдруг, по достоинству оценив свой первый опыт в прозе, испугался: «Это что же теперь: прощайте, стихи?!»

И весь день, весь день эта пугающая мысли не отпускала его. Как дальше без них, он — проживший едва ли не все свои семьдесят в их стихии — себе не представлял.

А уже ночью, почти в то же самое время, что и накануне, резко проснулся. И тут уж хочешь не хочешь — пришлось вставать. Стихотворение, записанное его рукой, начиналось так: «Я прошел по земле...»

Но другое продолжало держать его. Приняв произошедшее как откровение, он силился уяснить себе: какого все же роду, племени его «Батальоны...». Рассказ? Ну уж нет. Этим понятием написанное никак для него не определялось. Новелла? Эссе? Очерк, наконец?.. Нет, и еще раз нет. «Рассказ, рассказ... рассказывать... пересказывать... высказ... Стоп! Высказ...» И — к Далю. К Владимиру Ивановичу — за советом. И тот, как всегда, не подвел. Ну конечно же — высказ! В смысле — высказать, сказать все, что знаешь, что на душе...

«Как точно... как же хорошо...» Этим и успокоился» (В. В. Кулешов).

В книге «Зов ветра» опубликовано шестнадцать высказов: «Штрафные батальоны», «Высказ», «Начало и конец», «Ступени», «Высокие вишни», «Человек — человеку», «Карябачка», «Крест», «Четыре жизни», «Один на ноль», «Обещание счастья», «Рублик», «Возвращение имени», «Гуси- лебеди», «Весточка», «Выбор».

Их сюжеты, как правило, очень интересны и увлекательны. В них богатый и образный «поэтический» язык, легкий стиль повествования. Они наполнены эмоциями, чувствами, переживаниями. Это осмысленный в слове духовный мир писателя. Читаются высказывания на одном дыхании.

В высказе «Гуси-лебеди» заложена крепкая интрига. Автор сумел передать все тонкости настроения и ощущения героя. Вымысел и действительность здесь так плотно переплелись, что отличить одно от другого очень сложно.

В фольклоре любого народа есть подобные легенды о встречах с различными мистическими явлениями.

Иногда очень трудно найти в них границу между вымыслом и реальностью. Даже если это вымысел, то он кажется вполне правдоподобным.

Валерий Владимирович мастерски соединяет воедино реальность и необъяснимые действия потусторонних сил. Сюжет держит внимание читателя и позволяет испытать силу самых противоречивых ощущений.

Герой этого высказывания приехал из другой области на кладбище, чтобы поклониться могилам своих близких. Полдня пролетели быстро, он даже не заметил, как... Вышел в поле. *«И тут — как гром среди ясного неба — крик над головой. Будто крик с Небес! Споткнувшись, да так, что чуть не упал, он вскинул голову вверх. Гуси! Стая диких гусей, незнаемо откуда взявшаяся, кружила над ним. И тут же, будто заметив его движение, приняв его как готовность на отклик, одна из небесных птиц, оторвавшись от собратьев, устремилась к нему. И замер он, не помышляя ни отпрянуть, ни руками закрыться. А гусь, не долетев какой — то десяток метров, круто взмыл в небо — туда, к своим. Унося с собой выплеснувшуюся в воздух тревогу, обещая взамен умиротворение и безмятежность».*

Но герой пока не осознавал этого. *«Наоборот: тот, пронзивший его, морозный испуг жаром растекался по всему телу, гнал прочь, путая мысли, сбивая все чувства — в одно. И было имя ему — страх...»* (В. Кулешов). Как выразительно написано. Цепляет за душу. Здесь целый мир человеческих переживаний, в которых звучат вечные вопросы.

А год назад я рассказал Валерию Владимировичу один эпизод, подмеченный мною на улице города. Он позже переработал его и получил изумительно трогательный рассказ «Четыре жизни».

В высказываниях «Карябачка», «Высокие вишни», «Человек — человеку», «Один на ноль», «Обещание счастья», «Рублик», «Возвращение имени», «Весточка», «Выбор» описываемые события взяты из жизни и связаны с судьбами известных автору людей, или которые произошли непосредственно с ним.

В «Карябачке» Валерий Владимирович вспоминает хлеб своего послевоенного детства, испеченный в русской печи его бабушкой:

«Всякий он перепробовал, да только лучше своего — не было. И не потому, что бабушкин, а потому — что правда. Вроде и мука одна и та же — ржаная, и печки одни и те же — русские, а поди ж ты... Все так, а хлеб — разный. Вкуснее всего, конечно, горбушка. Особенно когда из нее повыковыриваешь мякиш, оставив лодочкой одну корку — сладко-коричневую, ласково-гладкую, всегда почему-то теплую на ощупь. А уж если горбушка от лопнувшего в печи каравая — та самая карябачка!.. Тут уж — слов нет. Кому доводилось есть такое — тот и без того знает, а кто не пробовал — тому не объяснишь. Бесплезно».

«Нет у теперь того хлеба. И вряд ли он когда здесь будет» (В. В. Кулешов).

А ведь, заметьте, что у Кулешова хлеб (карябачка) описан так смачно, что хочет-

ся самому отломить кусочек от этого каравай и положить его в рот, вспоминая свои далекие — далекие детские годы и деревню Нижнее Карлово в Орловской области, где я часто гостил у теток в летнее время.

Валерий Владимирович умеет тонко чувствовать другого человека, что нашло отражение в высказках «Крест» и «Человек — человеку». Автор показывает в них, что окружающие люди уникальны и требуется проявлять великое сострадание и гуманность в отношениях.

В них свет и тьма — две стороны одной медали. У каждой из сторон своя роль. Тьма не может быть без света, и наоборот. Во всем важен баланс.

Каждый из нас несет свой урок в этом мире. Мы творим свет и тьму из мыслей и чувств. Нужно только помнить свою божественную суть и верить в себя.

Я неоднократно слышал, что собственный поэтический мир для В. В. Кулешова является убежищем и источником, в котором он черпает силы: *«Все, что могу. За душою — лишь слово. Знайте, родня и друзья: можно и жизнь положить за другого, прожить за него нельзя».*

Творчество — смысл жизни этого человека, не писать он попросту не может: *«Услышу ветер — вспомню песню, что мне завещано сложить. И обожгусь неожиданной вестью, и жить захочется, и жить...».*

Думается, кредо В. Кулешова запечатлено в стихотворении: *«Из точки вышли все пути, а в точку по судьбе нам суждено один пройти путь: от себя — к себе...».*

Ярче всего представление о творчестве поэта дают сами его стихи. В них он старается заглянуть за грань реальности и открывает читателю удивительное по силе изображения метафизическое пространство, где «земное» контрастирует с ощущением «высшего смысла»: *«В зыбких сокрыта знаках вечная тайна души. Если во сне — не плакал, и наяву не жил».*

«...а настоящее — не с нами: свеча над вечностью горит... Душа — она времен не знает, которые сама творит. Но вечность — каждую отметит. И вздрогнешь, так и не узнав, ту искру, что мелькает в этих, судьбой завязанных узлах» (В. В. Кулешов. А настоящее — не с нами).

Как мне кажется, одними из самых сильных у В. В. Кулешова стихотворений, вошедших в сборник «Зов ветра» являются: «Услышу ветер — и заплачу», «Кладу я на ветер имя», «...а настоящее — не с нами», «Шаткая почва толкает выше», «Взгляд», «Будем жить, если живы», «Не разобрать: где явь, где сон...», «И тяжесть земли за плечами», «Час короток, пространство глухо», «Имя», «Разворошив воспоминанья», «Судьба», «Признание», «Поле жизни», «Голос» и др.

Каждое стихотворение он пропускает через себя, поэтому строфы пропитаны его мироощущением. Не шаблонность самосознания определяет направление и особенности его творчества. У поэта особый почерк, особый строй художественных приемов. Его стихи — это поиск корней, сути происходящего вокруг него: *«По краю земного причала идем, разрывая сердца: приходим, не помня начала, уходим — не зная конца...»*

Он одновременно сложен и прост, элитарен и доступен.

«...Когда и провета не чаю, явь выводя из снов, вдруг вспыхивает звучанье в душе оживающих слов. Не зная, что это — свыше, но, весь обратившись в слух, внимаю, как рядом дышит живое творящий Дух. И, целого будучи частью, идя от корней одних, смиренно приму причастье, дыханье Его продлив...» (В. В. Кулешов. Голос).

«Валерий Кулешов смотрит на мир как бы снизу вверх, чуть-чуть искоса. Это глаза раздумий. Вот почему детали в его стихах укрупнены, как бы поднесены близко к глазам... Он обращен в поиск. Но этот поиск — внутренний», — утверждал известный поэт Владимир Цыбин.

Стихи Кулешова нередко хранят в себе скрытые символы, помогающие почувст-

воват их особенность и раскрывающие новые грани лирического образа: *«Вложил я в песнь смысл один, а вот извлек другой».*

Они оригинальны, таят в себе глубинный смысл. Автор просто видит мир по — другому, чем многие, и стремится сказать читателю свежее слово: *«Даже прошив пространство, суть — подведя итог, здесь навсегда останутся строчки моих следов...».*

Он обладает способностью передавать читателю в доступной форме свои эмоции. Мы видим в его стихах необычное сплетение словосочетаний, образов, рифм, аллитераций. Многие его поэтические ассоциации необычны: *«Путь поперек кладу. Споря с судьбой, встречу тебя одну, или себя с тобой...».* Неисповедимы пути творчества!

Довольно часто неординарные взгляды Кулешова на жизнь, на отношения между людьми, на природу при беглом прочтении кажутся странными, не совсем понятными: *«Эта песнь — не моя, отголосок чудного, все более внятного зова, но ее — мне пропеть суждено, я не знаю, откуда скупое, корявое слово, и за что мне досталось оно. Я нашел это слово, сложил его в странную песню, я искал его, душу при этом спалив... Встречный поиск, и он оправдывается, если эта песня меня вдруг признает — своим» (В. В. Кулешов. Эта песнь — не моя...).*

Валерий Владимирович Кулешов — человек яркой индивидуальности, писатель интересный и одновременно сложный

Родился в 1949 году в деревне Паленка Становлянского района Липецкой области. Учился в Московском энергетическом институте и Липецком филиале Московского института стали и сплавов, служил в Советской армии. В 1987 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Публиковаться начал в 1969 году. Первые публикации — в газетах «Молодежь Якутии» (г. Якутск) и «Липецкое знамя» (г. Липецк). Стихи публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Юность», «Приокские зори» (г. Тула), «Петровский мост» (г. Липецк), «Вторник» (Москва), альманахах «Иван-озеро», «Тула», в антологиях «Поэты Щекинской земли», в сборнике «Белые строки».

Член Союза писателей России. Член Союза журналистов России. Автор десяти книг, в том числе: «Память чувств. Избранное», «Зерна боли», «Мера времен», «Плоть песни», «Корни слова» и др. Он является лауреатом и дипломантом литературных премий и конкурсов.

Как мы видим, он уже давно достиг зрелой оригинальности поэтической мысли. Свидетельством нового, более высокого уровня развития поэта и является книга «Зов ветра». Она будоражит, не дает спокойно закрыть ее и забыть!

«Сдвигая сроки, жизнь итожа, в самозабвении своем осознаем светлей и строже, уверенней осознаем: на части белый свет не делим, суть — в сочетании простом, где вместе — горечь обретений и расставания восторг» (В. В. Кулешов. Восемь строк).

«Боже, заботу — самую важную — дай донести за остаток лет. Я и живу, пока куда выхаживаю в слове посеянный свет» (В. В. Кулешов. Молитва).

Людмила Воробьева
(г. Минск, Белоруссия)

**САГА ВНЕ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА:
ПО СТРАНИЦАМ КНИГИ АЛЕКСЕЯ ЯШИНА
«ЖИЗНЬ КАК СОН»
(Москва: «Новые Витражи», 2022)**

*Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

«Как мне связать две разные эпохи?..

.....

*Как смог я груз эпохи вынести,
Не треснув в пламени эпохи?..
Не сник под игом масскультуры»*

Олег Шестинский.

*«Версты мелькают минутами,
Память кричит: подожди...
Время тропиночки путает —
Вновь я в начале пути»*

Владимир Шугля.

Всякий раз, встречаясь с новыми произведениями главного редактора литературно-публицистического журнала «Приокские зори», заслуженного деятеля науки РФ Алексея Афанасьевича Яшина, перечитывая старое, учишься воспринимать жизнь оптимистически, учишься понимать скрытую природу вещей и явлений, приближаешься к постижению человека и мира — этих бездонных философских глубин, основных в его творчестве. На нынешнем рубеже истории писатель открывает свою особую вселенную, свой индивидуальный творческий метод, свою современную словесность во всем ее многообразии.

Роман или двенадцатая книга рассказов Алексея Яшина «Жизнь как сон» — замечательнейшее повествование, стилизованное под художественную прозу. Тут и собственный «фирменный знак» — новеллино с достопамятными персонажами, где выступают три друга, три товарища, три главных действующих лица: профессор Скородумов, писатель Бурцев и незабвенный доцент-ракетчик Николай Андреевич. Не секрет, что создание литературного героя уподоблено отцовству. Но сходство автора с героем чаще всего обманчиво, хотя в данном случае оно во многом не исключено и оправдано. Алексей Яшин явно компилирует разные части и моменты своих предыдущих книг. Напомним: «Женщину в человейнике», «Житие наше оцифрованное», «Страну холода», «Болдинское межсезонье». Авторское завидное долго-

летие — бесспорно. *«Писатель всю свою творческую жизнь пишет одну единственную книгу...»* — точно заметит он. Не поспоришь. Впрочем, за внешним сходством каждого его произведения стоит совершенно иное содержание, несмотря на кажущееся подобие событий, ибо новое время решает присущие лишь ему проблемы.

В прологе к уже названной книге Алексей Яшин очерчивает общую суть происходящего. В центре всего повествования — пьеса-драма Кальдерона «Жизнь есть сон» (1634). Он отмечает следующее: *«Кальдерон углядел в жизни сходство со сном...»* Сон — философский образ-аллегория, позаимствованный им у испанского драматурга и поэта, — то ключевое слово, которое объясняет весь замысел этого романа. Перед нами предстает вполне сюжетная литературно-бытовая история, высветляющая идею человеколюбия, прощения, чувства вины. «Быть может, ты лишь спишь и гредишь, / Хотя неспящим зришь себя», — писал Кальдерон. Вот и в третьем тысячелетии, спустя более трех веков, в новеллах Алексея Яшина его легендарные герои путешествуют на личной машине времени, причем, действие происходит во сне.

Что примечательно: гений величайшего провидца-пророка Достоевского и тень Великого глобализатора вершат грандиозную фаустиаду, соединяют сны и реальность, проходя через все 12 глав романа «Жизнь как сон». Вопреки мировому злу классик мечтал о том, что «народы заживут одним духом и ладом, как братья, разумно и любовно стремясь к общей гармонии», — такие мысли он высказывал в «Дневнике писателя» (1877). Мы видим с вами «грандиозный пример кажимости», о котором говорит Алексей Яшин, пытаясь раскрыть подмену смыслов, пытаясь предостеречь читателя от полного гипноза «всемирной компании оцифрования». Он убежден, что настоящая «машина времени» как бы встроена *«в каждого из нас и начинает работать с самого рождения человека»*. Эта образная метафора выстраивается не только в пространстве одной книги, но и в бесконечном пространстве мира. Автор предлагает перенестись в систему координат самой жизни, непосредственно соответствующей и системе хронотопических координат произведения. Нам предлагается достаточно непростая фактура письма. «Книги — часть профессионального мозга, вынесенного наружу», — даст меткое определение критик Наталья Иванова. А кто, как не тот же критик, помогает читателю понимать глубже и тоньше — замысел автора? Дело критики, исходя из остроумнейших наблюдений Бориса Эйхенбаума: «...улавливать в искусстве то, что делает его лабиринтом, чтобы не думал уважаемый читатель, что оно похоже на коридор, приспособленный для гуляния в антрактах <...> мы отличаемся от читателя тем, что не можем и не считаем возможным понимать то, что он понимает».

Стоит признать, Алексей Яшин вовсе не стремится угодить массовым литературным запросам, очерчивая пространственные границы художественного мира, он ассоциативно проецирует действие романа на начало начал — истоки истории. Писатель аналогично философу-космисту Н. Ф. Федорову обращается к «памяти отцов» — «всеединству человеческого сознания». Литература здесь воспринимается как история вечного возвращения. Что остается после нас? Память, которая концентрирует мир вокруг, или, наоборот, разрушает его? Затрагивая проблемы сознания и мировоззрения, Алексей Яшин дает читателю широкий простор для воображения. *«Словом, жизнь как сон и встречное путешествие во времени — движители настоящего новеллино: без натужных фантазий, прилипчивого оптимизма и утомляющего пессимизма»*, — весьма витиевато выразится автор. Попробуем и мы с вами, дорогой читатель, проникнуть в эти таинственные сны человеческого разума.

1

Сон, запечатленный в романе Алексея Яшина в достаточно эпохальной исторической ретроспективе, содержит естественный процесс чувственного и рационально-

го познания реальности. Представим: настоящее не существует, и мы живем, оглядываясь в прошлое, потому как будущее ускользает. Ведь человек не знает своего времени. Время скоротечно. Оно дано нам по милосердию Божию, чтобы мы не запутались, ибо не может сознание человека видеть все события одновременно. Любопытные мысли на сей счет можно отыскать у Энди Уорхала, художника, зачарованного повторяющимися образами, которые, как он писал, «в случае кино, “набегают”, — выражают... убежденность в том, что большую часть нашей жизни мы видим, но не наблюдаем». Об этом говорил и Кант, прежде всего отдавая предпочтение созерцательности. Однако Фрейд в статье «Воспоминание, повторение, проработка» (1914) обращает внимание на одну существенную деталь, что «пациент не вспоминает то, что он забыл или вытеснил, но отыгрывает это... воспроизводит это не как воспоминание, а как действие, он повторяет это, не осознав, разумеется, того, что это есть повторение». Символическая идея времени, время реальное, проявляющееся и создающееся в результате творческой эволюции жизни, — абсолютное и относительное, бесконечное и конечное — тоже является незримым, но серьезным героем книги Алексея Яшина. «Стрела времени Бергсона», затрагивающая понятийное и интуитивное познание, некая имитация происходящего — категории активные.

Но окружающая нас действительность — лишь освоенная часть мира. Только деятельностью мы придаем миру свою длительность и тем самым формируем пространство. Жизненная активность осваивает материальный мир и длит, и изменяет реальное время. Действие имеет первостепенное значение и для героев Алексея Яшина. Они всегда в гуще событий, им присуща своя индивидуальная точка зрения, оказывающая влияние на их поступки. «...*Пробываясь утром, на самой грани сна и наступающей яви, Николай Андреянович в преддверии очередного дня неуютной жизни физически ощутило затосковал. А в ушах явственно зазвучала подстать мелодия полонеза Огинского — прощание с родиной, которую уже никакой машиной времени в нынешнее бытие не вернешь*», — на такой слегка минорной ноте заканчивается первая новелла, в ней явственно ощущается какая-то скрытая печаль, разочарование. И все же значителен сам момент возвращения туда, в то размеренное доперестроечное время, и обратно, в наше тревожное сегодня. Капсула времени, в какую запаяны и какой владеют персонажи, диктует автору определенные границы вымысла. За окном — XXI век, а на дворе — «цифрофрения как клинический диагноз», не отстает и «продажная девка массмедиа», и «кликушествующий интернет» «недолайкиных» и «всelayкиных», и греет чью-то душу «накопленная криптовалюта», и вечером, прежде чем погрузиться в сон, ждет «квалифицированного потребителя» любимое детективное чтиво. Да, пожалуй, самое грустное — потеря живого слова: все заполонили американизмы с «ингами» и «ерами» — слова-паразиты, коверкающие русский язык. Сплошное литературное огорчение — эти «новорусские слова-уродцы». Но и книгоиздание — исключительно для себя и узкого круга любителей необременительного чтения. Слова утратили свою естественную энергию, они стали лишь элементом информации. Писатель — этот «инженер человеческих душ» — уже более не творит ради служения Его Величеству, родному Слову.

Между тем хотелось бы ощутить ту забытую радость, которую каждый из нас испытывал в прошлой жизни, в безмятежном детстве, когда события странным образом расходились во времени и больше от него не зависели. Именно в детстве безгранично не только время, но и пространство. Такое неповторимое время, такой «сон золотой» подарил Алексею Яшину Крайний Север: «...*в Заполярье, на побережье арктического моря, где проживает Николка, хотя уже уверенно светило, даже немного грело солнце, ветерок-свежак приятно щекотал щеки и лоб, но окрестные городу сопки только верхушными пятнами освободились от снега, а в самом городе по ночам он не таял, но днем неуверенно испарялся, а ночью подмораживался, словом, не снег, не лед, а этакий грязноватый хрустяк*». Неспешно и вполне счастливо

протекало его детство, отрочество и юность — время взросления на берегах Арктического моря. Впрочем, еще была и калужская глубинка, староверческая деревня отца, где он проводил летние каникулы. А теперь уже повзрослевший и возмужавший автор-герой «на велосипеде времени» решил отбыть в те далекие края. Невозможно! — скажете вы. Нужно немедленно это остановить и сесть в «машину времени»!

Итак, в поисках истории возвращается Алексей Яшин к своим кровным истокам. Он, как никто иной, умеет дать живые картинки прошлого, обращаясь к «золотым 70-м советским годам», красной нитью пронизывающим все его жизнеописание. Нельзя не подчеркнуть излюбленный авторский жанр, в котором он признанный мастер, — жанр сатиры. Писательской природе художника присущ по-достоевски добрый смех, присуще доверительное отношение к миру. И это выдерживает самое важное сопоставление: с Гоголем, Салтыковым-Щедриным, Толстым, Достоевским. Причем многие наши классики были великими юмористами, несмотря на то, что их художественно-мыслительный гений формировался в испытаниях, страданиях, в поисках веры. Легкие ироничные интонации, сниженный пафос, собственная безобидная насмешка над тем моментом и предметом, сущность которого знает только он, подкрепляет характерные авторские редкие, сугубо философские качества Алексея Яшина. Но это — с одной стороны. А с другой — его герои обычные люди, традиционно заходящие в кафе «Наливай-ка!», «стекляшку-забегаловку», неторопливо ведущие беседы, пропускающие «по одной, по второй под плавленные сырки». Когда-то кто-то из них даже проснулся в вытрезвителе! Лиха беда — начало! Хотя и годы спустя «стопка-другая и бутылочка со слезой в холодильнике без дела томится». Будь снисходителен, читатель! На то они и есть, друзья-товарищи, чтобы на уютной кухне допоздна вести длинные философские разговоры, и время от времени, путешествуя во сне и наяву, эти «неприкосновенные запасы» опустошать.

2

Следует подчеркнуть, Алексей Яшин обладает особым искусством — умением комбинировать бесконечное разнообразие событий, образов. Не поверите, именно он знакомит нас с таким исключительно самобытным явлением, как надомничество. Однако не буду пересказывать все сюжетные линии романа, их немало, они довольно пестры, многолики и плавно перетекают одна в другую. Вот подобный, показательный эпизод: история с надомником, пришедшим за помощью к профессору Скородумову в его «по-домашнему организованный кабинетик». Частная ситуация перерастает в глобальное видение проблемы творчества вообще. «Надомники творческой перестройки» от изобретателей с алюминиевыми кастрюлями и перегонными установками приводят нас и к поискам тех же «надомников по жизни и содержанию, причем при езде на личной машине времени». Не секрет, что время лихих 90-х, по мнению автора, было ознаменовано «незаурядными встречами». Вдруг в одночасье приобрели невиданную популярность парапсихологи, экстрасенсы, ясновидящие, предсказатели, астрологи, предрекающие «миллениум по-американски». Весь парадокс заключался лишь в том, о чем он сетует, что конструкторские бюро «за ненадобностью распустили».

Общеизвестно, любое время никому денег не обещает. Поэтому стоит ли удивляться неожиданным, подчас «ошарашенным» размышлениям Игоря Васильевича: *«<...> табор барона Федора давно осел на окраине областного города и переквалифицировался, перезагрузился — на нынешней американско-нижегородской мове, на розничную торговлю наркотой. «И скучно, и грустно, и некому руку подать в минуту душевной тревоги», — сфальшивил дважды — по тексту и по мелодии — Игорь Васильевич, расхаживая по своему профессорскому кабинету-закутку, — нет, надо позвонить Николаю Андреевичу; питье в одиночку, все одно что цифровое траха-*

нье с предохранением от электронных сперматозоидов, говоря на той же мове... или фене?» В этих новеллах отсутствует привычное поступательное развитие сюжета, зато есть масса ярких наблюдений над бытом и нравами общества, есть интрига и занимательность. Интрига — всегда! И «грусть уходящего перекликается с оптимизмом будущего», или, быть может, берет верх «вполне тонкая таинственная игра подсознания», «безбрежный полет творческой мысли», что очень уважает наш ракетчик Николай Андреевич. Надомники, великие «мастера-самоделкины», бессмертны: «жив курилка!», ведь наш «народ не утратил способность к чему угодно приноравливаться».

Не единожды повторяет автор свою оду про «золотые брежневские», то бишь советские 70-е годы, в особенности его занимает их последняя треть. В галерее личностей и статусов прозаик обозначает именно это время, понятное нам всем. Обсуждать же непонятное нет смысла. Эпохи перекликаются и снова жива цитата легендарного генсека, имеющая нарицательный смысл: «Экономика должна быть экономной». В книге Алексея Яшина даются нравственные критерии и оценки, где между собой переплетается личное и забытое общественно значимое. И плохо и хорошо, и смех и грех, но научный коммунизм включал святые Евангельские заповеди христианской морали — своеобразный «моральный кодекс строителя коммунизма». Нынче мы не ощущаем единства нашей жизни в новом и отчасти враждебном окружении. Поэтому и сокрушается профессор Скородумов по поводу воспитания современных студентов, получающих дипломы, которые затем оборачиваются для них «фикцией». Молодые специалисты стремятся не к знаниям и приобретению профессионального опыта, а в первую очередь думают о коммерции, в частности о той же торговле, заполонившей все вокруг. «Заветная книжица диплома» по большей части необходима им для «мелкой фарцы». Пожалуй, в ближайшие годы исчезнут многие привычные профессии, на смену которым придут перекупщики, риелторы, мерчейдайзеры.

Поразительно, но это неоспоримый факт: в ту «дотелефонную эпоху», столь самобытно описанную в новеллах Яшина, активно и многомиллионными тиражами издавались книги и журналы. А что же сейчас? Думаю, стоит спросить у наших героев: писателя Бурцева, профессионального литератора, редактирующего свою «Срединную Россию» и озабоченного научной и филологической авторской малограмотностью, еще непременно и у профессора Игоря Васильевича Скородумова, возглавляющего научный журнал «Феномены разума XXI века». Неутешительный вывод делают они: сегодня нет и единой литературной жизни. Молох глобализации коснулся постисторического периода и постлитературной эпохи. Индивидуальность нивелируется комплексным искусственным мышлением, формализацией языка. В данный момент мы живем после очередного катаклизма, вызванного распадом СССР. Между тем общество с постсоветской реальностью освоилось.

3

Как выяснилось, «кажимость в линейно-карамельном тумане», так всесторонне исследуемая в романе Алексея Яшина, когда повсеместно действует «правило выдавать черное за белое и наоборот», приобретает вполне конкретные очертания. Ученый А. И. Субетто в работе «Диктатура кажимости на фоне рыночного эоцида» пишет о том, насколько важно в этом противостоянии оставаться человеком духовным. На сей счет Алексей Яшин приводит весьма поучительную историю, что приключилась с иностранным студентом-медиком Али-Абдулом, который пытался на чужбине осилить нелегкую учебу, мечтая об устойчивой и денежной карьере у себя на родине. Но, увы, ничем не блистал, кроме слабых знаний русского языка, плохой успеваемости, постоянно злясь на излишнюю придирчивость и требовательность преподавателей. Не пародия ли это на нашу противоречивую действительность: незадачливый

студент отважился их же и шантажировать, покрывая отборным и «неимоверно витиеватым матом»?! Однако вступили в силу естественные принципы причинно-следственной связи: «жертвы чудовищного хулиганства» предъявили коллективную жалобу о самом настоящем терроризме. В конечном итоге у себя на родине Али-Абдул был оштрафован и лишен заветного диплома. И в самом деле, с точки зрения высшей справедливости незаслуженного наказания не бывает.

Впрочем, согласимся с автором: «Ничто не ново под луной». Аллюзии, каламбуры, прочие языковые выкрутасы сыплются у него словно из рога изобилия. Тот же профессор Скородумов не зря обеспокоен ризоматической составляющей, неадекватным восприятием реальности наших современников. Здесь ощущается некая мистификация происходящего. К тому же новеллино Алексея Яшина отличается словообразовательными моделями, которые он уподобил составлению конструктора «Лего». К примеру, вместо «цифрофрении» — «цифра + шизофрения», или новое слово, избретенное им, — «мухослонопревращение». С легким изумлением открываем мы чудеса современной изящной словесности, несмотря на «нынешнюю эпоху глобального цифрового одиночества», опять-таки для «современного цифрофренника», страдающего не только полной «функциональной безграмотностью», но и не способного даже составить цельный образ из набора обычных слов. Вот и получается, как ни крути, в царство абсолютного нуля легче погружаться во сне.

Наблюдая за сегодняшним развитием истории, думаешь: отчего же так жесток интернет? Оттого ли, что пишущие там никому не ведомы? Цифровое поколение вызывает гнетущее разочарование, возможно, запоздалые воспоминания. Все это говорит о необратимости времени и жизни на пороге неизвестности, испокон века рождающей у человека предощущение близящейся катастрофы. Цифра не должна обезличивать человека, уродовать его внутренний мир, опустошать душу. С чем мы сталкиваемся? «Всеобщее оцифровывание»: Минцифра, пластиковые карточки, смартфоны, «цифрофрения» в медицине и образовании. Получается все наоборот: «не цифра для человека, но человек для цифры!» — справедливо считает автор.

Цифровизация, нравится она или нет, будет происходить в мире и в наших странах, но в нашей власти смягчить и постараться овладеть ею в национальных целях. Попытаться подчинить диктатуру Искусственного Интеллекта себе на пользу, чтобы эти тотальные процессы окончательно не коснулись дифференциации человеческой личности.

4

В русле нашей многогранной темы следует понять некоторые вещи. Например, рациональное общество: мечты или реальность? Отсюда вытекает и сложность сверхзадачи литературного произведения, в котором прежде всего необходимо сочетать актуальность и нравственную основу. *«История, как и сама человеческая жизнь, есть повторение замкнутых циклов. Как тот же сон: с какой мыслью засыпаешь, с той же, только расцвеченной замысловатым сюжетом, и просыпаешься. Истинно, жизнь как сон»*, — автор дает свое особое философское осмысление времени и жизни. Он проводит типологические параллели между различными происходящими процессами. Что, скажем, накануне перестройки представлял из себя «нынешний комсомол»? Не первым ли ринулся «в стихию частнособничества»? Кто виноват и что делать? — вечные неразрешимые российские вопросы. К счастью, у человека имеется потенциал, способный обеспечить ему нормальную жизнь, и потенциал этот кроется в возможностях сознания, в возможностях образования.

«Прошлое познается в настоящем, из настоящего, через настоящее. Прошлое — действительность, вспоминаемая настоящим. Личность всевременна и всепространственна», — таковы мудрые мысли русского философа Льва Карсавина. И герой ро-

мана «Жизнь как сон» — профессор Игорь Васильевич Скородумов — видит, что *«прошлое заменяется на настоящее, а оно вытягивает все известное из прошлого. Как в бессюжетном сне»*. Подогревает читательский интерес одиннадцатая новелла «Живая память...» Из нашего смутного времени эпидемий и ковид-ограничений ты переносишься в мир заполярного школьника-радиолобителя Николки, самозабвенно увлеченным научно-популярным журналом «Радио». Признаюсь, самые увлекательные страницы в книге Алексея Яшина — образы далекого прошлого — его Кольское Заполярье. Мое личное пристрастие именно к этой главе — это тоже своеобразная дань той эпохе. Да, было в истории страны удивительный период: телевизионные антенны, технические чертежи, самостоятельные статьи в журналы, всевозможные школьные кружки, затем научные студенческие.

Оглядываясь назад, сегодня осознаешь, что предсказание философа Мишеля Фуко про человека, который «исчезнет, как нарисованное на песке слово», — уже очевидно. Постмодернизм подсунил ноль и в знаменатель дроби известной толстовской формулировки о человеке. Культурный процесс катастрофически мельчает: литературные нивы аналогично тем же колхозным полям не обрабатываются и не дают урожая, не расцвет, а «трава забвения» ожидает нас повсеместно. Перед глазами проходят «заброшенные поля 90-х годов, двухтысячных, до самого горизонта уходящие». И «тракторный гул», замененный на дворцы-виллы, — ныне «советский атавизм». Но зато можно все написать, все издать, и все продать. Причем быть в центре этого процесса вовсе не обязательно. Журналы, «тягловые лошади исчезающего литературного процесса», публикации — тоже не обязательны. Современная литература, как замечает автор, становится «салонным видом творчества» с тиражами 50—100 экземпляров. Читателей, которых меньше, чем самих писателей, можно смело заносить в Красную книгу. Посему оправдана внезапная авторская параллель — «вместо Блока блоги». Не случайно страстный библиофил и собиратель раритетов Николай Андреевич регулярно «обнаруживает книги на помойке». А тем временем библиотеки третьего тысячелетия проводят довольно странные акции: «Зачикинься в нашей библиотеке». Это ли нереальные плоды «нынешнего ущербного воспитания и образования», подменившего культуру шопингом-потреблением?

Неудивительно: профессору Скородумову, чтобы «кататься туда-сюда в годах и веках», придется использовать вместо личной машины времени «штатный» китайский самокат. Банально звучит — сравнение неблагодарная вещь. Нельзя сравнивать величины, всегда есть риск подмены смыслов. Впрочем, если бы только электромодные самокаты, тут и китайские газонокосилки, которые освоили гастарбайтеры-дворники, весной и летом превращая зеленые газоны в голую землю.

5

Сон и явь, иллюзии и реальность — эти категории в романе Алексея Яшина соотносятся с определенной дидактичностью повествования. Хотя даже пресловутый загадочный русский характер не в состоянии остановить ситуацию расчеловечивания, замены творческой личности биотехнологическим роботом, стремящимся ее же саму и упразднить. Человечество одолевают гибридные страсти. Трансгуманизм резко меняет наше мировоззрение. Александр Зиновьев ярко описал этот «человекник», кишачий «рабами-автороботами». Похоже, что мы дожили до времен, когда древние пророчества начали сбываться. Завернулись «гайки-винтики в мега-машине Великоглобализатора». В книге «Жизнь как сон» ощущается мощная полифония романов Достоевского, которому присущ недюжинный провиденциальный дар, вселенская полифония, также открывающаяся и в работах Бахтина. Мы воочию сталкиваемся с философским дуализмом, соединением двух начал: индивид — с одной стороны, интернет — с другой. Алексей Яшин предлагает нам варианты интеграции. У него нет

порога — символической социальной границы, какую легко преодолевает условная машина времени, начиная от Емели-дурака, что ездил на печи, от «саней-телег» времен Даля и Афанасьева и заканчивая личным отечественным автомобилем, или, чего греха таить, той же иномаркой.

Почему явленное автору в снах так притягательно? Оно имеет некий иррационально-сюрреалистический отсвет, ввергая читателя в еще больший хаос мистических загадок, погружая в метафизическое восприятие мира. Просто очень многое происходит между явью и сном вещей. Надо понять и принять: вообще ничего ни от чего не зависит и никому на свете ничего никогда ни от кого не нужно. Вот что главное... Вещи — это да. Вещи не врут, они способны рассказать о человеке гораздо больше и честнее, чем он сам.

Для полной ясности этого вопроса перескачу в наше быстрое время: сага о долгом путешествии героев Алексея Яшина, их странствиях с неведомыми маршрутами и приключениями завершается «ездой в будущее» человека глобализованного. А как же историческая память? — спросите вы. И будете правы. Ради чего, предаваясь снам, прозаик создавал свое новеллино? И все же есть надежда, что будущее за человеком-созидателем. Недаром он — писатель, вышедший из советской плеяды авторов, коих сложно чем-либо смутить, или тем паче лишить внутреннего равновесия. Возможно, поэтому в конце романа звучит цитата — слова Бисмарка: «Говорите что хотите, только слушайте!»

Удастся ли это в новом веке и в новой России? Увидит ли она свой «золотой сон», который меняет жизнь к лучшему? Покажет время...

Юрий Сычевский
(г. Рочестер, штат Нью-Йорк, США)

**«ПУСТЬ ОТ УДАЧИ ВАМ БУДЕТ
БОЛЬШЕ СДАЧИ!»**
Эксклюзивное интервью с интересным человеком

Наш постоянный автор.

Он — интервьюируемый, мужчина средних лет, спортивного сложения, умница, хитрец, выдумщик, разносторонне образованный, много повидавший в своей жизни человек. В пафосе и апломбе его речи — никакой надменности, сердитых нот, фальши. За его маской глубокая, гоголевская любовь к России.

Она — журналистка, молодая, интеллигентная, привлекательная дама. Одно ее присутствие и поведение наполняет пространство родниковой свежестью.

Место интервью — кабинет в его квартире. Обстановка показывает, что хозяин — состоятельный человек, но никаких излишеств.

Время интервью — наши дни.

— *Она: после нескольких моих безуспешных попыток, он согласился, наконец, на нашу встречу при одном обязательном условии: не называть в публикации его настоящего имени. Мне повезло: я оказалась первой, кто берет у него интервью. В его юморе, а порой и сатире упакованы неординарные, глубокие мысли. Волнуюсь ли я? Да, каждый раз, когда иду брать интервью. Но в этом и есть прелесть моей журналистской профессии.*

(Обычные в подобных случаях взаимные приветствия)

— *Позвольте мне начать с личного. И первый вопрос — интимный, о женщинах. Много ли у вас их было?*

— О, да! Конечно!

— *Нельзя ли поподробнее? Кто они? Возможно, вы вспомните свою первую любовь.*

— У меня их было сразу три.

— *О-о-о! Как интересно! И кто же они, ваши счастливые избранницы?*

— Это — обе мои бабушки и мама.

— *Видите ли, я имела в виду другое.*

— А из «другого», мне нравятся женщины на обложках вот этих солидных журналов: они хорошо смотрятся, и их можно много трогать. Это недорого и безопасно, особенно в нынешних условиях бытия. Но, если говорить серьезно, то я хочу поделиться с вами чувством, которое вызывают во мне красивые женщины, подчеркиваю, к р а с и в ы е. Они побуждают: «Сердце биться в упоении!» и писать поэмы, музыку, молитвы про любовь! Возможно, что главным назначением красоты, которую Всевышний поставил на пьедестал совершенства, как раз и является оживление и вдохновение окружающего нас пространства.

— *А мой следующий вопрос: каково ваше отношение к искусству?*

— Вы знаете, раньше оно меня всегда возбуждало, но теперь — все чаще укачивает. И в этом виноваты не только «мои года — мое богатство».

— *Почему, по вашему мнению, элитное искусство почти всегда уступает в популярности массовому?*

— Именно потому, что оно не массовое! Современное общество так организовано, что количество побеждает чаще, чем качество. Ведь у количества свои оценки — количественные. В совершенном обществе будущего все будет наоборот. Но сейчас идет переход качества в количество, и когда этот переход достигнет критического состояния начнется обратный процесс. Так формируются звезды во вселенной, а искусство — та же вселенная в нашей духовной земной жизни. Но мировые законы, хотя и проявляются в разных сферах, — одни и те же.

— *Позвольте мне вернуться к своему плану беседы. Вы отдаете предпочтение театру, музыке, поэзии или живописи? Расскажите, пожалуйста, об этом.*

— Ну, что я могу сказать вам о театре? В хорошем театре — хорошие буфеты! Они материализуют удовольствие, получаемое нами при встрече с прекрасным. А вообще-то, я люблю артистов. Особенно люблю рассматривать их на презентациях, когда они красиво одеты, да к тому же в собственные наряды. Я различаю их по тому, как они выходят, что произносят и как кланяются: тогда они такие, какие есть на самом деле. При этом выглядят они не менее привлекательными, чем их герои. Кстати, хочу заметить, что зрелые артисты сейчас очень увлекаются пластическими операциями лица. И мне пришла такая мысль: а почему бы им этот способ преобразования не использовать в профессиональных целях, готовясь к своей долгожданной, ответственной роли в надежде служить ей «многие лета»? Служить так служить! Да и только ли лицом! Современная хирургия умеет творить чудеса! Тогда актера практически нельзя будет отличить от его героя. Я думаю, что театр, вступивший в новое столетие, начнет развиваться именно в этом направлении. И в ведущих театрах появятся свои операционные, в которых докторам ассистировать будут режиссеры. А кладовые станут хранить не какие-то там, извините, бутафорские носы да уши.

— *Как говорится, «все удобства на дому»: не придется людям мыкаться по чужим кабинетам.*

— Вот именно. Но это — неплохое решение — касается только внешности героя. А если мы с вами заглянем еще дальше, то сможем увидеть поразительные вещи, которые у ж е существуют сейчас, но для людей пока на уровне пробирок. А вот для наших «меньших братьев»-первопроходцев — в реальности. Я имею в виду клонирование! «Героев» пьес можно будет п р о с т о клонировать! Актерская профессия тогда отойдет как таковая. Она будет покоиться лишь в мемуарах да в настенных фотографиях, украшающих, как сейчас принято, театральные фойе. Со своей биографией в театре останутся т о л ь к о: гардеробщики, работники сцены и буфета, да, пожалуй, еще и режиссеры, которые будут лишь спорить между собой о выборе репертуара: кому-то все равно надо делать эту работу. Наступит т р и у м ф сценического реализма и — одновременно — его потолок! Тогда понятие актер придется взять в кавычки: его не надо будет учить играть! Никакого искусственного перевоплощения, никакой игры! Все по правде! Это будет грандиозно! Открывается занавес и... к вам выходят Ж-И-В-Ы-Е! Я не буду сейчас называть их имен. Представьте себе — какая потрясающая сила воздействия на зрителя! И что после этого будет твориться среди них в з а л е?! Вот в нем-то и развернется настоящий т е а т р! Боюсь, что тогда уже все, находящиеся на сцене, будут смотреть в зал раскрыв рты! Сам великий Станиславский встанет из гроба да подымет еще и своего приятеля Немировича-Данченко, чтобы увидеть такое! Но самое замечательное заключается в том, что произойдет исторический, естественный обмен функциями между сценой и залом, а вместе они станут явным доказательством тезиса: «Жизнь — это театр, а все люди в ней — актеры». Я бы тогда рассматривал помещение самого театра, выражаясь научным языком, как лабораторию моделирования и апробации жизненных ситуаций.

Нет! Театр не умрет, как пророчат ему «горе»-футурологи. Театр будет жить, пока на земле существует жизнь!

— **Я должна признаться, что не успеваю осваивать фонтан изгибов ваших мыслей. У меня в голове звучит фраза: «чуть помедленнее кони, чуть по-медленнее».**

— Ну, что же это вы в самом начале нашей беседы, а уже просите о снисхождении.

— **Да это не я, это Высоцкий, «который во мне сидит».**

— Хорошо, постараюсь, продолжая отвечать на ваши вопросы. В вокале мне хочется услышать от певца национальный мотив, поднятый на высокий художественный уровень. Тогда это будет обогащать мировую культуру. У нас же считается модным, когда русский исполнитель кричит что-то на плохом английском. Но я не знаю имени популярного западного певца, в репертуаре которого были бы русские песни! Как позволите это понимать? Я всегда стараюсь поддержать аплодисментами певца, который правильно берет больше трех нот в крайних регистрах. Однако такого редко услышишь сейчас. *(Он подходит к аудиоаппаратуре, нажимает клавишу, раздается мелодичное звучание)*. Я часто слушаю подобную музыку. Она помогает мне настроиться на тему размышления. Вот и в этом, любимом мною музыкальном фоне, я узнаю виолончельный нерв в поющем саксофоне.

Да, я люблю русскую поэзию и люблю сам русский язык. Бывая за рубежом и услышав где-нибудь родную речь, я невольно и с радостью переключаю на нее свое внимание: негромким звуком русской речи мой слух насытиться спешит.

— **Я встречала этот мотив у Беллы Ахмадулиной и люблю его.**

— Я тоже. А то, что наш язык «велик и могуч» в своей выразительности, я могу подтвердить математически. Но это, если угодно, может быть отдельная лекция, и не здесь, и не сейчас. А сейчас, позвольте, о моем случайном свидетельстве встречи двух поэтов. Один из них, бессмертный,— воздвигнут в Москве на Тверской, а другая — знаменитая, всеми любимая и, только что упомянутая, наша современница. К сожалению, она не так давно ушла от нас к Нему. Это был последний раз, когда я видел их вместе. А тогда она стояла перед Ним со сложенными на груди руками и делилась о наболевшем:

«Разъясни, мой Бог, шепни на ухо.

Точит мысль одна меня глубоко. *(о-о-о....)*

Я любовь святила одинокой. *(д-а-а....)*

Отчего ж она гуляет «групповухой»?! *(у-у-у...!)*»

Так и молятся они друг перед другом за чужие грехи. Хотя у самих-то жизнь далека от сладкой. И чем они талантливей, тем она — горше. Именно этим я объясняю высокий процент грусти в русской поэзии и, особенно, в ее любовной лирике. В ней сейчас много проблем, отражающих наше постсоветское бытие. Происходит «ломка голоса».

— **А с распадом Союза для широкой русской души еще и сузилась сама география любви.**

— Да, вот кстати, *(открывает какую-то книгу, читает и комментирует)* послушайте, что нынче пишут на эту тему. Стихотворение так и называется — «География любви», под С. Есенина:

«Расцветают цветы — в своем поле».

«За морями любовь — не по мне»

«Потому что я с севера, что ли,

шуганула меня Шаганэ».

«Шуганула — досадно до боли! Ведь попала «не в бровь, а в глаз»:

— Стой! — сказала.— Нет больше дороги за любовью моей на Кавказ». Вот те

Это нормально.

Патриотично.

Мне нравятся северяне:
надежные ребята.

Да быть того не может!

раз! Не разглядела горянка северного сияния в его голубых глазах. Ведь пожалеет же потом. И что вы на это скажете?

— *А скажу, что не выживет широкой любви человек в узком пространстве. И касается это обоих.*

— То-то и оно. Я прочел вам один пассаж из сборника «Все о любви!». А их несколько, и вот их заголовки: «Алгебра любви», «Геометрия любви», «Пламя любви», «Подарок любви» и, даже, «Лаборатория любви».

— *Действительно, много о любви. А кто автор?*

— Автор? Да тут один мой давний приятель. Он же тезка и однофамилец.

— *Та-ак. Понятно, и судя по изобилию названий, он — большой знаток предмета!*

— В этом ему не откажешь, коли он все зафиксировал своим пером. А еще оцените диапазон его душевной щедрости! (*Листает страницы*). Вот послушайте эпиграф:

«Прими, читатель, это море любви — волну за волной
и “Вечный огонь” любви — тоже твой».

Не каждому понятно это — как могут встретиться вода с огнем в груди поэта.

— *Браво!*

— Валентин Иосифович Гафт как-то написал:

«Все мы были дураками,
пока не было стихов».

А один умник ему ответил:

«А теперь? Поем стихами!

И похожи на ослов».

Ну, что-то мы задержались на поэтической теме. Вы еще спросили меня?

— *О вашем отношении к живописи, если можно.*

— А, да, живопись... живопись... живопись... (*глубоко вздохнул*). Тут уж не до шуток: ведь изображение живет дольше звука. К тому же, человек думает не словами, а образами, поэтому один и тот же объект у разных людей может иметь в голове разные представления. Высший Разум создал гармонию как основу совершенства. Она возникла и развивалась с момента сотворения мира. Вне гармонии не может существовать ни одна организованная система любой природы. Без нее она рассыплется на составные элементы и исчезнет как самостоятельный объект. Это понимали еще древние греки. А современная наука убедительно доказала это. Кстати, не надо забывать, что греческие корни нашей культуры пришли к нам из Византии. Смотрите, какое поле для развития и совершенствования получает ГАРМОНИЯ, оказавшись в социальной среде — в отношениях между людьми: она поднимается уже на духовный уровень, дает основу ГУМАНИЗМУ! Оба эти понятия, гармония и гуманизм, объединяются в одно целое и становятся неразделимыми. Но «заслуга» художников новых поколений состоит в том, что они пошли дальше «консервативных представлений». Доступными им средствами они разрабатывают в своем творчестве «глубины» дисгармонии, хаоса. Вставьте эту работу в дорогую раму и «шедевр» — готов! Вешай его хоть вверх ногами, он от этого ничего не теряет. Выхолащивание гармонии из изобразительного искусства гасит «свет в конце тоннеля». Забыли мы с вами, грешные, что собраны из материала того самого хаоса, в который рано или поздно опять вернемся. Навечно. Правда, тогда уж с другими рамками, к сожалению. «Из праха мы вышли — в прах и уйдем». Так зачем же торопить нас на обратном пути к этому, да еще и в искусстве?

— *Вы затронули принципиальное расхождение художников во мнении. Свой раскол они передали и посетителям выставок.*

— Да, да, и когда у этих «новаторов» спрашивают, что же такое у вас здесь показано? У них один ответ: «Сам такой!».

— *А что вы думаете насчет кино?*

— Я перестал любить кино. В нем главным действующим лицом должно оставаться лицо актера, но на экране сейчас преобладают кадры с телами, простите, голых баб. А для меня понятия ценности и редкости — связаны. Вообще-то киношники — особый народ. Как-то я побывал в гостях у своего приятеля на одной крупной киностудии. Он долго меня водил, много интересного показывал и рассказывал. Но на какой-то площадке я не удержался и выпалил: зачем вы храните так много всякого старья? — Какого именно? — удивился он. — Ну вот хотя бы, я вижу, стоит у вас допотопный паровоз. — Ничего ты не понимаешь в нашем деле, — ответил он. — Это же классика! Как прикажешь без него снимать фильмы об Анне Карениной? От новых актрис на ее роль — отбоя нет! А паровоз у нас — один. Вот мы его и бережем. — А-а, тогда правильно делаете, — согласился я. Работа у него, прямо сказать, ответственная, не позавидуешь. Тут и машинист нужен крепкий, а не какой-нибудь там хлюпик. Эти финальные кадры: летящая в пропасть любви красавица Анна и мчащийся к ней на всех парах паровоз-людоед, сильно впечатляют, запоминаются. Я полагаю, что эту сцену сам-то Лев Николаевич живьем не видел, а представил ее в своем воображении для усиления эффекта конца романа. У вас же — все так реально исполнено. Зрители в зале режут, а некоторые слабаки, так те совсем лишаются чувств. Молодцы вы! Кстати, скажи-ка мне, а что вы делаете потом с телами этих актрис? Одни дубли скольких уносят — не напасешься! Искусство, конечно, требует жертв, но существуют же у вас какие-то нормы? — Продолжал я допытываться у него. *(Она прыскает от смеха, но подыгрывает ему серьезностью)*. А он, вместо ответа, посмотрел на меня взглядом, полным глубокой тоски, и больше мы с ним после этой встречи не виделись. Скажу вам честно, я на него не в обиде и понимаю: в любом деле есть свои секреты. И все же в одном он меня просветил: нет паровоза — нет и фильма об Анне Карениной. Поди тут, сам распутай клубок их творческих загадок: что есть главное? Все-таки странный народ эти киношники. Не так ли?

— *Да. Уж.*

— Или взять, к примеру, последние научные исследования, проведенные среди обитателей Голливуда. Они неопровержимо доказали, что Дарвин был-таки неправ: все получилось как раз наоборот — обезьяна произошла от человека!

— *Дарвина давно все и во всем обвиняют.*

— Сам виноват. Зачем испортил людям родословные?

— *Вот мы и подошли к вопросу о вашей оценке последних научных достижений.*

— Наука не должна мешать жить ни людям, ни овечкам Долли. Вот, например, господа ученые. Сначала они взялись за АТОМ, потому что им это было очень интересно. Увидели, познали, расщепили — ведь это так интересно! Теперь народ никак не может собрать их чернобыльские «щепки». Но это науке уже неинтересно: уборкой мусора пусть занимаются другие — менее талантливые. Сейчас интересно другое — ГЕН. Взялись за ген. Разглядели. Стали обсуждать: что же это такое ненаглядное из него может получиться, если сначала его разрезать, потом сшить, добавив попутно в него свою фантазию. Но чтобы это все описать, двух понятий: «мама» плюс «папа» — уже недостаточно! Нужен третий-лишний, которому очень нейдет и страсть как хочется поучаствовать в этом деле! Вот только как его теперь называть? Может и впрямь: «Доктором Зорге»? Помните, этим именем звали знаменитого нашего агента в Японии? А почему бы и нет: по характеру работы — в самый раз! Проворствует он на чужой территории и в интересах «светлого будущего всего человечества». А его учреждение, по аналогии, предлагаю наречь также: «КГБ». Я имею в виду «Комитет Генетической Беспризорности». А что? Держу пари, но лучшего названия вы все равно не придумаете!

— *Боюсь, что да.*

— И вот «темный» народ спрашивает «светлый»: «А что будет потом»? Но что будет потом, гениям того не видно и посему уже неинтересно. Эйнштейн и Сахаров тут не в счет: время показало, что не все таланты эйнштейны и сахаровы. А может настало время, позже этого просто некому будет сделать, крупно высечь на какой-нибудь скале всемирную эпитафию: «ГОРЕ ОТ УМА!». Для визитеров-инопланетян, чтобы у них не возникало дополнительных вопросов на пустой Земле.

— *Но ведь люди уже полетели в космос!*

— А что нам с вами сообщают об успехах в космосе? Улетели-прилетели, опять улетели и опять прилетели. Слава Богу. А зачем летали? Где ощутимые результаты этих полетов, в чем, как говорится, их «сухой остаток»? На ранней стадии они впечатляли, была эйфория, а теперь? Я хочу предложить вам одну народную частушку, которую сам недавно услышал. Желаете ознакомиться?

— «Мой миленок — космонавт в небе кувыркается.

Он со мною на земле — той же дурью мается.

Я люблю его такого и не надо мне другого!» *(Оба смеются)*

Гораздо удивительнее то, что мы людей своих, душою или телом раненых, достойно не умеем обслужить в Отечестве Гагариных.

— *Все это прикрываем мы своим балетом первоклассным.*

— Есть в нашей жизни славные страницы. Однако, наш балет стал «притчей во языцех»! А сколько раз в истории своей: «перекрывался нами Енисей»?

— *В итоге, нет возможности проплыть по ровной водной глади, а как по лестницам крутым — на реках в шлюзах скачем.*

— Замечательно! Ликуйте, Музы! В искусстве — исторический момент: явился миру, только что, — наш поэтический дуэт!

Давайте поздравим друг друга с этим.

— *«Поздравления» кого-либо с чем-либо входят в мои служебные обязанности, но сейчас оно — приятное исключение. Позвольте мне узнать ваш взгляд на вопросы образования и, в первую очередь, конечно, молодежи?*

— Я уверен, что школьное образование стоит на пороге серьезного преобразования. Ведь акселерация нарастает! Молодежь — наша смена — рано взрослеет, мужает, если говорить о наших мальчиках. А вот для девочек... девочек... не могу подобрать подходящего слова аналогичного содержания. Да ладно, и так понятно. Классные комнаты требуется существенно переоборудовать под потребности нашей смены. Например, парты-столы — безусловно надо сделать раскладными, легко превращающимися в кровати, чтобы у детей не портилось неокрепшее еще телосложение. Вообще-то, у млекопитающих положение «лежа» всегда предпочтительнее положения «сидя», особенно когда они сыты.

— *Кстати, лежа и думается легче. Портреты наших великих композиторов — Глинки, например, и писателей — Некрасова, это подтверждают. Да и о себе я могу сказать то же самое.*

— Совершенно верно, и об этом я хотел сказать, но вы меня удачно опередили. Все разумное заложено в нас самой природой. Вот почему, я думаю, в классах будущего учебных столов не будет — будут только одни учебные кровати. Процесс этот постепенно расширится от младших возрастных групп — к старшим. Наглядные пособия на стенах и стенды должны, в конце-то концов, отражать правду о происхождении человека на Земле и в быту! Ну скажите, пожалуйста, причем тут о б е з ь я н а, а и с т или к а п у с т а даже?! Ведь у каждого ребенка есть свои родители! Со временем граница между понятиями «дети» и «родители» изотрется самими же ее участниками. И те, кого еще вчера мы называли детьми, сегодня — уже родители. Родители станут настолько молоды, что будут играть со своими детьми одними и теми же игрушками. Зато какое между ними возникнет взаимопонимание! Благодаря близкому

уровню развития. И резко упадет показатель среднего возраста населения. Тогда, согласитесь, произойдет настоящая социальная РЕВОлюция! По-о-хлеще дарвиновской ЭВОлюции. Она преобразует все общество!

— **Главное, чтобы любое преобразование не развалило существующее «до основания».**

— Разумеется. Базальтовую платформу общества надо беречь. Хочу обратить ваше внимание еще вот на какое важное обстоятельство в связанной проблеме «образование-воспитание». Я вижу четкую грань между городскими и сельскими методами воспитания. Известно, что в анатомии человека имеются 4 полушария.

— **Извините, могу ли я кое-что здесь уточнить?**

— Безусловно.

— **Если я не ослышалась, и если я вас правильно поняла, то, по-вашему, получается, что одно целое состоит из 4-х половинок! Довольно странная комбинация. Не так ли?**

— Да, так. Вы не ослышались, и вы все правильно поняли. Мне приятно быть рядом с внимательным собеседником, а тем более с собеседницей. Так вот. Это ведь не я придумал, это мы с вами явились в этот мир по воле Божьей с 4-мя полушариями, из которых 2 — верхние и 2 — нижние. Исторически так сложилось, что на селе большее применение получил метод воспитания, основанный на воздействии на нижние полушария. Очевидно потому, что они ближе к земле — нашей матери. А в городе, напротив, предпочтение отдается верхним полушариям. Вековая разница в применении этих методов в городской и сельской местности привела к разрыву в развитии того и другого населения. И не только в характере производства. Я считаю, что каждый метод имеет свои «плюсы» и свои «минусы». Чтобы научить чему-нибудь ученика, надо умело воздействовать на ВСЕ его полушария! И хороший учитель, он же и воспитатель, должен уметь выбирать: какие из них, когда и в каком порядке следует включать в работу, чтобы достичь нужного результата. Разумеется, с учетом индивидуума. Под силу это только опытному мэтру. Кстати, я не вижу хороших наставлений по этому предмету. Вот когда такое осуществится на практике, тогда можно будет ставить давно назревший вопрос о «слиянии» города с деревней. А до этого — нет!

— **Как вы относитесь к политике?**

— Вообще-то я считаю политику — второй древнейшей профессией. Но сам я лично ею не занимаюсь: из-за того, что у нее слишком много общего с первой древнейшей. Есть, конечно, и отличия, но они не носят принципиального характера. В политике надо быть гроссмейстером своего дела и быть готовым к тому, что «белые начинают, но черные выигрывают». Надо также отдать должное и работе политика-дипломата: она масштабна, и трудна, и «на первый взгляд как будто не видна». Приведу вам лишь один факт-откровение о своих текущих делах одного моего знакомого дипломата (*читает*):

«Мы вроде бы живем спина-к-спине с соседом тесно,
но дружба не спешит к нам выходить из Поднебесной».

Вот так, братцы-дипломатцы, Восток — не место, чтобы расслабляться.

— **Услышав подобные откровения, невольно хочется воскликнуть: как тяжела ты, шляпа дипломата!**

— Особенно после того, как Wikileaks и другие «доброхоты» стали вытаскивать их из скрытности в информационное пространство. Сразу видно, что прямо высказываться у них не принято, да, пожалуй, и разучились они. Я уже вам сказал, что мой принцип: не входить в политику, но и оставаться в стороне от животрепещущих проблем — не самая умная позиция. И я, отступник, собираюсь послать заявку в Комитет по присуждению «Премии Мира» за нынешний год.

— **Будьте добры, поподробнее о ней.**

— В заявке я хочу изложить свое предложение по смягчению напряженности в

мире. Разумеется, что меня прельщает не ее премиальный куш, а тот резонанс в умах людей, который она обычно вызывает. Суть предложения в том, что надо вводить в практику добрососедских отношений между людьми, а в итоге и между государствами, вместо п р о т и в о б о р с т в у ю щ и х операций типа «Боевого Крещения», а с о в м е с т н ы е операции «Боевого Обрезания». Тогда возникнет прочная основа доверия между ее участниками. Исторически когда-то так оно и происходило. На Ближнем Востоке, в частности. И мне кажется, что правительства России и Израиля не зря ввели безвизовый режим для взаимного посещения гражданами этих стран. Я сам давно мечтаю побывать в Израиле на Святых местах. Невозвращенцем стать стесняюсь.

— **Вы не производите впечатления «человека из робкого десятка».**

— Мне лестно это слышать от вас.

— **А скажите, пожалуйста, какое качество в человеке вы больше всего цените?**

— Их два. Первое — это щедрость, с которой он одалживает вам деньги, а второе — его скорая забывчивость о необходимости возвращения их.

— **И часто в реальной жизни вы имели дело с ними?**

— Чтобы оба в одном? Увы, — ни разу. Но это только подтверждает тезис о том, что человек в своем развитии не достиг еще своего совершенства.

— **То есть с того момента, как я вас понимаю, когда от вас не будут требовать возвращения долгов, на Земле наступит Рай?**

— Я считаю это необходимым условием. Меня лично Рай привлекает именно тем, что в нем никто, ничего, никому не должен. В этом, кстати, его главное и принципиальное преимущество перед земной жизнью.

— **Ах! Мечты, мечты, как дорога мне ваша сладость! Ну, а что в человеке вам может не понравиться?**

— Пожалуй, это повторяющееся у него отсутствие в подходящий момент аппетита. С такой персоной скучно долго быть рядом. Не складываются здоровые, приятельские отношения.

— **Неужели, это следствие вашей любви к хорошим буфетам?**

— Вы угадали, все началось именно с них. Они и теперь помогают мне наслаждаться высоким искусством и дружескими отношениями. Вот и вы, очаровательное создание, только что признались в том, что ваша радость имеет вкусовую основу. Значит, я не одинок в своих слабостях.

— **О, господи! Взяла, да и выдала себя за сладкоежку. Все! Беру себя в руки. Хочу теперь вас спросить: нравится ли вам путешествовать?**

— Да, конечно.

— **Интересно, а где вы побывали?**

— Путешествую я, за редким исключением, в своем воображении. Это, знаете ли, не так накладно и не так утомительно. Перед вами — все Миры Вселенной! Во все времена! И — как на ладони! Трудность состоит в том: КУДА отправиться в очередное путешествие? Скажу-ка я вам, уважаемая, что «Мой дом — моя крепость» — не пустые слова. Мне, например, путешествия помогли разобраться в двух истинах: одна из них есенинская: «БОЛЬШОЕ видится на расстоянии», другая же — моя: но ГЛУБОКОЕ — только вблизи. Например, чтобы заглянуть в пропасть, нам надо подойти к ее краю. А глубина глаз любимой открывается, когда ты находишься совсем рядом.

— **У вас, действительно, широкие горизонты.**

— В таком представлении горизонта просто не существует. Но тут важно не переувлечься, а то возвращение в быт может принести вам массу недоразумений со стороны окружающих. Вплоть до возникновения у них подозрения в необходимости вашего присутствия.

— *А каково ваше отношение к природе, животному миру?*

— Я вижу в природе идеальный банк, в котором можно брать по потребности, а отдавать по способности. Как говаривали недавние наши европейские мудрецы. А вся живность меня радует, если она свежая и хорошо приготовлена.

— *Видно, что вы любите спорт. Какой именно?*

— Мне нравится смотреть по телевизору спортивные передачи, где могучие ребята носятся по игровому полю с палками и ловко лупят и ловят ими малые предметы! И показывают они при этом мастерство хирургов-ювелиров. Но вот я плохо понимаю смысл спорта, в котором два спортсмена одного пола молча, а порой и угрюмо, обхватывают друг друга и пытаются повалить на ковер. Причем, обязательно на обе лопатки! Таково у них непереносимое требование и даже цель. Здесь явно отдает первобытностью, однообразием и бедностью фантазии! Гораздо интереснее смотреть передачи, когда подобные упражнения делают р-а-з-н-о-полые партнеры. Такие сцены — зрелищнее, ярче. В них больше утонченного атлетизма, радости от самого процесса дуэли! Они — увлекательны, захватывающе непредсказуемы. Мне кажется, что это единственный вид силовых состязаний, когда на вершину Олимпа восходят одновременно оба его участника. Это — незабываемо! Но их почему-то не называют спортивными. Впрочем, — это дело вкуса.

— *По-моему, вы здесь что-то смешиваете.*

— Правда? Увлечся соединением здорового духа со здоровым телом. А вот в тренажерных залах боксеров я бы установил на видном месте статую Венеры Милосской: в эстетико-воспитательных целях, а заодно, и чтобы руки они чрезмерно не распускали.

— *Ну, кто ж еще кроме женщин может дисциплинировать мужчин. Хочу еще спросить: как вы распоряжаетесь своим временем?*

— В дневные часы я обычно изменяю своим прихотям, а ночью — работе. Раз уж мы коснулись вопроса трудовой занятости, то мне хотелось бы дать трудоголикам один важный в нашей жизненной практике совет: главное, ребята, в работе — не давайте ей закончиться. В противном случае вас ждет БЕЗРАБОТИЦА.

— *Хотя вы явно иронизируете, но мне по характеру своей работы часто приходится встречаться с подобными людьми и называются они чиновниками. Вот у них то практически нет безработицы. В начале наше беседы мы обсуждали ваше отношение к вопросам искусства, науки, образования. Продолжая ее, мне бы хотелось акцентировать ваше внимание на видении различных аспектов нашей завтрашней жизни.*

— Извольте.

— *Мы живем сейчас в интересное время — нового этапа научно-технической революции. Так что же нам следует ждать от него?*

— Так как я по характеру своей работы связан с развитием интеллектуальной техники, то могу рассуждать именно в этом направлении. Но мне бы хотелось поделиться с вами своими мыслями о социальной стороне вопроса. Перефразируя Омара Хайяма, скажу, что «прогресс несет и мед, и яд, и рабство, и свободу». А теперь конкретно. Когда телевидение вошло в наш дом, это казалось чудом!

— *Еще бы, где-то «за тридевять земель» что-то происходит, а мы его видим и слышим.*

— Теперь практически у каждого человека есть свой iPhone, SmartPhone и прочие электронные устройства, представляющие собой одновременно источник и приемник информации. Попутно хочу заметить, что даже экран выключенного телевизора мы можем воспринимать как «Черный квадрат» Малевича. Кстати, у меня уникальная просьба к искусствоведам: установить в чем их сходство и разница в подаче информации, и почему мы первый должны считать шедевром искусства, а второй — нет. С помощью интернета названные электронные устройства объединились в мировую

всеохватывающую сеть. Назовем ее Все Видением — ВВ. И здесь мы вкушаем «мед» прогресса. К тому же в этом ВВ-монстре заключено и его могущество: ни у какого царя или президента нет такой мировой власти! А вы знаете, эту ситуацию предвидел еще наш российский гений. Послушайте, что написал Александр Сергеевич полтора века назад. (*Берет томик Пушкина и читает*): «Никакая власть, никакое правление не может устоять противу все разрушительного действия типографического снаряда». В его время не было электронных средств получения и распространения информации, но их функции уже начинал выполнять типографский станок-«снаряд». Далее, вот что я хочу в связи с этим заметить. В Священных Писаниях сказано: «Бог — ВСЕМОГУЩ, потому что он — ВЕЗДЕСУЩ». Так вот, информационное ВВ уже вступило, пусть и не на «тропу войны», но на путь конкуренции с Всевышним. Однако, их весовые категории мне не кажутся равными. Используя это могущество меньшинство общества, к тому же не самое прогрессивное, получило возможность навязывать свои «ценности» большинству. Очевидный «яд»! Однако, получать ответы на все свои вопросы, не выходя из дома, а лишь побывав недолго в «окопах» интернета — «мед»! Но тогда судьба школ и ВУЗов под вопросом! Поскольку не предвидится для них теперь большого спроса. Пожалуйста, вам: «медо-яд» или «ядо-мед». Затрудняюсь в правильном названии этого явления.

— *Вы рассказали как прогресс несет нам «мед», и «яд», и такие вот «ловушки». Куда же нам теперь от этого деваться? Но я продолжу. Здоровье, может быть, самое дорогое наше состояние. История лечения людей от всяких недугов отмечена не только успехами, но и периодами господства тяжелых, инфекционных, заболеваний. А уж последний — коронавирус — стал просто запредельным! Какова ваша оценка возможностей медицины в борьбе с ними?*

— Очень актуален ваш вопрос, и мы видим, какую планетарную катастрофу для людей, покоривших термоядерную энергию, принесла эта невидимая глазом напасть. Вы знаете, лет 10 тому назад я уже высказывал свои опасения по поводу аналогичной глобальной вирусной опасности. И вот в чем она заключается. Вы знаете, что в компьютерных системах существуют вирусы, от которых они страдают уже сейчас. Но пока компьютерные вирусы не угрожают здоровью людей. Потому что они сами еще находятся в начале своей эволюции. Однако, это явление временное: приближается век биокомпьютерных систем. А вот их вирусы будут уже новой породы — ближе к живой природе. И тут мы с вами подходим к тому, что их «детки», со своим потомством, будут «вхожи» в живой организм. Нетрудно догадаться — чей, чтобы указать ему кратчайшую дорогу в Рай. Но редакции московских популярных журналов со столичным высокомерием эту тема не признали заслуживающим внимания. А нынешняя пандемия показала неподготовленность людей к подобной масштабной угрозе.

— *Сейчас многие увлекаются диетой.*

— Что ж, диета — дело полезное. Настоящая диета — это когда разгрузочные дни чередуются с днями недоедания. И так — до конца дней своих. Однако, не каждому под силу «денно и ночью нести бремя такой благодати». Хочу обратить ваше внимание на один удивительный феномен: диета почти всегда соседствует с любовью. У них, по-моему, установились даже дружеские отношения. Когда вы вспоминаете о диете? Когда хотите кому-нибудь понравиться! Субъект, переставший соблюдать диету, рискует потерять объект своей любви. Истинные любовники — всегда изящны! К тому же ожиревшие люди, как правило, сильно заторможены. В подтверждение этого приведу вам цитату из одной пьесы Шекспира:

«Пирует ум, когда худеет тело, а тот, кто чрево жадно насыщает,

Тучнея плотью, разумом нищает».

Лучше не скажешь. А вот один мой добрый знакомый-толстяк как-то заявил: «Обжорству — бой!.. Мне только снится».

— *Что вы думаете о проблеме алкоголизма? Не станет ли она в нашей стране третьей бедой, дополнив уже известные две?*

— Я долго размышлял над этой проблемой, особенно над ее социальными и, даже, политическими аспектами. При первом, поверхностном, взгляде, да на трезвую голову,— это, конечно, кошмар! Но давайте посмотрим на нее глубже. Вспомните мудрую народную поговорку: «Что у трезвого — на уме, то у пьяного — на языке». Трезвый человек ясно видит ту или иную проблему, несправедливость, но молчит, трусит! Хотя он знает, что **К о н с т и т у ц и я!** дает ему право на свободу слова. Разве это решение проблемы — повесить на рот замок? А пьяный — он «режет вам правду-матку» в глаза, и море ему при этом — по колено! Тут мне приходит на ум возглас-всплеск нашего великого Писателя-Буревестника: «Безумству храбрых поем мы песню!». Теперь вы понимаете, на что намекнул Алексей Максимыч этой своей бодрящей фразой?! Так чьими устами глаголет истина? А? Вот вам и социальная роль охмелевшего гражданина — рупор свободы! К сожалению, сам-то он ее по достоинству еще не осознал. Что с пьяного возьмешь? А если буйную-то его энергию, да направить в положительную сторону?! К примеру, после нескольких «боевых сто грамм» в нем вскипает патриотизм! Он начинает кричать: «Ура!», «За Родину!», «Дашь!» или что-то в этом роде. И тогда он уже готов идти напролом, куда пошлют. Как видите, это еще одна его гражданская грань, еще один плюс. Но, как и в любом серьезном деле, нельзя все пускать на самотек, а надо умело культивировать: давать вовремя закусывать и прочее. Правда и другое: в нашем Союзе, до того нерушимом, близорукими руководителями была объявлена антиалкогольная кампания. И что ж в результате? Все республики сразу потребовали суверенитета и вмиг разбежались по своим погребам. А ка-акая была могучая держава! К слову сказать, прочно споенная.

— *Ностальгия по ней сейчас стала нарастать.*

— Ну хорошо, получили независимость — напильсь, а дальше-то что?! Смотреть больно! Теперь они рвут двери НАТО! И что они нашли в нем? Парфюмерию, а не напитки. Наши, в отличие от их,— настоящие, крепкие, хоть в моторы заливай зимой. Не подведут! Мне кажется, в глубине души соседи, оказавшиеся теперь за забором, сожалеют о том, что в свое время погорячились, а признаться вслух — стесняются. Я считаю, что была допущена грандиозная, историческая ошибка. В свое время Володя Высоцкий правильно отметил, что пить в одиночку — последнее дело. Так ведь не прислушались! Но время показало: кто был прав. Нет, уж если пить, то только всем вместе.

— *И только «За дружбу!» и «За любовь!»*

— Как видите, это еще один «плюс». После долгих размышлений я решил предложить Президенту новой, демократической России воздвигнуть в стране свою Статую Свободы. Только, в отличие от американской, образ ее должен быть национальнее по форме и глубокомысленнее по сути. Статуя должна взметнуть в небо вместо факела — наполненный бокал! Факел несет людям свет — и только! А содержимое бокала будет нести: истину, радость и ядерный дух неукротимой свободы! В другой, опущенной руке, следует закрепить пакет с бутербродами. Он будет символизировать связь с бытием. Заземление, так сказать. Я уверен, что народ горячо поддержит эту идею. А Госдума будет рада лишний раз пройти перед их Конгрессом с высоко поднятым носом.

— *Я за подобное соревнование с Америкой.*

— Ну, а я засчитаю ваш голос — первым в поддержку моей идеи. От вас сегодня уже второй в мою копилку! И я решил пригласить вас сопровождать меня, когда я ее полную понесу в подарок Вакху.

— *Большое, под самую завязочку! — вам спасибо. Буду безмерно счастлива!*

— Заканчивая эту тему, я хотел бы спросить у вас: чем, по-вашему, птицы отличаются от рыб?

— *Какой странный вопрос! И (с показной строгостью) вопросы здесь задаю я!*

— Но, ваша честь, пощадите меня хоть раз.

— *Ну, хорошо, отвечу: эти — летают, а те — плавают.*

— Верно, а главное: летают птицы потому, что они пьют меньше.

— *Убедили. Продолжим и мы наш «полет»?*

— Да, конечно, не выпрыгивать же нам из него на лету. Хотя с вами я, пожалуй бы, рискнул.

— *А как вы отнеслись к смене названия «милиции» на «полицию» в нашей стране?*

— Вы знаете, я еще застал время, когда «моя милиция», как назвал ее Владимир Владимирович Маяковский, меня берегла. По-настоящему. А слово «полиция» для моего уха и духа воспринимается как слово «жандармерия».

— *Мы с вами назвали три беды нашей страны. Но уже явственно маячит четвертая — взяточничество, воровство.*

— Казалось давно ли чеховский персонаж в рассказе на эту тему «Мелюзга» рассуждал так: «Украсть нешто? Украсть-то, положим, не трудно, но вот спрятать-то мудрено. В Америку, говорят, с краденым бегают... Для того, чтобы украсть, тоже ведь надо образование иметь». С образованием у нас все в порядке, оно — высокое: «Пришел. Увидел. Утащил». Постучат в дверь с вопросом: нет ли у вас спичек? А в итоге — исчезнет из дома рояль.

— *А вы неточно цитируете Юлия Цезаря.*

— Оговорился, давно его не перечитывал, но вдумчивый ваш читатель меня поймет. А вот, пожалуй, насчет Америки — она далеко. Не стоит тратиться. Есть страны гораздо ближе — Англия, например. Можно уверенно сказать, что именно Британии Великой ристалища стали для жуликов больших — надежными пристанищами. Но мысль о том, что прежде чем украсть, надо хорошенько подумать: куда и как спрятать украденное — рациональна. Опять я не могу удержаться, чтобы и здесь не проявить свою инициативу. Я предлагаю ввести в календарь России «День», а может быть и «Праздник жулика». А почему бы и нет? Я уверен, что отмечаться он будет массово, повсеместно и весело. Тогда хоть сразу будет видно: кто есть who?

— *В вашем обществе, я поняла,— не соскучишься.*

— Но вы же не за этим ко мне пришли?

— *Нет, конечно. Высказанные вами мысли-предвидения, порой в шуточной форме, порой с явной горечью, вдруг привели меня к идеи положить начало составлению гипотетической энциклопедии человеческой цивилизации будущего!*

— Ну, что ж, пожалуй. При всем реальном развитии событий нам не стоит терять чувство юмора, поскольку он — наш лучший ментор при любой общественной системе. И давайте мы побольше посмеемся над собой сейчас, извлекая нужные уроки, чтобы потом меньше пришлось бы плакать нашим внукам, оказавшимся из-за нашего головотяпства в совсем негипотетическом антимире. Побеждает тот — кто смеется. Юмор — это шахматы ума. Королевская игра, если хотите. Истинный смех — это смех среди равных. Я познаю людей по тому, как они шутят. Мой опыт показал, что самый надежный и короткий тест: рассказать человеку что-нибудь смешное, а затем наблюдать его реакцию на это. Наш великий поэт-жизнелюб, с артиллерийской фамилией, салатовал веселости человека как «бесценному качеству, едва ли не самому редкому из даров».

— *Пу-ушкин.*

— Безусловно.

— *Вы, конечно, человек достойный, но было ли что-то в вашей жизни, о чем не хочется вспоминать?*

— Однажды в приличных условиях меня пытались затащить в постель, но я глупо упирался.

— *Звучит самокритично.*

— В свое время Наполеон сказал, что род человеческий обладает двумя великими добродетелями, которые следует уважать бесконечно — это мужество мужчин и целомудрие женщин. По-видимому, меня остановила тогда нерешительность на нерегулируемом перекрестке этих самых добродетелей: я боялся попасть в аварию. Классическое, прямо-таки гамлетовское, состояние: «Быть или не быть?».

— *А вот это уже очень серьезно.*

— Он (*в задумчивости*): Прилавку с роскошью любовных наслаждений платить придется пропастью душевных откровений. Пропойте, Ангелы, под звуки гимна: Любовь, подаренная Богом, — всегда взаимна!

Скорее всего ангелы взаимности в это время порхали над кем-то другим.

— *Тут я с вами совершенно согласна: разве за всеми уследишь. И, в заключение, особый вопрос: вы избегаете давать интервью. Почему?*

— У меня для этого есть веская причина. Дело в том, что нынешних «рыцарей пера и линзы» не могут остановить ни чужая дверь, ни чужая спальня, ни, даже, чужое одеяло. А я, понимаете ли, с детства боюсь... щекотки.

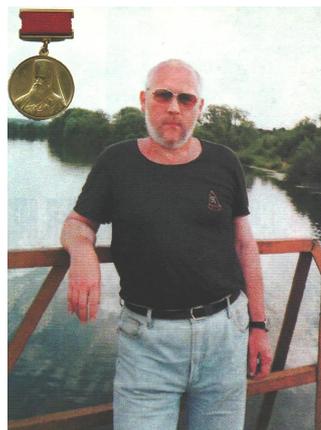
— (*Смеется*). *О-о-Кей! Учтем! Спасибо вам за интервью. Ваши ответы — нестандартны.*

— Я знаю по своему опыту, что вы — мобилизованные СМИ — все равно переиначите сказанное мною и выдадите свое представление. Поэтому я и решил пойти вам навстречу. Мне забавно узнать, каков будет ваш комментарий. Если получится что-нибудь толковое, то мы сможем встретиться с вами снова. И вот тогда ПУСТЬ ОТ УДАЧИ ВАМ БУДЕТ БОЛЬШЕ СДАЧИ! А сегодня, благодаря вам, я провел, давно откладываемый, «разбор полетов» своих размышлений.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Алексей Афанасьевич Яшин — главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих российских, белорусских и международных литературных премий. Образование получил в Тульском политехническом институте, Ленинградском госуниверситете и Литературном институте им. А. М. Горького Союза писателей СССР. Ученый-биофизик, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, лауреат премий Комсомола, им. Н. И. Пирогова и Макариевской премии 2022-го года.

Известный российский писатель, прозаик и литературный публицист, Алексей Яшин родом из мурманского Заполярья, родился в 1948 году в семье военного моряка-североморца Афанасия Андреевича Яшина, участника Финской кампании и Великой Отечественной войны в составе Северного флота СССР, и Марии Андреевны Яшиной (Третьяковой). Отец, из калужских староверов-«поповцев», служил на Северном флоте с 1936 года; мать из архангельских поморов, приехала в Заполярье после войны. До 1966 года семья проживала на маяках Кольского залива: Белокаменском, Палагубском, островов Седловатого и Большого Оленьего, затем в Полярном — до 1950-х годов главной базы Северного флота, ныне Городе воинской славы и главной базы Краснознаменной Кольской флотилии Северного флота. В 1966 году семья переехала в Тулу.

После окончания радиотехнического факультета Тульского политехнического института два десятка лет трудился в Конструкторских бюро Тулы, участвуя в разработке спецтехники по линии Оборонпрома СССР в должностях инженера-конструктора, руководителя группы, начальника патентной службы. Одновременно заочно учился на матмехе Ленинградского госуниверситета и в Литературном институте им. А. М. Горького Союза писателей СССР, защитил диссертации кандидата и доктора технических наук в Московском авиационном институте. С начала 1990-х годов, как сам А. А. Яшин говорит, «сменил радиофизику на биофизику», стал первым заместителем — замом по науке директора Государственного НИИ новых медицинских технологий и профессором Медицинского факультета (сейчас института) Тульского госуниверситета, где трудится и поныне. Защитил диссертацию доктора биологических наук, получил ученые звания профессора по кафедре ЭВМ и профессора по специальности «Медицинские приборы и системы». Был удостоен званий Заслуженного деятеля науки РФ, Почетного радиста России. Создатель и руководитель всероссийских научных школ «Биофизика полей и излучений и биоинформатика» и

«Живая материя и феноменология ноосферы», в рамках работы которых А. А. Яшиным подготовлены 10 докторов и 20 кандидатов технических, биологических, медицинских, физико-математических и педагогических наук. Заместитель главного редактора и член редколлегии ряда всероссийских научных журналов (Москва, Тула, Самара). Автор 1015 научных работ, в том числе 60 монографий, 40 изобретений и двух зарегистрированных научных открытий. Лауреат научных премий Комсомола, им. Н. И. Пирогова и старейшей в России Макариевской премии за 2022 год. Награжден медалями им. А. Нобеля, В. И. Вернадского, Н. И. Вавилова, И. П. Павлова, С. П. Боткина и И. М. Сеченова. Удостоен академических званий «Основатель научной школы», «Заслуженный деятель науки и образования», «Почетный изобретатель Европы» и «Почетный деятель науки Европы» (Германия, Ганновер). Почетный член (консул) Кембриджского международного биографического центра (Кембридж, Англия). Его имя внесено в различные энциклопедии и биографические словари России, США, Англии и Швейцарии, в «Википедию». Действительный член ряда российских, зарубежных и международных академий, в том числе Российской Академии военных наук.

В литературу Алексей Яшин пришел, по его словам, *наитием*: увидел в «Литературной газете» весной 1975 года объявление о приеме в Литинститут, написал положенное число страниц прозы для участия в творческом конкурсе, поступил и окончил «Школу Горького» (она же «Дом Герцена») в 1981 году (семинар Бориса Михайловича Зубавина — первого главного редактора возобновленного «Нашего современника»). Первая публикация тогда же в свердловском «Уральском следопыте» — с тем же тиражом, что и популярнейшая «Юность». До окончания советского периода истории страны успел издать в Приокском книжном издательстве сборник рассказов и повестей «На островах» (дипломная работа в Литинституте), роман «В канцелярии», повесть «Канторский детектив» в журнале «Ясная Поляна»; был принят в Союз писателей СССР (по рекомендациям Ивана Панькина, Юрия Щёлокова и Сергея Галкина).

Начиная с книги «В канцелярии» (1991), в романах «В конце века» (2001), «Историк и его История» (2004), «Подводная лодка «Капитан Старосельцев» (2006), «Любовь новоурюжского периода» (2009), «Страна холода: Детство в Гипербореях» (2009), «Катехизис идеалиста» (2010), «Сны и явь полковника Хмурова» (2011) и так далее (на сегодняшний день издано три с половиной десятка книг*), Алексей Яшин «параллельно» развивает две свои основные темы: советское Заполярье и Северный флот СССР по памятным впечатлениям детства — отрочества — юности и наша современность, включая уникальный цикл полутора десятков романов-новеллино под объединяющим названием «Книги рассказов Николая Андреяновича»... это как у Бальзака «Человеческая комедия» или «Великие творческие эпохи» Ромена Роллана... но автору, конечно, ближе пушкинские «повести Белкина».

Отметим, что о творчестве Алексея Яшина можно прочитать в книгах-исследованиях: Леонид Ханбеков, «Тульский энциклопедист: Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина». — М.: «Московский Парнас», 2008; Наталья Квасникова, «От сатирика слышу!.. Одна из ипостасей творчества Алексея Яшина». — М.: «Московский Парнас», 2013; Владимир Трусов, «Иронический оптимизм сожаления: Тетралогия Алексея Яшина». — М.: «Новые Витражи», 2020, а также в недавно изданной книге ведущего литературного критика из Белоруссии Людмилы Воробьевой «Миг надежды, чуда, вдохновенья... Литературная критика». — М.: Ред.-издат. дом «Российский писатель», 2022. — 608 с. (С. 265—310). — Без труда можно найти на сайтах интернета.

* С книгами Алексея Яшина, изданными преимущественно в издательстве «Московский Парнас», а также в тульских издательствах и в издательстве «Новые Витражи» (Москва), читатель может ознакомиться в библиотеках Тулы и на сайтах журнала «Приокские зори» www.pz.tula.ru и ТО СПР www.tro-spr.ru (в PDF-форматах).

Литературный процесс «не едиными своими книгами движется». Так и Алексей Яшин активно публикуется практически во всех известных литературных журналах: от изданий с «советской биографией» — «Север», «Подъем», «Дон», «Дальний Восток», «Уральский следопыт» до возникших на рубеже веков и тысячелетий и занявших достойное место во всероссийском литературном процессе: «Московский Парнас», «Бийский Вестник», «Огни над Бией», «Врата Сибири» (Тюмень), «Гарские ворота» и «Иртыш — Омь» (Омск), «Северо-Муйские огни» (Северомуйск), «Истоки» (Красноярск), «Параллели» (Самара), «Донская сотня», «*Literra*» (Москва), «Смоленский литератор», «Общеписательская Литературная газета» (Москва), «Русскоязычная Америка NY» (Нью-Йорк)... Можно еще с десятков названий привести. Добавим сюда белорусские журналы, издающиеся в Минске: «Новая Немига литературная» и «Западная Двина». Всего порядка тысячи публикаций.

Многие из книг Алексея Яшина отмечены российскими, белорусскими и международными литературными премиями. На сегодняшний день он является лауреатом премий им. Л. Н. Толстого (дважды), А. С. Грибоедова, Г. Р. Державина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, В. В. Маяковского, Александра Фадеева, Валентина Пикуля, Ярослава Смелякова, Вениамина Каверина, премии «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова и «Московского Парнаса», премии им святителя Макария, митрополита Алтайского, дипломант П. Филофеевской премии, лауреат белорусских премий им. Симеона Полоцкого и им. Вениамина Блаженного.

Награжден Почетной грамотой Министерства культуры РФ и Благодарностью Министра культуры РФ. Кавалер литературных орденов «Г. Р. Державин», «М. Ю. Лермонтов» и «Владимир Маяковский». Награжден многими литературными медалями, в том числе «100 лет со дня рождения М. А. Шолохова», «100 лет со дня рождения Мусы Джалиля», «К 75-летию Литературного института им. А. М. Горького», «190 лет со дня рождения Н. А. Некрасова», «300 лет со дня рождения М. В. Ломоносова», Золотая медаль В. М. Шукшина и др.

...Опять же истинный писатель не стремится замкнуться в своем творчестве; вспомним, как Пушкин в своих письмах к князю Вяземскому восклицал, что мочи нет, как хочется издавать журнал. А Крылов со своей «Почтой духов», Некрасов с «Отечественным записками», Достоевский с «Временем», «Эпохой» и моножурналом «Дневник писателя»? Все это именуется активным участием в литературном процессе своей страны. Так и Алексей Яшин вносит свой (существенный) вклад в современную русскую литературу. Он не только публикуется во многих литературных журналах, но активно участвует в текущей работе некоторых из них: является членом редколлегии журналов «Московский Парнас», «Истоки» (Красноярск), «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия), «Западная Двина» (Минск, Белоруссия), нескольких тульских альманахов. Ареал его участия во всероссийском литературном процессе еще более расширился с избранием академиком и членом Правления Академии российской литературы, а также членом Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» — творческой организации русских писателей Белоруссии.

Однако высшей формой участия в общенациональном литературном процессе является именно инициация создания и редактирования всероссийского литературно-художественного журнала. Для Алексея Яшина эта «пушкинская мечта» сбылась в 2005 году. По совету Николая Николаевича Минакова, видного тульского писателя-публициста и литературного организатора, начиная еще с 70-х годов, когда он являлся заведующим сектором печати в обкоме КПСС, Яшин берется, что называется «с нуля», за издание «толстого» литературного журнала с данным им символическим названием «Приокские зори»... именно приокские, поскольку наша область граничит на западе и на севере с другими регионами именно по «самой русской реке» Оке.

Риторический вопрос: что движет человеком, особенно в наше неуютное во всех отношениях время, абсолютно без всякого внешнего финансирования и, что называ-

ется, без какой-либо «общественной поддержки», да еще при свершившейся в девяностые годы утрате массового читателя: своего рода литературной девальвации, когда на смену десяткам миллионов пришли — дай-то бог! — считанные тысячи? Все меркантильное, лавролюбивое и самолюбивое, карьеристское и пр. по части утилитарной этики здесь напрочь отбрасывается самим (уточняющим) содержанием заданного вопроса. Опять же все это не в характере человека со смешанным старообрядческим и военно-морским воспитанием, впитанным на арктическом берегу («А мы ребята семидесятой широты»)..

Попутно заметим, что именно в те же первые годы нового века и тысячелетия начали издаваться *практически все* современные журналы, названные выше (и с пяток неназванных), на которых сейчас и держится (рука не поднимается написать «теплится»...) русский, российский литературный процесс, наша литературно-художественная жизнь. Сказано к слову, но — многое объясняет и вселяет долю оптимизма. Эти журналы — дружественные «Приокским зорям», их главные редакторы хорошо нам знакомы, поэтому смело утверждаем: они «того же поля ягоды», что и главред нашего издания: истинные подвижники русской словесности, своего рода Дон-Кихоты эпохи безвременья и глобалистского расчеловечивания. Честь и хвала им! Здесь и добавить больше нечего.

...Тем более, что традиции издания «толстых» литературных журналов в Туле практически нет; только на рубеже 80—90-х годов несколько лет выходил журнал «Ясная Поляна» в «комсомольском формате». А становление нового периодического издания, создание работоспособной редакции и редколлегии (при нулевом финансировании, повторимся), главное — выработка и затверждение в сознании читателей и авторов своей, отличной от иных журналов, литературной, художественно-эстетической, идеологической и иной доминанты — дело архисложное, укладывающееся почти в десятилетие, требующее от главного редактора и его верных помощников неимоверных, не побоимся этого слова, усилий. Творческая организация издания имеет два логических удара; порой «коня и трепетную лань» приходится впрягать в громоздкую повозку, носящую название <имя рек> журнала.

Чтобы не растекаться мыслию по древу познания и знания, опустим прошедшие семнадцать лет «бури и натиска» и кратко аннотируем *status quo* сегодняшнего дня «Приокских зорь», не забыв выразить благодарность Тульскому госуниверситету, который в ректорство Эдуарда Михайловича Соколова — пусть земля ему будет пухом! — в первые семь лет (самые трудные) издания журнала бескорыстно печатал его тираж, то есть 250 экземпляров, что солидно по нынешним временам.

Итак, имеем (надеемся, ценим, что имеем...) с официальным статусом всероссийский ордена Г. Р. Державина (другие награды: медали Н. А. Некрасова и М. В. Ломоносова — основоположника современной русской поэзии) литературно-художественный и публицистический журнал, издаваемый под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, при организационной поддержке Тульского госуниверситета и Тульской организации (ТО) СПР. Журнал выходит ежеквартально под девизом «Журнал классической традиции» как печатный орган ТО СПР объемом 280—300 страниц. Форма издания: в электронном и в печатном (по заказам) виде. Журнал литературно шефствует над Северным флотом России. Включен в список периодических изданий, публикации в которых, согласно постановлению Правления Союза писателей России, засчитываются при вступлении в СПР.

В инфраструктуру журнала входят его четыре периодически издаваемых (от одного до трех выпусков в год) альманахов: литературно-художественные «Ковчег» (главный редактор Я. Н. Шафран) и «На крыльях Пегаса» (главный редактор Э. П. Георгиевский) и музыкально-поэтические «На лирической волне» и «Тульская сторонка» (главный редактор обоих С. В. Сенин). Также под эгидой «Приокских зорь» издаются две серии авторских книг: «Библиотека журнала «Приокские зори»

(издано под сотню книг) и «Приложение к журналу «Приокские зори» (издано три десятка книг). С 2009-го года за лучшие публикации в журнале «Приокские зори» решением редакции и редколлегии его авторам присуждается ежегодная литературная премия «Левша» им. Н. С. Лескова, имеющая статус всероссийской. Премия присуждается в четырех номинациях: художественная проза, поэзия, литературная публицистика, литературоведение и литературная критика.

...Много это или мало для журнала? Сложившееся мнение наших авторов и читателей со всего «земшара» (по В. В. Маяковскому): журнал «Приокские зори» — уникальное явление современной русской (российской) литературной жизни, неотъемлемая часть всероссийского литературного процесса. Не без основания в приокских регионах бытует мнение, что журнал «Приокские зори» с его обширной инфраструктурой во многом консолидирует творческие литературные силы Тульской и соседних областей. ...Мы из скромности не опровергаем это мнение.

О руководимом им журнале Алексей Яшин обычно отвечает словами известного «политического остряка», рейхсканцлера Германской империи Отто Бисмарка фон Шёнгаузена: «Русский долго запрягает лошадь в телегу, зато потом быстро едет». Дай бог, чтобы у каждого отечественного литературного журнала был такой запрягающий, при быстрой езде не сворачивающий с торной дороги, простирающейся по равнине русской словесности!

...Сам Алексей Яшин полагает началом своей профессиональной литературной деятельности окончание им Литературного института, а это уже юбилей: сорок лет!

Редакция журнала «Приокские зори»

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается.

Достаточное число авторов согласилось и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редакция журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

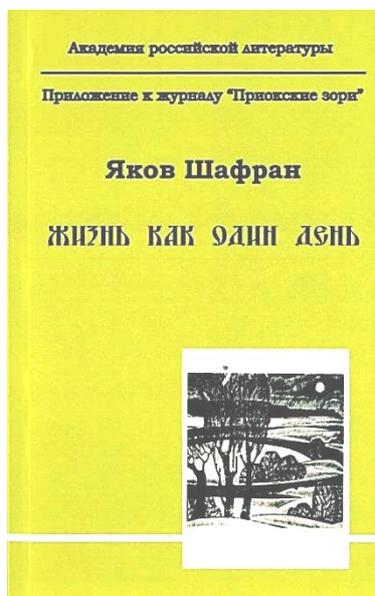
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляры в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в двух номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2022.— № 1—4. (Опубликованы материалы Алексея Яшина).
2. *Северо-Муйские огни*: Авторский литературный журнал.— 2022.— №№ 1—6 (опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
3. *Дым Отечества*. В поисках утраченного: Литературно-краеведческий альманах: ТРОПО «Знание», 2022.— Вып. 6 (Тула: ТППО) (Опубликованы материалы Геннадия Маркина, Владимира Сапожникова и Алексея Яшина).— 280 с.
4. *Людмила Воробьева*. Миг надежды, чуда, вдохновенья... Литературная критика.— М.: Редакционно-издат. Дом «Российский писатель», 2022.— 608 с. (На стр. 265—310 помещены очерки о произведениях Алексея Яшина).
5. *Отчизне посвятим*: Историко-литературный альманах.— 2022.— № 1(5).— 138 с. (Опубликованы материалы Елизаветы Барановой, Якова Шафрана, Алексея Яшина).
6. *Валерий Кулешов*. Зов ветра. Новая книга.— Тула: Аквариус, 2022.— 140 с.
7. *Валерий Савостьянов*. Похожая на образа: сто стихотворений о любви / После-словие Нины Гейдэ; худ. В. В. Волгин.— Тула: Аквариус, 2022.— 204 с., ил.
8. *Мы — дети Победы*: Художественно-краеведческий сборник.— Тула: Аквариус, 2020.— 272 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Ковчег*: Альманах журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, произведения о детях и для детей. Вып. 12.— М.: «Новые Витражи», 2022.— 329 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *На крыльях Пегаса*: Межрегиональный литературно-художественный и музыкальный альманах. Вып. 20.— Тула: Изд-во PRINT 71, 2022.— 360 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Алексей Яшин*. Жизнь как сон: Встречное путешествие во времени: Роман-новеллино (двенадцатая книга рассказов Николая Андреевича): Академия Российской литературы.— М.: «Новые Витражи», 2022.— 383 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *На лирической волне*: Музыкально-литературный альманах журнала «Приокские зори»: Песни, романсы, стихи, статьи, рецензии. Вып. 9.— Тула: Изд-во «Аквариус», 2022.— 92 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся два автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза;
- поэзия.

Звания лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

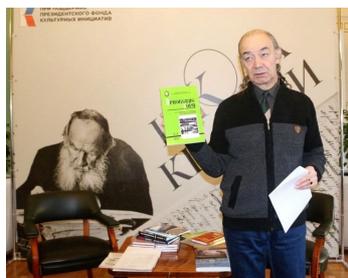
Итак, уважаемые авторы и читатели: объявлен конкурс на 2023-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

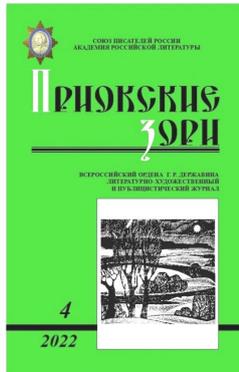
НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

Уважаемые члены Академии российской литературы!

В рубрике «ИЗДАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ АКАДЕМИИ» предлагаем вашему вниманию № 4, 2022 журнала «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» и Информационное письмо редакции журнала.

Материалы предоставлены членом Союза писателей СССР и России, членом правления Академии российской литературы, главным редактором всероссийского художественно-литературного и публицистического журнала «Приокские зори» Алексеем Афанасьевичем Яшиным.

Правление Академии российской литературы сердечно поздравляет издателей и авторов «Приокских зорь», желает всем доброго здоровья и новых творческих успехов!

НОВОСТИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Лидия Довыденко (главный редактор журнала «Берега», Калининград)

ПРИШЛО ВРЕМЯ СОЗДАТЬ КУЛЬТУРНЫЙ ФРОНТ РОССИИ

Приветствую идею Николая Петровича Бурляева о том, что необходимо создать «Культурный фронт России». «Пришло то рубежное время, когда мы должны представить этому обезумевшему миру русскую модель в области культуры, собрать тех, кто служит культуре, а не развлекательному бизнесу, очищать наши экраны и сцены от пошлости и мерзости, которые расплодились за эти 30 перестроечных лет вседозволенности, безответственности чиновников, позволявших и поощрявших то, что не является культурой. ...нужно реорганизовать министерство культуры, которое

превратилось в министерство развлечения. Нужно повышать ответственность чиновников за то, как они распределяют бюджет... Пришло время выведения культуры из рынка, эти понятия несовместимы. Как говорил Гоголь, сейчас идет главный бой — за душу человека. Мы его не должны проиграть. Поэтому создадим «Культурный фронт России»

* * *

ПАМЯТЬ

2 окт. 1974 ушел из жизни Шукшин. Он умер в каюте теплохода «Дунай» на съемках фильма «Они сражались за Родину»

* * *

ПИСАТЕЛИ О СЕРГЕЕ ЕСЕНИНЕ...

Алексей ТОЛСТОЙ: «Фамилия Есенин — русская — коренная, в ней звучат языческие корни — Овсень, Таусень, осень, Ясень — связанные с плодородием, с дарами земли, с осенними праздниками. Сам Сергей Есенин, действительно, деревенский, русый, кудреватый, голубоглазый, с задорным носом».

Георгий ИВАНОВ: «Наивность, доверчивость, какая-то детская нежность уживались в Есенине рядом с озорством, близким к хулиганству, самомнением, недалеким от наглости. В этих противоречиях было какое-то особое очарование».

Максим ГОРЬКИЙ: «...Даже не верилось, что этот маленький человек обладает такой огромной силой чувства, такой совершенной выразительностью. Читая, он побледнел до того, что даже уши стали серыми. Он размахивал руками не в ритм стихов, но это так и следовало, ритм их был неуловим, тяжесть каменных слов капризно разновесна. Казалось, что он мечет их, одно — под ноги себе, другое — далеко, третье — в чье-то ненавистное ему лицо. И вообще все: хриплый, надорванный голос, неверные жесты, качающийся корпус, тоской горящие глаза — все было таким, как и следовало быть всему в обстановке, окружавшей поэта в тот час. ...Взволновал он меня до спазмы в горле, рыдать хотелось».

* * *

НЕ ВСЕ ПОТЕРЯНО: в 2023 году школьники будут вновь изучать «Молодую гвардию» Александра Фадеева.

А ведь к этому произведению у читающих особенное отношение. Еще в 2016 году Союз писателей России направлял обращение в Думу и Совет Федерации с просьбой вернуть легендарный роман к изучению в российских школах. Что значит «Молодая гвардия» для будущего России?

Роман советского писателя Александра Фадеева «Молодая гвардия» был издан в 1946 году. За основу Фадеев взял существовавшую во время Великой Отечественной войны молодежную подпольную организацию с одноименным названием. Даже многие его герои — Олег Кошевой, Ульяна Громова, Любовь Шевцова, Сергей Тюленин и другие — являются прототипами.

Во время освобождения донецкого Краснодона в шахте № 5 обнаружили десятки трупов изуверенных подростков. Даже сложно себе представить, что это были дети. Нет, настоящие герои своего Отечества, которые отдали жизнь за борьбу с фашизмом.

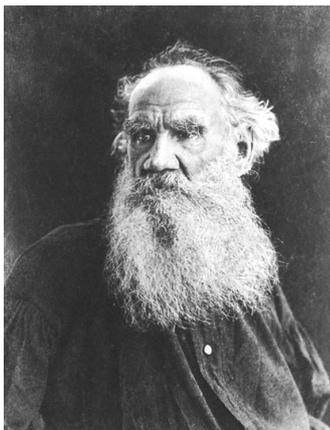
В СССР с 1918 по 1986 гг. роман «Молодая гвардия» являлся вторым по количеству изданных книг для детей. Общий тираж (это 276 изданий) составил более 26 млн. экземпляров.

* * *

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

7 ноября (20 ноября по новому стилю) 1910 года в 6 утра в Астапово в доме начальника станции Ивана Озолина умер Лев Николаевич Толстой.

24 Февраля — ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ — 1901 года.

ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ,

ИЗДАВАНІЯ

ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СУНУДѢ.

№ 8 ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ СЪ ПРИКЛАДАНІЯМИ. № 8

Опредѣленіе Святейшаго Сунуда,

отъ 20 — 22 Февраля 1901 года № 557, съ посланіемъ върннмъ чадамъ Православнаго Греческо-Россійскаго Церкви о графѣ Львѣ Толстомъ.

Святѣйшій Сунудъ, въ своемъ поповеніи о чадехъ Православнаго Церкви, охъ охраненіи ихъ отъ губительнаго соблазна и о спасеніи заблудящихся, имѣя сужденіе о графѣ Львѣ Толстомъ и его противохристіанскомъ и противосударственномъ лжеученіи, признавъ благовременнымъ, въ предупрежденіе варушенія мира церковнаго, обнародовать, чрезъ напечатаніе въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ», нижеслѣдующее свое посланіе:

ВОЖИЕВУ МИЛОСТІЮ,

Святѣйшій Всероссійскій Сунудъ върннмъ чадамъ Православнаго Клеолческаго Греческо-Россійскаго Церкви

о Гоеподѣ радоватися.

«Милнмъ вы, братіе, блгодѣете отъ творящихъ распри и раздоры, крохъ ученія, смуже вы научитесь, и уклонитесь отъ нилъ» (Римъ. 16, 17).

Иначачла Церковь Христова торѣла худы и наваленія отъ многочисленныхъ еретиковъ и лжеучителей, которые стремились испровергнуть ее и поколебать въ существованіи ея основанія, утвер-

* * *

КУЛЬТУРНЫЙ ФРОНТЪ РОССИИ

На площадке Государственной Думы создано движение Культурный фронтъ Россіи. Его поддержали своимъ присутствіемъ все фракціи, кроме «Новыхъ людей». Среди учредителей В. Гергиевъ, Т. Петрова, Ю. Башметъ, Д. Певцовъ, Д. Майдановъ, М. Шукшина, А. Пушковъ, А. Дугин и многіе другіе. Председателемъ избранъ Н. Бурляевъ, который особо подчеркнул роль Союза писателей Россіи, на базе региональных отделеній котораго и будетъ развиваться сеть отделеній по всей Россіи. В режиме видеоконференціи принимали участие С. Макаровъ из Краснодара, Е. Карпукъ из Курска, Т. Сушенцова из Казани, Л. Ивановъ из Тюмени, А. Дашко из Ульяновска, Ю. Мещеряковъ из Тамбова и другіе. На форумѣ выступилъ председатель правленія Союза писателей Россіи Николай Ивановъ. Онъ же вошелъ въ центральный штабъ движенія и сталъ сопредседателемъ Фронта.

* * *

ВЕЧЕРЪ ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА КОСТРОВА

1 декабря въ Шолоховскомъ залѣ Союза писателей Россіи состоялся вечеръ памяти известнаго русскаго советскаго поэта Владимира Андреевича Кострова — одного изъ самыхъ выдающихся поэтовъ Россіи. С приветственнымъ словомъ выступилъ пред-

седатель СПР Николай Федорович Иванов. Много теплых слов в адрес Владимира Кострова произнесли первый заместитель СПР, издатель и общественный деятель Игорь Янин, секретарь СПР Анатолий Труба, поэт Василий Попов. Актер, писатель, поэт, кинорежиссер Игорь Черницкий поделился воспоминаниями о многолетней дружбе с Владимиром Костровым и прочитал его стихи. Актер, певец, композитор, продюсер, член СПР Николай Романов и певица Стелла Аргату исполнили песни на стихи знаменитого поэта. Трогательные слова в адрес покойного супруга произнесла вдова поэта Галина Степановна Кострова. Вечер вела поэт, драматург Нина Дьякова.

* * *

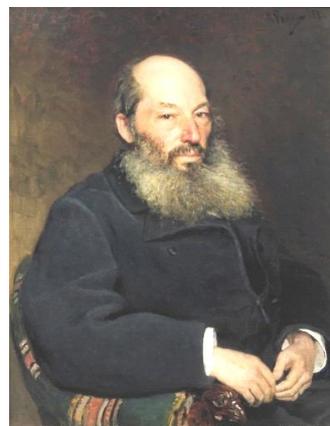
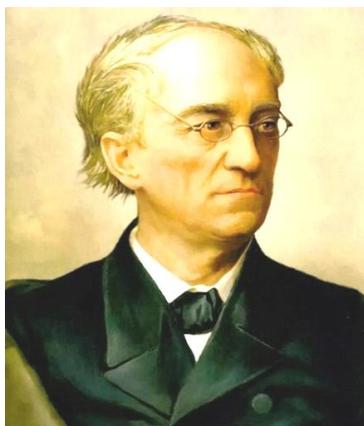
УКАЗОМ ПРЕЗИДЕНТА РФ председатель Союза писателей России Н. Ф. Иванов вошел в состав Президентского Совета по развитию гражданского общества и правам человека.

Накануне Николай Иванов встретился с председателем Совета Валерием Фадеевым. Помимо личного знакомства определялся и круг задач, которыми станет заниматься Председатель СП России в новой для себя структуре. Это, в первую очередь, ветераны СВО, обмен пленными, поиск пропавших без вести, в том числе жителей ДНР и ЛНР (с 2014 года). На повестке дня — взаимодействие с Комитетом солдатских матерей, вопросы защиты интересов детей, оставшихся сиротами. Не обойдены вниманием проблемы сотрудников ЧВК «Вагнер» и в том числе бывших заключенных, отстаивающих с оружием в руках интересы Отечества на Донбассе. Собственно, это вопросы, никогда не исчезающие из поля зрения писателей России, которые могут теперь с новым мандатом председателя усилить работу в этом направлении.

* * *

ВЕЛИКИЕ ПОЭТЫ

5 декабря, с разницей в 17 лет, родились наши великие поэты Тютчев и Фет. ...Это поэты, которых мы всегда и постигаем в соотношении друг с другом. Тютчеву нынче — 219, Фету — 202. Немалый срок, но спутниками нашими остаются по-прежнему.

100 ЛЕТ СССР

30 декабря 2022 года исполняется ровно 100 лет со дня образования Советского Союза. Век назад объединились Российская СФСР с Украинской, Белорусской ССР и Закавказской СФСР. В результате получился СССР, который на целые 70 лет объединил 15 социалистических республик.

На пике своего существования или на момент распада Советский Союз занимал 2-е место в мире по уровню промышленного производства — 16,5 % мирового объема и 7-е место в мире по уровню национального дохода (3,4 %). Территория СССР равнялась 1/6 обитаемой части суши на планете, население которой насчитывало порядка 293 млн. человек.

СССР подарила нынешней России основные ключевые достижения, которыми наша страна продолжает гордиться до сих пор. В первую очередь речь идет о победе в Великой Отечественной войне, полученной дорогой ценой. Благодаря героизму наших дедов и прадедов мир был спасен от фашистов-захватчиков, и для каждого русского человека эта победа имеет особое значение. А также создание ракетно-ядерного щита нашей страны, благодаря которому Россия существует до сих пор.

Не менее значимым стало для нас и покорение космоса. В один 1957 год космическая программа СССР совершила сразу два решительных шага вперед — первый в истории человечества запуск искусственного спутника Земли, запуск спутника с живым существом на борту. С замиранием сердца люди следили за запуском корабля «Восток» в 1961 году, когда смелый и улыбчивый Юрий Гагарин сказал легендарную фразу: «Поехали!». Это был первый полет человека в космос. Затем последовали полет первой женщины-космонавта (1963 год), орбитальная станция «Салют-1» (1971 год) и многие другие достижения.

Еще один дар от СССР, который унаследовала Россия,— это технологии «мирного атома». Это в Советском Союзе в 1954 году была запущена первая в мире атомная электростанция в Обнинске, а в 1957 году в воды Северного Ледовитого океана был спущен атомный ледоход «Ленин».

И сегодня советский и российский писатель, журналист, прозаик, сценарист, общественный и политический деятель, член секретариата Союза писателей России Александр Проханов говорит, что появление Союза «взбурлило, вскипятило, озарило человечество, подняло его на дыбы, открыло ему огромные ясновидящие, устремленные в бесконечность глаза».

«Это было сновидение человечества. Дремлющее в народах несогласие с земными уложениями, писаными слезами и кровью законами. Нежелание жить под железной пятой исторических обстоятельств, в которых люди обречены на страдания, на унылые беспросветные труды, на вечные, поселившиеся в народах распри, на бессмысленное кружение в лабиринтах истории с ее тупиками, жестокими казематами, мнимыми озарениями», — описал феномен СССР Александр Проханов.

(По материалам редакции «Регионов России»)

* * *

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

27 ноября 2022 года 90 лет со дня рождения **Станислава Юрьевича Куняева**, поэта, публициста, главного редактора журнала «Наш современник». Редколлегия и редакция «Приокских зорь» сердечно поздравляют с Юбилеем!

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

ФОРМИРОВАТЬ ПОВЕСТКУ ДНЯ В ОБЩЕСТВЕ

Секретариат Союза писателей России 20.12.2022 г. дал оценку деятельности русских писателей за рубежом. Находясь под беспрецедентным давлением, они продолжают работу по пропаганде русского слова, создают произведения на родном языке.

Решением секретариата за многолетнюю работу по пропаганде русской литературы за рубежом почетным знаком СП России «За заслуги в литературе» награжден руководитель Эстонского отделения Владимир Ильяшевич. Этой же награды удостоен давний друг Союза писателей, поэт из Минска Анатолий Аврутин.

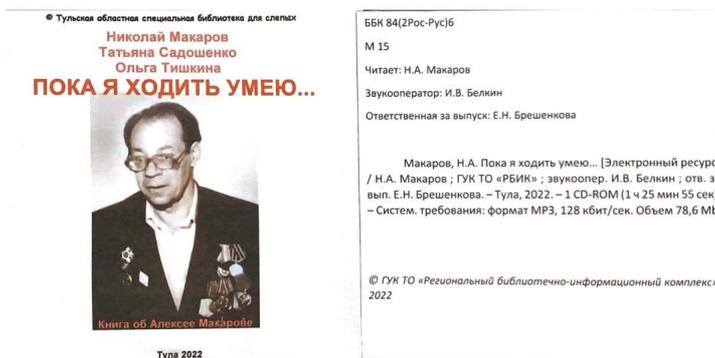
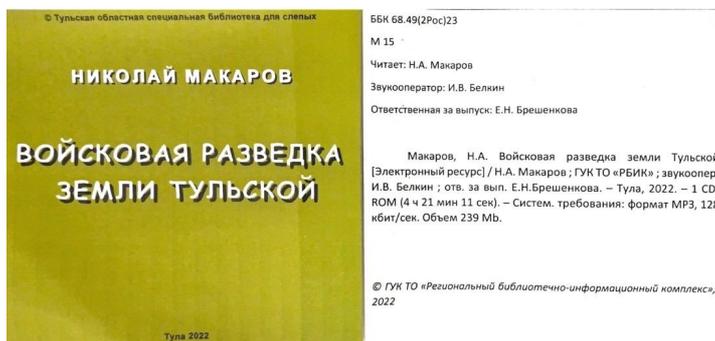
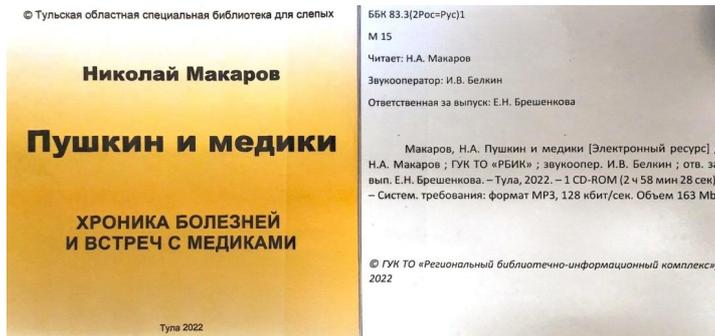
Лучшей писательской организацией за 2022 год признана Ярославская областная писательская организация (председатель — М. Халилов).

Почетной грамотой СП России награжден сирийский переводчик Ибрагим Истанбулли.

Эти и другие награды будут вручаться на съезде Союза писателей России 10 февраля.

* * *

В декабре 2022 года Тульская областная специальная библиотека для слепых ГУК ТО «Региональный библиотечно-информационный комплекс» выпустила аудиодиски в авторском исполнении книг Николая Макарова «Пушкин и медики: хроника болезней и встреч с медиками» (2 ч. 58 мин. 28 сек.), «Войсковая разведка земли Тульской» (4 ч. 21 мин. 11 сек.) и «Пока я ходить умею...» (1 ч. 25 мин. 55 сек.).

* * *

В Туле вышла в свет книга члена Союза писателей России, Российского Союза ветеранов Афганистана Николая Макарова «Писатели-туляки — участники Великой Отечественной войны (1941–1945)».

Тула: Изд-во ТулГУ, 2023. 174 с. Автор-составитель: Макаров Н. А.

В книге собраны биографии писателей-фронтовиков: рожденных, живших и трудившихся на Земле Тульской, а также писавших в своих произведениях о Туле.

Писатель выражает благодарность за помощь в работе над книгой Марине Шуманской (Тульская областная научная библиотека) и Антону Калинин (Издательство ТулГУ).

* * *

ПИСАТЕЛЬ И ВОЙНА

Рецензия на книгу Н. А. Макарова «Писатели-туляки — участники Великой Отечественной войны (1941—1945)»

Книга «Писатели-туляки — участники Великой Отечественной войны» — это не только военно-литературный энциклопедический справочник, а книга, полная размышлений о смысле жизни, предназначении человека на Земле. В канву книги, как нельзя лучше, легли не только энциклопедические данные на писателей-фронтовиков, но и выписки из фронтовых приказов о награждении их за воинские подвиги, главы из их литературных произведений, а также отзывы литературных критиков и читателей на их писательский труд. На мой взгляд, это украшает книгу и дает читателю возможность более объективно и всесторонне ознакомиться с ратным и творческим трудом тульских писателей, с тем литературным наследием, которое они оставили потомкам.

В книге говорится о писателях разных жанров и различной авторской манеры, но все они были движимы одним высоким желанием — разбить ненавистного врага, напавшего на нашу Родину, и сказать народу правду о той войне со страниц книг, журналов и газет. И чем больше вчитываешься в строчки о жизни писателей, чем пристальнее вглядываешься в их лица на фотографиях, тем отчетливее начинаешь понимать, что это именно они — писатели-фронтовики в первую очередь и составили боевые полки великой армии отечественной литературы. А потому сегодня, как никогда, мы имеем полное право сказать, что одна из вершин отечественной литературы в первую очередь связана с именами писателей-фронтовиков. В отображенных в книге главах из произведений писателей-фронтовиков, в их стихотворениях чувствуются глубины писательских сердец.

Например, в своих воспоминаниях писатель-фронтовик Алексей Сидорович Бондаренко рассказывает о том, как советский и польский солдаты плечом к плечу били врага и освобождали свои земли: *«...Через несколько дней дивизия имени Тадеуша Костюшко заняла исходные рубежи для наступления. Это было под совхозом «Ленино» той же Смоленской области. Меня командир полка послал офицером связи к соседям... Тяжелые это были бои, каждый метр земли был полит кровью польских и наших солдат. Тяжелым было боевое рождение в том 1943 году Польской народной армии. Получил тогда свое первое ранение и я...»* (А. С. Бондаренко, «Пан-капитан»). Из книги Н. Макарова «Писатели-туляки — участники Великой Отечественной войны»).

Сегодня, принимая во внимание непростые отношения двух стран — России и Польши, этот рассказ актуален как никогда. Серьезная по объему и содержанию, количеству личностей книга становится, по сути, уникальным военно-историческим и литературным энциклопедическим справочником для библиотек, музеев и учебных заведений. Не меньший интерес книга вызовет и у массового читателя.

*Геннадий Маркин,
член Союза писателей России.*

ПОЗДРАВЛЕНИЯ С НОВЫМ ГОДОМ И РОЖДЕСТВОМ

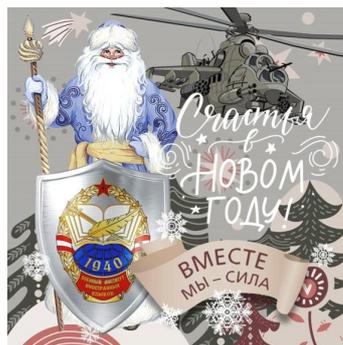
Дорогие друзья! Правление Академии российской литературы поздравляет всех с наступающим 2023 годом! От всего сердца желаем доброго здоровья, новых больших литературных успехов, благополучия и реализации творческих планов!

Правление АРЛ

* * *

Уважаемый Алексей Афанасьевич! Поздравляем Вас и весь коллектив редакции журнала с наступающим Новым, 2023 годом! Пусть он будет удачным для всех и уберезет нас от напастей в личных и творческих делах.

С уважением, Людмила и Геннадий Авдеевы.

* * *

Уважаемый Алексей Афанасьевич, поздравляю Вас и ваших близких с наступающим Новым Годом, желаю крепкого здоровья и успехов в вашей многогранной деятельности. Хороших авторов и тиражей для журнала!

Крепко жму руку — ваш автор Б. Григорьев.

* * *

Уважаемые коллеги, поздравляем вас с Новым, 2023 годом!

Искренне желаем вам и вашим близким крепкого здоровья, быть стойкими и активными в столь непростое время, не изменять своему предназначению в творческом процессе. Стройте планы, добивайтесь целей, радуйте себя новыми успехами и достижениями. Будьте здоровы и счастливы!

Олег Зайцев,

*председатель РОО «Беллитсоюз «Полоцкая ветвь»
и Владимир Леонтьев, председатель Совета и Президиума
Совета РОО «Беллитсоюз «Полоцкая ветвь»*

* * *

Здравствуйте, Алексей Афанасьевич!

Спешу поздравить Вас в самые первые дни нового года с его торжественным наступлением везде и повсеместно, а также с выходом очередного номера всеми нами любимого журнала «Приокские зори»! Отраднo заметить тот факт, что мое скромное литературное творчество не осталось Вами незамеченным и получило свое отражение в очередном номере журнала. От души желаю Вам лично и всем сотрудникам журнала новых трудовых свершений, ярких побед и достижений, крепкого здоровья, радости и счастья.

*С любовью из солнечного Казахстана, из Семипалатинска —
Николай Тимохин.*

* * *

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

С Новогодьем Вас и Рождеством!
Здоровья, радости и творческих удач!

**С признательностью,
Людмила Воробьева.**

* * *

Дорогие Алексей Афанасьевич и Яков Наумович, здравствуйте! С Новым годом вас!

Игорь Егоров, г. Омск.

* * *

Алексей Афанасьевич, от души рад за Вас и поздравляю с получением звания лауреата Макариевской премии. И с Новым годом!

**С уважением и пожеланием здоровья и новых побед!
Сергей Лебедев.**

* * *

* * *

Редакция «Приокских зорь» благодарит В. Г. Виноградова, С. О. Крестьянкина, Н. А. Макарова, О. В. Пантюхина, А. А. Яшина за материальную помощь в издании этого номера.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) поля файла обычные;
- 2) фотографию автора размером 4×5 см поместить справа;
- 3) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14, — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

4) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.

5) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;

6) текст стихотворений выравнивать по левому краю с отступом 3...4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный. Заголовки (названия) стихотворений размещать по центру стихотворения, шрифт — полужирный;

7) стихотворения не присылать «на выбор», общий объем представленного материала — не более 5—7 стихотворений (шрифт Times New Roman, размер 14, междустрочный интервал — единичный). Для поэмы объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле с фотографией. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) фотографию автора — поместить справа (размер фотографии — 4×5 см);
- 2) имя и фамилию автора (шрифт: размер 14, полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже, левее фотографии, выравнивание по левому краю (шрифт: размер 16, полужирный, регистр — все прописные);

4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5;

5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт: размер 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10—12 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: astashkin_55@mail.ru — зав. отделом прозы Евгению Ивановичу Асташкину; поэзию — по адресу: timohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru

*С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»*

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран, Е. И. Асташкин
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 31.03.2023
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20